

88.372

Б89

УДК 808.2-085(082)

С

ББК 81.2Р

12142 С28

ОУНБ им. Горького

1415066

Введение

А. А. БРУДНЫЙ

С28

Психологическая герменевтика.

М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.: ил.

Редакторы: И.В. Пешков, Г.Н. Шелогурова

Рецензенты: доктор психологических наук В.Ф. Петренко
доктор философский наук А.П. Назаретян

43

Рекомендовано в качестве учебного пособия по курсу «Общая психология» кафедрой общей психологии психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Третье, исправленное и дополненное издание книги академика А.А. Брудного, которая является единственным на русском языке учебным пособием по герменевтике. Новизна применяемых автором методов анализа проблем понимания органично сочетается с доступностью их изложения.

Для филологов, психологов, психолингвистов и педагогов.

ЛР № 065483 от 28.10.97 г.

Подписано в печать 11.05.2005. Формат 84×108/32.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 17,64. Тираж 1000 экз.

Заказ № 2325.

Издательство «Лабиринт - МП». Москва, а/я 81.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА». 610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

УДК 808.2-085(082)

ББК 81.2Р

ISBN 5-87604-044-4

© А. А. Брудный
© Лабиринт, 2005

ПОНИМАНИЕ, ПОНИМАНИЕ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Пониманию нет границ.

Осип Манделштам

Точка Омега

Главные слова в германском гимне: “Германия, Германия превыше всего”, и все немцы их знают. Если когда-нибудь будет написан гимн для всего человечества (кажется, этого уже недолго ждать), в нем, наверное, будут слова: “Понимание, понимание превыше всего”. Ведь без понимания реальности, без понимания друг друга люди просто не смогли бы существовать.

Это представляется очевидным. Но не менее очевидно и иное, противоположное суждение. Персонаж одной философской повести, признавая, впрочем, что он плохо знает людей, говорит: “Я знаю только, что они способны на любые крайности, на самую крайнюю степень тупости и мудрости, жестокости и жалости, ярости и выдержки. У них нет только одного: понимания. Они всегда подменяли понимание какими-нибудь суррогатами — верой, неверием, равнодушием, пренебрежением. Как-то всегда получалось, что это проще всего. Проще поверить, чем понять. Проще разочароваться, чем понять”.

Противостоят ли друг другу эти высказывания?

Как берега одной реки.

Понимание необходимо.

И его всегда недостаточно.

Поэтому необходима наука понимать. Поэтому написана книга, которую вы только что раскрыли. Она преследует цель двоякую: рассказать о процессе понимания и одновременно несколько развить свойственную вам способность понимать. Способность эта

Стругацкие А. и Б. Улитка на склоне // Волны гасят ветер. Л., 1989. С. 45.

свойственна всем людям без исключения, развивается она спонтанно, сама, и в массе случаев довольно успешно. Но ее можно поднять и выше среднего уровня — это в силах современной психологии.

Освальд Шпенглер писал: “XIX век был веком естествознания, XX век станет веком психологии. Мы уже не верим во власть разума над жизнью. Мы чувствуем, что жизнь господствует над разумом... Оставаться хозяевами фактов для нас существеннее, чем стать рабами идеалов”. Писалось это когда XX век был еще молод, и он взялся было опровергать пророчества Шпенглера: история еще не знала такой веры в идеалы (истинные или ложные — вопрос другой), не знала она и таких достижений естествознания и такого господства непреложных фактов над яростными попытками освободиться от их власти, попытками их изменить, замолчать или опровергнуть. Но вот век кончается и становится все более ясно, что Шпенглер просто разделил судьбу всех пророков — он заглянул слишком далеко вперед и исполнения своих прорицаний не увидел. Они стали сбываться только ныне, на исходе столетия — это наступающий век становится веком психологии, это сейчас человек оценил силу и значение великой мечты — стать хозяином в мире фактов.

Для того, чтобы эта мечта осуществилась, и нужна наука понимать.

Науке о понимании много лет. Это герменевтика².

Наука понимать — это постгерменевтика³.

Она формируется под влиянием радикальной психологии и психолингвистики. Постгерменевтика представляет собой проявление и следствие экспериментального подхода к анализу проблемы понимания, это попытка создать в сознании (и подсознании) читателя установки, ориентированные на понимание смысла текстов и реальности, стимулировать волю и понимание, развить способность понимать как одну из важнейших сущностных сил человека.

Человек — это порождение природы и общества. Он не примиряет их — он их понимает, ибо принадлежит им обоим. Благодаря пониманию человек способен действовать практически, а значит существовать. Понимание соединяет в единый узел познание и об-

щение, понимание позволяет проникнуть в скрытое, прорицать будущее, предупреждать опасность.

Наука

Первоначально это было нечто исконное, особый талант мыслить, переходящий от Учителя к ученику. Но выяснилось, не скоро, но выяснилось, что переходит знание, а не талант. Корни слов “наука” и “знание” разные. Наука — это способ познавать, а знание — результат применения этого способа. Наука есть творчество ученых, она меняется, она незаконченная, она живет, а в семантике “знания” этого оттенка нет, оно готово для трансляции, оно вообще готово по определению — на клинописной глиняной таблице или на дискете оно всегда продукт, а не процесс.

Процесс научного познания, его причины и правила, его метод способны повлиять на мышление, а знание — и на поведение. Идея Фрэнсиса Бэкона, состоявшая в том, что человека можно научить мыслить правильно, сыграла значительную роль в формировании образования и науки. Вероятно, Бэкон ожидал, как и все великие умы, результатов более впечатляющих. Но и поныне логики и философы ищут метод-гарант, предупреждающий ошибки, компас, указующий на магнитный полюс истины. Развитие научного знания свидетельствует, что истина постижима. Ее можно найти, ее можно понять.

“Поиск понимания, выявление внутренних закономерностей в некотором сложном и неясном аспекте реальности — основная цель науки. Однако довольно трудно точно определить, что такое понимание. Оно, очевидно, субъективно: что удовлетворит одного, не удовлетворит другого; разные культуры обладают разными стандартами того, что можно считать удовлетворительным объяснением; то, что удовлетворяло людей 100 лет назад, может теперь оказаться непригодным. Несмотря на всю расплывчатость и неопределенность этого понятия, субъективное чувство удовлетворения от понимания аспекта действительности оказывается очень сильным...”. Настолько сильным, что возникает сомнение — только ли о “чувстве удовлетворения” тут заходит речь? Да и о понимании ли тут надо говорить? Послушаем классика биохимии Чаргаффа.

“Мы верим, — говорит он, — что наши поиски приведут к пониманию, но они ведут лишь к объяснению. Даже разница между “понять” и “объяснить” совсем постепенно сводится на нет, что уж совсем непростительно. Приводят высказывание Эйнштейна: “Самое непонятное в природе — что ее можно понять”. Я бы сказал — “объяснить”. Это вещи совершенно разные, ибо мы мало что

¹ Шпенглер О. Пруссизм или социализм? // Современный Запад. 1923. № 1. С. 197.

² Если вас специально интересует радикальная герменевтика — ей посвящена книга *Carino I.D. Radical Hermeneutics. Repetition, Deconstruction and the Hermeneutics Project.* — Bloomington: Indiana University Press. — 1987. Весьма содержательное обсуждение см.: *Man and World.* 1988. V. 22. № 2, где опубликованы рецензия проф. Дж. Сэллеса и остроумный ответ Дж. Д. Кэйпато на его критические замечания.

³ См. в этой связи: *Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах “пост”* // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 56—59.

⁴ *Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. М., 1984. С. 34.*

понимаем в природе. Даже самая точная из точных наук витает над аксиоматической бездной, которую нельзя измерить”¹.

Математически образованные современники отнюдь не всегда понимали Лобачевского, который предпринял одну из первых удачных попыток в эту бездну заглянуть. Но даже если отвлечься от чисто теоретических построений и обратиться к сфере инженерно-технической, и там эта разница между “объяснить” и “понять” обозначится.

Главный кораблестроитель британского флота сэр Уильям Уайт, который “открыл эру кораблей волнующей красоты и мощи”, докладывал о постройке гигантских линкоров типа “Маджестик”. Адмирал Бересфорд все выслушал, “посмотрел морским глазом”² и сказал:

— Мы будем тонуть на этих кораблях, а сэр Уильям будет объяснять, почему мы потонули.

В первом же бою “Маджестик” получил пробонны, опрокинулся и затонул.

Бересфорд понимал. Уайт объяснял. Разница весьма велика. Бересфорд чувствовал, что “Маджестик” опрокинется. Он не умел объяснить, почему. Но он знал!

Вернемся к вопросу о науке.

Науку Герберт Спенсер сравнивал со сферой: чем она больше, тем больше площадь ее соприкосновения с неизведанным.

Это вполне относимо к пониманию: чем больше понято, тем больше, оказывается, надо понять еще.

Это относится и к науке понимать — чем глубже понимание, тем больше надо узнавать о том, кто понимает.

Необходимое условие существования человека — его осознанное взаимодействие с другими людьми. Взаимопонимание людей обязательно включает осознание их прав. Но переход от “мы” к “я” есть переход от понимания чувств, интересов и намерений других людей к пониманию самого себя. Легкость этого перехода — кажущаяся. “Утвердив свое существование и свои права, человек предпринял поиски самого себя, подобно рыцарям, коим их победы позволяли проникать во дворцы, где они ожидали узреть предмет своих грез, но находили только глубокие, уходящие во тьму перспективы”³. Многие не решаются уходить в глубины собственной личности, своего “я”. Для многих, занятых утверждением себя во внешнем мире, вообще закрыт путь к себе. Свои желания они знают очень хорошо. Самих себя — нет.

Обращение к индивиду, его личностным особенностям и возможностям вообще может дать очень многое. Сущностные силы человека (к их числу относится способность понимать) как бы выводят его за пределы сиюминутной действительности. Это стало ясно еще очень давно. “Мы верим,— писал некто (быть может, Х. Эспронседа) в 1834 г.,— что чувства человека выше его интересов, желания — больше потребностей, а воображение — шире реальности”. Как это верно. На том, что желания больше потребностей, построена, в сущности, вся психология рыночных отношений. То, что воображение шире реальности, позволяет строить виртуальные миры, семантически равномошные реальному. А не эта ли способность порождает гипотезу, игру, литературу? А разве не чувства людей лежат в основе собственно человеческих отношений между ними? Разве понимание — это только и исключительно рациональный процесс?

“Конечной целью каждой науки являются познание и понимание, что далеко не одно и то же. Мы обогащаем наши знания, собирая факты, и применяем различные методы, пригодные для нашей цели. Пока мы следуем по этому пути, мы свободны от какого бы то ни было элемента эмоциональности. Но дело обстоит по-другому, когда речь идет о понимании. Мы обнаруживаем, что нелегко дать определение пониманию, применимое для всех возможных случаев. Для всех проявлений понимания как в физике, так и в биологии общей является только какая-то чисто эмоциональная характеристика. “Понять” — до какой-то степени синоним “получить удовлетворение”. Такое удовлетворение — это чувство облегчения, знакомое только тем, кто сражался с “непонятым”⁴.

Вот снова это “чувство удовлетворения”, это “облегчение”. Но, заметьте, это все не психологи говорят. А. Гурвич был ученым очень большого, исключительного даже ума, хотя многие и говорили, что он заблуждался, понимал им же полученные экспериментальные данные “не так”. Не так понимал... Что его обманывало — чувство, разум?

Чувство... Да, понимание — это не только рациональный процесс. Но это и не только облегчение или удовлетворение.

Вспоминается, как, разговаривая с А. А. Реформатским (он любезно заинтересовался моими работами), я спросил его, что он имеет в виду под пониманием.

— Это шестое чувство — способность и чувство понимания,— сразу ответил он.

Мне, конечно, пришли на ум известные стихи Гумилева:

¹ Чаргафф Э. Горячка разума // Химия и жизнь.— 1978. №5. С. 64.

² По словам академика А. Н. Крылова. Выражения “военным глазом”, “морским глазом” многозначительны. Слова “увидел” и “понял” соединялись в одном семантическом пучке — тут О. Мандельштам совершенно прав.

³ Мальро А. Зеркало Лимба. М., 1989. С. 44.

⁴ Пишу “некто”, потому что точно еще никто не знает, кому эти замечательные слова принадлежат. См.: Вопросы литературы.— 1983. № 4. С. 167.

² Гурвич А. Г. Избранные труды. М., 1977. С. 174.

...Так некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуяв на плечах
Еще не появившиеся крылья...

Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кипит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Я переспросил:

— Так Вы считаете, что его еще нет?

Он усмехнулся.

— Ну как это “нет”. Оно прорастает...

Мне эта мысль представляется замечательной. Исторически понимание еще очень молодо. Чувство понимания прорастает у каждого. Оно способно расти. Оно вырастет до неизведанных еще масштабов и изменит нас.

Я не стал бы, конечно, ссылаться на этот разговор, не писал бы о нем, но не так давно встретил близкое по сути определение понимания, приводимое Н. Ильиной¹ в ее воспоминаниях об этом замечательном ученом и человеке.

Шестое чувство. Чувство чего?

И вот, я хочу предположить, что понимание — это чувство общения к бессмертию. Движение к точке Омега. Соединение с тем, что больше меня (неизмеримо!), но в то же время — и я.

К вопросу о точке Омега мы еще вернемся. Как и к многим другим вопросам, затронутым в этих вводных соображениях.

Иное пространство

Когда у одного из крупнейших физиков нашего столетия Макса фон Лауэ спросили, что такое образование, он, подумав, ответил, что образование — то, что остается у вас, когда вы забыли, чему вас учили. Эти слова часто вспоминали, но мало понимали. Идея Лауэ заключается в том, что у образованного человека формируется образ мыслей, и он поважнее фактов и формул. Иными словами, у образованного человека иной уровень понимания.

Жозеф де Местр отмечал, что те, кто совершил значительные открытия, менее всего были знакомы с трудами Бэкона, а его читатели и ценители в открытиях не особенно преуспели. Это правда, и тем не менее влияние Бэкона на развитие науки трудно преувеличить. В чем же дело? Видимо, дело заключается в образе мыслей, в том, что формируется в процессе учения, в том, что усваивалось и понималось “по Бэкону”.

¹ Ильина Н. Дороги и судьбы. М., 1991.

Соответственно и “наука понимать” есть способ понимания, который, по предположению автора, должен быть воспринят читателем, когда он закроет эту книгу... разумеется, в том случае, если он прочтет ее до конца, что не легко.

Вопросы, которые ставятся в этой книге различны. Среди них особое место занимает вопрос о понимании текстов культуры.

Культура и ее стержень — литература и искусство — обладают особой силой. Они могут, правда, ненадолго, переселить человека в иное пространство¹, мыслимое, семантически значимое, и это перемещение очень помогает жить. Одни способны попасть только на окраины этого пространства, где гремит тяжелый рок или незатейливая поп-музыка, ходят полуодетые особы, чьи имена тотчас же забываются, другие способны пройти дальше, услышать настоящую музыку, увидеть людей, города и горы, которые надолго остаются в памяти, а третьи уходят далеко в глубь этой вроде бы и не существующей страны и встречаются там с незабываемым, более реальным, чем серая или раскрашенная рекламными красками “настоящая жизнь”. Они встречаются там самих себя. Не двойников, конечно, хотя случается и такое. Они узнают там переживания и мысли, им близкие, начинают лучше понимать себя, друзей, врагов, прошлое и настоящее.

В этом мыслимом пространстве нельзя оставаться надолго. Но оно так помогает существовать в настоящем мире, помогает выдержать его давление. За этим оно и необходимо, все это огромное пространство — от “Битлз” до античной классики. Оно не всемогуще — Ницше, например, сломался. А классику Ницше знал профессионально, читал филологию в Базельском университете и когда сравнивал человека с натянутым луком, то, может быть, вспоминал Иосифа Флавия². “Чтобы лук не сломался, существует искусство”³, — писал Ницше. Он имел в виду, что искусство пробуждает и усиливает витальное чувство, которое уходит из человека по мере того, как его сгибает ложный мир социального.

Взаимодействие семантически значимого пространства с реальным миром было замечено очень давно — собственно говоря, все религии отсюда и возникли. Но и вполне свободомыслящие люди ощущали влияние этого пространства, чувствовали его значение, понимали его по-своему, вполне приземленно: это пространство было объявлено простым отражением действительного. Те, кто в этом пространстве был, как дома, те, кто его, собственно, созда-

¹ Семантическое пространство исследовали Ч. Осгуд, В. Петренко, А. Шмелев и другие ученые; правда, наша интерпретация семантического пространства несколько отлична от той, что они предлагают. Нам оно представляется сложно структурированным.

² “Мы немощны, и слабы сопротивляться римлянам, но лук натянут”.

³ Nietzsche F. Werke. Bd. I. 1899. S. 523.

вал, — люди творческие — защищались: “Мир существует. Было бы бессмысленно его повторять”. Оно, это пространство, бесспорно, похоже на реальный мир. Но оно его не повторяет.

Оно помогает его понять.

Это пространство выстроено с помощью достаточно сложных текстов, которые будучи структурно далеки от текстов научного содержания, в познавательном отношении им зачастую не уступают¹.

Текст

Наука понимать соединяет эти два пространства — реальное и мыслимое, изучая то, что является у них структурно общим. Эта структурно общая для них черта — текст. “Нет ничего вне текста”, — говорит

Жак Деррида. И это одно из основных понятий, которым мы будем оперировать — текст. Воспроизводимая последовательность значимых элементов. Илья Пригожин² говорил: “Жизнь возникает всякий раз, когда возникает текст и соответствующий ему читатель”. Он описывал свои опыты и пояснял: “В условиях, далеких от равновесия, наблюдаются колебания, в которых налицо определенная последовательность, текст!”³. Это максимально широкая интерпретация. Применительно к нашей теме текст рассматривается как смыкающий компонент акта коммуникации. В тексте реальность представлена и сконцентрирована в доступной пониманию форме. В этом заключается его фундаментальная психологическая особенность. Анализ и обобщение экспериментальных данных, характеризующих психологические механизмы, порождающих различные варианты понимания текстов в процессе общения, показывает, что смысловая связь между компонентами текста есть форма связи между участниками акта коммуникации. Смысл выступает при этом в нескольких функциях: он скрепляет составные элементы текста, активно способствует репродукции его содержания, позволяет соотнести содержание каждого данного конкретного текста с действительностью. Тем самым смысл следует рассматривать в его отношении к памяти, к реальной действительности и к конкретным языковым средствам, образующим текст.

¹ Edschmid K. Frühe Manifeste Epochen des Expressionismus. — Hamburg, 1957. S. 34.

² См.: Зинченко В. П. Возможна ли поэтическая антропология? М., 1994.

³ Для тех, кто придает значение титулам, — президент Королевской академии Бельгии, лауреат Нобелевской премии и т.д. Но титулы дают современникам, а они могут и ошибаться. Есть иной критерий — рост значения мыслей ученого. По отношению к мыслям Пригожина этот критерий выполняется: интерес к ним продолжает расти.

⁴ Пригожин И. Мы только начинаем понимать природу // Краткий миг торжества. М., 1989. С. 314.

Понимание есть феномен, возникший в непосредственной связи с процессом общения и составляющий необходимое условие существования и построения текстов.

Почему я написал эту книгу

В книге вы встретите несколько повторяющихся имен. Они принадлежат и тем, кто ушел, и тем, кто пишет, работает. Мы вступаем с ними в общение, слушаем их, соглашаемся или не согла-

шаемся.

В этом состоит один из многих психологических приемов работы автора с читателем, здесь использованных. Специально они описываться не будут. Но надо оговорить, что относительно узкий круг упоминаемых авторов определялся не личными пристрастиями (я очень люблю поэзию Пастернака, но о ней даже в главе о балладах здесь ничего не сказано), а конкретными психологическими задачами развития способности понимать определенные структурные особенности текстов. Поэтому здесь представлен Е. Рейн, а не И. Бродский, например.

Читатель вправе посоветовать, что в тексте книги немалое место уделено сказаниям далекого прошлого. Но они заслуживают внимания. “Легенды и сказки — это отражение людей, человечества в некоем зеркале. То, что представляется прошлым, на самом деле есть будущее”, — утверждал Т. Стриблинг в замечательном, ныне забытом романе. Мысль эта не принадлежала, собственно, ему, но ведь так много зависит от формы ее выражения, а здесь она хороша. И мысль верна. Изучая народное творчество, мы изучаем не только прошлое, но и прообразы настоящего и будущего.

Говорят, что дверь в будущее трудно отворить. Вполне очевидно, что это так. Но закрыть ее просто невозможно, и сейчас мы убеждаемся в этом на собственном опыте. Чем бы не завершился кризис, который переживает наше общество (а он обязательно завершится, вечных кризисов не бывает), проблема понимания актуальности не утратит. Напротив, мы убедимся, что рост потребности в понимании будет сопоставим с ростом потребности в доброкачественных продуктах питания.

Наука понимать... Давайте попытаемся понять нечто, пригласив за стол одну из наших коллег. Ее книга так и называется — “Человек за письменным столом”. Книга эта точная, суховатая, глубокая, весьма далекая от теологии (оговорка необходимая, поскольку мы попытаемся понять дискурс, с религией внутренне связанный). Жан Жионно еще до мировой войны (второй) заявил: “Лучше живой трус, чем мертвый герой”. Это, конечно, вариация на тему библейскую. Из книги “Экклезиаст”. Но там не сказано,

¹ Стриблинг Т. Мегафон. М., 1948. С. 120. Написана эта книга была в 1934 году, а перевели ее у нас еще до войны.

что живая собака лучше мертвого льва. Отнюдь нет. Это живой собаке лучше, чем мертвому льву, — вот как там говорится. Псу живому лучше, кто спорит. Но лучше ли будет льву жить собачьей жизнью? Это великий вопрос. Это (на самом деле) вопрос о существовании культуры. Культура замещает достижение удовлетворения, удовольствия достижением ценности. А «ценность» — слово не случайное. За ценности надо платить. За что платишь, то и получаешь. А платить приходится. Хочешь быть человеком — иметь родину, жить свободно, чтить науку, ценить искусство, любить девушку, завести детей, быть порядочным — плати за это.

Тут уже надо стоять на своем, постоять за себя, быть верным, уметь рискнуть, сказать правду... «Свобода, родина, наука, искусство, любовь, семья, честь — все это очень опасные вещи». Даром это не дается. «Не помню, кто это сказал в ответ на разные медицинские предостережения: «Опасно жить — от этого умирают»».

Мне помнится, это сказал Станислав Ежи Лец. Офицер польской армии. Тот, кто говорил: «Когда вода поступает к горлу — выше голову!»

В дни серьезного кризиса, когда временами кажется, что «вода подступает к горлу», особенно важно понимать, что на самом деле происходит, что происходило и что еще только произойдет. А если вы захотите это понять, если у вас проснется воля к пониманию (очень важное условие), то вы будете держать голову выше, а значит — видеть и знать больше.

Жить от этого не легче. Жить от этого интереснее.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МИРА

Всем хочется понять. Огромная потребность в понимании.

Э. Доктору.

Мир, конечно, один. Он невообразимо велик. И мы, люди, лишь ничтожная его часть. Мы даже не знаем твердо, необходимая ли мы его часть — ведь немало случайностей сопровождало и обуславливало появление на свет человека. Некоторые видные ученые полагают, что люди в сущности одиноки в Галактике — так маловероятно в космическом масштабе стечение обстоятельств, в результате которого возник род человеческий. Мне, напротив, кажется, что мы не одиноки в окружающем нас мире, но не станем пока отвлекаться. Главное — мы есть в мире, и мы можем его понять.

Когда исследуют понимание, возникает необходимость условиться, что существуют три мира. На самом деле это три различающихся поля понимания и три неоднозначных способа понимать. Так что о «мирах» здесь говорится условно.

В одном мире: «что доказано, то и есть». Это мир логических построений, мир связанных суждений и умозаключений, математических моделей и аксиоматических методов.

В другом мире: «что есть, то и доказано». Это мир фактов, обладающих достоинством непосредственной действительности, мир, в котором на ночном небе висит красный Марс, а по ночным крышам бегают мартовские коты, стучат далекие каблучки, а в талом снегу гаснет недокуренная сигарета (сейчас ночь).

Мир 1

Это мир, о котором некогда было сказано: «факты — упрямая вещь», и сказано не случайно. Они упрямятся — факты. И ясно, с кем они не желают соглашаться.

Жюль Бордэ (а это был естествоиспытатель не из малых) мрачно говорил: «Логика оказывается бессильной в борьбе с фактами».

¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. М., 1989. С. 589.

² Там же. С. 589.

Но это не означает всеислия фактов. Объективный мир дан человеку фрагментарно, и он изменчив. Понимание требует достройки в уме видимого, воспринимаемого мира — достройки по *образующей*, то есть по той линии движения, которая образует систему. Так, никто из нас не видел Солнечной системы: общеизвестная модель с центральным светилом и планетами, вращающимися вокруг него по орбитам в плоскости эклиптики, целиком построена в уме и есть результат правильного понимания того, что мы видим. А видим мы движение светил по небосводу, и не более того. Днем оно одно, а ночью их много. И все. Для того, чтобы увидеть (и понять) больше, уже требуются приборы. Они окружают нас с детства, восполняя неизбежную фрагментарность восприятия фактов: даже для того, чтобы увидеть собственными глазами уже требуется элементарный прибор: зеркало (отражение в воде цвет глаз передаст неправильно).

Замечу, что прибор как предмет мира реального вызывает к своим показаниям как-то больше доверия, нежели логические конструкции. Но это к слову.

В процессе понимания мир непосредственно воспринимаемых фактов и мир суждений взаимно проникают друг в друга. Это позволяет людям жить и действовать, и до поры до времени они не замечают, сколь многое в их понимании и оценке фактов зависит от дислокации, от точки зрения того, кто смотрит на действительность. Казалось бы, за последние сто лет наша дислокация во Вселенной не изменилась: мы жили и продолжаем жить на поверхности той же планеты Солнечной системы и по тем же орбитам, расходясь и сближаясь, летят вокруг Солнца Земля и Марс. Но, взяв в руки XVIII том старого доброго Брокгауза и Эфрона, изданный 100 лет назад, читаем: “Марс — большая планета Солнечной системы”. Как же так? Это именно “не большая” планета. 6790 км в диаметре, много меньше Земли. Неужели тогда не знали... Нет, знали, конечно: “около 6600 км”, — пишется в старой энциклопедии — ошибка простительная. Но почему же это “большая планета Солнечной системы”?

А потому что ее *так видят*. На небосводе Земли она отнюдь не мала.

Видимый диаметр ее не изменился. Изменилась точка зрения. Дислокация человека в Солнечной системе. Раньше он видел планеты *только* на небосводе и замечал, что они блуждают среди неподвижных звезд; как будто бы и *planeta* значило первоначально “бродяга”. Теперь он увидел планеты с совершенно иной позиции: с борта космического аппарата, и понимание того, что большие планеты не обязательно велики на небосводе Земли, прочно вошло в сознание.

Заметьте, что по отношению к звездам дислокация наша осталась прежней. Для нас в абсолютном большинстве случаев (я провел выборочный опрос) “большими” являются яркие звезды нашего небосклона и об истинной их величине мы задумываемся мало.

Льпу себя надеждой, что, возможно, опубликованные ныне эти размышления подтолкнут какого-нибудь психолога 2098 года проверить, не изменился ли наш взгляд на звезды. Буде подобное изменение и вправду произойдет, оно отразит заметные изменения в дислокации человека во Вселенной.

Мир 2

Однако разграничительная линия между этими двумя мирами — “что доказано, то и есть” (1) и “что есть, то и доказано” (2) — становится особенно тонкой, напряженной, подвижной, когда общество (или природный фокус всех общественных отношений — человек) начинает требовать доказательств.

События произошли. Фрагментарность фактического мира становится злобнейшей: фрагменты обращаются в фундамент версии и обретают наименование вещественных доказательств. За дело берет специалист по решению так называемых неточных задач — следователь. В мире суждений возникает гипотеза о возможной ситуации: выстраивается версия. Вот что говорит специалист: “Прежде всего надо сказать, что гипотеза, признаваемая приемлемой, должна включать в себя все имеющиеся факты. Ни одно самое мелкое обстоятельство не должно ей противоречить. Во-вторых, все эти факты должны найти свое место в едином и связном ходе событий. Чем он проще, компактнее и закономернее, тем больше вероятия, что дело было именно так, а не иначе. Это мы называем реконструкцией обстановки. Гипотезу, которая согласует все установленные факты в наиболее связном и правдоподобном ходе событий, мы принимаем как несомненную”. Но количество имеющихся фактов не всегда достаточно. В действительном мире не всегда происходят самые вероятные события. И тем не менее другого пути нет: иначе нельзя построить убедительную версию. Называть ее несомненной — это дело внутреннего убеждения специалиста: убедит ли он суд? Судьи снова вернут дело на границу двух миров, если у них возникнет сомнение (только сомнение!) — это уже очень важно для обвиняемого. Ибо сомнение — таков старинный судебный принцип — толкуется в пользу обвиняемого. Помните о хлебопекке! Когда-то в Венеции на основании весьма убедительной версии был приговорен к смерти какой-то хлебопек. Приговор привели в исполнение. Когда “по вновь установленным обстоятельствам” (есть такой термин) удалось выстроить иную версию, более

¹ Это говорит доктор Мейзлик у К. Чапека. См.: *Чапек К. Собрание сочинений*. М., 1974. Т. 1. С. 385.

убедительную, хлебопек был признан невиновным, но... поздно. И во всех судах Венецианской республики появилась надпись: "Помните о хлебопеке!"

Не надо о нем забывать. Ведь зачастую за решение неточных задач берется человек без специального образования или, что гораздо опаснее, без всяких признаков способностей к их решению. Такие задачи не всегда решаются в судах. Иногда они решаются на собраниях. Иногда — в рабочем кабинете, насдине с собой. А иногда — в разговоре шепотом (чтобы не услышали) двух самых близких друг другу людей. Один мир властно вторгается в другой. И хотя факты — упрямая вещь, люди бывают еще более упрямы.

Этим я не хочу сказать, что задачи подобного рода не имеют истинных решений. Имеют. Я лишь хочу напомнить, что мы живем в эпоху высоких профессиональных требований, а неразрывный с пристрастием дилетантизм в решении неточных задач (к ним относятся многие задачи военного, юридического да часто и личного плана) погубил больше людей, чем теория флогистона и все иные заблуждения естествоиспытателей.

Разумеется, заблуждения естествоиспытателя непростительны. Но он работает иначе, нежели следователь или генштабист, пытающийся разгадать оперативный замысел противника и тоже предполагающий недостаточным числом точных фактических данных. В научно-популярной литературе нередко проводятся аналогии между методами ученого и детектива. Аналогии эти эффективны, но не глубоки. Известное изречение Эйнштейна о боге, изысканном, но не злонамеренном, раскрывает, в чем тут суть. Суть в том, что естествоиспытателю не противостоят намерения. Происходящее в природе имеет свой изысканно-сложный смысл, но он далек от смысла дел человеческих. И даже не "далек". Он просто другой. И трудности естествоиспытателя иные. Так, погружение в глубь действительного мира приводит к специфической сложности понимания. Мир на этом глубинном уровне теряет наглядность и требует достройки по *двум* образующим. То есть понять его можно только на основе *двух* концепций. Они дополнительные, но не в обыденном смысле этого слова, а в смысле Бора: они несоединимы в одну, взаимно исключают друг друга и также взаимно необходимы для понимания происходящего на этом уровне действительного мира.

Теперь (переход несколько неожиданный, но, как мы увидим, закономерный) заглянем в другую энциклопедию.

Фауст Иоганн (1485—1542) р. в г. Книлингене, где в 1954 г. ему воздвигнут памятник. Окончил теологический факультет Гейдельбергского университета (1509), прослушал курс натуральной магии в Краковском ун-те. Работал в Крейцнахе, Ингольштадтском ун-те, откуда изгнан в 1528 г. Судебные процессы в Гейдельберге (1528 и 1532); документальные сообщ. о взрывах, к-рые произвел в

различных домах "алхимик, содомит и черный маг Ф." Ум. в кн. Вюртембергском (не исключена гибель при неудачн. алхим. эксперименте).

Это все.

Мы знаем много Фауста: вместе с Мефистофелем он пил в лейпцигском кабаке; Гретхен смотрела ему в глаза, неуверенно и послушно; в отчаянии он стоял у дверей тюремной камеры; он видел гомункулюса, любил Елену, его погребли лемуры.

Мир 3

Этот Фауст из третьего мира, и мир этот — особенный. Фауст, о котором написано у Гете, это не исторический доктор Фауст, который преподавал в Ингольштадтском университете. Их прямое

отождествление просто лишило бы смысла суждения о Фаусте как литературном герое.

Еще Аристотель выделял то качество вещей, которое он называл *сутью* (*quidditas*) их бытия, предполагая, что *суть* терминологически несколько отлична от *сущности*. Суть предмета состоит именно и только в том, без чего суждение о нем терлет смысл.

Так, суть физических объектов заключена в их действительном существовании. Для того, чтобы физическая теория (или гипотеза — в данном случае это все равно) имела смысл, она должна предполагать существование соответствующих объектов: теория флогистона лишилась смысла, когда было доказано, что флогистон не существует.

Суть феноменов культуры в том, что они *имеют значение* для людей; утерав по какой-либо причине значение, они утрачивают статус феноменов культуры, сохраняя физическое существование.

В культуре овеществляются отношения между людьми, и овеществление это семиотично. В крайнем и самом ярком выражении — это вещь, выставленная в музее: там она знак самой себя. Вот он, короткий римский меч. Он обнажен. Обнаженным мечом отдают салют или наносят удар. Но им здесь не салютуют, не рубят — нелепость! Но нет, не нелепость: он за стеклом, он знак всех римских мечей — такими они были. Если быть совершенно строгим, это не феномен культуры, как дом, в котором не живут, — строго говоря, не дом. Римский меч есть феномен *истории* культуры. Рим и его культура в прошлом. Так и треуголка Суворова за музейным стеклом — лишь знак самой себя. Треуголкой Суворова она была, когда ее могли пробить пули.

Мы стоим на пороге третьего мира. Еще раз напомню, что "мир" в данном случае — просто поле понимания. И это поле не столько осеяно изолированными значениями, сколько занято сложными их переплетениями — текстами. Латинское *textus* собственно и значило "связь", "соединение", даже "ткань". Далее мы будем говорить

не о таких текстах, которые содержатся в собраниях сочинений Аристотеля или Эйнштейна: их содержание целиком принадлежит миру доказательных суждений. Под текстом мы будем подразумевать связную, компактную, воспроизводимую последовательность знаков или образов, развернутую по стреле времени, выражающую некоторое содержание и обладающую смыслом, в принципе доступным пониманию. Под это определение подпадают разнообразные повествовательные тексты.

Тексты — это типичные феномены культуры: лишённые сплетения значений, они обратятся в исцарапанную бересту, глиняные квадратники, исклеванные клинописью, листы бумаги с узором, нанесенным типографской краской (есть основания для такого сравнения: не понимая иероглифов, иные путешественники прошлого считали их орнаментом).

Что же касается текстов повествовательного мира, то они по сути своей вымышленные, причем и мир этот возник за исторически долгий срок, и суть свою феномены этого мира обрели тоже не сразу.

Первоначально это были мифы.

Ныне тот, кто изучает мифы, естественно, воспринимает их как вымысел. Но ведь миф существовал среди тех и для тех, кто осознавал его как реальность. "По-видимому, понять миф, то есть воспринять его так, как его воспринимали те, среди которых он возник и бытовал, в современном обществе может только ребенок, да и то только такой, который свои фантазии принимает за реальность. Одно дело — изучать, другое — понимать"¹, — писал М. И. Стеблин-Каменский и был прав. Мифы слагались в невозвратном уже детстве человечества: таков был в ту эпоху способ понимания действительности. Причем в текст, в эту "ткань", были непосредственно вплетены люди. Мифы переходили буквально из уст в уста, непосредственное общение было в дописьменную эпоху единственной формой их социального существования.

А в процессе общения человек осознает свою индивидуальность, личность обретает самое себя. Конечно, человек сначала смотрит, как в зеркало, в другого человека, но он и сам становится зеркалом для других людей. Они отражаются в его сознании, населяют его, субъективно реальные даже в случае своего физического отсутствия. Родные (и прежде всего родители) и близкие люди, с которыми человек связывает общая судьба, прочно входят в его внутренний мир. В дневнике И. Пушкина сохранилась примечательная запись о покойных декабристах: "Когда, где и как, я не помню, и даже теряюсь, когда тшусь понять, — но внутри ощущаю, что с иными не совсем расстался"². И это знакомое многим чувство не есть феномен индивидуального сознания, но нечто большее, свя-

занное с сущностной стороной соучастия индивида в духовной жизни общества.

Персонификация и обобщение связаны с древнейших пор, при этом обобщение и идеализация отнюдь не тождественны — и мифы отличаются удивительной живостью действующих лиц. И, конечно же, они населяли внутренний мир личности, составляли важный компонент ее жизни. "...Мифы — не только составные части жизни, они части каждого человека в отдельности. Отнять у него рассказ — это значит отнять у него жизнь. Мифу здесь присущи производственные и социальные функции, и это не частное явление, это — закон". Естественно-исторический процесс закономерно привел к тому, что миф утратил эти функции и сошел с авансцены духовной жизни общества. Но значит ли это, что рассказ утратил свое действительное могущество? Лучший ответ на этот вопрос — то исключительное по значению место, которое художественная литература занимает в системе культуры. И в индивидуальном сознании носителя культуры отражены не только окружающие, там присутствуют и Фауст, и Макбет, и Григорий Александрович Печорин. При этом по самой сути своей они принадлежат не миру действительному, но миру повествовательному.

А о нем можно сказать словами Саллюстия: "Это то, чего никогда не было, и всегда было". В отличие от венецианского хлебопека венецианского мавра никогда не было. Но доверчивость и ревность были всегда.

Думается, действительный мир, взятый как целое, для понимания своего всегда требует достройки по двум образующим, и поэтому ему дополнителен (в смысле Бора) мир доказательный и мир повествовательный. В одном господствует логическое следование, обращение к действительному миру представляется некорректным: пример — не доказательство. В другом происходят события и совершаются поступки, и их связность определяется не исходным набором аксиом и даже не временной последовательностью, а иной образующей силой — смысловой.

Эксперимент показывает, что тексты повествовательного мира обладают значительно большим трансляционным потенциалом, они лучше запоминаются и поддаются пересказу, нежели гораздо более компактные, последовательные и связные тексты мира доказательных суждений.

Чем это объяснить? Быть может, тем, что понимание повествовательных текстов есть одновременно понимание человеком самого себя.

¹ Стеблин-Каменский М. И. Миф. — Л., 1976. С. 5.

² Цит. по: Эйдельман Н. Пушкин — Пушкин // Знание — сила. — 1978. № 12. С. 32.

³ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1946. С. 333.

Конечно, одних только текстов для этого не может быть достаточно. Надо ощутить себя необходимой частью действительного мира и увидеть себя в других людях.

Это справедливо и по отношению к человечеству — интенция к общению присуща ему как интегральному целому. Конечно, космические исследования имеют и сугубо практическое значение, но ведь не меньший, наверное, экономический эффект принесли бы аналогичные затраты на исследования земных недр. Но стремление в космос непреодолимо, и психологически оно порождается не чем иным, как трансформацией личностной интенции увидеть себя другими глазами. Что бы это не принесло человечеству, оно стремится обнаружить иной разум. Оно родилось, говоря словами классика, “без зеркала в руках”. И всегда будет его искать.

Что такое понимание

Понимание возникает как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности. Способность понимать действительность, природную и социальную, понимать других людей и самого себя, тексты культуры — эта способность лежит в основе существования человеческого сознания. Результат понимания — отнюдь не обязательно истина в последней инстанции. Понимание плюрално, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань объективной действительности. В понимании находит выражение связь индивидуального существования с общезначимыми фактами.

В первой главе книги затронуты почти все вопросы, к которым мы вернемся в дальнейшем. И о трех полях понимания, и о культуре, и о мифологии, и о текстах мы поговорим подробно. Особое внимание нам предстоит уделить общению. И вот почему. Понимание — это узел, который связывает воедино познание и общение. Понимание начинается с взаимного понимания между людьми. Человек — субъект понимания. Каждый. И вы. И я.

В поле 1 решающую силу имеет противопоставление: есть на самом деле — нет на самом деле; в поле 2: истинно — неистинно; в поле 3: хорошо — плохо, а также все модификации этого противопоставления. Мир, представленный в поле 1, — это мир отношений между предметами; в поле 2 — отношений между понятиями; в поле 3 — отношений между людьми.

Существенным условием глубины и обоснованности понимания является взаимосвязь этих автономных полей. В случае нарушения их гармонической взаимозависимости, когда то или иное поле обособляется, понимание отходит от сущности предмета, мифологизируется. Так, обособление процессов понимания в первом поле порождает мифологическое истолкование данных смыслового восприятия действительности: какие только вымыслы не обошли за

последние годы страницы периодической печати! Но любопытно, что они чаще всего опирались на факты. Их обсуждали, нарушая элементарные логические требования, с ними смешивали явные избылицы, все доказательства заменял “господин непреложный факт”. Но факты, поставленные в такой контекст, не доказывают ничего. Их толкуют совершенно произвольно.

Для того, чтобы факты, воспринятые человеком непосредственно, могли иметь доказательную силу, они должны быть отсеяны от каких-либо оценок — и должны выдержать испытание на достоверность.

Разведчики Ковпака составляли донесение, разделив его на три четко различающиеся части: 1) “видел”; 2) “думаю”; 3) “хлопцы говорят”.

Это было первичным условием, необходимой предпосылкой правильного понимания, причем такое разделение текста влияло на процесс понимания и у тех, кто составлял донесение, а не только у тех, кто его принимал, анализировал и составлял доклад для командира соединения.

Много, однако, зависит и не от того человека, от которого исходит сообщение, и не от того, как оно построено, но от возможностей самого языка.

Экспериментальный психолингвистический анализ показывает, что язык обладает неравнозначными возможностями по отношению к реальной действительности: смену событий во времени язык описывает с большой легкостью, описание же пространственных отношений и фигур, как правило, вызывает значительные затруднения.

М. Л. Галлай¹ рассказывает об испытаниях Ту-4, четырехмоторного бомбардировщика. Казалось бы, совершенно безразлично, как называть моторы — можно по номерам, слева направо по направлению полета, а можно по отношению к фюзеляжу: “левый внутренний” или, скажем, “правый внешний”. Но на Ту-4 бортинженер сидел лицом к хвосту, так сказать, “задом наперед”, в то время как летчик — естественно, лицом в ту сторону, куда летит самолет. Бортинженер сообщает, что “у левого внутреннего пульсирует давление масла”. Летчик говорит: “Понял. От тебя левого, значит от моего — правого”. Бортинженер поспешно говорит, что он уже учел, как это будет от летчика, это “на левом от тебя моторе”... Летчик делает замечание. Бортинженер возражает. И так далее.

А сколько раз вы сталкивались с невыносимой путаницей, пытались объяснить, как пройти, как проехать и, наконец, брались за карту и рисовали схему, потому что объяснить все это трудно, а

¹ Заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, писатель, ученый. Он написал ряд чрезвычайно интересных книг. Они вводят читателя в такой мир, где вряд ли суждено будет побывать. И это реальный мир.

понять объяснения — еще труднее. Но это не особенность объясняющего. Это особенность языка. Ему трудно в первом поле.

Во втором когнитивном поле обособленная последовательность доказательств, вполне связанных и логичных, рассматривается как непреложное утверждение о действительности (иначе говоря, логически доказанное объявляется действительным).

В третьем поле повествование выступает как свидетельство действительно происходящего и даже как объяснение происхождения тех или иных действительных явлений. Последнюю функцию часто берет на себя миф в собственном смысле слова.

Говоря о третьем поле, надо иметь в виду, что само существование человеческой мысли и ее выражение отнюдь не полностью совпадают. В сущности логика — это наука о выраженной мысли, и уже в силу этого обстоятельства ее возможности ограничены. Более того, тексты, в которых, собственно, и живет выраженная мысль, довольно отчетливо дифференцируются на познавательные и повествовательные, причем логика повествования совершенно особая.

Вообще отношения между повествованием о действительности и самой действительностью, между воображаемыми отношениями и отношениями реальными в принципе очень сложны. Большую роль тут играет убеждающая сила, присущая повествованию. Любопытно, что многие библейские тексты представляют собой именно повествование, а не доказательства. Несомненно и то, что роман может дать об исторических событиях представления более впечатляющие, нежели непосредственная передача последовательности фактов. Некогда Гримм говорил, что надо искать не историческое в “Нибелунгах”, а “нибелунгово” в истории. Это очень глубоко. “Подлинную историю человека пишет не историк, а художник. Ни Соловьев, ни Моммзен не могут написать доктора Фауста, Дон Кихота, Ивана Карамазова, Платона Каратаева, а именно эти люди — суть люди, творящие материал для Нибуров и Ключевских”¹.

Литературный образ — это не просто вымысел. В нем отражены и синтезированы действительные черты людей, и многое из написанного в “Войне и мире” могло бы иметь место на самом деле. Это относится к миру возможного.

В художественном произведении зачастую выделено и представлено возможное, причем в особо впечатляющих формах. “Одно дело — роман, другое дело — история. Некоторые тонкие критики определяли историю как роман, который имел место в действительности. В самом деле, приходится признать, что искусство романиста нередко заставляет нас верить, тогда как иному событию мы верить отказываемся”².

Частично это связано с тем, что в повествовательных текстах смысловые связи организованы по принципу усилителя³.

Одно событие не только влечет за собой другое, но выявляет скрытые в нем возможности. Они бы и не выявились никогда в другой ситуации. Но здесь они становятся предметом изображения.

По-видимому, количество моделей усиления ограничено. “Даже если мы возьмем список уголовных дел, то мы увидим, что в литературную обработку попадают все одни и те же случаи. Например, я знаю с XVIII века анекдот о ювелире, которого привезли к психиатру, выдав психиатра за покупателя, а ювелира — за больного, который все время бредит бриллиантами”⁴, — писал В. Шкловский в 1929 году.

Последний из известных мне случаев обращения к этому сюжету относится ко второй половине XX века, причем автором текста является Л. Шейнин (печально известный и как следователь, а в качестве психиатра упомянут В. М. Бехтерев.) Все это создает дополнительные оттенки “эффекта достоверности” текста, к тому же имитирующего полицейский рапорт, что должно было оказать дополнительное убеждающее воздействие на читателя.

Сказанное, вероятно, показалось читателю не очень сложным. Но это для первого, как говорится, знакомства. Тут многое упрощено. Мы избрали такую форму работы: будем возвращаться к главным положениям снова и снова, каждый раз их усложняя.

Понимание — исходный феномен мышления. Именно в понимании выражается участие мышления в регуляции деятельности. “Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять”⁵, — эта формула аксиоматична. Способность понимать окружающий мир, других людей и самого себя составляет необходимое условие реализации суточных сил человека как родового существа. Но почему же этот общепризнанно важный объект исследования изучен слабее многих иных, а определения термина “понимание” неоднозначны и даже разноречивы? Частично это объясняется тем, что понимание можно исследовать различными способами. В сфере герменевтики — науки о понимании текстов — много лет доминировала традиция, неявно противопоставленная собственно экспериментальному анализу. Между тем действительным способом изучения понимания служит именно эксперимент. Естественно, что изучение понимания призвано ответить

¹ Жид А. Подземелья Ватикана. М., 1936. С. 98. А. Жид — лауреат Нобелевской премии по литературе.

² См.: Жолковский А. К. Об усилении // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 167—171. Это наиболее сжатая и сильная из работ известного структуралиста.

³ Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. С. 248.

⁴ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 289.

¹ Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 482.

на вопрос, что оно такое, что оно собой представляет — и как процесс, и как его итог. Но при этом встает другой, не менее важный вопрос: зачем человеку понимать?

Зачем человеку понимать

Понять — значит обрести знание. Такое знание, которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным, превращает ранее разрозненное в систему. Но к этому сущность понимания не сводится: система, в которую включается новое знание, функциональна, действенна. Это система, ориентированная на применение знания. Иначе говоря, понимание выступает как присвоение знания и обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность в соответствии с требованиями практики. Когнитивная функция понимания именно и заключается в том, чтобы обрести определенное знание о действительности и применить его; в результате понимания знание становится частью внутреннего мира личности и влияет на регуляцию ее деятельности.

Человек деятелен в силу того, что он — существо социальное. И в этом качестве он способен (и это главное) предвидеть вероятные последствия своих действий. Реализация возможностей должна быть сбалансирована с ответственностью за их осуществление. Понимание ставит деятельность в зависимость от социально возможных ее результатов. Эту регуляторную функцию понимание выполняет превосходно, и, как всегда в таких случаях, заметны лишь отклонения от необходимого оптимума.

Когда в результате неправильного распределения ответственности понимание теряет хотя бы часть привычной эффективности, это сразу бросается в глаза. Так, врачебная практика показывает, что такое хорошее по замыслу дело, как консилиум — совещание специалистов о диагнозе и способе лечения больного, нередко не дает эффективных результатов. Выдающийся русский терапевт В. Ф. Зеленин по этому поводу заметил даже, что “чем больше голов, тем меньше умов”. Умов, разумеется, хватает, а вот ответственности не достает: ее перекладывают друг на друга.

С регуляторной функцией понимания непосредственно связан и локус контроля, то есть склонность индивида считать ответственным за важнейшие события своей жизни себя (интернальный локус) или же других людей и сложившиеся обстоятельства (экстернальный локус).

Познать можно истину.

Понять можно смысл.

Смысл — это производное значения, которое имеет вещь.

В системе все вещи что-то значат. Имеют значение как элементы системы. Отношения значений — это связи.

ИСТОЧНИК ПОНИМАНИЯ

Здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в бессмысленном ходе человеческих дел цель природы.

И. Кант

Источником понимания служит система сил природы и культуры, порождающих человеческое сознание. Извечным стимулом развития понимания является великое противостояние двух начал — природного и культурного. Образно говоря, родник понимания вытекает из расщелины между культурой и природой.

Культура

Кажется очевидным, что рост культуры будет способствовать пониманию экологических проблем: соответственно надо обсуждать, какие именно ценности культуры в наибольшей степени способствуют росту понимания экологических нужд человеческого рода и как эти ценности распространять.

Эта формулировка проблемы может показаться примитивной. Но не все примитивное абсурдно — это, во-первых. Во-вторых, решение экологических проблем, равно как и их возникновение, роковым образом зависит от людей, ограниченных в интеллектуальном и культурном плане. Таковы, за малым числом исключений, люди, принимающие решения, и таковы массы людей, поведение и деятельность которых эти проблемы создают.

Но соотношение природы и культуры к этому, конечно же, не сводится.

Как известно, слово “культура” имеет в качестве исходного латинское “*culere*”, что означало и “обрабатывать” (землю), и “совершенствовать”, и “почитать”. В позднейшем употреблении

слова "культура" сохранились эти оттенки, но любопытно, что первоначально "культура" означала изменение природы в интересах человека, точнее — возделывание земли. И параллельно возникает метафора "cultura animi", употребляемая Цицероном, — "культура (совершенствование) души", "духовная культура".

Европейская культура, которой мы все столь многим обязаны, есть, в сущности, плод самосознания бывших провинций римской империи. Не исключено, что новая евроазиатская культура сложится как результат развития самосознания бывших провинций советской империи. Возможно, здесь сложится иное понимание смысла культуры, а значит — иная культура. В какой форме в эту иную культуру войдет отношение к природе (и к биосфере — в частности)? Это вопрос, который желательно обсудить. Замечу лишь, что в европейской традиции культура есть проявление и следствие процесса, который выражается в обживании, "одомашнивании" окружающего мира.

Восточное понимание культуры, восточные культурные традиции, бесспорно, противостоят тому, что в 20-е годы именовалось "механизацией человеческой души".

Как-то ученик спросил Конфуция, как следует людям относиться к богам и демонам. "Никак, — ответил Учитель. — Люди еще не научились относиться друг к другу".

Это очень глубоко и касается культуры самым непосредственным образом. Дело в том, что в современных cultural studies постепенно формируется обоснованное представление о культуре, как об определенной форме человеческих отношений, опредмеченной ценностно. То есть культура в таком понимании — это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, смысл, ценность. Это не исчерпывающее определение (и нет исчерпывающих), но оно указывает на важную сторону культуры, может быть, самую важную.

И связывающую ее с экологией. Дело в том, что отношение людей к природе есть превращенная форма их отношения друг к другу. Соответственно культура людей в свернутом виде включает в себя их отношение к природе вообще и к живой природе в частности.

В методологическом плане здесь особенно важно следующее: предмет экологии — отношение к природе как к среде существования живых существ и отношение живых существ друг к другу в процессе их существования.

Обратите особое внимание на сущностную сторону феноменов культуры: связь между ними — это связь между их значениями.

Суть феноменов культуры состоит в том, что они имеют значение для людей; а то, что имеет для людей значение, постепенно обрывается в знак.

Так, в постсоциалистическом обществе собственный автомобиль — не только средство передвижения, не только роскошь (он может выступать в этой функции), но и знак общественного положения. Тут уже и марка автомобиля может играть роль. Полностью помещаясь в пространство культуры, вещи становятся знаками. В крайнем выражении — это вещь, выставленная в музее: там она знак самой себя.

Итак, в культуре овеществляются, опредмечиваются отношения между людьми, и овеществление это семиотично. Имеет ли это отношение к экологии? Прямое.

Возьмем в качестве примера национальные парки. Национальный парк — и часть природы, и часть культуры. Национальный парк есть знак природы, какой она была. Это утверждение может показаться пессимистичным или парадоксальным, но в сущности оно правильно.

Это свойство и тенденция существования культуры — обращать все в знак — начинается именно с отношения людей к природе, которая, как им (не без основания) кажется, небезразлична к их существованию.

Метафора

Видение природных явлений становится метафорическим, то есть основанным на сравнении (исходная точка образования знака и появления мысли общая: это как раз и есть сравнение). И это в

высшей степени отчетливо проявилось при возникновении религиозного мышления: экологическое понимание тотема, например, — вопрос, заслуживающий дискуссии специалистов различного профиля. Но для нас существенно иное: что взгляд на природу остался метафорическим и в этом качестве ее понимание представляет немалый интерес. Вот пример.

"Крупные красивые птицы (их всего было тринадцать) летели треугольником, резко и редко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянув голову и ноги, круто выставив грудь, они стремились неудержимо и до того быстро, что воздух свистал вокруг. Чудно было видеть на такой высоте, в таком удалении от всего живого такую горячую сильную жизнь, такую непреклонную волю. Не переставая победоносно рассекать пространство, журавли изредка перекликались с передовым товарищем, с вожаком, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо самоуверенное в этих громких возгласах, в этом подоблачном разговоре. "Мы долетим, небось, хоть и трудно", казалось, говорили они, ободряя друг друга. И тут мне пришло в голову, что таких людей, каковы были эти птицы, в России — где в России! — в целом свете немного".

¹ Тургенев И. С. Соч. Т. 7. М., 1981. С. 214.

И этот пример отнюдь не единичен. Их можно приводить сотнями (а в этом случае пример постепенно обращается в доказательство), и это легко показать. Вот те же перелетные птицы, взятые в масштабах, более широких, нежели один конкретный вид: эти птицы “в странах южных не поют, не веселятся, не любят, не гнездятся — кроме немногих космополитов, изменяющих родине”. Не обязательно перелетные:

...доносится ветер с полей

И филин рыдает, как Вертер, над серенькой мышкой своей.

Уже он не первую губит, не первые стоны слышны,

Он плоть их невинную любит, а души ему не нужны², —

пишет Булат Окуджава.

Постепенно метафорическое видение природы становится доминирующим, и, упомянув, что Франсис Жамм “оправдывал и голубя и коршуна”, И. Эренбург вынужден был добавить: “Я говорю сейчас о птицах, а не о классах общества”.

Метафора объемлет мир и человечество:

Тайна звезды — в тяготении,

Тайна земли — в ее тяжести,

Почвы — в ее плодородии,

Семена — в прорастании,

Мужчины — в том, что он сеет,

Женщины — что она почва³.

Как уже заметил читатель, вопрос об исходной точке метафоры — вопрос о внешнем сходстве — здесь намеренно элиминирован. Оно, конечно, существует, это сходство. О нем просто и ярко пишет Сергей Довлатов: “Верблюд был похож на моего первого учителя химии. Усурийский тигр был приукрашенной копией Сталина. Орангутанг выглядел стареющим актером, за плечами у которого бурная жизнь”. Но это именно троп, исходная точка, которую метафора миновала.

Метафорическое видение мира и соответствующее его понимание современные психологи (в частности, представляющие такие направ-

¹ Термины могут показаться отражающими советскую патристическую идеологию середины века, но все не так просто: это писалось в 1929 г., в Париже, в эмигрантской прессе. (См.: Осоргин М. Мечта о крыльях // Химия и жизнь. — 1992. №2. С. 7.)

² Окуджава Б. Осень в Царском селе // Арбат, мой Арбат. М., 1976. С. 49.

³ Эренбург И. Собр. соч. Т.8. М., 1968. С. 78. О Жамме Эренбург писал и в 1936, в “Книге для взрослых” — и там этой оговорки не было, видно метафорическое видение еще не стало тогда общераспространенным.

⁴ Masters Ed.L. Mrs. Seabley // Spoon River Anthology. — Chicago, 1915 (перевод мой).

⁵ Довлатов С. Зона. Алматы, 1995. С. 338.

ления, как глубинная и радикальная психология) склонны связывать с тезисом человека и соответственно — с человеческой культурой.

Так явления живой природы вписываются в человеческую культуру — метафорически. Так понимание мира способно постепенно обрести новое качество. Но подобная метафоризация человеческого познания, придание ему экологического измерения — тема особая¹.

С другой стороны, экология и культура пересекаются в сущностной стороне человеческого бытия — в самой структуре человека, в его происхождении, в его устройстве.

Хосе Дельгадо, известный в 60 — 70-е годы нашего века нейробиолог, выдвинул следующий тезис: “Человек некогда использовал свой интеллект, чтобы добиться своего экологического освобождения, то есть чтобы он не мок при дожде, не зяб после заката солнца, не становился жертвой голодных хищников. Теперь он может добиться своего психического освобождения. ...Мозг сам может научиться разумно реконструировать свою структуру, свои функции. И для будущего человечества в высшей степени важно, чтобы мы к этому пришли”. Думается, что это в равной степени экологическая, биотехнологическая и культурная проблема. Человек в основе своего существования есть действительная часть природы — морфологически, физиологически, биологически — и вполне возможно, что реализация биоинженерных способов изменения человеческого существования должна стать полем наиболее полного взаимопроникновения экологии и культуры.

На стыке исследования проблем экологии и культуры находится весьма важное положение, сформулированное В. И. Вернадским: Homo sapiens не есть завершение создания. Он служит промежуточным звеном в цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее².

Но как это может произойти? Ведь “с момента прекращения действия естественного отбора должна была остановиться и биологическая эволюция человека. Это, несомненно, и произошло около 10 000 лет тому назад”, — утверждал выдающийся краниолог, опираясь на исследования обширного остеологического материала. При этом он, как и значительная часть исследователей эволюции, ставил вне поля зрения половой отбор, который Дарвин считал решающим фактором происхождения человека. Вполне возможно, что половой отбор лежит в первооснове зарождения и формирования культуры.

¹ Думается, читателю уже ясно, что «основная психологическая функция метафоры — обеспечить процесс понимания» (Меерович М.И., Шрагина Л.И. Технология человеческого мышления. Минск-Москва, 2000. С.230).

² Дельгадо Х. Конструировать человека // Диалоги. М., 1975. С. 240.

³ Быстров А. П. Прошлое, настоящее и будущее человека. Л., 1957. С. 299.

Половой отбор не только стимулирует проявление продуктивных творческих возможностей индивида. Он служит источником символических форм поведения, а следовательно, и важным фактором развития культуры. Знак и половой отбор глубинно взаимосвязаны, а значит и биологические стороны происхождения человеческого рода взаимосвязаны с происхождением его культуры.

Существование и сущность

В привычной для нас классической немецкой философской традиции главное место в размышлениях ученых занимает не существование, но сущность: познание рассматривается как движение вглубь, к сущности. Между тем существование представляет собой имманентную и для субъекта, и для объекта черту бытия, не сводимую к сущности. Как погружение в глубь человеческого лица приведет нас к черепу, так погружение в глубь сознания уводит нас к физиологическим структурам, на которых держится его существование, но к которым оно не сводится.

С философской точки зрения, заслуживает особого внимания то обстоятельство, что с половым отбором связаны ситуация выбора и перебор возможностей — темы, весьма специфичные с точки зрения отношения к ним различных вероучений и философских течений.

Подлинное мерило человеческого “я” — это пути, которые мы выбираем, и расстояния, которые мы способны пройти. Пытаясь сформулировать эту точку зрения более строго, приходим к выводу: что мерило человеческого “я” образовано иерархией возможностей: всех возможностей, открытых перед индивидом (1), множеством осознанных возможностей (2) и теми из них, которые удалось реализовать (3). Классический экзистенциализм гипостазировал ситуацию выбора, сосредоточась на переходе от уровня 2 к уровню 3. Но в процессе существования и взаимодействия индивидов велика не столько роль выбора между осознанными возможностями, сколько переход к реализации возможностей, подсказанных подсознанием. Перспективы их реализации человек не осознает и зачастую не в состоянии осознать. Если же выбор действительно имеет место, то он происходит между прямым продолжением уже известного и предполагаемым, но точно не известным¹.

В римском праве отчетливо дифференцировались *res fungibilis* и *res infungibilis* — вещи: 1) заменимые одна на другую в силу их подобия и 2) незаменимые в силу их различия. В этой норме юридически фиксировано различие, возникающее в отношениях особей как проявление и следствие полового отбора: происходит предпочте-

¹ См. в этой связи весьма содержательную дискуссию А. Махова и И. Пешкова о бишкекском симпозиуме “Человек и его возможности” // Третий Апокриф. М., 1994. С. 136—137.

ние одной особи другой, фиксируется их непоподобие, что превращается в *кто*. В половом отборе содержится начало индивидуации. В половом отборе, возможно, связана (в генезисе своем) и первичность индивидуального сознания по отношению к общественному бытию.

Сознание и понимание

Человеческое сознание есть, вообще говоря, способ регуляции деятельного существования в природной и общественной среде. Культура, по определению Бориса Пастернака, есть способ плодотворного существования человека. Соответственно, понимание как процесс, как его результат и как стремление к нему составляет важнейший элемент структуры сознания. Понимание составляет условие существования культуры, понимание присоединяет человека к культуре и находит в ней свою опору. Вот пример. В культуре очень важное место занимают традиция, форма, ценности. В основе традиции лежит способность человека повторять поступки, которые культура наделяет значением. В основе формы находится некоторое ограничение, образующее контур процесса или предмета. И, наконец, ценности... Их замечательно определил Камю: это переход от “хорошо, если бы так было” к “хочу, чтобы так было” и к “надо, чтобы для всех так было”. Вам может показаться, что это слишком неопределенно, абстрактно. Нет — очень конкретно! Присмотритесь к духовным и материальным ценностям культуры. В отношении к ним выражается это знакомое каждому чувство должного. Вот так “должно быть”. А не так “не должно быть”.

Радикальная психология придает особое значение дифференциации трех видов сознания: прецедентного, интердиктивного и юстициального. Прецедентное сознание (возможно, первичное) основано на принципе осознанного подобия поступков; кажется возможным совершить такой же поступок, поскольку его уже совершил другой. Интердиктивное сознание базируется на воспрещении тех или иных поступков как таковых (десять заповедей почти целиком строятся на воспрещении). И, наконец, юстициальное сознание строится на понимании (чаще всего смутном) того, что один поступок справедлив и верен, а другой — неверен и несправедлив. Неоспоримо, что социальные условия служат базисом формирования этих неоднозначных видов сознания, которым соответствуют отношения между людьми и их поступки. Но любопытно и то обстоятельство, что полностью описанные в Ветхом завете эти три вида сознания так или иначе соотносятся с оппозицией “мужчина — женщина”.

Как это показывает радикальная психология, отношение к женщине — тройко: к той, что родила; к той, которой веришь; к той, которая губит. А. де Монтерлан полагал, что история — это одна и та

же пьеса, которую играют различные актеры; если эта метафора убедительна, то Мать, Подруга, Погубительница — три главные женские роли в пьесе, которая идет на подмостках жизни с исторических времен. Метафора Монтерлана представляет особый интерес в сопоставлении с известным определением театра как места, в котором людям показывают, на что они способны.

Внимательный наблюдатель исторически существенных человеческих свойств и форм поведения В. В. Шульгин отмечал, что "у женщин чувственность просыпается, когда к ней прикасается "герой". Герой нашего времени, разумеется. Ибо у каждой эпохи — свои герои. Это, вероятно, те, кто дают для данной эпохи наиболее нужное потомство. В этих случаях инстинкт женщины иногда на правильном пути. Она бессознательно стремится спасти вырождающуюся расу". Эта ориентация вообще характерна для полового отбора: от сближения, влечения (горизонталь) — к потомству (вертикали, уходящей в будущее). Сущность полового отбора заключается в том, что две особи соединяются для того, чтобы послать в будущее те компоненты прошлого, которые доминируют при выживании. Разумеется, как и любое природное начало, половой отбор действует путем проб и ошибок, но эффективность удачных проб была в человеческом обществе заметно выше, чем негативные следствия ошибок. В результате возможности индивида постепенно возрастали. Но со временем рост деструктивных возможностей индивида стал ускоряться, а к концу XX в. стал стремительным. Мы еще не осознали, что в XXI в. общество может быть разрушено, а может быть и полностью уничтожено в результате действий конкретных индивидов, а не общественных классов, наций и государств.

В условиях естественного отбора жизнь животного находится под постоянной угрозой, поэтому чувство боли культивируется эволюцией как необходимая форма сигнализации о непосредственно угрожающей опасности: чтобы выжить, надо быть настороже. На социальном этапе развития жизни в снятом виде существует и функционирует этот механизм, заложенный эволюцией в мозг, в субстрат субъективного мира человека. Способность индивида ощутить страдание и испытать сострадание занимает видное место среди факторов, формирующих культуру психологически. Весьма любопытно в этой связи, что и любовь как личное чувство создается страхом потери любимого существа (и этим любовь решительно отличается от страсти). Эта взаимосвязь любви, страдания и страха встроена в многочисленные ритуальные ситуации, которыми обставлено и заслонено вращение полового отбора в жизнь общества, его (всегда частичная) социализация.

¹ Шульгин В. В. Дни. М., 1927. С. 96.

Как правильно отмечает А. Мэрдок, "секс заявляет о своем всепоглощающем присутствии почти при любом положении вещей". Всегда ли поступают в сознание его заявления? Фрейд утверждал, что их прячут, большинство же философов утверждают, что этих заявлений вообще не было, — типичная уловка бюрократического мышления. Это, кстати сказать, еще одно подтверждение правила: в мышлении трансформируются силы, господствующие в бытии.

Сон и смерть

Обсудим далее проблему отношения сил, символизирующих сон, смерть и половое влечение в первобытном сознании. Предполагается, что они нашли архетипическое воплощение в коллективном бессознательном и могут быть исследованы на основе интерпретации интроспективных данных, анализа сновидений, фольклора, произведений архаического и современного искусства.

Согласно Библии, в Эдеме помимо Древа познания добра и зла существовало и Древо уничтожения смерти. Оно упоминается едва ли не вскользь, но упоминание на самом деле имеет исключительную важность. Оба древа символизируют две великие возможности, влечение к которым возникло в архетипическом сознании. Личное бессмертие оказывается, в конечном счете, менее привлекательным, нежели Эрос, порождающий бессмертие человеческого рода. Однако действительность при этом становится силой, неуловимой смертью. "Принцип удовольствия противостоит принципу реальности (Фрейд), как Эрос Танатосу (Маркузе), как опыт — теории. Ангелы и демоны постоянно меняются местами, и бой, который они ведут, может иметь только короткие передышки и властливы эпохи, когда на некоторое время устанавливается своеобразное равновесие сил..."

Нельзя согласиться с Э. Форстером, который утверждает, что рождение и смерть, эти важнейшие факты человеческого существования, отсутствуют в нашем опыте. В личном — да. Но они присутствуют в совместно разделяемом нами опыте прошлого, в коллективном бессознательном, которым мы владеем сообща. И опыт этот решительно отличается от личного: в архетипическом сознании запечатлелось представление, что смерть угрожающе вероятна, опасна, но не неизбежна: жизнь была в общем непродолжительна, люди по существу не знали "естественной смерти", они гибли, а земля всегда несет в себе элемент случайности.

Сон и смерть, рождение и воскресение, в различных формах проявляющая себя во всем мире религий, находит частичное объяснение в том, что сон (или неизбежным пробуждением!) представляется даже более неотвратимым, чем смерть. Тысячи лет продолжительность индивиду-

Мэрдок А. Дитя слова. М., 1981. С. 128.

Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1983. С. 265—266.

ального существования оставалась невелика, и отвлеченное понятие естественной смерти формировалось достаточно долго; оно остается отвлеченным от уровня обыденного сознания и понятий. Смерть естественной не бывает. Находя и называя ее конкретные причины (заболевание, несчастный случай), мы подсознательно утверждаем, что вне этих причин жизнь, бесспорно, продолжалась бы. Это личное убеждение, которое кажется вполне современным, на самом деле совершенно архаично и господствовало в первобытном мышлении. Сравнивая Гипнос и Танатос, силы сна и смерти, мы могли бы сказать, что Танатос страшен, а Гипнос непобедим.

Следует предположить, что иррационализм архаического сознания является той мощной и, возможно, исторически непобедимой силой, которая позволяет индивиду устоять в борьбе с абсурдом реальной действительности. Фрейд в "Толковании сновидений" отмечает, что сон — это особое состояние человека, в котором абсурд преодолен желанием сохранить состояние сна. Сознание человека, по Фрейду, как бы шепчет сну: "Да, да, ты прав, но дай мне спать". Это наш голос, наш шепот, это подсознание человека шепчет реальной действительности: "Да, да, ты права, но дай мне жить".

Это позволяет объяснить, почему иррациональные компоненты архаического сознания в сущности содействовали сохранению человеческого рода. Замечательно в этой связи, что Эрос противопоставит не только Танатосу, но и плоской рациональности во всех многочисленных ее проявлениях.

Есть, однако, иная интерпретация несомненных возможностей, которыми обладает иррациональное начало, пришедшее в нашу психику из глубин архаического мышления. "Может быть, мы просто не в состоянии увидеть сверхъестественные силы, действующие позади естественных. Вопрос о разнице между естественным и сверхъестественным оставим пока в стороне. Но это не значит, что сверхъестественного вообще нет: просто вы свою неспособность понять возводите до уровня всеобщего закона". По М. Элиаде, раньше мы были в состоянии слышать Бога и говорить с ним, затем — лишь обращаться к нему, а теперь он сошел с ярко освещенной поверхности сознания в его глубины. Все эти подходы также должны учитываться в концепции "архаического синдрома", развиваемой И. В. Следзевским. Вопрос о природе иррационального остается, на наш взгляд, открытым, хотя его существование и значение сомнений не вызывают.

¹ Хаксли О. Контрапункт. М., 1936. С. 314. Любопытно сравнить эту классическую ясную формулировку с тем, что впоследствии увидел и понял О. Хаксли, изменив состояние своего сознания. (См.: Хаксли О. Двери восприятия. Рай и Ад. М., 1994).

В одной из замечательных философских притч Эжена Ионеско фрейдистически сформулирована проблема, которую мы предполагаем обсудить. "Существует человек созерцательный: он стремится приспособиться к миру. Существует человек деятельный: он стремится приспособить мир к себе. Какое же решение верное? Нужно, чтобы и мир, и человек сделали шаг навстречу друг другу". Как это возможно? Это возможно, если речь идет о живом слое Мира — о биосфере. Некогда этот шаг был сделан. В первобытную эпоху, когда у очага господствовала женщина, были одомашнены животные, составлявшие неотъемлемый элемент биоценоза, в который вписывались пещерные поселения людей. В результате сопряженной эволюции в домашней собаке был воплощен женский идеал мужчины (верный, сильный, бесстрашный страж очага и охотник, приносящий добычу) и проекция собственного идеального образа — в домашней кошке (независимая, гибкая, хищная, ласковая, любимая детьми). Эти и другие плоды эпохи сопряженной эволюции — воплощенные шаги биосферы и социосферы навстречу друг другу. Но если мы должны сделать новые шаги, если мы решимся снова ступить на путь сопряженной эволюции (а мы должны), то теперь от человека потребуется многое: его роль заботливого обитателя биосферы, его сопряженное развитие со всем человечеством, его понимание собственной роли и функции в естественно-историческом процессе, который может привести к тому, что видовые особенности человека модифицируются.

Многолетняя борьба с философией Ницше, евгеникой, социобиологией постепенно табуировала представление о том, что "человек нынешний" эволюционно несовершенен и может изменяться. Обсуждение этой проблемы увело бы нас в сторону от основной темы, но хотелось бы ясно определить свое отношение к этому вопросу: его постановка правомерна, привлечение социобиологических соображений к анализу эволюции функций человеческой психики вполне оправдано, экологическое мировоззрение не должно чураться ничего биологического и ничего эволюционного в индивиде.

Культура и цивилизация

Культура изменяет способ существования природы. Она в состоянии ее разрушить, изменить, сохранить, сделать предметом поклонения — все это в силах культуры. Но, видимо, не в ее силах стать полностью нейтральной по отношению к природе, не влиять на ее существование никак. Земной шар для этого слишком мал. Недалеко в США существует словечко "culture-vulture" (дословно: "культура-стервятница").

¹ Ионеско Э. Носорог. М., 1991. С. 105.

Как соотносятся человек и человечество? Посредством полового отбора, посредством культуры. Как соотносятся человек и общество? Посредством цивилизации. Организм обращается в организацию, происходит превращение силы одного в силу многих, надличную, подобную обручам для бочки — скрепляющую и поэтому особенно твердую, почти что неживую. Вспомните определение кости: “наименее живое в живом”. Ведь именно поэтому кость обращается в опорную конструкцию, система костей — в скелет. Противопоставление Греции Риму как культуры — цивилизации стало общим местом в популярных работах; как правило, при этом возносят Грецию и поносят Рим, упуская из виду, что мы живем в мире, где гораздо больше обломков Рима, чем следов существования Греции.

Опозиция “культура — цивилизация” имеет, возможно, серьезный теоретический смысл. Но по существу дела — в экологическом его аспекте — культура и цивилизация это две руки человечества. Утверждать, что правая не знает, что творит левая, — это самообман человечества. Правая не хочет знать, что творит левая. Самообман — это типическое состояние человечества, причем настолько, что невольно начинает казаться, что он составляет некоторое необходимое условие человеческого существования, выступающее в различных формах, причем все они составляют часть культуры¹.

Следует ли из сказанного, что природа обречена на то, чтобы обратиться в знак своего первоначального существования, как, например, стал знаком полового отбора брак? Или безумное невнимание к изменениям, происходящим в культуре человечества, биологии и поведении представителей человеческого рода и в среде его существования, приведет к решающим, может быть, катастрофическим переменам в существовании биосферы?

В работе одного из современных утопистов (призывающего, между прочим, “отказаться от бескрайних полей со стоящими по ранжиру колосьями, которые и обрабатывать надо дивизиям хлеборобов под прикрытием чудовищных комбайнов”) содержится небезынтересное утверждение: “Живые организмы, вовлеченные в техносферу — посевы сельскохозяйственных культур, одомашненные животные, посадки лесов в промышленных целях — все более механизуются. Они становятся все более несамостоятельными,

¹ Ср. у Слуцкого:

Иллюзия давала стол и кров,
родильный дом и крышку гробовую,
зато взамен брала живую кровь —
не иллюзорную, живую.

(Слуцкий Б. Я историю излагаю. М., 1990. С. 142—143).

² Любарский Г. Экология техники // Знание — сила. 1995. № 4. С. 50.

неспособными существовать без вмешательства человека, их биологические характеристики ориентированы не на выживание, а на производство максимальных количеств необходимых человеку продуктов. Это — фабрики для производства зерна, мяса, молока, древесины. Жизнь перестраивается по образцу технических систем даже стандартизируется: землю покрывают одинаковые поля, фермы, лесопосадки, газоны...”¹.

Здесь любопытно многое, а в особенности — совершенно правильное положение, что сельхозкультурам и домашнему скоту не выжить без людей, а людям — без них. Это ситуация, в которой “у каждого есть то, что необходимо другому”. Стоит ли это считать чем-то противоречащим генеральному направлению развития человечества (если такое направление существует)?

В этой связи возникает вопрос о “наиболее безумной” (или наиболее замечательной) из идей Сталина: о лесозащитных полосах, о лесопосадках, масштабы которых должны были в конечном счете превзойти спонтанно возникавшие “природные” леса. Речь здесь шла, заметим, об изменении климата и состояния атмосферы, а не о “фабрике древесины”. Почему менее безумна идея эколополиса — города, который вписался в природу, открыл ей свои врата; почему менее безумны современные идеи “созополисов”, “городов спасения” от стресса, от индустрии, от политики? Только ли потому, что деревья растут сами, а намеченные для лесопосадок площади необходимы для сельскохозяйственных целей? Или потому, что тратить деньги на города — политически оправдано, а на леса — нет?

Говорят, что леса посадил Бог, а города построили люди. Но если Бог есть, то он построил и города — руками людей. И он может сажать леса — их руками.

С иррелигиозной (единственно научной) точки зрения одной из существенных причин возникновения и существования экологических проблем является психология человека.

Закон отсрочки

Если обратиться к сущности экологической проблематики, выясняется, что в психологическом смысле она обусловлена двумя фундаментальными психологическими закономерностями: ослаблением отсроченных реакций и формированием сфероидальной социальной перцепции. Человек произошел в малых группах, относительно медленно передвигающихся по малым территориям, а в пещерные времена своего существования люди не меняли места пребывания многими поколениями — прообраз городов! Все, что уходит за горизонт, уже менее значимо, большие числа и большие расстояния

¹ Там же. С. 46.

² Таковы, например, Косанти и Аркосанти в США, но к этому частному примеру, сообщенному мне проф. Д. Н. Кавтарадзе, идея “созополиса” не сводится.

не имеют зримого воплощения, а достаточно продолжительные отрезки времени тоже уходят за горизонт смыслового восприятия. Если корабль тонет медленно, то все плывущие на нем постепенно проникаются уверенностью, что он потонет не сегодня и засыпают с мыслью, что он не утонет вообще. Или с какой-нибудь другой мыслью, ни к кораблю, ни к воде отношения не имеющей.

Люди победили чуму и оспу потому, что они отсрочки не знали, смерть была налицо. У рака она вяло отсрочена, а у инфаркта — непредсказуемо внезапна, как кирпич с балкона на старой улице. Тут, конечно же, играет подсознательно важную роль и то обстоятельство, что рак (как, впрочем, и инфаркт) редко поражает молодых, им вообще непонятно, что их ждет, оценка жизни у них иная. Когда смерть возникает рядом как точка отсчета ценности жизни (во время эпидемий, например) — сферонд социальной перцепции становится иным, картина мира меняется, как во время войны, и в поиск средств борьбы включаются динамичный интеллект и одаренность молодежи. Надвигающаяся катастрофа — мощный стимул только тогда, когда она у порога и непосредственно угрожает наиболее креативной части мыслящего человечества. Надо признать, что в экологическом плане этот стимул еще не является достаточно мощным.

Разумеется, не следует исключать и того, что вся экологическая проблематика — это порождение в сущности непреодолимого природного закона, ограничивающего возможности и численность человечества. Природа просто ограничивает человеческую популяцию — пандемиями гриппа, промышленными отходами, СПИДом; природа может и ликвидировать эту популяцию (например, ядерным или биологическим оружием). Но процесс это значительно более тонкий и сложный, чем позволяют заметить грубые приближения. Обратите внимание, скажем, на следующие факты. Пандемия гриппа, которая унесла больше жизней, чем первая мировая война, последовала непосредственно за ней. Что произошло бы, если бы они совпали? И что произошло бы, если атомная бомба нашла бы применение в начале, а не в середине 40-х годов? Это ничтожная часть примеров, которые, начиная с 6-го Вюрмского оледенения характеризуют существование человечества как процесс весьма маловероятный. В какой мере он случаен в масштабах Вселенной?

От ответа на этот вопрос (а дать ответ на этот вопрос можно лишь опираясь на факты) зависит и ответ на вопрос о том, напрасны ли усилия тех, кто защищает от человека естественную среду его обитания.

**Снова
Ионеско**

В одной из пьес (лучше их называть притчами) Эжена Ионеско сформулированы два принципиально существенных для нашей темы вопроса.

Первый. Стоит ли искать основу пони-

ения и его цель как феномена культуры, если человечество возникло как результат случайного взаимодействия природных факторов и его существование не имеет ни внутреннего смысла, ни принципиального значения для нашей планеты — и шире — Вселенной? Персонаж притчи Ионеско обращается к воплощению смерти (в притче его зовут “Убийца просто так”) и говорит: “Возможно, жизнь рода человеческого не имеет никакого значения, могло быть, и гибель его тоже особого значения иметь не будет... и вы, возможно, правы, желая уничтожить его взрывом или хотя бы отрывая от него существо за существом, отламывая кусок за куском...” Иными словами, следует искать смысл существования рода человеческого и, возможно, в этом и состоит источник развития понимания и задача культуры как формы преодоления конечности индивидуального существования человека.

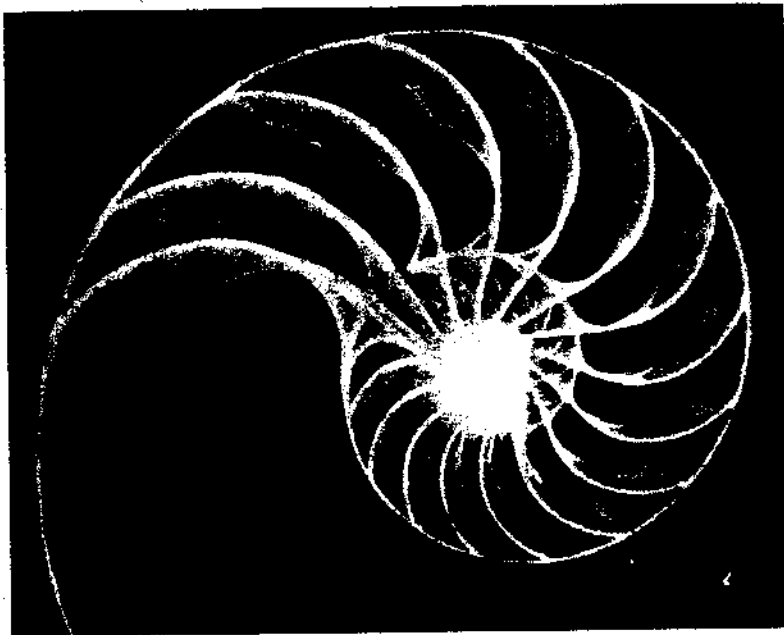
Второй вопрос и его решение, в общем виде, вы уже знаете. “Нужно, чтобы и мир, и человек сделали шаг навстречу друг другу”. Как это возможно? Это надо обсудить. В прошлом это было возможно — человечество прошло этап сопряженной эволюции, его результатом остались, например, домашние животные. Смогут ли человеческая культура измениться настолько, чтобы вернуть мир и человечество к сопряженному развитию? Приведет ли оно к модификации видовых черт человека как родового существа? Есть ли (и это главное) такие процессы, которые должны происходить только спонтанно, только сами, такие процессы, вмешательство в которые человека должно быть решительно и навсегда воспрещено, ввиду опасной ограниченности его познавательных сил?

Быть может, Природа обладает если не целью, то генеральным направлением своего развития и стоит попытаться определить — противостоит ему существование человечества или, напротив, оно находится на самом острие этого движения к “точке Омега”, о которой размышлял Тейяр де Шарден¹.

¹ Ионеско Э. Носорог. М., 1991. С. 105.

² Согласно Тейяр де Шардену, единство сознаний — не сливание их, как отдельных капелек, как крупиц соли в море. Нет, их единство — дифференцированное. Они погружаются в сплошную структуру, в центре которой сияет “центральный шаг”, необходимо автономный... именуемый “точкой Омега” (См.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 207).

Относительно “точки Омера” см.: Tipler F. J. The Omega point as Eshaton: answer to Penningberg's questions for scientists // Zigon, 1989. V.24, № 2. Здесь же и дискуссия.

Вот “точка Омега” (изображение, разумеется условное, символическое). Омега сияет в центре бесконечно приближающейся к ней спирали личных “я”. Их число в каждый данный момент конечно, но спираль открыта, и будет ли ей конец, не знает никто.

Глава 3

В ГЛУБЬ

Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Максимилиан Волошин

Эта глава посвящена корням понимания, а они уходят в глубину нашего прошлого, в глубины нашей психической жизни. Многие проблемы, которые здесь обсуждаются, еще не решены, но они существуют и на них нельзя закрывать глаза. Многие гипотезы носят спорный характер, но это понятно — на то они и гипотезы. Ряд тем, которые мы здесь затронем и обсудим, до недавнего времени считались у нас запретными, теперь же, наоборот, — модная тема разговоров, не имеющих зачастую никакого отношения к науке. Между тем именно научное понимание проблем любви, смерти, зарождения новой жизни проливает свет на тайны далекого прошлого и настоящего. Здесь научное понимание решительно противостоит обыденному, мелкому. Вы должны помнить об этом.

Архетипы

Людам старших поколений памятна модель нового, или идеального, человека. Он был главной целью воспитательной работы. Это человек “политически грамотный, физически развитый, морально устойчивый и высокообразованный”. Нет сомнения в том, что обществу именно такой человек и нужен. Но человек ли это? Нужен ли он другим людям и самому себе? Человек — это тот, кто любит, ревнует, боится, думает, рискует жизнью, сомневается, утверждает... Человек — это тот, кто незримо нитями соединен с другими людьми.

¹ Вспомните плакат, висевший на стене у Кристофа Хунты: “Нужны ли мы нам?”. Этот законный вопрос возник, как видим, еще в начале 60-х годов нашего века.

Эти нити попытался сделать зримыми Карл-Густав Юнг, создатель аналитической психологии.

“Бессознательное не развивается — это величайшее открытие”, — говорил Л. С. Выготский в 1934 году. Речь здесь пойдет о том бессознательном, которое глубоко. Л. С. Выготский не преувеличивал его значения: “Наша психология — *вершинная* психология (определяет не “глубины”, а “вершины” личности)”, — заметил он тогда же. Это не означает, что глубинный слой сознания не заслуживает внимания: он приобщает человека к коллективной памяти человечества, тающей в глубинах психики *каждого* и тем самым принадлежащей *всем*.

Это не столько подсознательное, сколько досознательное, внеличное, имперсональное¹. Это архетипическое, “первообразное” (“архе” — древнейший, первоначальный, а “тип” — некогда означало “удар, оставляющий отметину”: например, “типом” метили замковый камень арочного свода).

Архетипически помечены многие связи сознания с действительностью. Архетипы обладают мощной порождающей силой и проявляют себя ненамеренно и ярко.

Архетипичны прежде всего образы, закрепленные в глубине сознания и (в первообразном виде) поднимающиеся на его поверхность.

Президент США Джон Ф. Кеннеди, который в годы войны командовал катером, любил рассказывать, как внезапно услышал крик вахтенного: “Японец на двух часах” — и японский эсминец возник из ночной тьмы и ударил катер в борт. Вахтенный, профессиональный моряк, точно обозначил, откуда шла опасность — представьте, что вы находитесь в центре гигантского циферблата лицом к 12, и вам станет ясно, откуда шел эсминец².

Но эта функция есть у циферблата потому, что он размечен, потому что он — круг. Существовало, что каждый из нас, выходя из-под крова, оказывается в центре круга. Круг очерчен горизонтом, это облик мира, каким он предстает человеку. Вот этот видимый облик архетипичен.

Он идет из глубин прошлого. Он существует в некотором глубинном слое сознания, общем для всего человечества.

Его конкретные модификации можно проследить уже на иных, хотя тоже не полностью осознаваемых уровнях. Здесь наблюдается ветвление архетипа круга применительно к историческому многообразию конкретных культур. Мы встретим здесь и тибетскую мандалу, и деревенскую околицу (как понятие культурно-исторически обусловленное), и гигантскую змею Мидгард, обвивающую весь мир, и циферблат часов. Но все это лишь позднейшие вариации, причём в них архетип и существует — вне конкретных воплощений о чём исследователю не дан. Он может проявиться в определенном сюжете, жанре, даже роде искусства.

Воздействие произведения искусства усиливается архетипической его первоосновой: по словам Юнга, тот, кто говорит архетипами, говорит тысячью голосов.

Архетипична в своей основе чрезвычайно острая психологическая реакция на произведения живописи (даже беспредметные и уже в силу этого не представляющие оснований для особенно широкого интереса).

Существует точка зрения, что фотография и кино — не более, чем технически модифицированная живопись. Но и отдаленное от современности на десятки тысяч лет изображение не теряет силы воздействия на поведение. Открытие пещерной живописи обернулось личной трагедией для первооткрывателя, небывальными дотоле обвинениями и последующими публичными покаяниями в научной среде. С изображением связано очень многое в истории человеческой психики, и это многое не ушло в прошлое, но осталось в коллективной памяти человечества. Прикосновение к тому, что в ней хранится, многократно усиливает воздействие, которое оказывает на сознание предмет смыслового восприятия.

Некогда изображение на стене пещеры было элементом обрядового действия, воплощаемой частью мифа, зримо соединяющей действительное и возможное, реальное и воображаемое. На изображении бизона остались следы от ударов копьями. Надежда — вот что означал бизон на стене, вера в удачу на охоте. А надежда вообще неизгладима из человеческой психики³, с чем, видно, и связана архетипическая природа воздействия изображения на зрителя.

Архетипично в своих истоках не только изображение на стене (оно может быть подвижно, и тогда это экран) — архетипично жилище. Модуль Ле Корбюзье, столь рационально обоснованный в его трудах и архитектурной практике, есть реализация архетипического чувства сопричастности жилища и человека. “Окно — это соответствующая уровню нашей цивилизации дыра, стул — это камень, а шкаф — это ниша в скале. Тарелка — подражание ладони, чаша — сложенным ладоням, и даже вилка — стилизованная

¹ Андре Мальро заметил как-то, что надежда людей и есть смысл их жизни. Возможно.

¹ Выготский Л. С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 166.

² Там же.

³ И. Ефремов был прав, когда замечал: “Шаг ближе к пониманию психических сил сделал Юнг. Его “коллективное бессознательное” гораздо шире охватывает явления, чем фрейдовское подсознание, и приближает уже к современному понятию ноосферы”. (Ефремов И. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 517). Действительно, Юнг временами очень близок к этому понятию.

⁴ “Нарисуйте это”, — говорил я испытуемым. И человек в центре циферблата неизменно был обращен лицом к цифре 12.

рука с растопыренными пальцами”¹. И это не единственно архетипические черты города. Вполне архетипично, например, смысловое восприятие искусственного освещения. Едва ли не каждый из нас имел случай убедиться в том, что свет “ламп дневного света” не воспринимается как дневной; он воспринимается, скорее, как лунный. И ничего удивительного в этом нет: тьме архетипически противостоит не солнце, а луна, а источником искусственного освещения служит огонь. Ослепительно желтый свет уличных ламп новых серий воспринимается как создающий ощущение комфорта и даже тепла. Это работает архетип костра, который согрел наших пращуров и ныне с непобедимой силой влечет к себе детей (сколь же случайны их игры с огнем!). Да и не только детей. И. Т. Фролов заметил как-то: “...есть в самом взгляде на костер нечто ... колдовское, совершенно необъяснимое”².

Конечно, этот “горящий костер — в лесу или камине” необъяснимо привлекателен именно потому, что отношение к нему архетипично.

Сновидения и мифы

Согласно Юнгу, сновидения — это “ничья земля” между нормальной и патологической психологией. Вообще архетипы более всего выявляют себя именно в снах, психозах, а исторически — в мифах и сказках. Фантазии человека — это самоизображения бессознательного. Персональные фантазии восходят к личным переживаниям (забытым или вытесненным). Имперсональные фантазии имеют ближайшие аналогии в мифах и соответствуют коллективным (внеличным) структурным элементам психики. Первоосновы имперсональных фантазий передаются по наследству: структурные элементы человеческой психики наследуются подобно морфологическим элементам человеческого тела. Если наследуются форма носа и разрез глаз, почему не могут наследоваться формы мыслей и даже замыслов?

Многие это отрицают в соответствии с традиционным неприятием “врожденного” в психике индивида. Врожденное, конечно же, есть. В сущности, психологи еще не оценили по достоинству тот поразительный факт, что в генах некоторых видов птиц заложен архетип перелета, включая направление и способы ориентировки в пространстве. Поведение охотничьих собак дает поучительные примеры могущества искусственного отбора. Можем ли мы уверенно отвергать предположение, что архетип наследуется в прямом биологическом смысле этого термина. Разумеется, поведение — это не духовная жизнь, но это ее видимое проявление. Когда интенсивность и напряженность работы сознания снижаются, двери в

пространство сознания распахиваются и туда устремляется бессознательное (вспомните, как возникает бред при резких подъемах температуры тела, вспомните сны; онейроидные (сновидные) состояния и симптоматика ряда психических заболеваний также говорят в пользу этой гипотезы). Архетипические по своей природе, соотносимые с бессознательным по самой своей сущности, они *до-сознательны*. Юнг видел в архетипах источники защиты себя в точности такие же, как подвергшиеся небрежному обращению органы и системы органов человека. Они — в норме — дают мощный импульс творчеству.

Юнг был еще любимым учеником Фрейда, “наследным принцем психоанализа”, когда ему приснился удивительный сон.

Гостиная, обставленная в стиле XVIII века (эта мебель была изящна, даже капризна, если можно так выразиться о прихотливо изогнутых ножках и спинках).

Он спускается в цокольный этаж. Тут стены покрыты темными дубовыми панелями, мебель куда старше — тяжелая, прочная, чуть ли не вечная мебель XVI века. Дверь! Он спускается по старинной лестнице в большую комнату со сводчатым потолком, и тихая мелодия, которая сопровождала его, глохнет.

В комнате пусто. Гладкие, безмерно старые каменные плиты пола. Только в углу лежит что-то округлое, темное, металлическое. Он нагибается.

Это кольцо. Ухватившись за него, можно поднять плиту — вниз, вглубь ведет узкий лестничный пролет.

Он ведет в полутьму подвала, может быть пещеры, где виднеются два черепа, осколки каменных орудий, кости...

Пылинки, играющие в солнечном луче, напоминали ему о свете разума и просвещения, полутьма опустевших комнат, которые, однако, имели вполне жилой вид, — о том, что прошлое всегда с нами и открыто для воспоминаний, а по стенам доисторической пещеры скользили тени, тени того, что происходило не с нами, но неотвратимо, вместе с мозгом, перешло к нам.

Этот сон непосредственно связан с реальными обстоятельствами жизни Юнга. Он родился в доме, построенном двести лет назад, а мебель — от кухонного стола до кабинета, комодов и кроватей в спальне — насчитывала триста лет добротного семейного (а не музейного) существования. Вот такой это был вросший в европейскую землю, в европейскую цивилизацию дом, а взгляды родителей своих Юнг с несвойственной ему прямоотой называл средневековыми, они были истинно религиозные люди и Библию понимали не как мы, а буквально.

Про черепа Юнг не стал говорить Фрейду. Тому показалось бы, что верный Юнг ждет его смерти.

¹ Штрийтмантер Э. Миниатюры // Иностранная литература. — 1982. № 7. С. 8.

² Фролов И. Т. Человек в век компьютеров // Известия. — 1985. — 25 июля.

³ Там же.

И неудивительно. Фрейд знал своего “наследного принца”. Он не знал, что тот видел во сне и приближающегося к смерти Зигфрида — а Фрейда звали Зигмунд (и конечно же, здесь произошла простейшая подстановка). Он не знал. Но достаточно посмотреть на портрет Фрейда, на его сильное, грустное, властное лицо, чтобы понять, что Юнгу с ним было не по пути. И их пути действительно далеко разошлись¹.

Идеи Фрейда сыграли в развитии культуры XX века исключительную роль.

Очень важное место в учении Фрейда занимал анализ сновидений. Треть жизни человек проводит во сне, и эта треть не менее важна, чем остальные две трети (когда он работает, учится или отдыхает).

Фрейд указал на большое значение полового влечения в жизни людей; две силы — Эрос и Танатос, любовное влечение и влечение к смерти, — имеют при этом особое значение для бессознательного слоя нашей психической жизни. В снах это отражено. Сны — это вообще *via regia*, главный путь в изучении бессознательного, которое так занимало умы Фрейда и Юнга.

Мы с вам уделяем снам не очень-то много внимания и сразу забываем их. Но сон — это то, с чего начинается наша жизнь, и то, чем, возможно, она кончается. Ребенок, пока он не родился, не открывает глаз: в материнском чреве он спит несколько месяцев.

Связь смерти и сна в верованиях людей имеет тысячелетнюю историю, и неудивительно, что она стала важной темой в произведениях искусства.

Вспомните кадры из фильма “Орфей” Кокто².

Женщина выходит из зеркала и стоит над постелью спящего.

И смотрит на него мертвыми глазами.

Кокто это сделал блестяще: нарисовал глаза на веках Марии Казарес, игравшей мадам Смерть. Смотрит долго, не отводя мертвых глаз: она в него влюбилась, она еще заберет его туда, к себе, но это будет потом. А сейчас он пошевелился, может проснуться, но живой глаза смерти видеть не должен. И вот она уходит, забыв черные перчатки и с размаху ударив руками по стеклу... Она проходит в раму, осколки зеркала взмывают вверх, смыкаются и — снова зеркало цело, мужчина просыпается в привычной комнате и не может вспомнить странный тяжелый сон.

Но здесь есть еще один символ: зеркало.

Что заставляет нас связывать зеркало и смерть?

¹ Об этом очень много написано. Но почему-то редко ссылаются на богатую биографическим материалом статью Карин Дитрих. (См.: Ditrich K. Freud und Jung. Beziehungsdynamik und Bruch in ihrer Bedeutung usw. // Psyche, 1988. — № 1.

² Орфей (Orpheus). Франция, 1949. Сценарий и режиссура Ж. Кокто. В ролях: Ж. Марэ, М. Казарес, М. Дза, Ф. Перье.

Жизнь. Она длится и, глядясь в зеркало, человек начинает все чаще замечать, как над ним работает смерть. Потом он умирает — и занавешивают зеркала, останавливают часы...

Говорят, если их не остановить, они сами сломаются.

Для Юнга это были не пустые разговоры. Он все это фиксировал и изучал. “Символы встречаются не только в сновидениях. Даже неодушевленные объекты взаимодействуют с бессознательным. Существуют многочисленные вполне достоверные рассказы о часах, остановившихся в момент смерти их владельца, о зеркалах, которые разбиваются, когда наступает смерть... Скептики отказываются верить таким рассказам, но они всегда появляются и одно это уже служит доказательством их психологического значения”, — писал он в работе с многозначительным названием “Приближаясь к бессознательному”¹.

Казалось бы, сходства между зеркалом и часами нет. Но оно есть. В старину на циферблатах писали по-латыни: “Все ранят, последний убивает”². Да каждый час жизни наносит нам невидимую рану. Последний час жизни — это час смерти. И временами соединившиеся стрелки блещут на циферблате, как лезвие кинжала. Но в состоянии бодрствования мы этого не замечаем, хотя во сне любая деталь может показаться роковой.

На границе жизни и смерти — сон, на границе яви и сна — миф.

Юнг уделял огромное внимание мифам, в частности, современным, например, мифу о “летающих тарелках”.

И в этой связи он внимательно изучал сны. (Сны — это путь в глубины понимания, дорога к его первоосновам.)

Вот два сна, из числа тех, что он изучал. Представьте себе на минуту, что вы увидели их на экране.

Первый сон пациентки доктора Юнга

Оживленная улица большого европейского города. Поздний вечер, ярко освещенные витрины, неоновые надписи над крышами.

Воет сирена.

Гаснет свет. Все бегут.

И женщина, которая только что заснула и видит этот сон, хочет спрятаться, бросается к каким-то подъездам, стеклянным дверям, погасшим витринам.

Все заперто.

Она оглядывается.

¹ См.: Юнг К. Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 383.

² “Vulverant omnes, ultima necat”. Как писал Валерий Брюсов,

“Да, ранят все, последний убивает;
Вам мой привет, бесстрастные часы...”

³ См.: Юнг К. Г. О современных мифах. М., 1994.

Пусто.

Она растерянно поднимает глаза.

И видит в небе блестящий округлый предмет.

Вой сирены обрывается. Мертвая тишина.

Женщина прижимается к стене, чувствуя, что за ней следят с медленно плывущей в пространстве летающей тарелки, понимая, что это к ней спускается с небес загадочный диск, что она одна во внезапно вымершем городе.

В тишине раздается стук.

Негромкий стук каблучков по мостовой.

Он все громче.

Уверенно, четко постукивая шпильками, идет кто-то навстречу медленно растущему в небе НЛО.

Черные очертания огромных зданий.

Негромкий, скребущий металлический звук — и они исчезают.

Горит ночник.

Обрывается и невыносимо громкий стук сердца — его сменяет мерное тиканье часов. Круглый циферблат.

6.34 — блестящие стрелки сошлись словно опущенный кинжал.

Женщина уже проснулась. Она просто еще не понимает — явь это или страшный сон.

Второй сон пациентки доктора Юнга

Снова ночная улица.

Женщина идет торопливо, она почти бежит, она боится поднять глаза — но по мостовой побежали какие-то всякие, синие тени, пятна света.

Она невольно поднимает голову.

В небе сияет, плывет эскадрилья НЛО.

Один из них устремляется к ней.

Она стоит, оцепенев.

НЛО растет — и становится жутким подобием глаза, наполовину синего, наполовину голубого.

Все вокруг начинает светлеть, становится больнично-белым и вот уже это не улица, не дом, а стены палаты, женщина лежит в постели (почему-то в своей, не в больничной постели), голова ее забинтована.

Знакомо стуча каблучками, входит медсестра, склоняется к ней и тихо:

— Вас обжег Взгляд...

Женщина просыпается.

Анализ этих и других сновидений подтверждает, что тема *взгляда* не случайна.

Да, взгляд! Летающие тарелки — это воплощенный страх и надежда на то, что мы не одни.

Страх, что *на нас* смотрят.

Надежда, что *за нами* смотрят, может быть, снизойдут, не дадут погибнуть.

Это довольно убедительно объясняет, почему всем этим визионерам и контактерам верят другие люди. “Широкие массы”, так сказать. Но сами-то визионеры? Почему они видят и во сне и наяву эти тарелки?

Я убежден, что в прошлом каждого из них таится страх перед тем, что кто-то видел их в неположенное время, в неположенной ситуации и тем глубоко травмировал психически. Травма ушла на дно подсознания, но не исчезла.

Что за “неположенное время”, “неположенные ситуации”, сразу сказать нельзя, для этого надо знать жизнь человека.

Скажем, вся наша интимная жизнь построена на том, что чужой взгляд может ее осквернить, разрушить. И были у этих контактеров такие страхи, может быть, такие события, переживания — и память о них лежит в глубине подсознания и неслышно тикает, как часовой механизм бомбы замедленного действия. Они не слышат этого тиканья, память не может достучаться до сознания, но во сне на них устремлен Взгляд.

А то и наяву. У тех, кто “видит” летающие тарелки, — и наяву. Ведь и Венеру принимали за НЛО. Важно, кто на нее смотрел.

Конечно же, все сказанное относилось к сугубо современным людям и их переживаниям.

Но идеи глубинной психологии тем и примечательны, что позволяют соединить современность и незапамятное прошлое.

Приведу выдержку из Литаэрта Пеербольте, голландского психолога. Он описывает момент, непосредственно предшествующий зачатию. “Яйцо вышло из яичника и спокойно ожидает, что произойдет дальше. В терминологии Фрейда, мы имеем дело с состоянием экзанических чувств. Яйцу свойственно опущение покачивания туда — сюда, словно на большом водном пространстве и одновременно ощущение того, что оно есть часть этой воды. Нельзя еще говорить о настоящем сознании. Существует ощущение одной лишь бесконечности и того, что яйцо предстает в виде больших открытых пространств, а также представлений о коллективности (группа, община и пр.), явно наводя на мысль о соответствующем опыте в яичнике, и, таким образом, об опыте в период до овуляции”. Таким образом, получается, что у яйца есть память. Это еще до оплодотворения. Потом сперматозоид. Потом зародыш. Потом малыш. И все в памяти, в архетипической памяти. Невольно вспоминаются слова Льва Толстого: “От пятилетнего ребенка до меня — только шаг. От новорожденного до пятилетнего — страшное состояние. От зародыша до новорожденного — пучина”.

А что в пучине?

По школьным учебникам вы хорошо помните биогенетический закон Геккеля, и если уж не формулировку закона, то, по крайней мере, рисунки, неизменно ее сопровождающие — зародыш, подобный головастiku, зародыш с жабрами, еще не родившийся малыш, весь покрытый волосами и даже с хвостиком. Так вот, есть гипотеза, что память о том, что было до рождения, лежит в основе самой удивительной сказки на свете. Это лауреат Нобелевской премии Ясунари Кавабата говорил, что “нет на свете сказки более удивительной, мечты более фантастической и чарующей, чем учение о перевоплощении”.

Вы уже поняли (сущность гипотезы в этом и состоит), что учение о перевоплощении имеет первоосновой память о существовании до рождения. Так легко представить себе, что *когда-то* вы были лягушкой или волком...

Говоря о психологии человечества, Юнг предлагает такую метафору.

Бескрайнее море. По нему плывут корабли, их бесчисленно много. Но это не флот — каждый корабль плывет своим курсом.

Чем выше мы поднимаемся над морем, тем многочисленнее эти кораблики и тем синее, глубже, бездоннее вода.

Вот сущность великого открытия Юнга. Есть общий для всех людей пласт коллективного бессознательного, “по которому,— говорил он,— личное, индивидуальное сознание плывет, как корабль”.

Это поразительно сильное сравнение: вода в стакане прозрачна, вода в океане темна.

Разумеется, берега есть и у океана. У воды всегда есть берег. Рождение и жизнь — это переправа *оттуда*, с одного берега на другой. На берег смерти. Пройти — значило *переплыть*. Вспомните древние легенды географически и культурно далеких предков.

В плывущей корзинке были найдены (еще детьми, конечно) и пророк Моисей, и царь Саргон, и основатели Рима Ромул и Рем, и восточный властитель Чжу, и согласно одному сказанию — Чингисхан. Этот ряд можно продолжить. Но всем знаком и сказочный герой — Гвидон.

Помните? В небе блещут звезды, в море плещут волны, качается на волнах бочка. Растет в ней мальчик. И вот он “вышиб дно и вышел вон”. Рождение! Причем это как бы второе рождение. Поначалу его посадили в бочку, потому что царю Салтану донесли, что царица родила “неведому зверюшку”.

А что это вдруг царь *в такое* поверил? Что он на ребенка посмотреть не мог? Ответ прост: ему сообщили, что царица родила оборотня. Так что вид младенца не убедил бы: то он младенец, то скажем, волчонок.

Оборотень — вообще таинственный герой. Влекущий к себе, непонятный... Оборотнем считали, например, Лжедмитрия. И Пушкин, возможно, об этом знал. Его Самозванец очень обаятелен. На самом деле он был несколько иным. И как это русские люди могли поверить, что это — сын Иоанна Грозного? Непонятно. То есть поначалу-то как раз и не верили — “они же ему плеваху и на смех претворяху”.

Поляки поверили... но требовали, конечно, подтверждений. И вот...

Представьте себе Самозванца в зале дворца, по-польски роскошного, хотя и несколько провинциального. Придворные расступаются, но как-то недостаточно почтительно. Впрочем, он и должен стоять среди них — предстоит процедура опознания.

На службе у поляков подвизался некий холоп Петрушка, беглый из Москвы, который Самозванца никогда не видел в глаза, но должен был во всеулышание заявить: “Царевич! Как, ты спасся? Я Петрушка, твой верный слуга!”.

“Верного слугу” привезли в Жаложницы, во дворец канцлера и наскоро проинструировали, кого он должен опознать: “рыжий... бородавка... левая рука короче... красный камзол...” и т.п. Но опознаватель был не только мелкий жулик, но глупый, наивный парень.

И вот этого Петрушку вводят в зал. Говор стихает.

Общее ожидание.

Петрушка видит, что среди вельмож стоит некто, с пронизывающим взглядом светлых глаз, странный, рыжий, одна рука короче другой, понимает, что это — оборотень. И молчит.

У него отнялся язык.

Мертвая тишина.

Все смотрят на “царевича”. Он смертельно побледнел, замер, но тотчас нашелся — и презрительно улыбается.

— Узнаешь меня, верный слуга? — говорит он.

— Узнаю,— отвечает растерявшийся лжесвидетель. Он преодолел внезапную немоту, слезы облегчения текут по его лицу, “царевич” треплет его по плечу.

Вам эта сцена смутно о чем-то напоминает. Я вам помогу. Это напоминает вам “Золотого теленка”. Встречу детей лейтенанта Фимидта у председателя горсовета. Там уже сидит один — и вдруг заливается другой.

Мучительная пауза.

— Узнаешь брата Колю? — железным голосом спрашивает Бендер испуганного Балаганова.

— Узнаю! — восклицает прозревший Балаганов.— Узнаю брата Колю!

Сходство этих сцен случайным назвать нельзя. Архетипический прообраз тут, разумеется, есть. К оборотню нельзя обращаться первым. Он сам должен был заговорить.

Особенно опасно было спрашивать как его зовут. “А меня не зовут, я сам прихожу”, — отвечал оборотень... и становился волком.

Как видите, происходившее на самом деле и придуманное писателями странно совпадает. Случайно ли это? Разумеется, нет.

С темой оборотня связана и не имеющая разумных объяснений популярность зачастую просто глупых “шпионских фильмов”. Хотя “Семнадцать мгновений весны” “просто глупым” не назовешь.

Почему так нравились, да, в сущности, и сейчас еще продолжают нравиться этот фильм, эта роль? Что, артисту особенно к лицу эсэсовская форма? Нет, дело не в этом. Дело в том, что он *оборотень*, он обернулся эсэсовцем... и не случайно один из самых впечатляющих эпизодов — это проход (заметьте, тут не стрельба, не угрозы, не объяснение в любви — просто идет человек в форме)... Проход Штирлица по Большому дому на Принц-Альбрехтштрассе, когда там уже начинают догадываться, что он оборотень.

Действительно, к нему никто не решается обратиться. Только проносятся от телефона к телефону, от кабинета к кабинету: “Штирлиц идет по коридору! Штирлиц идет по коридору!...”

Сознанию, или точнее, подсознанию этих людей образ оборотня не только не чужд, а даже втайне близок. Когда союзники оккупировали Германию, эти люди оделись в штатское, ушли в подполье, в организацию “вервольф”.

Вервольф? А что, собственно, такое “вервольф”?

Оборотень. Волк-оборотень.

За волком и лесом стоит непередаваемо далекое прошлое. Лес — это мир, в котором существуют иные возможности. Как после смерти, как во сне. Отношение к волку амбивалентно. Он и страшный враг, и предок лучшего друга — охотничьей собаки. Он, может быть, человек! Он только на время, колдовским образом стал волком. Кто знает?

Вспомним гениальные рисунки Ватагина к “Маугли”. Он, как и Киплинг, отлично понимал, что братство с волками есть по сути дела братство с людьми. Одно только (невероятно трудное!) условие придает смысл и ценность этому братству: ты должен оставаться сам собой, а значит — человеком. Как только потеряешь свое “я”, станешь таким, как другие, — обратишься в волка.

Вот смысл этой великой книги.

Вот почему ее читают и будут читать дети всего земного шара.

Потому что каждый должен оставаться собой.

Живите так, чтобы все узнавали и помнили — вы человек.

¹ См.: Мазелло Р. Падшие ангелы и духи тьмы. — Ярославль, 1995. С. 112—122.

Власть прошлого

Власть прошлого над нашим поведением сродни его власти над нашим сознанием.

Здороваясь, мы пожимаем руки, не для того, чтобы убедиться, что в них не скрыты нож, игла или острый камень. Но все

равно, рукопожатие есть телесное соприкосновение, и оно служит символом доверия.

Символический характер, как это показал некогда Фрейд, носит обручение: кольцо надевают на палец, предвещая и изображая акт высшей близости, какая только возможна между женщиной и мужчиной, акт полного доверия с его стороны.

Да, именно с его стороны. Ложась в постель с женщиной, он не задумывается, какой это был когда-то акт доверия, ведь она — не родная, не сестра, не мать, ты же гол, незащищен, после ты вскоре уснешь, ей так легко тебя убить!

Так, от руки Хильдочки, Ильдики, на брачном ложе умер Аттила. И в Библии есть классический сюжет о том, как Юдифь пришла в красный шатер вражеского военачальника Олоферна, отдалась ему ... и убила его — отсекала спящему голову.

Этому сюжету посвящены стихи Гумилева:

Сатрап был мощен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И все же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но верно в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Сравним “Юдифь” Боттичелли и “Юдифь” Джорджоне.

Боттичелли был в высоком смысле слова реалистом и (хотя это 1472 год) рисовал тех, кого мы видим ежедневно и знаем хорошо. В картине Боттичелли Юдифь возвращается из лагеря Олоферна с ребенком ученицы ПТУ, которая возвращается в обществу после первой в жизни ночи любви. Для полноты впечатления ее сопровождает сплетница-подружка: это служанка с головою Олоферна. Юдифь, опечаленная, молоденькая, усталая, рассеянно помахивает веточкой и зеленой веточкой.

А вот теперь Юдифь Джорджоне. Со слабой презрительной улыбкой она попирает голову Олоферна. Мы привыкли, что тело женщины дарит жизнь, а меч мужчины ее отнимает. Но здесь мы видим, как мудоувишно, невероятно близки жизнь и смерть.

“История Юдифи” — диптих, написанный Сандро Боттичелли в 1470—1472 гг. Самое богатое собрание картин Боттичелли — в Галлерее Уффици (Флоренция). Там находится и диптих, часть которого здесь воспроизведена.

“Юдифь” относят к числу ранних работ Джорджоне, выполненных на рубеже XV—XVI столетий, но она написана рукой зрелого мастера. Хранится “Юдифь” в Эрмитаже (Санкт-Петербург).

Вы уже обратили внимание на то существенное обстоятельство, что роль влечений Фрейд преувеличивает, причем именно роль либидо. Но ведь “влечения вообще не всегда носят собственно сексуальный характер, равно как и кодированные в сновидениях переживания”. В то же время идеи Фрейда, выходя и за рамки клинического их применения, заставляют задуматься о многом.

И о смерти.

О том, что внутреннего запрета на мысли об убийстве и смерти, в сущности, нет.

У М. Зощенко, который путем самоанализа пытался проникнуть в тайны подсознания, есть замечательная мысль: “нижний этаж” сознания, подсознания “страшится опасностей значительно, видимо, больше, чем страшится смерти, ибо не понимает, что это такое — вернее, не понимает ее так, как мы понимаем ее разумом”. Поэтому изобретение митральезы, атомной бомбы, д’Артаньян, пронзающий де Варда — он приколот его шпагой к земле, как бабочку булавкой, и многое, многое другое вызывает живейший интерес.

Да, существует и трагическое влечение к собственной гибели — ради других или от бездонно глубокого разочарования в жизни.

А мысли о любви? Вот простор для желаний и воображения, все это знают с юношеских лет.

И все это влияет на сознание серьезно, определительно. С борьбой Эроса и Танатоса связана и уходящая далеко в прошлое традиция, радикально отвергающая фундамент научной картины мира, превосходство интеллектуального начала, ценность технической смелости... Анализ и научные дискуссии уступают место напору невыраженного опыта, — так характеризует эту традицию Томас Манн. Поразительно, что где-то на первых порах это соблазняет и мыслящих людей. Им суждено одуматься, только потом, когда хлынет поток иррациональной злобы. Иррациональное соблазняет людей своей общедоступностью и, самое главное, своим изначальным имморализмом. Это даже и не отрицание морали. Ее просто нет. По ту сторону добра и зла. Да, по ту сторону. Может быть, и по ту сторону знания?

Ведь Древо познания добра и зла обещало так много. Но по сути эти обещания были выполнены: эти обещания касались самого глубокого познания, которое дано человеку, — познания Другого. А просто знание, научное знание?

А понимание?

Оно никогда не уйдет из жизни, и в изучении глубин понимания находит лишь все более глубокую, основанную на незыблемом прошлом опору.

Это относится и к пониманию текстов, и к пониманию реальных ситуаций.

Автомобиль, самолет, поезд — все это входит в жизнь человека, становится частью саги, мифа, рассказа о нем.

Представим себе три различающихся по времени, месту и характеру ситуации.

Вот первая.

Вечерняя улица. Отчаянно тянет руку, голосует девчонка в джинсах — машины проносятся мимо. Но вот одна из них сворачивает к обочине. Человек в черной кожаной куртке приоткрывает дверцу. Он не похож на гуляку. Он очень серьезен, почти мрачен. Он кивает, девчонка торопливо усаживается рядом.

Меркнут кровавые стоп-сигналы, машина срывается с места и уходит в даль темнеющей улицы.

Может быть, она сунет ему десятку, и он послушно приотормозит на углу?

А может это похищение еще одной подопытной для ученого, который ставит преступные эксперименты с ЛСД?

Темный подъезд. Мужчина твердо взял девушку под руку, и она смотрит на него с удивлением и страхом.

Что будет дальше? Неизвестно. Но прообраз этой реальной жизненной ситуации мифологичен.

Как и другой — в ней тоже скрыто начало оборванной смертью (и потому тоже таинственной) истории.

Взлетает истребитель Чкалова. Это ревущий краснокрылый И-180. В кабине Чкалов показывает большой палец — во! — пилоту пролетающего мимо самолета. И вдруг рев обрывается. Мотор задыхается, стреляет, молчит. В мертвой зимней тишине И-180 ложится на крыло. Сейчас он пойдет к земле, войдет в последний разворот и рухнет вниз.

Некогда орел Зевса воплощал выс, в которой живут олимпийцы, — это был их мир... А на земле дышали огнем и выдыхали дым огромные драконы.

И вот третья ситуация.

Длинный немецкий эшелон в Польше 1942 года. Он угрожающе надвигается на маленькие, мелькающие перед ним тень... и с грохотом сходит с рельсов.

А дракон повержен!

Это было под Бялой Подляской. Это “Армия Крайова”, с ее безумной и всепоглощающей верой в Бога, Польшу и независимость. Солдаты “Армии Крайовой” чувствовали, что живут в мифе, в саге, в эпосе о самих себе.

¹ См.: Ротенберг В. С., Армавский В. В. Понсковая активность и адаптация. М., 1984.

² Зощенко М. М. Повесть о разуме. М., 1976. С. 79.

Эти примеры выбраны не случайно. Вместо Зевсова орла или птицы Рух — самолет; вместо сражения с драконом — железнодорожная катастрофа; Плутона, похищающего Прозерпину, сменяет лихач-водитель, — так говорил Юнг.

Архетипические аналогии между пробуждением от сна, оживающей от зимнего сна природой и воскрешением проявили себя в древнеегипетских “текстах пирамид”. Они были выполнены в цвете, и “зеленый цвет иероглифов, цвет воскресения, уже внешним видом свидетельствует, что этот древнейший литературный памятник человечества является вместе с тем и первейшим словесным протестом против смерти и средством борьбы с нею, средством, явившимся в помощь монументальной борьбе, которая выражалась доколе в сооружении колоссальных царских гробниц, лишенных каких-либо надписей и изображений”.

Архетипическое сходство смерти и сна, впрочем, амбивалентно в своих конкретных воплощениях: один из наиболее простых и сильных афоризмов времен Французской революции был начертан по приказанию Фуше на кладбищенских стенах: “Смерть — это вечный сон”. Он хотел разубедить верующих, говоря с ними на их собственном языке: ведь они верили, что проснутся, воскреснут. Нет. Смерть — это сон вечный.

Помните, как Фрейд объясняет, почему продолжают сны? Если бы нам кто-нибудь рассказывал содержание сна, говоря, что такое было на самом деле, мы давно перебили бы его: чушь несешь! Но сон дороже человеку, чем бодрствование, и его сознание словно шепчет сну: “Да, ты прав, только дай мне спать”.

И мы спим и снимаем друг другу.

**Архетип,
тексты
и культура**

Человек и культура неразделимы. Каждый человек принадлежит определенной культуре, исторически сложившейся культуре, и одновременно он ощущает, что культура эта принадлежит ему. Возникает это чувство потому, что фундаментальный уровень культуры образован языком.носителем языка является человек, который не в состоянии произвольно изменять его. И в то же время язык принадлежит человеку, который свободно им владеет, и начала духовного творчества коренятся в свободном построении текстов. Текст — это воспроизводимая последовательность знаков или образов, обладающая смыслом, в принципе доступном пониманию.

Архетип рассматривается нами как воспроизводимый в психике людей способ связи вещей, их исходный контур. Точнее, это порождающая система, образованная минимальной структурой явлений, которая представлена в культуре, транслируется вместе с текстами.

Архетипам присущи следующие особенности: 1) минимальные структуры осознаются в трансформированном виде; 2) они трансформируются; 3) они выражаются в текстах, носящих характер трансформаторов, то есть они как бы “происходили на самом деле”, “недавно”, “давно”, они обрастают деталями и, что проявляется с поразительной повторяемостью, — они кажутся понятными, они иногда при видимой нелепости) прекрасно запоминаются и передаются из уст в уста.

О некоторых трансформаторах трудно судить с должной объективностью. Они поразительно впечатляющи. Таковы, например, марийские предания о мамонтах: как они проходят, не оставляя следов на снегу (их замечает длинная, свисающая темно-красная шерсть), как становятся в круг, ограждая детенышей, когда начинается буря. Невольно задумываешься — уж не видели ли мамонтов рассказчики?

В современном мире архетип противостоит стереотипизированным стандартам восприятия. И стереотип, и архетип — это предельно обобщенные формы образного сознания. Удивительно интересен взаимопереход этих форм в текстах, характерных для современной мифологии. Вспомним в этой связи мифы о летающих тарелках (их унылая стереотипность восполняется подделкой под “душевно освоенное содержание” — свидетельствами очевидцев). Вполне аналогичен и миф об обитаемом озере: это Лох-Несс, Лох-Морар, Лох-Шин в Шотландии, Шамплейн в штате Вермонт (США), Похенегамук и Оканоган (Канада), Торнетрэк в Лапландии (Швеция), Тяньчи в горах Чанбайшань (Китай), Кёк-Кель (в Казахстане), Сары-Челек в Киргизии. Перечень этот можно было бы продолжить, но и этого перечисления, пожалуй, достаточно. Признаки обитания чудовища (змея) совершенно идентичны психологически: его видят вполне заслуживающие доверия очевидцы, фотографий никто не успевает сделать, рассмотреть чудовище детально также не удается, все попытки его поймать оказываются по различным причинам неосуществимы.

Мифологическая природа зарождения и воздействия этих своеобразных текстов несомненна, хотя форма их существования стереотипизирована. Возможно, это связано с формой их распространения в сфере массовой коммуникации, но вполне очевидно, что в их основе лежит архетип змееподобного чудовища, обитающего в озере. Правда, в индийской мифологии в этом контексте озера нет. У якутов оно есть. Здесь можно наблюдать озеро — некогда обиталище змея — в полной конкретности, настолько, что боялись ходить мимо озера, где обитал змей...”¹ Для В. Я. Проппа змей — существо сказочное, и никакие иные соображения он просто не

¹ Тураев Б. История Востока. М., 1920. С. 13.

¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

принимает в расчет. Но для тех, кто писал о Лох-Несс, о Лох-Морар (это менее известный вариант легенды с иной локализацией), таинственный змей был реликтовым обитателем озер, и в прессе недавно еще, четверть века спустя после публикации фундаментального труда Проппа, можно было встретить рекомендации обследовать озера Хайыр, Ворота, Лабынкыр как вероятную зону обитания доисторических рептилий (те самые озера, близ которых некогда страшились охотиться местные жители). Есть подобное озеро (Кёк-Кёль) и в Казахстане: оно является якобы обиталищем змееподобного айдахара, который временами всплывает на поверхность, тяжело дыша, и пугает птиц. Весьма любопытно, что значительная часть упоминаемых фактов нашла объективное подтверждение: дно озера образовано мореными отложениями, в промоины которых периодически засасывается вода, и след ее движения возникает на поверхности подобием извивающегося змея, раздаются при этом и странные звуки, распугивающие птиц. Вымысел, как видим, довольно прочно опирается на действительность.

Вопрос о свойственной воспроизведению архетипов “опоре на реальность” заслуживает особого внимания. Он возникает неожиданно в самых различных сферах научного знания. Х. И. Изаксон, свыше 20 лет исследовавший явления сомнамбулизма (лунатизма), приводит случаи реализации достаточно сложных целеустановок во сне: хозяйка в приступе сомнамбулизма встает ночью и стирает замоченное на утро белье, затем возвращается в постель, а просыпаясь, ничего не помнит. Белье выстирано (или, скажем, подметен пол). Как это произошло? Напрашивается ответ: домовой. Это он сделал. И о нем рассказывают.

Имеет этот вопрос особое значение для исследования понимания действительного и вымышленного и связи между ними.

“Во все времена борьба в искусстве происходила не между чистым вымыслом (которого не существует) и наблюдением действительности (без которого не обойтись), а между смыслом произведения и угрозой бессодержательности”. Да, без наблюдаемой действительности обойтись нельзя и “чистого вымысла” не существует там, где он, казалось бы, необходим, смысл произведения более, чем где-либо и когда-либо, опирается на восприятие действительных фактов. Возьмем абсолютно невероятные, полностью исключенные из реальной действительности ситуации — плод воображения классиков странного жанра, столь неточно именуемого научной фантастикой.

Первая ситуация: нашу планету терроризируют существа, которые сосут человеческую кровь. Большелобые, внимательно следя-

¹ Драгон Л. Надо называть вещи своими именами // Писатели Франции о литературе. М., 1978. С. 339.

щие за людьми темными глазами, способные выражать звуками, скливающим криком лишь ощущение одиночества и болезни, а удивительное — произвольным уханьем. Беспомощно неуклюжие марсиане. Исходный объект смыслового восприятия системен, взят и перемонтирован — это младенческие черты ребенка, которые лежат где-то в глубинном подтексте, они трансформированы в воображаемом целом, но не исчезли. Они придают жуткую, не вполне даже понятную убедительность марсианам Уэллса.

Столь же убедительны вызывающие произвольное отвращение морлоки.

Это вторая невероятная ситуация — мир сотни тысячелетий спустя, человечество, расколовшееся на два биологически различных вида. Бесшумно возникающие, отвратительно мягкие под ударами, боящиеся света, то медлительные, то торопливые, трусливые и упорные морлоки. Ваше подсознание уже ощутило, каким насекомым подобны эти существа.

Третья ситуация: “Маска” Лема. Девушка загадочной красоты и ума, которая внезапно осознает свою сущность, понимает, что она — точно запрограммированный робот, и испытывает “нет, не страх, а ощущение рока, чуждой тяжести предназначения, неизбежного, неотвратимого: знание, подобное предчувствию смерти — знание, что уже нельзя отказаться, уйти, убежать, даже погибнуть, но иначе”. Вполне очевидно, что это за чувство, знакомое и действительно понятное только женщинам.

Сказанное никак не следует понимать таким образом, что Ф. Дж. Уэллс или Станислав Лем сознательно ориентировались на эту наблюдаемую действительность, творя художественный вымысел. Равным образом и читатель не должен осознавать эти компоненты содержания как действительно существующие в окружающем его мире. Напротив, все это — в сфере бессознательного. Дело глубинное. Объективно существует наблюдаемая действительность, которая только и образует опору смысла. Существуют определенные контуры реальности в глубине сознания — архетипы.

“Использование мифа, проведение постоянной параллели между современностью, это, — считает Т. С. Эллиот, — не больше, ни меньше, чем способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение...”. Но использование мифа к упорядочению, структурированию не сводится. Полвека спустя стало очевидным, что заключенный в миф архетип несет в себе и то, что психологи прошлого называли энной, энергия человеческого ума. Энергия мифа — это, можно сказать, то, что питает современную литературу огромной первозданной поэзией человеческого духа, творчества и надежды. Если беллетристика, суть унылый копиизм,

¹ Лем С. Собр. соч. Т.5. М., 1994. С. 294—337.

² Эллиот Т. С. Бесплодная земля. М., 1971. С. 163.

замыкает человека на себя, в быт, отчуждая его от забот и тревог всего мира, то миф, включенный в реализм и сам ставший реальностью жизнеощущения человека, — свежий ветер, наполняющий паруса времени и литературы, устремляя их к бесконечному горизонту познания истины и красоты”, — говорит Ч. Айтматов. И примечательно, что миф для него — “свежий ветер”. Вполне очевидно, что речь здесь идет не о мифологии, а именно о некоторой первооснове, архетипах, воплощаемых во вполне современных по замыслу произведениях литературы и искусства. Так, разгадку “стойкой очарованности творчеством Киплинга” Н. Дьяконова и А. Долинин видят в постоянной его связи с самыми глубинными слоями человеческого сознания: “Не только в своих прославленных сказках о животных, наподобие “Белого котика”, но и во вполне “правдоподобных” рассказах и стихах он часто опирается на первичные, архаические сюжеты и образы, издревле хранящиеся в коллективной памяти человечества”. Очень убедительно. И это относится не только к Киплингу: есть писатели, которые считают обращение к архетипам целительной необходимостью для современного искусства. И не только для искусства.

В 1968 году А. Торрес говорил Андре Мальро, что в прошлом “у людей тоже был интерес к бессознательному, кто спорит! Но они стремились эту сферу завоевать. Теперь она завоевала их”. И он был прав — быть может, более, чем сам подозревал. Дело в том, что бессознательное надвинулось на нас не только призраком психоделической цивилизации. Изменилось понимание. “С некоторых пор Фрейд стал у нас менее важен, чем Юнг”, — заметил тогда же Торрес. И здесь — дорожка к новым силам бессознательного, на этот раз коллективного. Как уже говорилось, Мирча Элиаде утверждал даже, что некогда, в библейские времена, Бог говорил с человеком с глазу на глаз, затем сместился в сознание (ему молились, в него верили, о нем спорили, но его не видели), а теперь он ушел в подсознание, но продолжает (даже не для нас, а в нас) существовать. А если в нас — значит и в себе.

Отсюда отнюдь не следует, что архетип проявляет себя только в мире обыденного сознания, веры, политики, искусства. Система наук о человеке и обществе должна опираться на исторический подход к ныне существующим явлениям. При этом обнаруживается, что многие из них имеют глубокие корни в прошлом. В частности, существуют архетипические структуры мышления, которые сохраняют общие черты, обновляясь в процессе социального развития человечества.

Понятие “архетип” получает объясняющую силу при исследовании таких феноменов культуры, как миф, эпос и позднейшие про-

ведения художественной литературы и именно как компонент научной теории понимания.

Архетип — это смыкающий компонент в системе “человек — действительный мир”. Ведь человек — это тоже действительный мир, это его часть, и с древнейших времен психика человека несет в своих глубинах отпечаток структуры действительного мира. Собственно, поэтому человек и способен воспроизводить его в своем творчестве, а другие люди — испытывать воздействие этого творчества. Архетипы образуют фундамент понимания, погруженный в глубины общего для всех людей бессознательного слоя психики.

¹ Мальро А. Зеркало Лимба. М., 1989. С. 292.

ТОТ, КТО ПОНИМАЕТ

Он все понимает, а это самое главное... Очень трудно жить, когда тебя не понимают. Даже невозможно.

С. Бобров

Это человек. В этой главе мы рассмотрим его как участника исторического процесса. Ведь понимают друг друга (и самих себя) люди конкретные, исторические. И то, что они слышали и читали, — тексты — тоже порождение истории. От нее никуда не уйдешь, да и уходить некуда. Ее надо понимать, знать свое место. Говорят, что место в истории есть только у выдающихся людей. Это неправда. У каждого из нас, грешных, есть свое место в истории, и у вас, и у меня. А что касается выдающихся людей, то о том, кто они, свое слово скажет именно история, а не современники. Им же не мешало бы почаще вспоминать старинную поговорку: “Подождем, пока осядет пыль. Может быть, это прошел ишак”.

Главная задача

Итак, наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть человека как участника эволюции общества: иначе говоря, человека как каплю в потоке, текущем из прошлого в будущее.

Основная сложность проблемы заключается в том, что огромное количество событий и лиц, сыгравших важную роль в мировой истории, нам просто не известно, и мы судим о многом только по исторически непродолжительному отрезку времени в несколько тысяч лет. А что было до? Ведь то, что человечество было невелико, не дает основания принижать значение стартового периода человеческой истории. “Один из распространенных соблазнов для всякого размышляющего над историей и типологией культур и цивилизаций — считать: “Этого не было, значит, этого не могло быть”, или перефразируя: “Это мне не известно, значит, невозможно”. Факти-

чески это означает, что тот незначительный, сравнительно с общей написаной и писаной историей человечества, хронологический отрезок, который мы можем изучить по хорошо сохранившимся письменным источникам, принимается за норму исторического процесса, а культура этого периода — за стандарт человеческой культуры”. Вообще дописьменная или, скажем, бесписьменная часть человеческой истории принесла нам самого человека — самый главный элемент человеческой истории. Правда, является ли он таковым — это еще вопрос.

Принцип Тойнби

И ответить мы на него не сможем, если не будем, опираясь на принцип Тойнби, раньше рассматривать целое, исторический поток, историю, а не элемент ее, даже если это такой важный элемент, как сам человек. Принцип этот, сформулированный крупнейшим историком XX века А. Тойнби, гласит: “Чтобы понять часть, мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом, потому что это целое есть поле исследования, умопостигаемое само по себе”¹. Проблемы, которые мы сейчас предполагаем обсудить, относятся к истории как к целому, но решение этих проблем имеет, естественно, прямое отношение к частям этого целого. Повторно замечу, что конечная наша цель состоит в том, чтобы рассмотреть место и роль человека в историческом продвижении человечества, и проблема эта не вполне совпадает с традиционным для нашей науки вопросом о “роли личности в истории”.

**Поиски
новой
парадигмы**

Необходимость новой методологии анализа научной проблемы возникает в ситуации, когда прежние методы исчерпали себя. Это не значит, что они вообще были неэффективны и неверны. Это значит, что они были этапом в развитии научного знания, этап этот проходит или уже прошел: наступает следующий. Проще всего, конечно, порочить этап предшествующий, благо недостатки его заметны, они лежат на поверхности. Но задача ученого в данной ситуации состоит в том, чтобы искать пути к новой парадигме.

Ныне ясно, что попытки заменить изучение человека поиском абстрактных законов общественного развития потерпели крах. Законы экономические и социальные, конечно, существуют, но они волею судьбы входят в жизнь благодаря деятельности людей. Выяснилось, что на магистральном пути общественного развития находятся те социальные системы, которые строятся на наиболее полном учете сильных и слабых сторон человека как индивида. А социальные

¹ Лотман Ю. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 7.

² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 28.

системы, которые постоянно оперировали понятиями господствующих наций, классов и масс, потерпели поражение и распались. Это о многом говорит. Прежде всего о том, что гуманитарные и экономические науки должны обрести новый ориентир — человека. Не только и не столько совокупность общественных отношений, сколько живое существо.

Три кита, на которых держалось марксистское понимание истории, уплывают в прошлое. Это: 1) историческая необходимость — как выражение объективных законов развития человечества; 2) определяющая роль бытия по отношению к сознанию; 3) роль материальной собственности как основной политической и экономической категории исторического процесса.

В мировой науке изменились сами отношения, привычные для нас. Стало ясно, что необходимое — лишь часть случайного, что роль индивида, личности в истории куда выше, чем было принято считать, а роль индивида в науке и культуре вообще доминирует.

В теологической литературе не прекращаются дискуссии вокруг “треугольника существования”. Три вершины треугольника определялись как Бог, Человек и Мир. Отношение Бога к Миру характеризовалось соответственно как творение, к Человеку — как откровение. Но как определить отношение Человека к Миру? Этот вопрос занимает и верующих, и тех, кто сомневается и в акте творения, и в сущности откровения.

Возможно, что отношение Человека к Миру — это понимание. Влиятельные, даже ведущие теологи определяют это отношение как страдание (и к тому есть не только религиозно-канонические, но и фактические основания). Но определяя это отношение как понимание, следует исходить из принципа Спинозы — “не плакать, не смеяться, а понимать”, толкуя его как основополагающий для познания человека и его судьбы. Вне понимания мира теряют смысл деятельность и существование человека. Идеи не могут стать силой общественного развития вне их речевого выражения и только благодаря речи они обретают понимание их людьми.

Как возникают новые концепции

Концепции, которые представляются принципиально новыми, формируются под влиянием трех главных факторов: 1) внутренней логики развития научного знания, 2) личной одаренности творцов этих концепций, 3) массового общественного сознания своего времени. Немало усилий было затрачено на то, чтобы продемонстрировать значение первых двух факторов для формирования марксизма. О третьем факторе речь обычно даже и не заходит. Для науки вообще затруднительно осуществлять рефлексию над полем идей, которым она обязана своим существованием; наука их приравнивает и объявляет собственным внутренним достоинством, не до-

пуская и сомнения в их внешнем, ненаучном происхождении. Между тем наука всегда находилась под сильнейшим влиянием массового сознания, существующим, впрочем, и по сию пору. Достаточно упомянуть распространённый, совершенно уже неразрушимый стереотип относительно того, что все происходящее в социальной жизни “попадает в гены”. Т. Д. Лысенко просто воспроизводил на ином уровне предрассудок о наследовании приобретенных признаков, облекая его в наивно-ламаркистское одеяние и придавая ему особенно однозную форму.

Еще во времена предшественников К. Маркса в массовом сознании стал складываться стереотип, согласно которому все, что потребно человеку, может быть произведено, а значит производство — становой хребет общества. Маркс перевел это представление на язык науки. В его учении производству придавалось значение исключительное. Он имел к тому все основания. Действительно, для человеческого существования необходимы материальные блага. В сущности, откуда бы они могли явиться без производства? И Маркс, показав необходимость материальных благ, переходит к создающему их производству. Но лишь с развитием общества стало ясно видно, что на человека влияют именно плоды производственного процесса, плоды, которых производство не приносило раньше.

Раньше речь шла о способе производства продуктов. Теперь речь идет о новых продуктах производства — от танка до видеомэга-тофонов, которые способ производства породил.

И тут возникает вопрос: не продукты ли труда играют решающую роль в существовании человеческого рода?

Анализу материальных благ ни Рикардо, ни Маркс, ни Каутский внимания не уделили. И не случайно: ведь во времена Маркса новым был способ производства, новыми были орудия производства, но никак не сами продукты производства. В те времена еще ездили в каретах, самым сильным родом войск была конница, а о радио, телевидении, авиации и речи не было. Казалось, что производство уже известных (и необходимых) людям материальных благ, рост производительности труда решат все экономические проблемы — нужен только новый способ производства этих благ.

Новый мир, мир новых продуктов производства — от синтетики и телевизоров до штурмовой авиации и установок “Град” (которые особенно трудно отнести к числу материальных благ) — Маркс не видел в глаза. Уже не способ производства, его продукты стали определяющим образом влиять на людей, их деятельность, образ их мыслей.

А новый взгляд на историю только складывается. Новое понимание истории встает из руин старого. Но пока существуют широкие возможности интерпретаций, хотя и новых, но произвольных.

Это тонко почувствовал еще Лев Толстой. “Захочу, разрежу так, а захочу — вот так: вот и вся ваша наука”, — сказал П. Н. Миллюкову Лев Толстой, завершая беседу об истории. Он придвинул к себе торт, разрезал его и стал угощать Миллюкова чаем. Это был символический жест. Общепринятой исторической теории нет. Нет и точного понимания отношения *история—человек*.

История и личная судьба

“Если история не обладает смыслом, то личная судьба не существует”. Тут есть три варианта.

Первый: никакого смысла в истории вообще нет. Процесс есть, но откуда никак не следует, что он осмыслен или что жизнь его участников осмыслена — отнюдь! Столько же смысла, сколько в существовании рыб и слонов. Или динозавров.

Второй вариант. Процесс развития человечества существует, движутся в будущее классы, нации, государства. Вписаться в движение тех социальных образований, которые имеют наиболее яркую историческую перспективу, — вот и решение проблемы осмысленности индивидуального существования.

Но есть и третий путь. Жан Маритэн¹ полагает, что история обладает “собственной финальностью”, которая придает ей смысл: возрастающее овладение силами природного материального мира; совершенствование человеческого бытия (путем развития цивилизации и культуры; главные факторы тут — наука, философия и искусство); актуализация возможностей, заложенных в природе самого человека. Его силы и потребности лежат в основе цивилизации.

Цивилизация и общество

Каковы реальные координаты исторического процесса?

Историческое время и историческое пространство не тождественны физическому или географическому. Географически Европа — лишь небольшой полуостров гигантского континента, но история показала, сколь велик ее цивилизационный потенциал. Исторически отдельные годы могут значить больше иных веков. Это хорошо известно и теоретикам исторического процесса, историософам и историкам-аналитикам, детально знающим те или иные эпохи и периоды в развитии народов и государств, и миллионам людей, пережившим кризис и распад советской империи.

Недавние исследования показали, что генетическое родство даже различных по антропологическим, культурно-языковым и иным параметрам народов выражено как будто бы более отчетливо, чем это предполагалось ранее, и это позволяет задуматься над предпо-

¹ Maritain J. Religion et Oeuvres. — Paris, 1975.

сылками процессов, которые стали разворачиваться в исторически гораздо более поздние времена.

Вообще вопрос о механизмах исторического процесса, неминуемо сближающих те или иные этнические, культурные и геополитические образования изучен еще очень и очень слабо. Сказанное не означает, что их исследовали мало: просто результаты исследований не всегда дополняли, а чаще противоречили друг другу. Тем не менее, “серийная история”, “психоистория” и ряд других направлений научного исследования дают основания надеяться, что здесь есть и неизвестные фактические аспекты происходивших в давнем и недавнем прошлом исторических процессов, а с другой стороны, здесь есть очень широкие концептуальные возможности.

Законы истории надличны. Несмотря на то, что роль человека в истории гораздо выше, чем еще недавно было принято полагать, несмотря на то, что воля индивида может направлять судьбы миллионов, есть, по-видимому, такие направления ветвящегося движения истории, которые необратимы, сколь бы того не желали отдельные личности и целые народы.

Дерево лучше знает, как ему расти. Его нельзя тянуть вверх за верхушку, нельзя вытаскивать из земли, чтобы осматривать его корни — от этого оно только засохнет. Таковы, вероятно, и результаты попыток управлять историческим процессом. Управлять людьми можно. Управлять историей нельзя. Происходит формирование таких исторических организмов, форма, род и сроки которых внутренне обусловлены. Частью такого огромного исторического организма, частью процесса его формирования, частью его жизни являются люди — индивиды и социальные группы. Мы изучаем его именно как живое, а значит имеющее перспективу существо.

Анализ его структуры, функций, событийных, идеологических и социально-психологических составляющих требует достаточно строго обоснованной историософии, то есть не описательной, а теоретической науки об историческом процессе.

Попытки Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби создать теорию цивилизаций как исторических организмов современные критики оценивают по-разному, но отрицать значения этих попыток нельзя. Они развили сам способ исторического мышления.

Существует и прямо противоположный им подход к истории, базирующийся на использовании концепций, основанных на истории информации, а значит учитывающих и значение второго начала термодинамики.

Информационный подход

Современная наука показала, что общество является самоуправляющимся организмом. Процесс внутреннего самопроиз-

¹ Barraclough J. Main Trends in History. — N.Y.: L., 1978.

вольного регулирования в обществе, как и в органическом мире, осуществляется благодаря “обратной связи”, действующей между различными социальными факторами. Примеры векторного анализа некоторых социальных явлений (городского транспорта, рождаемости, радиовещания и кинематографии) показывают, что прямо или же опосредованно, но “реальная (а не кажущаяся) регулирующая обратная связь в социологии всегда приводит к психологическому фактору — причине”. Внешняя среда оказывает огромное влияние на поведение личности в обществе; однако главным составным элементом “внешней среды” является внутренний мир индивида, его психология.

Общественное развитие существенно обусловлено количеством циркулирующей в обществе информации. Социальное неравенство и социальный отбор выдающихся личностей создают в обществе необходимую разность потенциалов и таким образом благоприятствуют развитию передачи информации. Устранение же социального неравенства неизбежно сопровождается возрастанием энтропии (выравниванием потенциалов) и затуханием циркуляции информации, которые могли бы привести к тому, что “все живые силы и все созидательные возможности исторической эволюции были бы безвозвратно стерилизованы”¹.

Главную угрозу для современной цивилизации и социального прогресса Э. Юан усматривает в “тоталитарных идеологиях, которые, будучи решительными разрушителями информации, позволяют кибернетической логике действовать только в направлении энтропии, однообразия и оконечения. Рассматриваемые лишь с этой точки зрения перспективы подлинного прогресса выглядели бы совершенно иллюзорными и кибернетически абсурдными”². Эта опасность возрастает в нашу эпоху, потому что она находит себе известную поддержку в общей тенденции развития современной техники, которая также ведет к определенной нивелировке образа жизни и сознания людей. Ссылаясь на высказанное одним из основоположников кибернетики У. Эшби предположение, что со временем компьютеры превзойдут людей по своим умственным способностям, Юан высказывает ряд любопытных предположений о том, что могло бы это значить в тоталитарном обществе. “Ибо если под соединенным влиянием идеологии масс и автоматической техники вот-вот произойдет великий прыжок в неизвестное, — пишет он, — то можно предвидеть стадию, когда предвосхищение Эшби будет реализовано практически, и кибернетические роботы смогут, возможно, решить также и проблемы сооружения механизмов и предписывать их решения своим слугам-людям. И тогда стала бы излишней даже та роль, которую еще сохраняли избранные мыс-

И тогда, — а все заставляет опасаться этого, — когда за моно-психологической нивелировкой последовала бы или даже существовала бы ей материальная нивелировка, то что осталось вообще от Человеческого Рода?”¹.

Естественная возможность спасения для человечества состоит в развитии дифференциации общества. “Человеческий гений, или что условились обозначать как таковой, — это прежде всего и выше всего гений нескольких человек”, — пишет Юан. — Интеллектуальный аристократизм — главный двигатель социальной информации, особенно богатой и разнообразной...”².

Автоматизм техники навис, как дамоклов меч, над современной цивилизацией. Но как много значит “фактор непредвиденности” и фактор метаморфозы”! Материальные факторы в истории решают многое, но не все. Судьбы человечества и цивилизации в конечном счете всегда находились в руках незначительного числа людей.

Исторический отбор не всегда выдвигал лучших, но, возможно, тех, кто в наибольшей степени способствовал процессу циркуляции информации и ее распределению в обществе. Эта точка зрения не обязательно правильна, но заслуживает внимания.

Юан явился одним из предшественников тех, кто ныне развивает теорию автопоэзиса. Этот термин впервые употребил У. Матурана, пытаясь определить жизнь как синоним циркулярной организации автономности и самовоспроизводства живых систем. Автопоэтические системы сохраняют свою организацию гомеостатически неизменной путем вариаций собственной структуры. Применительно к социальной системе организации — это сеть взаимодействий, отношений и процессов, посредством которых живые компоненты могут поддерживать свой автопоэзис. Социальная структура — это фактические связи живых компонентов. Организация — это множество главных связей множества возможных связей структуры. Именно эти главные связи определяют целостность, идентичность и границы системы.

Синергетика

Синергетика изучает явления самоорганизации с позиций термодинамики. Ее объекты — эффекты совместного действия множества взаимосвязанных элементов систем, удаленных от равновесного состояния и активно обменивающихся энергией и веществом с окружающей средой.

Открытость самоорганизующихся систем в смысле потребления энергии и уменьшения энтропии согласно второму закону термодинамики не противоречит утверждению об операциональной открытости автопоэтических систем. Мы сами находимся в одной

¹ Huan E. Du Biologique au Social. Paris, 1957. P. 94.

² Там же. С. 86.

¹ Huan E. Du Biologique au Social. Paris, 1957. P. 74.

² Там же. С. 49.

из таких систем — и поэтому не можем изучить ее объективно. Но, положим, нам удалось занять позицию внешнего наблюдателя — ситуация от этого полностью не проясняется.

Несовпадение областей восприятия внешнего наблюдателя и наблюдаемой живой системы заметно влияют на все описания: свойства наблюдателя искажают результаты наблюдения. В социальных системах бессилье внешнего наблюдателя или организатора связано с невозможностью *понять* всех индивидов. Роль наблюдателя, не учитываемая явно в нашей научной традиции, лежит в основе биологической теории познания У. Матураны.

Для анализа понимания идеи синергетики существенны и прежде всего потому, что в понимание заложено мысленное определение связей, преодоление хаоса.

Ф. Хайек предполагал, что наша цивилизация сложилась сама собой, несмотря на все попытки управления обществом. Возможно, что сейчас мы находимся в стадии разрушения нашего мира: связанное с автопоэзисом стремление систем к выживанию может обостриться и обостряется в этой ситуации.

Ниша для личности

Теперь перейдем к тому, чье существование было заслужено производственными отношениями, к тому, чья общественная роль сводилась к участию в производстве и потреблению его продуктов — к человеку. Заметим прежде всего, что в тени объективных законов развития осталась первая, если не главная особенность человеческого существования — его неповторимость. Вполне очевидно, что если бы социологическую нишу великого русского писателя занял Лермонтов, а не Достоевский (то есть, в том вполне вероятном случае, если бы Лермонтов не был убит на нелепой дуэли, а Достоевский был бы казнен — ведь он был помилован уже на эшафоте — или умер на каторге), то “Преступление и наказание” не было бы написано. Существовал бы иной великий роман. Но когда дело касается истории науки, а не литературы — действует ли там аналогичное правило?

Из истории науки мы знаем много примеров, когда только через несколько поколений вновь находилось то, что было в свое время открыто, но не опубликовано выдающейся личностью. Вполне возможно и мыслимо, что многое осталось и совсем не открытым из-за безвременной гибели тех, мысль которых могла бы это достигнуть, — писал В. Вернадский. Здесь затронут вопрос фундаментальный. Что же самое главное: внутренняя логика развития науки или ум ученого? Или, если поставить вопрос несколько по-иному: что существеннее — внутренняя логика развития событий или замыслы и деяния исторической личности? Ведь несомненно, что

тогое в истории оставалось и совсем не совершенным из-за безвременной гибели тех, воля которых могла бы это достигнуть.

Неповторимое и общее

Здесь вопрос о неповторимости индивидуального существования смыкается с проблемой *сущности* исторических решений. Как и во многих других случаях существование и сущность тут не совпа-

ют. Если существование каждого человека индивидуально, то в сущности немало общего с человечеством в целом.

Что же у человека общего с другими людьми? Не только относительно сходная телесная организация (строение тела и его физиологии передаются по наследству). Относительно сходным (и наследуемым) является и строение человеческого духа. Глубины душ человеческих едины. Людей объединяет общее для всех коллективное бессознательное, построенное из архетипов — прообразов, возникших в незапамятно древние времена, но существующих и поныне.

Однако реализация архетипов индивидуальна. Что же касается их творческого воплощения, то они служат фундаментом творческих процессов, результаты которых способны сближать людей вокруг единой культурной оси, которая протягивается из прошлого в настоящее, сплачивая людей на единой для данного этноса культурной основе. В этом плане представляется плодотворным сравнительный анализ эпического творчества, например, киргизов и исландцев. “Словесное искусство достигло (на острове Исландии. — А.Б.) необычайного расцвета и многообразия. В этих формах социальной памяти воплощались главные духовные ценности исландцев, их представления о мире и человеке, о его достоинстве. Культура была тем средством, которое сплачивало исландцев в народ, повышало его самосознание и укрепляло его жизнеспособность... Словесная культура аккумулировала и из поколения в поколение передавала социальную память — запас сведений, необходимых для существования и выживания общества, для сохранения и упрочения основных его ценностей. Эта социальная память формировалась в бесписьменном обществе, и те черты, которые она приобрела в период раннего средневековья, в основном сохранились и после появления письменности”. Разве не содержат эти соображения определенной основы для сопоставления роли саги с исторической функцией эпоса “Манас” и малых эпосов?

Все это внутренне связано с самой спецификой человеческого существования.

¹ Гуревич А. Я. Эда и сага. М., 1979. С. 94.

Экзистенциальные блага

Профессионалы абстрактного мышления, теоретики исторического процесса зачастую оставляют без внимания существование, экзистенцию индивида, которая не вмещается в рамки научной рациональности. Восемь экзистенциальных благ — *жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания и сны* — ценятся индивидом превыше многих замечательных достижений науки и общественного развития. Эти блага именно экзистенциальны, влечение к ним *sub specie aeternitatis* не оправдано, а в чем-то даже и абсурдно. Судите сами — далеко не каждый рискнет сказать, что жизнь его удалась: надежды в значительной своей части не обоснованны и приносят разочарования, никто не может с уверенностью взирать на будущее своих детей, удача приходит достаточно редко, воспоминания бывают печальны, а сны — бессмысленны. И тем не менее отказываться от всех этих компонентов личного существования ни один индивид по доброй воле не станет. Эти восемь благ несут сугубо личный и неповторимый в деталях характер, они придают существованию человека подлинную индивидуальность, без них он — никто, обезличенный участник процесса производства и потребления, неотличимая от других частица массы, которую влечет поток истории.

Сложность соотношения понятий “существование” и “сущность” применительно к употреблению понятия “человек” связана с тем, что *существование* каждого данного индивида индивидуально в своих конкретных проявлениях; его *сущность* же соединяет его с другими людьми.

Власть и ее тайна

Тайна власти заключена в том, что она всегда принадлежит *не всем*, а узкому кругу людей, которые ею дорожат. Властью не делятся. Когда ею делятся, ее перестают уважать. Этим как бы подтверждается архетипическое ощущение, что власть — женского рода. Недаром ее побуждения не всегда ясны, хотя она может сделать неизмеримо много хорошего, она окружена тайной, требует безусловного доверия (и всегда считает его заслуженным — удивительно!), требует уважения. Но она может быть и самоуверенной и даже капризной, а когда она покидает очаги, в них воцаряется запустение. Но, и в этом важнейшее условие ее существования, она должна быть порядочной. Она должна выполнять свои обещания, а не морочить людям головы. Ее сила должна быть велика, но и не беспредельна — иначе говоря, и у власти есть свое место. Если же эти условия нарушаются...

Тогда люди идут на крайние меры. Они понимают: без власти нельзя. Но почему именно эта? Они могут найти другую.

И происходит революция.

Правильно утверждалось, что основной ее вопрос — вопрос о власти. Но это вопрос *политический*, а бывает так, что его решает не политический переворот, в который массы не вовлекаются. Он может произойти где угодно, я был свидетелем одного из них в 1905 — как хорошо пишется, под ночные выстрелы! В 1920 путч произошел в Берлине — Капп, глупый и нахальный политик, при поддержке каких-то буйных военных занял резиденцию правительства и заявил о смещении президента. Политики побежали за помощью к командующему армией:

— Караул! Капп захватил государственную власть!

Командующий поправил монокль:

— Государственную власть? Интересно, где это он ее нашел?

Вопрос бил в точку. Действительно власти у правительства не было и, соответственно, никто его не уважал. Не было поэтому и порядка.

Между тем в само понимание слов “государственная власть” встроено ожидание твердо установленного порядка.

Слова — такие, как “Родина”, “государственная власть”, “революция”, “мир”, “победа”, — обещают, обещают исключительно многое. Их воздействие на личность и массы бесспорно. Они обращены к экзистенциальному благу — надежде.

Подлинной первоосновой существования гражданского общества и его экономического базиса является человек. В нем самом скрыта и природа общества, и специфика исторического процесса. И устойчивость фундаментальных общественных структур — не зависит ли она от различий (причем немногочисленных) в самой человеческой природе?

Думается, мы найдем ответ на этот вопрос, если поймем, что главное не в том, что человек есть, а в том, что он значит. А то, что человек значит, со всей яркостью проявляется в его значении для революции. “Сила, противостоящая революции, это не революция, а творчество, — писал А. Камю в 1945 году. — Мир постоянно находится в состоянии реакции и значит ему постоянно грозит революция. Прогресс же, если он в самом деле есть, обусловлен тем, что при любых порядках творцы неустанно отыскивают такие формы, которые одерживают верх над духом реакции и инерции и поэтому отпадает надобность в революции. Когда творческие люди перестают появляться, революция неминуема”.

Концепция Камю рисует нам картину, выходящую за рамки традиционно толкуемого столкновения “антагонистических противоречий общественного развития”. В ней есть место для индивида — носителя творческой энергии. Что же ее порождает? Помимо лич-

ной одаренности тут огромную роль играют социальные слои, постоянно действующие в обществе, человек существует в поле напряжения, создаваемом противоположностью этих сил. Образно выражаясь, мотор творческого решения проблем работает на топливе социальной напряженности, опасном, угрожающем сломать всю социальную конструкцию, если ее экономический фундамент дал трещины.

Диатрема

В истории общества бесспорно бывает момент, когда коридор возможностей сужается до двух противоположных, а в будущее сквозь коридор может пройти только одна из двух, и она проходит, с кровью отдирая от себя вторую, — это революция, это гражданская война, это, на языке теории, “проход через диатрему” (греч. *diatrema* — “отверстие”). Пройти через диатрему общество и массы не могут, если нет личности, которая избрала одну из двух возможностей, причем роль личного выбора может резко изменить последующий ход исторического процесса. В 1921 году, замещая профессора в Сен-Сире, Шарль де Голль говорил: “Счастливым случаем и смелостью уже не раз меняли ход событий. Не фатализму учит вас история — запомните ее урок. Бывают часы, когда воля нескольких человек ломает то, что причинно обусловлено и неизбежно, открывая новые пути. Если вы ощущаете все зло происходящего и опасаетесь худшего, вам скажут: “Таковы законы истории. Этого требует процесс развития”. И вам все научно объяснят. Не поддавайтесь этой научно обоснованной трусости, господа. Это не просто глупость, это преступление против разума”. И де Голль был прав.

Проблема исторического выбора между двумя возможностями, о которой так много писали в прошлом (экзистенциалисты) и пишут теперь (представители самых различных направлений философской мысли), — эта проблема может быть и иллюзорной. Бывает прежде всего так, что масштабы, характер и сущность этих возможностей сами носители исторического выбора просто не осознают (заметьте, что цели пресловутой “перестройки” так никогда и не были сформулированы; не объявлены и цели нынешних “великих реформ”). Более того, творческая личность, совершенно в духе Камю, способна предложить нечто новое и неожиданное — но чаще всего тогда, когда диатрема пройдена.

Касаясь этого вопроса, мы затрагиваем и отношение человека к историческому процессу, затрагиваем идеал, который в той или иной форме может быть понятен всем людям.

Модель индивида

Внеисторическая модель индивида вряд ли возможна — индивид историчен и регионален в своих конкретных воплощениях. “Древние греки придавали такое

большое значение хладнокровию, удовлетворенности и воздержанию (хотя ничего этого не осуществляли полностью на практике), что оставили о себе память, как о людях изысканной и безмятежной жизни; однако народ, который придумал фурий, был, несомненно, хорошо знаком и с чувством виновности. Европейцы в средние века придавали такое большое значение небесному руковождению и загробной жизни, что казались безучастными к земным делам; и все же их привязанность к земному миру и друг другу проявлялась часто любовно, а иногда и шутливо, в иллюстрациях к рукописям, в деревянной резьбе на скамьях хоров, в каменных балдахнах, которые скрыты за капителями колонн в церковном интерьере. Именно то, чему придается большое значение, выдает дух века. Древний грек испытывал угрызения совести, как и всякий другой человек, но он считал для себя идеалом достигнуть состояния безмятежности. Средневековый человек любил своего ближнего и свою жизнь, но считал, что лучше сначала испытывать беды, а потом наслаждаться блаженством. А мы? Мы хотим иметь красоту, добродетель, изобилие, блаженство здесь и сейчас — в нашей бесполой жизни, на нашей перенаселенной планете”. Несомненно, современный идеал в его локальном представлении скромнее. Выход из ситуации, чреватой многими, подчас смертельными опасностями, составляет сейчас главную цель существования. Но кто станет возражать против красоты, добродетели, изобилия? Никто. Вопрос, конечно, в том, что понимали под добродетелью те или иные исторические личности.

Слово “личность” имеет сложную историю употребления в русском языке. И Пушкин имел в виду под “личностью” нечто, в недопустимой форме задевающее индивидуальность человека. “Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне. Он сказал, что цензура не пропускает их как личность без моего согласия...” Ваше примечание — конечно, личность и неприличность². То есть здесь “личность” — это нечто, касающееся индивида. Лишь с течением времени “личность” стала синонимом англ. “personality” и франц. “personnalité”, слов, значение которых приблизительно таково: “человек как член общества”. Восходят они к этрусскому слову, означающему, вероятно, “маска”; по всяком случае, лат. “persona” означало первоначально “маска актера”, “личина”, с отенками, аналогичными употреблению этого слова в современном русском языке, но в общей коннотации “persona” можно определить как “человек, каким его знают извне”. В русском слове “личность” этот момент, в сущности, снят. В социальной психоло-

¹ Данэм Б. Герои и сретники. М., 1967. С. 298.

² Пушкин А. С. И. Е. Великопольскому (конец марта 1928 г.) // Полн. собр. соч. 10. М., 1958. С. 244.

гии есть термин "маска" (восходящий к лат. "persona"), означающий позицию, с которой человек обращается к аудитории.

Что касается "индивидуальности", то под ней подразумевается человек, существующий в его неповторимых чертах, то, что характеризует именно *этого* человека.

Разумеется, слово и термин различаются. Слово "человек" отличается от термина "человек".

Каково бы ни было значение этого термина в будущем, он должен отразить в своем содержании особенности *существования* человека.

Важнейшая особенность существования человека — это его способность жить и искать ответа на вопрос, зачем он живет. Ответ этот зависит от фактов его психической жизни, определяющих его возможности.

В 1927 году Герман Гессе писал: "Если бы у нас была наука, обладающая достаточным мужеством и достаточным чувством ответственности, чтобы заниматься человеком, а не просто механизмами жизненных процессов, если бы у нас было что-то похожее на антропологию, на психологию, то об этих фактах знали бы все". Но может быть, эти слова давно устарели? Нет, они отнюдь не случайны. Гессе отметил нечто свойственное научному знанию вообще.

Констатация эта касалась не только психологических проблем. Дело отнюдь не в том, что человека не замечают, не видят — необходимость изучения его осознана давно. Остается за пределами исследования нечто, имманентное ему.

Ему имманентна воля к пониманию. Ему имманентна способность понимать, реализуемая, как правило, не полностью и не всегда.

И. С. Кон прав, когда он говорит, что "пока человек живет, в нем всегда сохраняются нераскрытые и нереализованные возможности". Это заряд смысла человеческой жизни, это внутренняя пружина человеческого существования и предпосылка его социального значения в самом широком смысле слова. У гения способность понимать реализуется во всей полноте; но это исключение из правил.

Личные способности людей реализуются в конкретных социальных условиях. "Обобщая, можно сказать: любая небольшая страна, к примеру, с пятиmillionным населением, сумевшая добиться у себя реализации 10% своих потенциальных гениев, за полвека оставит позади себя страну в 100 раз более населенную, но более консервативную в этом отношении".

Необходимость изучения человека диктуется непреложными обстоятельствами. И общество, и нации состоят из людей. Политические и экономические отношения в основе своей — это отношения

людей. Если мы изучим человека, его интересы, силы и ценности, то сможем влиять на менталитет этнической общности, поднять национальные ценности до уровня общечеловеческих. Разве это не самая актуальная задача для нации, которая, можно сказать, ищет себя, ищет свое место в мире, для этноса, который хочет найти прочную основу для отношений с другими этносами?

**Проблема
человека —
проблема
философская**

Существуют две возможные позиции, которые может занимать философ.

Одна была определена в античные времена Хризиппом и заключается она в том, что философ должен в меру своих возможностей участвовать в процессах, на которые он способен повлиять своим мнением, советом, своими знаниями. Этой позиции придерживался, как известно, К. Маркс, утверждая, что от объяснения мира философия должна перейти к участию в его изменении (Л. Фейхтвангер по этому поводу замечал, что правильно объяснить мир — уже значит в чем-то его изменить).

Другая позиция непосредственно связана с отношением философии к человеку и человека — к философии. Это позиция Кьеркегора. "Там, где по свидетельству нашего опыта, кончаются все возможности, где, по нашему пониманию, мы упираемся в стену абсолютно невозможного, где со всей очевидностью выясняется, что нет никакого исхода, что все навсегда кончено, что человеку нечего уже делать и не о чем думать, и остается только глядеть и холодеть, где люди прекращают и должны прекратить всякие попытки исканий и борьбы, только там, по мнению Кьеркегарда, начинается истинная борьба — и в этой борьбе задача философии".

Иными словами, философия должна прийти к человеку не как навязанная извне точка зрения, не как общий для этноса, класса, конфессии взгляд на мир, а как необходимость, как то, без чего уже не стоит и невозможно жить. То есть все здесь зависит от человека и от ситуации, в которой он находится, от понимания им того, что он может, и того, что с ним может быть.

"...Невольно приходит в голову, — писал, например, Ф. М. Достоевский, — одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?". Сейчас эта мысль не кажется невероятной или совершенно неверной, она, во всяком случае, заслуживает обсуждения, но заметим, что она, была столь жестко сформулирована свыше ста лет назад, когда ни о мировых войнах, ни об экономическом кризисе и речи не было. Над этим

¹ Гессе Г. Степной волк // Иностранная литература. 1977. № 4. С. 168.

² Кон И. С. В поисках себя. М., 1984. С. 327.

³ Эфроимсон В. Загадки гениальности // Наука и религия. 1987. № 8. С. 4.

¹ Шестов Л. Умозрение и откровение. — Париж, 1964. С. 238—239. (Кьеркегард — это Кьеркегор в принятой Л. Шестовым транслитерации).

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 427.

стоит задуматься, как и над тем, что миновало уже четыреста лет, как в елизаветинской Англии, во времена Шекспира и Уолтера Рэйли был ясно осознан масштаб человека, равный масштабу его возможностей: "Человеческая личность ни с чем не соизмерима, но сама является мерой всего, а воля этой личности не знает границ... кроме смерти, являющейся завершением пройденного круга деятельности. Избегнуть смерти человек не властен, но властен определить время ее прихода. В этом смысле и она ему подчинена".

Противоположны ли эти точки зрения? Лишь частично.

Исключают ли они друг друга?

Вот вопрос, на который должна ответить история человечества.

Если Бог существует

Если принять точку зрения, допускающую существование Бога, то исторически процесс или, точнее, место человека в историческом процессе может быть представлено в виде модели, которая предполагает, что человек вписывается в историю благодаря трем отношениям:

1. Отношение человек — человек лежит в основе самопорождения человечества. Это отношение мужчины к женщине, в результате которого возникает семья как ячейка общества: отношение родителей к детям, отношения людей в производственных и социальных группах.

2. Отношение человек — вещь составляет основу использования материальных благ, основу потребления и производства товаров. "Вещь" здесь толкуется достаточно широко — как предметный факт материального бытия индивида. В качестве вещи здесь может выступать и обувь, и дом, и земельный участок. В сущности, к числу вещей, обладающих специфически важной для человека функцией, принадлежат и орудия производства материальных благ.

3. И, наконец, отношение человек — Бог определяет содержание жизни человека и его судьбу. В рамках этой концепции не играет решающей роли, исповедуется ли человек в церкви, творит ли намаз или принимает больных в поликлинике; равным образом все равно, умирает ли он, причастившись святых тайн или в бою со словами "за Родину, за Сталина!". Роль играет действительное духовное содержание жизни человека, то есть был ли он искренним или лицемерным, смелым или трусливым, мудрым или тупым, честным или лживым, открытым или замкнутым и т.д. Все это находит воплощение в конкретных фактах, последовательность которых образует линию судьбы человека.

Итак, первое отношение позволяет человеку появиться на свет, второе — жить в обществе, третье — оставаться человеком.

Самопорождение

Понимание заложено и в самую сердцевину главной проблемы, которая стоит перед человеком и человечеством. Она еще не решена. И в дискуссиях о ней часто звучат высказывания о том, что она не будет решена полностью, что человек навсегда замкнут в "треугольнике крайностей".

Это проблема самопорождения человека.

На уровне телесном она решается путем полового отбора. О нем уже шла речь. Он, согласно Дарвину, и породил человека. И очевидно, что человек тут зародился и вырос потому, что и отношения на этом — телесном — уровне были выражением любви, то есть экстремального интереса и понимания. Иначе это были бы отношения животных.

Но человек вне труда и орудий труда — не вполне человек. И возникает проблема производства орудий труда, идеальное решение которой — самопорождение человека на орудийном уровне.

Как вы, наверное, помните, Аристотель делил орудия производства на *instrumentum mutuum*, *instrumentum semivocale* et *instrumentum vocale*: на орудия немые (плуг, мельничное колесо), полуговорящие (рабочий скот) и говорящие (рабы). Последние, несомненно, были наиболее разнообразными функционально, но работать они не хотели, и этот факт сыграл огромную роль в истории общества. В этой связи очень интересно, что как-то Ленин обмолвился о сотнях тысяч "механических рабов", которые будут работать на людей в будущем. Это роботы — Чапек впоследствии ярко их описал, а сейчас их начали изготавливать, хотя они еще очень дороги. Идея, однако, родилась в пражском гетто, где Львом Бен-Бецалелем был создан первый робот — Голем (было это в царствование Рудольфа II. Давно!). Голем был послушен, человекоподобен и исключительно силен. Сразу же возникла проблема его пуска и выключения — генеральная проблема всех механических устройств, и проблема его повиновения — вечная проблема рабовладения. Все легенды о Големе связаны с его выходом из повиновения.

О бунте роботов писал и Чапек. Все эти вопросы еще не поставлены в порядок дня. Но к ним не стоит относиться легкомысленно.

"Опасен ли искусственный интеллект? Это весьма серьезный вопрос. Искусственный интеллект должен быть сильным, он настоль-

¹ Как и Павел I, император Рудольф II (1552—1612) не был безумцем на троне, таким его любят изображать. Человек он был странный, это правда. Не преследовал евреев, не казнил ни одного алхимика — слуханное ли дело! И остались в истории ни рядом: грустный император и неуклюжее чудовище — легендарный страж его сокровищ. На лбу у него было начертано "zmet" ("истина"). Чтобы "отключить" Голема, достаточно было стереть z: на лбу его появлялось "met", что означало "смерть".

¹ Аксенов Н. А. "Гамлет" и другие опыты в содействии развитию отечественной шекспириологии. М., 1930. С. 28.

ко должен быть сильным, он настолько должен в перспективе превосходить мозг человека, насколько, скажем, термоядерная бомба превосходит артиллерийский снаряд. Не выйдет ли тогда искусственный интеллект из-под контроля человека, не окажется ли в будущем человек в таком положении, в каком сейчас находится комар? Человек силен своим сознанием. Опасность, очевидно, возникает тогда, когда "сознание" искусственного интеллекта будет мощным¹. Эти рассуждения самого сильного (в прошлом) в мире шахматиста и видного ученого стоит принимать в расчет. Он знает, о чем говорит, а это существенное обстоятельство.

И, наконец, третья форма самопорождения — *знаковая*. Это тексты. Но и портреты. Но и фильмы. И само подобие человека тексту изучено еще очень слабо, хотя еще в 20-е годы видный лингвист Григорий Винокур писал: "Развитие есть не что иное, как только синтаксически (а вовсе не эволюционно) развернутая личность". Это очень сильно. Тогда еще о гипотезе Ингве и речи не было; между тем Винокур понял, что на глубину одной памяти развертывается одна личность.

Как это понять?

Попробуем обратиться к примеру метафорическому, благо написано о "развертке личности" на редкость талантливым пером — пером Алексея Николаевича Толстого.

**Что существует
в прошлом —
настоящем —
будущем?**

Далее вы прочтете написанную А. Н. Толстым в 1921 году автобиографическую заметку. Писалась она в Берлине для "Новой русской книги". Под рубрикой "Писатели о себе" там были в дальнейшем напечатаны известные автобиографии поэтов: есенинская и "Я — сам" Маяковского. А рядом — Алексей Толстой. Еще молодой, но уже известный.

"Описать свою жизнь, но что именно? То ли, как я рос, что делал, с кем встречался, какие были со мной приключения и прочее? Но разве это занимательно? Обратитесь к любому русскому человеку, лет до тридцати возрастом, — он вам расскажет такие чудеса, что, слушая, разинете рот.

Или я должен описать мой духовный путь? Но об этом я не умею говорить от своего лица: мне станет противно, а вам скучно. Вы все же хотите, чтобы я сказал о себе? Вот — все, что я могу.

Есть представление (кажется, у индусов), что физическое тело человека (так же, как форма земли и предметов) совсем не таково, как нам представляется. Мы видим мир (и себя) в разрезе настоящего мгновения. То, что было мгновение назад, и то, что будет через мгновение, — вне нашего физического ощущения, минувшее мгновение исчезает из физического плана, наступающее мгновение представляется как небытие, куда мы вступаем.

¹ Ботвинник М. М. О кибернетической цели игры. М., 1975. С. 27.

Для меня всегда было загадкой: куда делся мост, через который я вчера проходил? Он стоит и сейчас на том же месте, стало быть, он и есть — одно и то же. Затем, откуда возьмется мост и откуда возьмусь я, который завтра пойду по тому мосту? Не возникнут же они, — мост и я, — только из одной моей мечты, — они будут, они уже и сейчас там: мост через канал и я, идущий по мосту.

Истинное мое тело физически существует в прошлом и в будущем, сквозь это дивное тело течет, как огонек, мое сознание, мой Дух, и каждое мгновение освещает лишь разрез моего тела.

Каков в непостижимой мгле грядущего путь моего тела — я не знаю: куда-нибудь заползет этот странный червяк, где-нибудь возрадуется, где-нибудь будет ущемлен и уткнется где-нибудь, под конец, носом в землю, навсегда: закроет ему нос и хвост дубовой крышкой!

Однажды оно, лежа в гостинице на Скобелевской площади, в Москве, ночью, совершенно ясно почувствовало и поняло, что оно, конечно, умрет — уткнется носом в землю. Оно ужасно сотрясало от очевидной и беспощадной мысли. Огонек, плывущий по нему, вспыхнул тревожно и ярко, и пламя его стало прозрачнее.

Летнею ночью, в Крыму, на берегу моря, оно увидело:

... над водою, тяжелой, черной и древней, как вселенная, поднимался лунный шар, — он будто был налит кровью: густо-багровый и зловещий. Никаких других оснований не было, но все же оно поняло, что над морем, над землей, над сидящим на пустынном берегу человеком — над миром встает Звезда Смерти. Было чувство надвигающейся гибели (хотя не было понятно — откуда она) и непостижимое, равнодушное легкомыслие к повседневным делам, связям, к самому себе. Через немного дней пришла весть о войне.

Зимой, в Москве же, подъезжая на автомобиле к Николаевскому вокзалу, оно с потрясающей ясностью (потрясающей — потому что была восторженна) почувствовало, что смерти нет. Оно тотчас (или одновременно) увидело внутренность автомобиля полной чего-то такого, что сейчас же вошло в него, в тело. Оно закрыло глаза — настолько это было ослепительно и бессмертно восторженно.

Оно ждало, что все вокруг него преобразится (почему ждало — не понимаю до сей поры). Но этого не случилось. Гнилой туман войны все гуще затягивал землю. Когда с грохотом обрушился византийский купол Империи — не было ни сожаления, ни радости, потому что крушение, по виду такое чудесное и все должное изме-

¹ Роберт Хайнлайн не читал этот (весьма редкий) текст. Но полвека спустя он писал, что каждого субъекта "можно представить в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы... С этой точки зрения существует физическая непрерывность народа в целом: народ предстает в виде розовой виноградной лозы, ветки которой переплетаются и дают побеги". (Хайнлайн Р. Нить жизни // Ветер чужого мира. М., 1993. С. 72—73). Любопытно, правда? Воистину существует строгая логика воображения!

нить, было лишь одной из картин в длинном ряде действий великой трагедии. Занавес зрителям. И бахрома занавеса уже была в крови.

В первые дни Октябрьской трагедии червяк уполз из Москвы. И вот начались мучительные и долгие годы скитаний. Огонек в сильно помятом и потрепанном бурями теле то угасал, то начинал дымить черным пламенем мщения и ненависти, то всплывал сумасшедшей верой в преображение родины.

Тело продолжало ползать по карте Европы: оно ползло на юг, потом на запад, потом поползло на восток. На запад гнали его ужас и мщение, на восток повлекли его любовь и неизбежность.

Оно притащилось в Берлин. Завтра оно вползет к вам в редакцию, Александр Семенович, сядет на стул, закурит трубку и поссорится с вами по поводу того, что все здесь изложенное написано не на тему.

Но что же я могу поделать, если мне самому в моей жизни важен лишь свет огонька, текущего по телу. Я бы очень хотел, чтобы он перестал чадить и разгорелся таким светом, что мое тело утратило бы свою червяковскую привычку — тыкаться слепой мордой в необследованные закоулки. Вы знаете имя этому Свету¹.

Знал ли имя этому Свету неведомый мне Александр Семенович? Это Свет Понимания.

Только оно способно осветить человеческую жизнь и весь мир.

Оно вложено, спрятано, законсервировано в тексты. В них спрятана душа человеческая, и она оживает, когда тексты читают.

А в будущем возможны книги и фильмы, которые будут жить своей самостоятельной жизнью, спонтанно изменяя свое содержание. Звучит это фантастически, но это вполне возможно².

Освещать изоморфизм телесного, орудийного и знакового уровней человеческого существования мы здесь не будем, тема слишком сложна. Но подведем некоторые итоги.

Человеку свойственно самопорождение на трех уровнях: *биологическом, орудийном и семиотическом*. На всех трех уровнях человек выступает как заданная временем, эпохой модель. Касаясь, например, орудийного уровня, заметим, что максимум эффективности воплощен в орудии самоуправляемом, причем исторический прообраз таких орудий возникает еще в античные времена: "Для древних раб был самоуправляющимся орудием, механизмом с регуляцией особого типа"³. Регуляция эта происходила при помощи речевых команд. Проблема орудий подобного типа, целиком искусственных и специализированных, — проблема Големов³ — при-

¹ Есть серьезные работы на эту тему — и опыты.

² Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 117.

³ Любопытно, что один из основных трудов, посвященных этой проблеме, озаглавлен Н. Винером "Бог и Голем, инкорпорейтед". (*Wiener N. God and Golem, Inc.* —

влечает внимание именно в связи с определением границ их человекоподобия. Обращаясь к знаковому уровню, подчеркнем, что омонимия слов "команда" — приказ действовать и "команда" — сраженная группа исполнителей — весьма интересна в смысловом отношении. В свое время Джек Лондон писал: "Теперь я знаю, какую роль играет капитан на борту "Эльсиноры". Он — ее мозг. Матросы — пешки, а два помощника капитана — фигуры, которыми он ведет игру против моря, времени года и морских течений. Он — тот, кто знает, а они — его язык, с помощью которого он передает свои знания"⁴. Мой коллега профессор Г. Л. Френкель, яхтсмен и превосходный стилист, вполне соглашался с тем, что команда — это язык капитана, замечая при этом, что слова очень самостоятельны в своих значениях.

Cambridge (Massachusetts), 1964 (есть русский перевод — он озаглавлен "Творец и Бож").

⁴ Лондон Джек. Полн. собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 16. С. 79.

ПУТИ ОБЩЕНИЯ

Командор. Я ничего не понимаю мадам, а хочу понять.
 Мадам Р. Ничего, Командор, поймете.
 Командор. Когда?
 Мадам Р. Скоро.
 Командор. Да как скоро?
 Мадам Р. Очень скоро.

Артур Копит

Вся человеческая жизнь пронизана общением. Все человеческие чувства — любовь, печаль, гнев, радость — находят выражение в отношениях с другими людьми. А как осуществляются *отношения между людьми? В общении.*

**Сигналы личной
и групповой
обращенности**

Человеческая деятельность чрезвычайно многообразна, всех конкретных форм ее и не перечислить. Но есть такая форма деятельности, которая обеспечивает все остальные¹. Человек трудится вместе с

другими людьми, и чтобы труд был согласованным, координированным, тесная связь данного человека с другими совершенно необходима. И наконец, общение — это процесс, в который вовлекаются гигантские массы людей, процесс, вне которого немислима ни общественная психология, ни общественная идеология. Общение делает достоянием других людей мои чувства, мои мысли, мои намерения. Благодаря общению мы узнаем о том, чем живут наши близкие, что волнует миллионы людей, внук узнает о молодости деда, подчиненный получает указания от руководителя, влюбленный начинает понимать, что радует его любимую. Но не только. Разве, слушая радио, не сводя глаз с телевизионного экрана, читая

¹ Как вы уже поняли, такой формой деятельности можно считать общение. Это мысль А. А. Леонтьева — и весьма плодотворная. Отсюда, например, следует, что говорящий и слушающий — это субъекты одной и той же деятельности, только на разных уровнях активности.

газету, посещая кино, мы на включаемся в процесс общения? Конечно, да.

Вот мы и затронули один из важных вопросов теории общения, касающийся *обращенности сообщений*. Все, что мы услышим за день, прочтем, обладает некоторым адресом, к кому-то обращено. Слова отца, письмо жены, записка, которую вы получили, находясь в президиуме собрания, — все это адресовано прямо и непосредственно вам, а статья в газете или телевизионная передача имеет очень широкий круг адресатов.

Если мы будем считать сигналами (как предлагают кибернетики) все, что может быть воспринято и что несет нам информацию, то сигналы эти могут быть подразделены на две основные группы: сигналы личной обращенности и сигналы коллективной обращенности.

Стоит задуматься над тем, какие сигналы преобладают.

Если обратиться к истории вопроса, то преобладание сигналов личной обращенности некогда было вполне очевидным. Действительно, представим себе человека прошлого. К нему часто обращались лично. И это естественно. Но когда к нему обращались как к члену группы? Может быть, в школе, когда учитель объяснял урок целому классу? Но и то в случае, если он учился (а ведь даже в исторически недавнем прошлом в школу ходили очень немногие). Может быть, в армии — когда старшина обращается ко всем солдатам взвода или роты? Но и это относится только к мужчинам, и то не ко всем. Сигналы коллективной обращенности человек слышал также, будучи участником различных обрядов и религиозных церемоний, но и здесь: кто был участником таких обрядов, а кто и не был. Коллективная обращенность прежде всего присуща художественному творчеству, и когда акын исполнял перед слушателями эпические произведения, то послушать его сходились стар и млад. Но и это случалось не так уж часто.

О кино, радио, телевидении мы не говорим. Они возникли и получили бурное развитие за исторически короткий срок — около ста лет. Книгопечатание и периодическая пресса, конечно, «старше». Радио и книгопечатание не столь уж древнего возраста, а главное — абсолютное большинство людей в обозримом прошлом еще не умели читать. В средние века, например, грамотные вообще были наперечет, даже среди власть имущих. Бывало и такое: приходит королевский вестник к какому-нибудь барону, объявляет содержание указа. Указ у него в руках, но это просто лист пергамента с королевской печатью — чистый лист, текст вестник заучил наизусть. Печать барон знает (значит, вестник облечен доверием), а читать не умеет.

Понятно, что в силу исторических условий сигналы личной обращенности заметно преобладали в жизни людей.

Есть ученые, которые считают, что в жизни большинства людей количество сигналов коллективной обращенности ныне превысило количество сигналов личной обращенности. Разумеется, коллективная обращенность — показатель не решающий, значимость сигналов и их количество — вещи взаимосвязанные, но все-таки разные. И тем не менее баланс сигналов личной и коллективной обращенности в жизни человека для науки и практики очень интересен. Он отражает взаимодействие двух форм коммуникации: аксиальной и ретиальной.

Но прежде чем мы разберемся в том, что это такое, остановимся на особенно важном для нас термине — «коммуникация».

**Коммуникация
аксиальная
и ретиальная**

Коммуникация — понятие очень широкое. Коммуникация — это направленная связь, т. е. связь, которая выражается в передаче сигналов. Все на свете взаимосвязано, и коммуникация — один из видов

всесообщей связи, быть может, самый сложный. Ведь передача сигнала это не обязательно осознанный, осмысленный процесс. Коммуникация имеет место всюду в управляемых системах, например, в человеческом организме, в обществе. Есть даже предположение, что где-то в просторах Вселенной коммуникация соединяет друг с другом гигантские небесные тела, и метафора Лермонтова «и звезда с звездой говорит» обретает, таким образом, новый, неожиданный смысл.

Но об этом потом. Вначале остановимся на тоже неожиданной параллели между процессами, происходящими в обществе и живом организме.

А. А. Ухтомский рассуждал следующим образом: радист в определенных ситуациях посылает сигнал СQ, что означает — «всем, всем, всем». Конечно, не для всех людей на земле так уж важно это сообщение, но все радисты к нему прислушиваются, а среди них те, которым оно очень нужно. Так и в живом организме циркулируют вещества (они называются инкреты), которые из желез внутренней секреции поступают прямо в кровь. Кровь омывает все без исключения органы живого организма и среди них те, которым данный инкрет необходим для развития и правильного функционирования. Теперь рассмотрим передачу сигналов по иному принципу. Можно передать точно адресованное сообщение какому-нибудь органу. В организме этим ведаёт нервная система. Всяду, куда заходят нервные окончания, может прийти импульс из центральной нервной системы, адресованный именно в данную точку организма.

Существует практика точно адресованных сообщений и в человеческом обществе. Когда вы обращаетесь к конкретному собеседнику, пишете письмо, посылаете телеграмму, записку, вы обычно имеете в виду определенного человека. Заметьте: радио, телевиде-

ние или, скажем, кино функционируют по иному принципу. Все, кто может услышать радиопередачу, увидеть фильм, посмотреть телевизор, — все могут стать адресатами сообщения. Но не всех оно может заинтересовать, кто-то может посмотреть передачу невнимательно, кто-то переключить телевизор на другую программу, а тот, кому передача интересна и нужна, обязательно досмотрит ее до конца и даже заранее выберет интересующие его материалы по программе.

Вот мы и познакомились с двумя основными типами коммуникации. *Аксиальная коммуникация* (от латинского «axis» — ось) соединяет тех, кто отправляет и получает точно адресованные сообщения. *Ретиальная коммуникация* получила свое название от латинского слова «rete» — сеть, невод. Как количество рыбы, попавшей в сеть, зависит от того, куда сеть была заброшена, и от размера ее ячеек, так и количество получателей ретиально направленного сообщения зависит от того, находились ли они в зоне передачи, и от их внимания к содержанию сообщений.

Это деление коммуникации на два основных типа более или менее условно. Тут есть тонкости, но в общем оно достаточно приемлемо.

**Наш внутренний
мир населен**

В процессе общения человек приучается смотреть на себя глазами другого человека. Ведь если я выражаю свои мысли, я заинтересован в том, чтобы другой человек, мой собеседник, их правильно понял. И я невольно прислушиваюсь к своим словам, а если это постоянный собеседник, то и приучаюсь смотреть на себя его глазами. Постепенно мой внутренний мир оказывается как бы населенным другими людьми. Пусть моего друга-собеседника и нет рядом — я стараюсь выразить свои мысли в той форме, которую он одобрил бы и оценил.

Процесс коммуникации обладает большим социальным значением. Он не безразличен для общества. Общество стремится как-то регулировать этот процесс и в зависимости от его содержания и социального значения пресекать, поощрять, разрешать, иначе говорить, подтверждать своей санкцией его существование. Например, общество дает свою санкцию на существование семьи, обращая внимание на собственно коммуникативную сторону дела. Смена фамилии, совместное проживание — все это факторы, играющие большую коммуникативную роль.

Как мы уже отмечали, общение разворачивается и вне пределов малых групп. Средства массовой информации (их называют также средствами коммуникации) вовлекают в сферу своего действия огромные массы людей. Массовая коммуникация — это сильно технизированная ретиальная коммуникация. Ретиальная коммуникация возможна и в небольших группах людей. Учитель может обращаться

к классу, а председатель акционерного общества — к общему собранию акционеров и без помощи каких-либо технических средств. Но чтобы сообщение стало достоянием десятков и сотен тысяч людей, а зачастую и миллионов, для этого требуются технические средства.

Три функции коммуникации

Первая функция — *активационная*. Функция побуждения к действию в определенном, осознанном направлении. Призыв. Приказ. Девиз. Их значение знакомо каждому.

И с раннего возраста знакома другая функция коммуникации — *интердиктивная*. Это функция воспрещения. Очень важная функция. Первое, что начинает понимать ребенок, это “нельзя — можно”. Никакого другого понимания в его младенческой жизни еще не требуется. Но вот когда что-то нельзя делать, это надо запомнить, это надо понять.

Затормозить все возможные варианты действия, кроме одного, необходимого, главного, — существенное условие продуктивности работы. Лишнее не только бесполезно. Лишнее мешает. Как говорил А. А. Ухтомский, только торможение придает системе тел значение механизма. Это поистине “золотое правило”. Задумайтесь над этим. А чтобы его легче было понять, рассмотрим простой пример: если бы половинки ножниц соединялись шарниром и могли свободно двигаться по отношению друг к другу (а проще — “вихляться”), это помогло бы выполнению основной цели, для которой созданы ножницы? Нет, не помогло, а помешало бы. Ножницы хорошо режут только потому, что их заточенные части движутся и соприкасаются в одной плоскости. Все остальные движения воспрещены.

Активизационная и интердиктивная функции коммуникации взаимосвязаны очень прочно. Несколько особняком стоит третья из основных функций коммуникации — *дестабилизирующая*. Как заметил Георг Клаус, жизнь людей развивалась так, что человек делал свое дело и вместе с другими людьми, и против других людей. Да, борьба с неизбежностью сопутствовала общественно-практической деятельности людей, и она, борьба, породила особую функцию коммуникации.

Когда бойцы идут в атаку с криком “ура”, звук голосов не только воодушевляет атакующих, но и вселяет страх в противника. В последнем качестве коммуникация выполняет дестабилизирующую функцию. В быту эту функцию, например, выполняют угрозы, проклятья, которые зачастую дают возможность “отвести душу” таким не слишком достойным способом, а иногда они отвечают еще более низменной цели — оскорбить другого. Вопрос о том, насколько вообще допустимы в личном общении между людьми подобного рода явления, развернутого ответа не требует. Каждому и так ясно,

оскорблять других людей не следует. Тем более не следует им угрожать. Когда человека оскорбляют, когда ему грозят, он с особой ясностью ощущает, как недопустимы вообще и нехороши подобного рода действия. К сожалению, люди склонны забывать об этих вполне отчетливых ощущениях, иначе дестабилизирующие средства коммуникативного воздействия давно исчезли бы из частной жизни. Пока этого не произошло, но любой из нас может предотвратить наступление такого момента.

Надо сказать, что еще совсем недавно угрозы и проклятия свидетельствовали отнюдь не только о невыдержанности и плохом воспитании. На них смотрели куда более серьезными глазами — глазами людей, глубоко погруженных в мир веры. Искренней веры.

Нид и сила слов

И странный это был мир. В нем сила слова (а слово, и правда, обладает огромной силой) становилась чудовищной. Так, древние исландцы считали, что такой громадной силой обладает нид. Когда-то в новом “ниде” называли отрезанную лошадиную голову, насаженную на жердь. Голова “глядела” в сторону, где жил враг, а на жерди вырезалась магическая надпись в стихотворной форме. Потом же нидом стали называть просто эти страшные стихи. И они действительно очень сильно действовали на тех, кто в них верил.

В одной из исландских саг действие ниды описывается так. Некто Торлейв пострадал от вражды норвежского конунга Хакона, который погубил корабль и товарищей Торлейва. Тот, переодевшись нищим, проник в палаты конунга и попросил разрешения прочесть стихи. Конунг не знал, что перед ним Торлейв — скальд, человек, обладающий сильным поэтическим даром, и разрешил. Торлейв прочел стихи — то был скрытый нид. В палатах, казалось, потемнело, все оружие словно само пришло в движение, падали убитые и раненые. Конунг потерял сознание и долго болел впоследствии¹.

Конечно, это легенда, преисполненная наивной веры в чудодейственную и страшную мощь поэтического слова. Но она заслуживает того, чтобы над ней задуматься. Она говорит нам об эпохе, в которую слова “сильный поэт” понимали не в переносном, а в самом прямом смысле. Тогда в Исландии законодательным образом запрещали сочинять стихи о женщине — считалось, что они могут назваться “слишком сильными”, околдовать ее. Закон этот нарушался. Его не могли не нарушать.

Те времена давно прошли. Но их изучают, и весьма тщательно, не только историки, литературоведы, но и психологи. Свидетельства о силе слова не следует расценивать исключительно как вымысел.

¹ О замечательной культуре исландского народа прекрасно написано у И. Стеблина-Каменского в “Культуре Исландии” (Л., 1967), откуда мы и заимствуем этот эпизод.

При определенных условиях, и прежде всего когда словам собеседника придается жизненно важное значение, слово может оказать на человека такое воздействие, силу которого просто трудно преувеличить.

Возьмем, например, слово врача. По понятным обстоятельствам больной придает слову, жесту, мимике врача особую важность. Тактика общения врача с больным включает в себя незыблемое правило: "ничего лишнего!" Любой лишний жест может привлечь к себе внимание больного и быть неверно истолкован. Усмешка врача может показаться подавленному, напряженному больному скептической — и вот он уже не верит оценкам врача, ему уже кажется, что врач и сам не верит тому, что говорит. Рассматривая рентгенограмму, врач проворчал себе под нос: "Никуда не годится!". Он говорил сам с собой, он имел в виду качество снимка, а больной вполне мог подумать, что эти невольно вырвавшиеся слова относятся к состоянию его здоровья, и на самом деле начинает чувствовать себя хуже. Есть даже ятрогенные (т.е. внушенные неосторожным словом врача) заболевания. Встречаются они редко, но все же встречаются, и это печальное свидетельство силы слова. Дело в том, что слово бывает сильно и там, где слаба защита от него.

Возможности общения

Прежде всего желательно, чтобы техника позволила когда-нибудь каждому человеку на Земле вступить в контакт с любым другим человеком вне зависимости от разделяющего их расстояния.

Осуществимо ли это технически? Да, даже на современном уровне развития техники. Но лишь в принципе. Соответствующее средство связи уже имеется и достигло высокой степени развития — это радио. Есть уже и технические средства связи — приемники и передатчики, которые могут быть очень малого размера, что весьма важно, поскольку маленькое приемно-передающее устройство человек мог бы всегда носить с собой. Но существуют и тысячи сложностей, затрудняющих реальное осуществление проектов "всеобщей радиосвязи", выдвигавшихся уже в 20-х годах. Эфир и сейчас очень плотно занят передачами самого различного назначения.

Есть свои сложности и с достижением второй важной цели общения, которая заключается в том, чтобы связать каждого человека с центрами обеспечения безопасности. Представьте себе, например, центр охраны здоровья, куда по определенным каналам связи постоянно поступают сведения о температуре, пульсе, кровяном давлении и т.д. каждого прикрепленного к центру человека. Ясно, что для профилактики многих опасных для здоровья и жизни состояний такая форма связи была бы просто бесценной. Возможны и другие системы обеспечения безопасности: автоматическое опове-

щение противопожарной службы об опасных колебаниях температуры во всех жилых домах, учреждениях и предприятиях или предупреждение всех без исключения граждан об угрозе стихийного бедствия и т.д. Сейчас эту функцию выполняет радио, но радиоприемник может быть и выключен, а аппаратура центров обеспечения безопасности должна быть постоянно действующей и оповещать человека тогда, когда центр считает это необходимым.

Третья цель, быть может, не менее существенна, чем две предыдущие, хотя ее значение осознается не всеми и не сразу. Смысл ее в том, чтобы поставить каждого человека в ситуацию оптимального выбора программы. Каждому из нас известна ситуация, когда человек, взяв в руки программу радио и телевидения, отмечает интересные ему передачи. Представим теперь, что он может выбирать из пяти или десяти программ, а из пятидесяти или даже ста. Первое ощущение: это необычайно много. Но выбирая книгу в библиотеке, вы осуществляете оптимальный выбор, просмотрев много, а то и больше названий. Возможно ли нечто подобное для телезрителя? Да, возможно, но при двух существенных условиях.

Во-первых, должна измениться сама техника телепередач. Вполне допустимо, что для этой цели будут применены оптические и звуковые средства, с помощью которых возможна одновременная передача значительного количества программ. Во-вторых, должны измениться и сами программы, и средства их приема. В этом отношении очень многое обещает развитие голографии с ее необычайной яркостью и чистотой тонов стереоскопического изображения. Но все же выбор между подобными программами будет зависеть в основном — от их содержания.

Глубина содержания и разнообразие форм сами по себе предъявляют немалые требования к внутреннему миру слушателей и зрителей. Ситуация оптимального выбора предусматривает еще одну исключительно интересную возможность — выбор книги. С развитием многопрограммной техники передач каждый телезритель может просто увидеть перед собой какую угодно страницу из любой хранящейся в библиотеке книги. Телепередача, таким образом, дает новые возможности для чтения.

Следующая, четвертая, цель развития общения многократно описана в научно-фантастических романах. Это — установление двусторонней связи с инопланетными цивилизациями. По всей видимости, подобного рода связь гораздо более вероятна, нежели непосредственный контакт с представителями иных цивилизованных миров. Расстояние до них, надо думать, чрезвычайно велико, и с ними легче осуществить информационную связь. В чем это может состояться? В том, например, что мы получим адресованное именно нам сообщение (что наименее вероятно). В том, что будет установлено сообщение, адресованное некоторому множеству цивили-

зованных миров. И наконец в том, что мы перехватим сообщение, адресованное одним цивилизованным миром другому. Этот вариант представляет особый интерес.

Есть немало доводов в поддержку остроумной гипотезы, согласно которой мы не получаем никаких сообщений от иных миров просто потому, что их много и они заняты общением друг с другом, а Земля — “маленькая, замерзшая с двух концов скорлупка”, затерянная где-то в галактических далах, — их мало интересует. Есть и противоположное мнение. Разделяющие его утверждают, что жизнь и человеческая цивилизация — явления в космосе едва ли не уникальные, и в нашей Галактике равноценного нам партнера для общения может даже и не быть.

Прогнозов тут хватает — и оптимистических, и пессимистических. Одно можно сказать с уверенностью: интерес к исследованиям в этой области не угаснет никогда. Человек узнаёт о том, кто он, и что собой представляет, из общения с себе подобными. Поэтому он всегда будет их искать.

Но вернемся из космических далей на землю и спросим себя — что дает общение, какие плоды оно приносит нашей практической жизни?

Во-первых, в общении налаживается совместная деятельность людей. Ее уровень эффективности повышается.

Во-вторых, в процессе общения происходит известное сближение его участников. Растет взаимное доверие, складывается определенное мнение друг о друге, формируются связывающие людей отношения.

Третьим существенным результатом общения является так называемый клиринг (от английского слова “clearing”). В чем он заключается? Его суть состоит именно в том, что в итоге общения проясняются вопросы, ранее казавшиеся запутанными. И не только потому, что участники общения узнают что-то новое, хотя это тоже очень важно. Тут играет роль еще и то, что общение будит мысль. В живой дискуссии приходят в голову и новые соображения и вообще сам ход размышлений становится иным. История науки, техники, общественной жизни знает немало идей, зародившихся в процессе общения.

Функции общения

Общение выполняет несколько функций, причем подразделение их в известной мере условно, нередко они взаимодействуют, взаимно проникают друг в друга. Иначе говоря, общение полифункционально. Различают четыре основные функции общения: инструментальную, синдикативную, функцию самовыражения и трансляционную. Сочетаясь, они придают процессам общения конкретную специфику.

Прежде всего общение обладает необходимой для личности инструментальной функцией. Это основная рабочая функция общения, заключающаяся в передаче информации, существенной для выполнения действия. Планирование производственных операций, — процесс совместного труда, распределение продуктов производства — все это предполагает координацию актов деятельности путем общения.

Близка, но не тождественна инструментальной функция объединения — синдикативная. Многие акты общения имеют своей непосредственной целью выявление и укрепление общности между людьми в рамках больших и малых групп. Бесспорно, объединение — не самоцель, оно происходит на определенной основе и представляет собой процесс, ориентированный на решение социальных задач. Но объединение личностей уже само по себе социально существенно как необходимая предпосылка для решения разнообразных задач. Создание организаций с различной структурой, различающихся по степени сплоченности, представляет собой проявление выраженной синдикативной значимости общения.

В этой связи нельзя не упомянуть и о “фатическом общении” (по терминологии Бронислава Малиновского), сущность которого именно в том, чтобы социально обозначить общность, хотя бы временно возникшую. Когда присутствующие на спортивных состязаниях во всеуслышание выражают свое отношение к успехам и неудачам команд, они обращаются не только к спортсменам, но и друг к другу. Отнюдь не только для психологии спорта важен факт объединения людей, в большинстве своем далеких от непосредственного участия в играх. И с психологической точки зрения представляет большой интерес феномен искреннего увлечения формами деятельности, которые, строго говоря, могут служить лишь предметом общения, не будучи реально доступными для тех, кто их наблюдает.

Для историко-психологического рассмотрения синдикативной функции общения любопытным объектом могут служить византийские димы — своеобразные политические организации, возникшие в объединении, выражаясь современным языком, “болельщиков” константинопольского ипподрома. Знаменитое в истории Византии восстание 532 года отнюдь не случайно началось на ипподроме, где произошел “самый удивительный диалог между народом и императором, какой знает история”. Разговор между императором и руководителем дима “зеленых” “велся через императорского глашатая: одним, то затаив дыхание, то взрываясь от негодования, следили тысячи зрителей, заполнивших ипподром”¹.

¹ История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 287.

² Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах. М., 1977. С. 56.

Как много говорят такие исторические свидетельства о своеобразии личностных форм, в которые способна облечься коммуникативная актуализация общественных отношений: византийский император смотрел те же состязания, что и константинопольские ремесленники, — зрелища создают иллюзорный эффект отсутствия социальных перегородок и различий между зрителями. И этот эффект, недолговечный и парадоксальный, породил дискуссию, которая имела столь грозные политические последствия. Вещал глашатай, транслятор официальных высказываний главы государства, и в ответ гремели голоса тысяч людей, сплоченных общими интересами, а не спортивным азартом. Поляризация социальных сил обозначила себя в процессе общения со всей резкостью. Быть может, простое желание отвлечься от каждодневных тягот некогда привело рядового участника этих исторических событий на скамьи ипподрома, но именно здесь он с течением времени ощутил, что причастен к той надличной силе, которая свойственна группе. И эта сила в обстановке острых социальных противоречий не могла не проявить себя как сила именно социальная.

Синдикативной функции родственна функция *самовыражения*. Самовыражение по самой своей сущности ориентировано на взаимопонимание, на контакт. Как тонко заметил Г. Клейст, человек трагической судьбы и большой писатель, “странный источник вдохновения для говорящего — человеческое лицо перед ним: и часто всего лишь один взгляд, указывающий нам, что наша наполовину выраженная мысль уже понята, дает нам возможность выразить всю другую ее половину”. Особую роль играет самовыражение в творческой деятельности, продукт которой социально значим постольку, поскольку он становится предметом общения между людьми.

И наконец, важнейшее значение имеет *трансляционная* функция общения — функция передачи конкретных способов деятельности, оценочных критериев и программ. Эта функция лежит в основе обучения: через общение и происходит обучение личности, как институциональное, санкционированное и организованное государством, так и собственно индивидуальное, неформальное, происходящее в процессе повторяющихся контактов с людьми, способными передавать данному лицу свои знания и навыки.

Конечно, этими четырьмя функциями значение общения для личности никак не исчерпывается, более того, и деление их до определенной степени условно. Полифункциональная природа общения конкретизируется в особом рода субординации системы одновременно существующих функций. Так, общение учителя с учениками инструментально, ибо имеет целью координацию совместных

¹Клейст Г. О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь // Избранное. М., 1977. С. 504.

действий в учебном процессе. Естественно, что при этом общение выполняет главным образом трансляционную функцию. Но не менее естественно, что для настоящего педагога общение с учащимися — всегда самовыражение, и слушатели это чувствуют и ценят.

Первичные и второстепенные функции общения — такие, которые возникают и исчезают с возрастом. Так, для детей характерна реализация формирующейся личности в ролевых играх, с речевой персонализацией. Заметим в связи с этим, что присущая ребенку способность представлять себя кем-то во время игры, принять на себя какую-то роль является одновременно и особой формой общения, которая фактически не проявляет себя с достижением социальной зрелости и завершением ранних этапов формирования личности.

Особого внимания исследователя заслуживает дифференциация коммуникативных и мнемонических, т.е. связанных с памятью, факторов, от которых зависит континуальность человеческого “я”, иначе говоря, сохранность личности¹. Как таковая континуальность личностного бытия никаких сомнений, естественно, вызывать не может, ибо личность сама по себе есть нечто, существующее во времени, меняющееся, иногда чрезвычайно резко и глубоко, но продолжающее быть собою, именно данной личностью, а не какой-либо иной.

Вполне естественно, что роль основного средства, гарантирующей континуальность конкретного человеческого “я”, выполняет человеческая память: она сохраняет все, что необходимо для продолжения личной индивидуальности во времени. Если рассматривать “я” как связующий центр осознаваемых свойств и состояния личности, то фактором, поддерживающим стабильность и конкретные изменения “я”, следует считать общение. Именно общение позволяет человеку осознать свою личную индивидуальность, познать самого себя. Зеркало, в которое смотрится человеческое “я”, находится вне его самого. То, что поэт В. Ходасевич назвал “говорящим правду стеклом”, — в данном случае другие люди.

Люди обладают особенностями, объединяющими их в большие группы по национальным, классовым, социально-культурным, возрастным и прочим признакам. И конечно, эти особенности влияют на общение (сравните, как веселятся и спорят подростки и как степенно беседуют пожилые люди). Более того, они влияют и на понимание явлений культуры. “Вероятно, никто не думает, — замечал А. Герцен, — что Англия времени Елизаветы, особенно большинство народа, понимала отчетливо Шекспира: она и теперь не понимает отчетливо, да ведь они и себя не понимают отчетливо. Но что англичанин, ходящий в театр, инстинктивно, по сочувствию пони-

¹Сохранность личности — одна из определяющих констант нормы человеческой психики, и недаром видный украинский психиатр П. П. Ющенко предлагал заменить термин “психически больной” на “личностнобольной”.

маст Шекспира, в этом я не сомневаюсь. Ему на ту минуту, когда он слушает, становится что-то знакомее, яснее”¹.

Конечно, гений Шекспира принадлежит всему человечеству, но именно в той мере и потому, что воздействие его на сознание зрителя (иной эпохи, иных социальных условий, иного народа, наконец) нераздельно с пониманием жизни, и это знал тот, кто воссоздал его творения по-русски. Борис Пастернак говорил: “Зритель сейчас обрел более ясное понимание жизни, и тут важно, хватит ли у нас таланта и прозорливости дать зрителю то, что он смутно желает”. И еще: “Зритель смеется и плачет в зрительном зале не оттого, что ему грустно или весело, а оттого, что путь к нему найден верно”².

Умение “найти путь” к зрителю означает по существу дела умение воздействовать на его мысли и чувства, вызывать определенные переживания, неявно или прямо влияя на формирование у него определенных убеждений.

Издревле речевому общению и неразъемному с ним устному коммуникативному воздействию придавалось очень большое значение. Даже слово “внушение” имеет общую коренную основу со словом “ухо”, “ушко”. И в цивилизациях, которые уже обладали развитой письменностью, роль непосредственного речевого воздействия считалась очень большой. “Слова предназначены для ушей, внушают через ухо. Отец, наклонившись к правому уху новорожденного сына, трижды произносит “речь, речь, речь!” (Брихадараньяка упанишада. VI. 4. 25) ...Но посмотри, как симметрично расположены уши. У тебя в голове как бы имеется сквозное отверстие, и поэтому часто слова “в одно ухо входят, в другое выходят”... однако надо, чтобы слова застревали внутри. А чтобы внутрь не попадали дурные вещи, уши следует оберегать. Ведь туда могут забраться... дурные слова, и поэтому “у девки уши золотом завешаны”, не слышит непристойных речей”³. Вот, оказывается, откуда взялся обычай носить серьги. Но ему тысячи лет, а нас больше интересуют проблемы нынешнего дня.

Информационное воздействие

Сфера информационного воздействия, раз уж мы коснулись этого вопроса, шире речевого общения: она охватывает все стороны жизни групп.

Возьмем, например, военную форму, руку, вскинутую под козырек, всю сложную символику армейской и флотской жизни. Как член организованной группы индивид дол-

¹ Герцен А. Былое и думы. Т. I. Ч. IV. М., 1931. С. 343.

² Цит. по: Целиковская Л. Жизнь одаривает встречами // Советский экран. 1980. № 3. С. 15.

³ Абрамян Л. А. Беседы у дерева (этнографические заметки) // Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979. С. 78—79.

жен находиться в соответствующем знаковом (или символическом) окружении. Если данная группа специализирована относительно целей и характера коммуникации, специализируются и символические формы, ее сопровождающие. Так, особой сложностью отличается символическое оружие, соответствующее религиозному культу.

Для коммуникации характерны два типа представления информации — линейный и фенестрационный (от лат. fenestra — “окно”). Знаки, следующие один за другим, представляют информацию линейно (типичный пример — человеческая речь). Знаки, сгруппированные так, чтобы их смысловое восприятие было по возможности одновременным, единым, представляют информацию в ином, фенестрационном, виде (эмблема, герб, орден, дорожный знак). Обычно эти типы представления информации взаимно дополняют друг друга.

Обратите внимание на то, что люди окружены знаками с детских лет и до завершения жизненного пути. Сфера их возможного воздействия на людей называется силовым полем знаков.

Различают два типа силового поля знаков — локальное и генерализованное. Локальное силовое поле создается в данных конкретных точках пространства с тем, чтобы стабилизировать коммуникативную ситуацию в соответствии с эталоном. Вспомните, например, о знаках уличного движения, лозунгах, транспарантах, плакатах, вывесках. Генерализованное силовое поле создается в результате работы центральной направляющей системы. Для него характерно реплицирование, т.е. воспроизведение по образцу определенного набора знаков. Радио, телевидение, пресса — все они суть средства организации генерализованного знакового поля. От печатной машины, от телестудии, от микрофонов идут к конкретным людям идентичные сообщения и изображения.

Если локальное поле создается в местах возможного сосредоточения коммуникантов, то генерализованное является распределенным, иными словами, основное сообщение как бы повторяется для каждого коммуниканта, подводится к нему по каналу передачи.

Хронотоп

Ситуация, в которой осуществляется коммуникативное воздействие, определяется набором пространственных и временных констант. Типические сочетания таких констант могут быть системно охарактеризованы как *хронотопы*¹. Хронотоп дороги, например, отличается тем, что коммуникация происходит внутри малых групп, которые объединены временно доминирующей установкой — достичь цели передвижения. В рамках хронотопа дороги возникают

¹ Термин “хронотоп” (греч.) — “время — пространство” — употребляется в различных отраслях знания. М. Бахтин определяет его как слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом (см.: Бахтин М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. — 1974. № 3. С. 134).

новые информационные контакты. Люди, допустим, в поезде вступают в межличностные отношения, менее вероятные в иных обстоятельствах, скажем, при стабилизированном круге общения в небольшом городке (хронотоп маленького города, типичного для "одноэтажной Америки" 20—30-х годов, детально описан в работах американских социологов — супругов Линд).

Известна коммуникативная специфика хронотопа больничной палаты, где доминирующие установки (острое желание излечиться, надежды, сомнения, тоска по дому) накладывают специфический отпечаток на предмет общения. Особого рода коммуникативные регулирующие факторы характеризуют хронотоп траншеи, или, шире говоря, передовой позиции: здесь эффективность воздействия речевых сообщений на поведение выявляется в экстремальных ситуациях и достигает максимума. Исполнение боевых приказов становится фактором, от которого зависит не только регуляция деятельности, но и самое существование групп и членов групп.

Разработка хронотопической классификации коммуникативных ситуаций имеет большое значение для прогнозирования результатов воздействия на личность и группу. Эта работа ведется, но пока еще не закончена.

Вообще воздействие на психику человека связано с динамикой его потребностей и сил. Психика человека как бы нацелена на изменение окружающего мира через посредство сущностных сил, физических и умственных, а конкретные потребности есть частное выражение этой фундаментальной тенденции.

Потребности могут рассматриваться как совокупность факторов, способствующих коммуникации. Именно существование потребностей учитывается в практике коммуникативного воздействия.

"Испытывать потребность — это, в сущности, значит ощущать нехватку чего-либо, которую пытаются восполнить, а это как раз и определяет некоторое побуждение, управляющее поведением животного или человека". Обращение к побуждениям индивида, обусловленным его потребностями и установками, составляет важное условие коммуникативного воздействия на его поведение. Это обстоятельство давно установлено эмпирически и используется для повышения эффективности воздействия.

Так, можно ориентировать сообщение на преодоление возникшего барьера общения или, как еще говорят, на пробой барьера в тех точках, где он наименее прочен (там, где та или иная потребность обострена, барьер как бы "прогибается изнутри", становится тоньше). Существуют способы пробить барьер "снаружи". И простейший из них состоит в намеренном изменении интенсивности сигнала

Это относится к человеческой речи. Известна, например, особая реализация военных команд, впрочем, и простое понижение голоса иногда дает поразительные по эффективности результаты. По словам Поля Рейно, премьера Франции в дни германского вторжения 40 г., "люди верят любой нелепости, если ее сообщают шепотом". Это, разумеется, преувеличение, но абсурдным его назвать нельзя.

А вот более сложный пример образования бреши в барьере.

У тренера недобор девушек в секции по фехтованию. У девушек другие интересы, они не представляют себя в маске и с рапирой, кроме того, занятие это утомительное и отнимает время по вечерам. Что же делает тренер? Он приходит в аудиторию, где сидят первокурсницы, в сопровождении самой стройной фехтовальщицы, садится на кафедру и сообщает: "Фехтование — это совершенно особый вид спорта. Он полностью меняет движения и фигуру человека. Через четыре месяца на вас будут смотреть совершенно другими глазами". Жест в сторону молча стоящей рядом фехтовальщицы: "Запись у нашей разрядницы с двух часов". К вечеру задача решена.

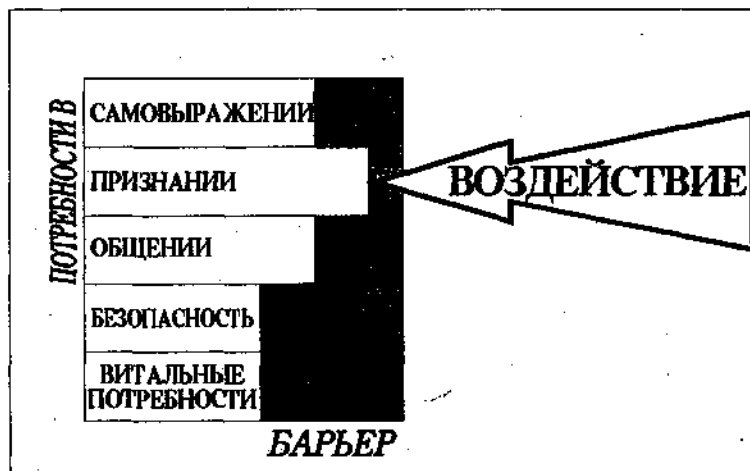
Это, разумеется, частный случай, но он показывает значение ориентации на потребности для коммуникативной практики.

В процессе воздействия на индивида и группу следует учитывать конкретные модели регуляции деятельности.

Заслуживает внимания предположение, что условием эффективной регуляции деятельности служит поихостазис, или определенное соответствие между 1) осознанием и реализацией возможностей деятельности и 2) осознанием конкретных результатов деятельности и ее последствий для индивида и группы, к которой он принадлежит. Тем самым речь идет о симметрии между реализацией возможностей и ответственностью: симметрия устанавливается посредством процесса понимания.

Естественно, что в детском возрасте перебор возможностей очень велик (поэтому дети так часто предпочитают ролевые игры). Что же касается ответственности, то она лишь в малой степени носит личный характер: это распределенная ответственность (родители, школа), и ребенок это осознает.

¹ Пьерон А. Потребности // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. М., 1970. С. 147.

Это должно заинтересовать тех, кто занимается проблемами рекламы. Рекламное (и вообще убеждающее) воздействие должно быть нацелено туда, где критический барьер тоньше. А он тоньше там, где потребность острее. Эта схема иллюстрирует историю о том, как студенток зазывали в секцию по фехтованию.

С течением времени количество личных и социальных возможностей уменьшается, а вероятность реализации отдельных возможностей возрастает. Ответственность непосредственно связана именно с реализуемыми возможностями.

Поясним это на простых примерах.

Третьеклассники играют в космонавтов, моряков, разведчиков. Однажды я видел просто мастерски разыгранную сцену дуэли (то ли "Пушкин с Дантесом", то ли "Печорин с Грушницким"). Кто на самом деле знает, кем станет девятилетний мальчик, что стоит передо мной, — космонавтом, шофером, артистом? Но мы твердо знаем, что через двадцать лет спектр его возможностей сузится, хотя вероятность реализации их возрастет. Предположим, в 29 лет — он подполковник, тогда его шансы стать генералом высоки, а, скажем, профессиональным актером — низки.

Итак, если задача воздействия на человека состоит в том, чтобы изменить его деятельность, то оно должно быть направлено на ту ось, которая соединяет возможности человека и ответственность за их реализацию, — на понимание. Иначе говоря, если мы хотим активизировать деятельность человека, мы должны добиться того, чтобы он понял ее смысл, оценил ее перспективы. Тогда он возьмет на себя смелость действовать и примет на себя ответственность за ожидаемые результаты.

Широкая картина социальных перспектив, тонкий анализ реальных человеческих возможностей — все это может быть ярко освещено в текстах. И это могут быть не обязательно научные тексты. Чтение Достоевского влияло на мысли Эйнштейна больше, чем знакомство с иными научными трудами. Художественная литература — едва ли не важнейший предмет понимания, способный серьезно повлиять на внутренний мир человека.

Личность как участник общения

Четыре позиции, в которых предстает личность, условно именуется "тело" (1), "изнутри" (2), "извне" (3), "издалека" (4). Первая позиция — это личность со всеми ее телесными особенностями. "Телесный"

надо понимать в широком смысле — это и красота (которая может сыграть решающую роль в молодые годы), это и инфаркт миокарда (который может сыграть решающую роль несколько позже), это вообще все физическое. Тогда как вторая позиция — это духовное. Это наше сознание и подсознательное, наше "я", неразрывное с "телом", но отличное от него. Третья позиция — это личность, какой она предстает перед другими людьми. Это "другой", каким вы его видите, слышите, это вы сами, каким вас видит и слышит "другой". Сами себя вы таким не слышите и не видите. Если вы записывались на магнитофон, то не забыли еще, каким чужим казался вам собственный голос при первом прослушивании. А в зер-

кале правая половина вашего лица кажется левой (разница на самом деле существенная).

"Художникам и фотографам давно известно, что лицо человека асимметрично, в результате чего левая и правая сторона нашего лица могут отражать эмоции по-разному. Объясняют это тем, что левая и правая стороны лица находятся под контролем различных полушарий мозга. Правое полушарие управляет эмоциями, воображением и сенсорной деятельностью. Связи управления переключаются так, что работа доминирующего левого полушария отражается на правой стороне лица и придает ей выражение, подающееся большему контролю. Поскольку работа правого полушария мозга отражается на левой стороне лица, то на ней труднее скрыть чувства. Положительные эмоции отражаются более или менее равномерно на обеих сторонах лица, отрицательные эмоции более отчетливо выражены на левой стороне. Однако оба полушария мозга функционируют совместно, поэтому описанные различия касаются нюансов выражения. Особенно экспрессивны губы человека. Всем известно, что плотно сжатые губы отражают глубокую задумчивость, изогнутые губы — сомнение или сарказм. Улыбка, как правило, выражает дружелюбие, потребность в одобрении. В то же самое время улыбка как элемент мимики и поведения зависит от региональных и культурных различий".

И наконец, четвертая позиция — это личность в динамике, то есть какой она была раньше и какова она теперь — это личность в процессе становления. Такой, например, видит профессор личность своих студентов, своих аспирантов, словом — учеников.

Человек и другие люди

Успехи в области математических наук и наук гуманитарных свидетельствуют об определенном уровне развития интеллекта, но отнюдь не обязательно о любви к ближнему, верности, чувстве чести и о благородстве души. Одним словом, интеллект и даже творческий дар — это далеко не все, что следует ценить в человеке. Но у общества свои критерии, оно венчает премиями и прочими наградами достижения в несколько иной сфере, нежели человеческие отношения. Между тем для жизни индивида эти отношения значат очень многое. Да, есть в глубине души и то, что человек ценит превыше всего. Как сказано у одного современного мыслителя, есть вещи, знать которые важнее, чем любить, например, электрон, космос и правописание. Есть вещи, любить которые важнее, чем знать, например, Родина, Бог, полуоткрытые девичьи губы и уже зажмуренные глаза. И верно. Отсюда, ясное дело, не следует, что знание за-

¹ Автор И. Я. Я вас слушаю. М., 1988. С. 67.

служивает какого-либо пренебрежения. Просто у него есть свое место в сознании личности. Как и у любви.

Любовь составляет важнейшую сторону межличностных отношений и один из базисных элементов общения между людьми. Как и всякое чувство, любовь — не самый подходящий предмет для рационального анализа и классификации. Заметим лишь, что издавна различают чувство нисходящее (*amor descendens*) — таково, например, чувство отца к сыну, чувство восходящее (*amor ascendens*) — чувство детей к родителям, и взаимное (*amor aequalis*) — оно традиционно считается высшей формой отношения между мужчиной и женщиной.

Психологи, однако, показали, что все это лишь стороны одного чувства, которые выступают на передний план (или уходят вглубь) в различных семейных и внесемейных обстоятельствах. Значение этого чувства и соответствующих ему форм общения настолько велико для индивида, что среди воспоминаний оно зачастую занимает доминирующее место. И объясняется это не просто силой прошлых переживаний — как раз многое из пережитого бывает вытеснено, не вспоминается.

Ряд видных психологов располагает многочисленными экспериментальными подтверждениями гипотезы, согласно которой память — это механизм, выбирающий из прошлого то, что так или иначе может “сработать” в будущем: предвидимое (и не обязательно осознанно предвидимое) будущее как бы управляет сохранением того, что может пригодиться в достаточно вероятных обстоятельствах. При этом не так уж просто объяснить, зачем необходимы воспоминания именно этого рода — о любви. По всей видимости, они играют какую-то роль в сохранности личности, в том, чтобы человек мог оставаться самим собой в непростых, как сейчас принято выражаться, обстоятельствах.

Конечно, одних воспоминаний для этого мало: необходимы и внутренняя убежденность, и общение с другими людьми.

Важность общения не только в том, что обмен информацией есть необходимое условие совместной деятельности. Уже возможность обмена информацией нужна для того, чтобы личность существовала. А эта возможность не сводится просто к знанию родного языка: она имеет место в том случае, когда носитель родного языка обладает и соответствующим языковым окружением, когда ему есть с кем общаться.

Общение, само собой разумеется, включает в себя передачу информации. Если обратиться к самой сущности процессов общения, то может привлечь внимание такое определение: общение — это отношение людей к действительности, выраженное через передачу информации от человека к человеку.

Основное условие психологической эффективности общения заключается в том, что его участники должны быть убеждены, что говорят и слышат (или пишут и читают) правду. Это убеждение естественно сопряжено с критическим отношением ко лжи.

Ложь

Что же собой представляет ложь? Это феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей. Ложь чаще всего находит выражение в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна. В отличие от добросовестного заблуждения ложь представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющей целью ввести участников общения в заблуждение. Как правило, ложь вызвана стремлением добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях. Характерно, что индивид неосознанно расценивает свою ложь как нечто неустойчивое и временное: отсюда интенция первоначально измышлять новые подтверждения лжи, а позже — полностью ее замалчивать. Если социально-психологически ложь всегда является *средством*, то в сфере психопатологии она выступает как *цель* мифоманов — психопатов, испытывающих чувство удовлетворения от самого процесса введения окружающих в заблуждение.

Мне, как и вам, приходилось сталкиваться с так называемой “ложью во спасение” и, признаюсь с полной откровенностью, я не в силах осудить ее столь безоговорочно, как это делают некоторые публицисты. Конечно же, о жестокости правды чаще всего говорят те, кто не испытал жестокости лжи. Но я не принимаю точки зрения медика, отстаивающего необходимость сообщить больному о том, что его дни сочтены (“чтобы он успел принять правильные решения”), и тем самым лишить его надежды, обращая его действительно последние дни в пытку, которую закон не предусматривает даже для приговоренных к смерти. Нельзя не задумываться и над словами поэта о возвышающем нас обмане — применительно к жизни и деятельности выдающихся исторических лиц, которые невольно, уже самой силой общественного мнения обращаются в символы достоинства своей родины, народа, а то и всего рода человеческого.

Тут все очень сложно. Но это уже выходит за рамки избранной нами темы.

Ложь, как видите, — это понятие, чей объем выходит далеко за рамки межличностных отношений. Нередко обвинения во лжи в завуалированной или прямой форме слышатся в острой полемике. И это касается, в частности, обсуждения вопросов, имеющих идеологический характер, вопросов, чья специфика порождена самой структурой общества, его организацией.

Принцип иерархически организованного общества прост: если ты не наверху, ты внизу.

Идеология отражает действительность, выражая и концентрируя интересы людей, этой действительностью порожденные. Печали и чаяния тех, кто внизу, гордыня и лицемерие тех, кто наверху, — все это обретает идеологическую форму. Идеология сродни пониманию и вне понимания не существует. Но глубина и полнота понимания идеологических проблем зависит от перспективы реализации классовых интересов, которые эта идеология выражает. Бывает и так, что эта перспектива давит на понимание, искажает его. Идеология дает оценки, образно говоря, “наклеивает этикетки”, но это тот случай, когда Маркс прав: этикетка на товаре обманывает и самого продавца. Мы склонны отождествлять действительность (то есть то, что есть на самом деле) с тем, как она отражена в сознании. И вот отраженная действительность становится кривым зеркалом наших мыслей. Так что не всегда надо спешить с обвинениями во лжи. Бывает, что в дискуссиях заблуждаются обе стороны, как бывает, что и в конфликте участвуют не хищник и жертва, а два хищника, которые становятся жертвами друг друга.

Диалог

“Что такое человек, раз он может понять мир? И что такое мир, раз человек может его понять?” — спрашивает Стивен Тулмин. На этот вопрос могут ответить только наука, искусство и личный опыт, вместе взятые. И полным ответ никогда не будет. Но сама постановка вопроса напоминает нам, что в первооснове своей проблема понимания — философская. И она, безусловно, связана с учением Сократа о том, как вопрошать и отвечать, с наукой понимать собеседника и предмет обсуждения. Продуктивное обсуждение есть в основе своей достаточно точная постановка вопросов и совместный поиск достаточно полных правильных ответов. Отнюдь не случайна диалогическая форма многих классических трудов, в которых обсуждаются философские и методологически значимые естественнонаучные проблемы. Эта форма не только впечатляюще воздействует на читателя — она способствует углубленному пониманию сущности поставленных проблем.

Диалог — это не только вопросы и поиск ответов, не только обмен репликами, но и те, кто в этом диалоге участвуют, это поистине текст в лицах. Но даже если отвлечься от собственно диалогической формы изложения — разве не присутствует она в скрытом, свернутом виде в пестрящих цитатами текстах? Разве полемика и обращение к авторитету — две необходимые особенности философских трудов — не модификация диалога?

¹ Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984. С.31.

каждодневное общение людей, в котором реализуется огромный силы витальный потенциал обыденного сознания? В нем сосредоточены и переплетены все уже известные вам восемь экзистенциальных благ, которые не могут быть отлучены от человеческого существования: жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, юность, воспоминания и сны. Этих тем не может обойти общение с близкими (и не только с близкими) людьми.

Круг общения

Нельзя сказать, чтобы индивид не стремился к общению. Он испытывает это стремление, когда оно разбужено. Человек испытывает потребность в коммуникаторе — в том, кто с ним общался бы. И только когда эта потребность реализована, он пробует войти в роль коммуникатора сам. Это самым тесным образом связано с тем, что язык ребенок усваивает в общении с родителями и образ этих первых коммуникаторов продолжает жить в его подсознании и порождает не всегда осознанную потребность в строгом и мудром Отце. И всепрощающей любящей Матери. И обычно это ему удается. Но тот, кто ошугил в себе призвание коммуникатора, не может с ним расстаться. Не случайно профессия политика и актера были совмещены в президенте Рональде Рейгане.

Само собой разумеется, что массы бывают увлечены не столько коммуникатором, сколько тем, о чем он говорит, предметом общения становится его идея. Но какова бы ни была сила этих идей, сами по себе они достоянием масс стать не могут. Требуется коммуникативная направляющая система. Она отнюдь не всегда технизирована. Это может быть серия встреч, митингов, выступления в законодательных органах. Практика общественных движений, охватывающих широкие слои населения, свидетельствует, что рассредоточенная группа коммуникаторов способна за поразительно короткий срок добиться заметных сдвигов в сознании и деятельности масс. И тем не менее только печатный орган способен распространять информацию и идеи, сохраняя неизменно точную форму их первоначального выражения. (Впрочем, газета газете рознь. Самое широкое поле искажений и пристрастных комментариев — также газетная полоса). Тем самым формулировки ведущего коммуникатора или ведущей группы приобретают необходимую устойчивость в процессе трансляции. Понимание текстов и трансляция их смысла оказывают значительное влияние на возникновение и развитие духовной общности между людьми.

Сторонники так называемого целевого подхода считают, что коммуникатор всегда руководствуется целью определенным образом воздействовать на участников общения. Даже естественное желание добиться того, чтобы текст был понятен, уже предполагает в неявной форме воздействие текста на тех, кто его понимает. Прак-

тически тексты всегда ориентированы на определенные категории читателей, установка же на воздействие, в какой бы форме она ни осознавалась коммуникатором, не является только его личным делом. Коммуникаторы лишь трансформируют определенную потребность, которая существует социально, и отвечают на эту потребность своей деятельностью. При этом вовсе не обязательно, чтобы установки коммуникатора возникли как простая интериоризация установок, доминирующих в группе, которую он представляет. Когда речь идет о средствах массовой коммуникации, следует иметь в виду, что направляющая коммуникативная система (радио, телевидение) задает установки среди относительно широкого круга лиц. Часть из них, обладая определенным авторитетом, выступает в качестве так называемых лидеров мнения.

Численность населения планеты в настоящее время далеко зашла за шестимиллиардную отметку. Уже возникло заметное расхождение между распространением грамотности и динамикой развития средств массовой коммуникации: многие люди, лишенные задатков образования, являются не только радиослушателями, но и телезрителями. Практически каждый телевизионный экран работает не менее чем для двух человек, и общий объем времени, которое занимает у населения Земли коммуникация (личное общение, чтение книг, газет и журналов, просмотр телепередач, радиослушание), вполне сравним с общим объемом трудового времени. У современных ученых растет убеждение, что неотъемлемой частью ноосферы (в терминологии В. И. Вернадского) должна явиться инфосфера, мировая информационная структура, контуры которой ныне становятся все более четкими.

Мы даже и не подозреваем, каковы могут быть перспективы ее развития.

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ?

Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла.

М. М. Бахтин

Есть ли смысл в существовании человеческого общества, человеческой жизни, природы? Во всяком случае, смысл существования нельзя доказать, не доказав существование смысла. Поэтому один из главных для этой книги вопросов: "Есть ли смысл?"

*Абсурдно
или
осмысленно?*

Различие между абсурдным и осмысленным фундаментально. Мы знаем это из личного опыта: каждому из нас знакомо чувство понятности, или, как говорят психологи, "ощущение смысла". Оно резко

и отчетливо противостоит тоскливой непонятности прочитанного или происходящего. Напротив, ощущение смысла точно передают следующие слова Фазиля Искандера: "Казалось, в жестком хаосе механических случайностей приоткрылся какой-то смысл. И хотя ничего хорошего он не сулил, он придавал надежду самим своим существованием. Он вспомнил, что и раньше ему становилось легче, когда то, что мучило и давило, объяснялось каким-то смыслом". В сущности и природную действительность объясняли как нечто, освященное промыслом господним, и это очень облегчало тяготы зависимости от природы — покамест казалось убедительным. Так или иначе, в XX в. возникли даже эффективные лого-терапевтические методы воздействия на психику, которые хотя и не доказывают существование смысла, но свидетельствуют об огромной, незаменимой его роли для человека.

Ощущение абсурда совершенно иное. "Мне чудится, будто я присутствую на удивительно глупом театральном представлении без начала и конца, где все действующие лица поперезабыли свои роли и несут отсебятину в тщетной надежде, что кривая вывезет. Это представление затеяно как бы специально для меня, чтобы как

можно дольше удерживать меня на месте, не дать сдвинуться ни на шаг дальше, а тем временем за кулисами кто-то торопливо делает так, чтобы мне стало окончательно ясно: все без толку, ничего сделать нельзя...”, — писал Лев Абалкин в отчете о своем участии в операции “Мертвый мир”.

И несмотря на то, что тут явственно ощущается субъективная сторона восприятия мира (“ему показалось”, “мне чудится”), нет никакого сомнения, что речь тут идет именно о мире, о том, что в нем происходит.

Противопоставление абсурда и смысла актуализируется сейчас в размышлениях каждого из нас. Это характернейшая для XX в. черта. В сущности, вопрос Пилата: “Что есть истина?”, веками находившийся на авансцене всемирно-исторической “драмы идей”, стал отходить на второй план. Его место занимает вопрос: “Есть ли смысл?”

И объясняется это тем, что сама познаваемость мира, порождающая самые широкие возможности его изменения, поставила перед человечеством проблемы существования, по значению своему превосходящие проблемы познания сущности вещей и явлений.

Девиз рационализма “знание — сила” обещал человечеству многое: суть этих обещаний сводилась к тому, что познание объективного мира позволит человеку занять позицию силы в его отношениях с Миром. Не обязательно по отношению к природе, хотя и к ней, конечно: и общество, и сама телесная природа человека — все может быть подчинено тотальной силе знания.

Не прошло и 400 лет, как эти обещания были полностью выполнены.

В результате восторг перед безмерным умножением возможностей человека сменился обоснованной тревогой за его судьбу¹.

Смысл и субъект

В XX веке произошла (она еще происходит) переориентация мировой философской мысли с объекта познания на субъект, на человека. Это не значит, что роль объективного оказалась снижена,

и это тем более не означает, что субъект выступает как воплощение произвольного, внезакономерного, непознаваемого. Никоним образом. Отсюда вытекает лишь, что пониманию субъекта как марionетки объективного мира приходит конец. Параллельно сместились и привычные политические акценты: всем мыслящим людям стало ясно, что ни один социальный строй не может стать гарантом выживания человеческого рода в условиях военно-идеологической конфронтации и экологического кризиса.

¹ Есть даже ученые, полагающие, что человечество обречено. См., напр.: Loebach T. Die letzten Jahre der Menschheit: von Anfang und Ende des Homo sapiens. — München, 1983.

от тогда и встал вопрос, какую позицию на самом деле следует занимать: позицию силы или позицию смысла? Любопытно, что вопрос этот впервые был сформулирован на языке политики¹, потому что именно в политической сфере возможности человека обрели эсхатологические очертания, и решение вопроса о возможной бесчеловечности существования разума, а то и жизни во Вселенной, вопроса метафизического, оказалось во власти физических сил.

Это одна из причин роста интереса к смыслу. Не менее актуальна и вторая. Смысл текстов оказался в реальной судьбе людей не менее значим, чем смысл поступков. Тексты культуры, в мир которых человек оказался погружен, влияли на него зачастую сильнее непосредственных фактов его личного бытия.

Так уже было.

Традиционное средневековое понимание истории человечества заключалось в том, что “жизнь каждого человека проходит на фоне всемирно-исторической драмы, вплетаясь в нее, получая от нее новый, высший и непреходящий смысл”². Попытки описать и исследовать исторический процесс на иных, рациональных, основаниях постепенно привели к тому, что Бог был исключен из личной философии индивида, а чувство причастности к высшему смыслу исчезло. Но это чувство возродилось в конце XIX века и стремительно выросло в XX веке. Дело заключалось в том, что, отрицая религию, “марксизм однако сохраняет за историей ее смысл. События для него — не простая последовательность произвольных случайностей, в них обнаруживается связная структура, и, самое главное, они ведут к определенной цели — к окончательному устранению “ужаса истории” и спасению...”³. Наука для Маркса — гнозис, она связана с мудростью спасения, именно ей суждено освободить общество от пут государственной власти, индивида — от экономического принуждения, людей — от противостояния непримиримых интересов. Спасительная сила науки в том и состоит, что она способна задать ориентиры деятельности, обозначить ее перспективу, а тем самым придать смысл жизни человека как деятельного существа. Заметим, что по мере распространения этих взглядов им все отчетливее противостояли иные, согласно которым вопросы о том, что такое смысл и есть ли смысл в существовании человека и человечества, не могут найти научного, да и вообще какого-либо общеприемлемого решения. “Вопросы эти, — писал Иванов-Разумник, — метафизического порядка и, поскольку метафизика не есть наука и

¹ С точки зрения Режи Дебрэ в этом ничего удивительного нет, как нет ничего удивительного в нынешней политизации сознания вообще, “политика” — это смысл его практическом состоянии”. (См.: Debray R. Le Scribe: genese du politique. — Paris, 1980. — P. 281).

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 127.

³ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 134.

невозможна как наука, постольку невозможно, к счастью, и научное решение этих вопросов". Здесь замечательно это "к счастью".

Правильна такая точка зрения или нет — надежд она во всяком случае не вселяет. А новый гнозис принес результаты в мировой истории уникальные. В коллективном бессознательном был пробужден архетип спасения, "ужас истории" на время исчез, образ жизни миллионов людей полностью подтвердил правило, блестяще сформулированное столь далеким от марксизма Ницше: когда люди знают зачем они живут, им почти все равно как они живут.

Однако с течением времени объясняющая сила марксизма поколебалась под напором фактов. В свое время Виктор Шкловский писал, что ученые не должны сопротивляться факту. "Если факты разрушают теорию, то тем лучше для теории. Она создана нами, а не дана нам на хранение".¹ Философы-коммунисты десятки лет вели себя так, словно марксизм был дан историей им на хранение. Между тем они должны были его *делать*. Этого не произошло. Сложилась и быстро окаменела догматическая традиция. Проблема смысла ушла из поля зрения марксизма, а тот, кто понимал разницу между ничто и нечто, между абсурдом и смыслом, — Жан-Поль Сартр — говорил о себе: я не марксист, а марксанин.

Три главных вопроса философии

По мере того, как происходила дифференциация философского знания, происходило и присвоение понятия "смысл" все новыми и новыми дисциплинами, эмансипировавшимися из-под власти былой "королевы наук". На объяснение того, что такое смысл, претендовали, и с основанием, логики, лингвисты, психологи, и "смысл", некогда ведущая категория философии, исчезал из учебников, философских словарей и энциклопедий — они посвящали, впрочем, несколько столбцов или страниц "смыслу жизни". Этим я не хочу сказать, что понятие "философского смысла" перестало встречаться вообще — это не так. Из фундаментального коллективного труда "Марксистско-ленинская диалектика" (М., 1983. — Т. 5. — С. 329) можно было, например, узнать, что в понятии "агропромышленный комплекс" содержится "глубокий философский смысл, отражающий взаимодействие основных движущих сил в производстве продуктов питания и их переработке". Но людям мыслящим хотелось думать, что философский смысл, и даже несколько более глубокий, есть и у других понятий и явлений. Ведь во второй половине XX века структура философского знания изменялась, все яснее проступали контуры триады главных философских вопросов: 1) о первичности материи или сознания или о возможности познания мира; 2) если мир существует в движении, есть ли у него

¹ Иванов-Разумник. О смысле жизни. СПб., 1908. С. 4.

² Шкловский В. Гамбургский счет. Л., 1928. С. 50.

направление; 3) насколько закономерен (в масштабах Вселенной) феномен человека, является ли разумная жизнь необходимым компонентом развития мира или она уникальна, а следовательно, случайна.

Но вопросы эти, явно смещающие основной вопрос философии с традиционно господствующего места, обсуждались в отечественной, да и в мировой философской литературе довольно вяло. Наступала пора, когда заговорили о "конце истории", пора, о которой так замечательно сказано у Б. Слуцкого:

Устал тот ветер, что листал
Страницы мировой истории.
Какой-то перерыв настал,
Словно антракт в консерватории.
Мелодий — нет. Гармоний — нет.
Все устремляются в буфет.

В западном мире "буфет" этот оказался полон, в мире социализма постепенно пустел, и там стало очевидно, что "антракт" кончается. Зазвучали призывы к покаянию, ниспровержению кумиров, отказу от нового гнозиса. Оснований тому находили много и в том числе — неудовлетворительную работу "агропромышленного комплекса" (видно, и правда, в этом понятии был скрыт некий особенно неясный, а значит "глубокий", смысл) и несвоевременное расставание с частной собственностью, христианством и исламом.

Бог и смысл

Восхвалять частную собственность было как-то неудобно и... удручающе много стали писать о моральных нормах, которые несет в себе вера, об аморализме, который воцарился вместе с отрицанием религии. Все это огорчительно прежде всего потому, что Бог при этом не упоминается совсем. А ведь подлинная религия говорит, наоборот, "не о нормах, а о путеводных образах, на которые нам следует ориентироваться в своих поступках и к которым мы в лучшем случае можем только приближаться. И эти путеводные образы возникают не из наблюдений непосредственно воспринимаемого мира, а коренятся в сфере лежащих за ним структур, которую Платон называл "царством идей" и о которой в Библии сказано: "Бог есть дух". Иначе говоря, подлинная вера имеет именно смысловое значение, она задает путеводные ориентиры, указывает выход из тьмы, как у Иова, по Витгенштейну, и цель философии". А современная утилитарная псевдорелигиозность, которую поспешили объявить Ре-

¹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 334; Ссылка на Библию. — см.: Откровения, 4, стих 24.

² Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. — Ч. 1. 1994. С. 186. § 309.

нессансом религии, выступает в роли, которую не удалось, по-видимому, сыграть "коммунистическому воспитанию". Радиотелевизионная духовность на самом деле так же далека от действительного богатства духа, как бифштекс на экране от бифштекса на столе. Разговоры о религии, странным образом исключают существование Бога, не являются исключительным достоянием отечественной общественности. Чарльз Лумсден в уважаемом "Зигоне" пишет: "Может ли Высшее существо — Существо, способное предвидеть, управлять и наказывать нас за каждый проступок, быть терпимо в качестве основы для христианской теологии в век, в котором тоталитаризм среди простых смертных вызывает отвращение? Поэтому религии необходима теология, более совместимая с личной независимостью и свободой воли. Вот почему в современной христианской мысли возникли и получили поддержку нетеистические концепции бога".

Дивисься, читая такое. Бесспорно, в поведении людей многое может быть продиктовано синдикативной функцией общения, их причастностью к верующим, а не к вере. Но для человека мыслящего вера в Бога не требует внешних доказательств его существования. В плане личной философии Бог — это воздаяние за хорошее и плохое, это возможность стать таким, каким никто не был, это внутренняя свобода, это мужество поступать по совести, когда можно и даже выгодно так не поступать. "Он не любит тех, кто боится", — говорила Жанна д'Арк. Откуда она это знает, — спрашивали ее. "А мне это сказали Голоса", — пояснила она. "Дурочка, все твои голоса — вот тут", — сказал, постучав по лбу, какой-то презрительный аристократ. "А Бог всегда говорит с людьми через "тут", — отвечала Жанна, указывая на лоб.

Это объяснение подкупает своей простотой. Если учесть, что логос и есть то "слово", которое, согласно Четвертому евангелисту, пребывает в Начале, то разом решается и проблема смысла. Заметим в этой связи, что термин "смысл" встречается в русских письменных источниках, начиная с XI века, как один из возможных переводов греческого "логос" (впрочем, в петровские времена в значении "смысл" употреблялось слово "сенс", вскоре вновь уступившее место слову "смысл").

Сомнения в том, что логос первичен, продолжали и продолжают, однако, посещать философов. Утверждение, что "в начале было дело", вложенное Гете в уста его героя, цитировалось бесчисленное число раз. Но стоит заметить, что дело при этом оказывается в весьма сложных отношениях со смыслом. Слишком часто люди сталкивались с делами абсурдными, а то и просто страшными.

Вот пример. В одном из американских фильмов о войне в Корее разведчик совершает смелые ночные рейды, убивая часовых. Его награждают, он прославлен. Но вот заключено перемирие. Разведчик начинает куда-то исчезать по ночам. Выясняется, что он продолжает убивать часовых, ему это нравится, и вообще он — маньяк-убийца.

Быть может, практика — и критерий истины, но отнюдь не критерий смысла. Требованиям практики может быть вполне адекватно поведение опасного сумасшедшего. Смотря какая практика. Практика всегда конкретна.

Анализ смысла требует выхода за пределы практики и отдельных форм деятельности. Именно поэтому он выступал в прошлом в трансцендентальном облике, как выходящий за пределы этого Мира. Но по существу здесь речь идет лишь о том, что критерии смысла отличаются от критериев объективной истины: быть может, они совпадают — частично. При этом слово приобретает статус законного обиталища смысла, хотя связь его с делом продолжает оставаться неясной.

Л. Троицкий цитировал: "В начале было дело" и утверждал, что слово явилось за делом, как звуковая тень его. Словесность — это система теней, исследовать ее нужно, исследуя отбрасывающие тень факты¹. Образ очень сильный, и правильно, что экстралингвистические внеязыковые факты принципиально существенны для понимания текстов. Но главное не сказано — про источник света. "Каждый из нас из собственного опыта знает, что за фактами всегда что-то есть"². Что заставляет факты отбрасывать речевую, словесную тень? Тени сами не падают, необходим свет. Это смысл.

Здесь не приводится ни одно из 94 определений смысла не потому, что они неверны или неполны, а потому, что в науке со времен Аристотеля существует "фетиш определения в одной фразе", который всегда отвечал, скорее, педагогическим надобностям, а суть определяемого предмета не прояснял. Определение, ограниченное рамками одного предложения, и обстоятельный комментарий к нему — такова традиция, которая сыграла большую роль в развитии естественных наук, и значительно менее положительную — в развитии наук гуманитарных. Определения необходимы. Но зачастую они способствуют объяснению, а не пониманию. Разница здесь велика. Так, отсутствие смысла в каком-либо тексте гораздо легче заметить, чем внятно объяснить, в чем же именно смысл заключается. И более того, наличие в конкретном тексте смысла, и вполне

Существование смысла

¹ Lumsden C. Y. Sociobiology, God and Understanding // Zigon, 1989. — Vol. 24. №1. — P. 89.

¹ См.: Троицкий Л. Литература и революция. М., 1924. С. 126—127.

² Форстер Э. М. Избранное. М., 1977. С. 364.

ощутимое, зачастую сопровождается острыми разноречиями по поводу того, в чем этот смысл заключается.

По-видимому, смысл принадлежит к числу таких же понятий, как, например, "причина".

Бела Балаш, рассуждая о сознании, говорит, какова основная функция человеческого сознания в смысле кантовской категории причинности: "... в причине явлений усматривается тотчас же их смысл. Речь здесь идет о функции наивно-телеологического образа мышления, усматривающего причины вещей в их целесообразности. Этот телеологический момент с необходимостью присутствует в любом произведении, созданном человеком сознательно. Мы не можем представить себе, чтобы человек, что-то создающий, не преследовал при этом определенной цели. Поэтому мы в любом из его произведений будем искать смысл..." Смысл существует в нескольких модальностях. И наиболее явственно его существование в тексте.

Текст и смысл

Дети очень легко усваивают пришедшее в школу из классических грамматик деление предметов на одушевленные и неодушевленные. Отчетливость этого деления очевидна для сознания любого индивида и он никогда не задумывается над тем, что существует третий класс предметов — предметов одушевляемых. Это тексты, которые даны нам в их непосредственном материальном воплощении. Заметим, что именно с того момента, когда нам становится известно, что это — текст, когда мы понимаем или пытаемся понять его смысл, мы сразу выходим за пределы непосредственно данного нам в чувственном восприятии. Текст — это концентрированная действительность. Текст — это действительность, ориентированная на то, чтобы ее понимали. С одной стороны, он сохраняет важнейшее качество объективно реального: материальный носитель содержания, данный нам в чувственном восприятии, не зависит от нашей воли или сознания. С другой стороны, текст совмещает неизменяемость материального носителя смысла с изменением самого этого смысла в процессе понимания, в процессе деятельности.

"В России больше охотнорядских мясников, чем мяса", — писал А. П. Чехов в 1883 г. Достаточно слитич текст с действительностью, чтобы убедиться — его слова за сто с лишним лет не утратили ни истинности, ни смысла. Но смысл этих слов не исчезнет, и когда "охотнорядцы" уйдут в прошлое. Текст не теряет смысл и тогда, когда в нем говорится о реалиях далекого прошлого.

Существует древняя кыргызская загадка, имеющая аналоги в "Кодекс куманикус" и в уйгурском фольклоре. Звучит она так: "Сандыгымда көп ок. Эрте туруп карасам — бири да жок". То есть:

Смысл — это переход от вопроса к ответу, и он существует. Смысл существует в иных временных, да и пространственных масштабах, чем мир чувственно воспринимаемый. Легенда, миф, сказка, по словам Саллюстия, то, чего никогда не было, и то, что всегда было. Придет время, когда реальности мира, в котором мы существуем, в очередной раз изменятся. Но не исчезнет мир возможного, где, собственно, и существует сознание.

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 296.

оком — полон мой сундук; рано утром посмотрел — ни одного (я) нет". (Ок — это стрела или ее наконечник). Ответ таков: "Небо и звезды". Исследовав происхождение загадки, Т. Абдыракунов пришел к выводу, что слово "ок" заменило слово "жылдыз" "никогда не случайно": наконечники стрел были сделаны из ковкого метеоритного железа. Ясно, что когда метеориты воспринимались как "падающие звезды", то ночное звездное небо можно было сравнить с сундуком, полным стрел.

Смысл — это переход от вопроса к ответу, и он существует. Смысл существует в иных временных, да и пространственных масштабах, чем мир чувственно воспринимаемый. Легенда, миф, сказка, по словам Саллюстия, то, чего никогда не было, и то, что всегда было. Придет время, когда реальности мира, в котором мы существуем, в очередной раз изменятся. Но не исчезнет мир возможного, где, собственно, и существует сознание.

Сознание и смысл

Отсюда можно сделать заключение, что существование в сознании есть иная специфическая модальность смысла, а поскольку носителем сознания традиционно выступает человек, возникает соблазн допустить, что существование смысла нераздельно с существованием человека. А Камю так и полагал. "Я продолжаю думать, — писал он, — что в этом мире нет высшего смысла. Но я знаю, что кое-что из него все-таки имеет смысл, и это — человек, поскольку он смыслы взыскует. В этом мире есть по крайней мере одна правда — правда человека, и наше предназначение — укрепить его осмысленную решимость жить вопреки судьбе. Человек, и только он один — вот весь смысл и все оправдания, его-то и надо спасти, если хотят спасти определенные воззрения и взгляды на жизнь".

Для того, чтобы увидеть смысл, надо, с этой точки зрения, заглянуть внутрь человека. Увидим ли мы при этом что-нибудь хорошее — еще вопрос. Есть такая точка зрения: "— Смысла нет ни в чем, это мы все прекрасно знаем. — Да, это верно... Но слабые души придумывают себе подходящие причины для активности. И делают вид, что они в них верят". Э. Ионеско, которому принадлежит этот краткий диалог, полагая, таким образом, что ничего, кроме понятной человеческой слащавости, поиски смысла не содержат.

Увидим ли мы при этом что-нибудь хорошее — еще вопрос. Есть такая точка зрения:

"— Смысла нет ни в чем, это мы все прекрасно знаем.

— Да, это верно... Но слабые души придумывают себе подходящие причины для активности. И делают вид, что они в них верят".

Э. Ионеско, которому принадлежит этот краткий диалог, полагая, таким образом, что ничего, кроме понятной человеческой слащавости, поиски смысла не содержат.

¹ Абдыракунов Т. Кыргызские народные загадки. АКД. — Фрунзе, 1973. С. 8—11.

² Камю А. Четвертое письмо к немецкому другу // Вопросы литературы. — 1980. — 2. С. 179.

³ Это диалог из "Воздушного пешехода" Э. Ионеско (см.: Современная драматургия. — 1989. № 5. С. 187).

Прошлое и будущее

Подлинный смысловой анализ всегда связан с демистификацией природы человека. И Лихтман прав, когда говорит, что для Фрейда демистификация человеческой природы соответствует археологической парадигме скрытого прошлого, а для Маркса демистификация человеческого существа равнозначна революционной парадигме созидания будущего¹. Эти парадигмы противоречат друг другу, и одновременно друг друга не исключают. Погружение в ранее скрытое прошлое для многих стало едва ли не единственным смыслом духовной жизни. Но она обретет высший и действительный смысл только тогда, когда прошлое из страшного груза обратиться в опору будущего. Возможно ли это? Будущее так или иначе наступит, но в какой мере его определит познание прошлого, разрыв с одним его этапами, попытка опереться на другие?

Существование моделей потребного будущего, доказанное Н. А. Бернштейном, концепция опережающего отражения П. К. Анохина, а затем и поток работ, посвященных потребностям и их удовлетворению, — все это постепенно сформировало странное, но устойчивое представление, что предвидимо и осуществимо именно потребное будущее. В текстах собственно идеологического порядка утверждение, что коммунизм — “вековая мечта человечества”, постепенно стало выступать как аргумент в пользу исторической неизбежности наступления коммунизма. Между тем вопрос о том, насколько закономерна та или иная стадия исторического развития, должен обсуждаться на основе теории, доказывающей стадиальность естественноисторического процесса, его направленный характер. Применительно к эволюционному процессу это, например, ортогенез Л. С. Берга, применительно к языку — глоттогенез Н. Я. Марра, применительно к истории — доктрина К. Маркса.

Ожидания нередко порождают иллюзорные предвидения. Как говорят китайцы, “ожидая избавителя, мы принимаем стук своего сердца за топот копыт его коня”. Сила и слабость учений, вторгающихся в массовое сознание, упрощаемых им и увлекающих его, состоит в том, что учения эти порождают цели и придают смысл деятельности. Понятия “причина”, “цель”, “смысл” срastaются в массовом сознании, и это начинает влиять и на сознание теоретического. Психология XX века достаточно убедительно показала, что изоляция сознания индивида — будь то теоретик, будь то люмпен — от сознания масс всегда в той или иной мере иллюзорна.

Как сказано у Максимилиана Волошина:

Антоний видит бег планет:

— Но где же цель?

— Здесь цели нет...

Современного человека это не потрясает: он знает, как это устроено, — и достаточно. Легенда о Лапласе, якобы ответившем на вопрос о Боге: “Я не вижу необходимости в этой гипотезе”, исполнена глубокого значения. Бог уже потребен лишь непосредственно существующим, потребен не науке, а людям. Он создает величайшую из иллюзий Нового времени: иллюзию необходимости человеческого существования.

Цель здесь присутствует уже в снятом виде, если присутствует вообще, но смысл есть.

Когда смысл намертво связывают с наличием цели — это подход упрощенно телеологический. И оправданным его считать нельзя. Все, например, согласятся с тем, что некоторой наперед заданной конечной цели в развитии палеонтологии или астрономии нет, а процесс этот вполне осмысленный, как и в каждом из составных своих звеньев, так, по-видимому, и в целом. Одним словом, цели, казалось бы, и нет, а смысл есть. Заметьте в этой связи, что у алхимии вполне конкретная цель была, существует система объявленных целей и у астрологии. Однако алхимии уже нет, а астрология не равивается, а распространяется. Внутреннего смысла тут нет. При этом личностных смыслов хватало и хватает, но это касается сущности целенаправленной деятельности астрологов и алхимиков, а не существования астрологии и алхимии.

Истинное, ложное, осмысленное

В течение тысячелетий господствовала и обсуждалась точка зрения, согласно которой процесс познания ориентирован на однозначный результат, подлежащий оценке с позиций дихотомии “истинно — ложно”. К чему это привело в процессе исторической практики — лучше и не говорить. Ведь в практической нашей жизни истинное и ложное существует в головах людей. Идея физического устранения тех, кто придерживается “ложных” убеждений, проще говоря, — тех, кто “не прав”, пользуется широкой популярностью. Как сказано в Проповеди патриарха Антиохийского и всего Востока Игнатия IV, “идеологии, которые претендуют на обладание истиной, правдывали и продолжают оправдывать все эти убийства... И в этом заключается огромный грех обществ, называющих себя христианскими. В ответ на это сегодня развивается релятивизм, где все одного стоит, или, скорее, все ничего не стоит, где безразличие

¹ См. Lichtman R. Production of Desire: the integration of psychoanalysis into marxist theory. N.Y., 1982. P. 39—42.

приводит к нигилизму, где бесчисленные Пилаты спрашивают, зевая от скуки: "Что есть истина?"¹

Но попытаемся отвлечься от этических (и политических) аспектов этой проблемы, коснувшись ее когнитивного значения. Мышление, формирующееся в русле этой традиции, имело и имеет прочную основу в образовательном процессе, который во всем цивилизованном мире строится, в сущности, на вопросах и ответах — правильных и неправильных². Сложился и соответствующий когнитивный стиль, причем эффективность его психологического воздействия весьма велика. Попытка Пола Фейерабенда пошатнуть его основания просто не была принята всерьез. Представление о том, что можно "понимать правильно" и "понимать неправильно", что существуют методы, выводящие субъекта в мир "правильного понимания", что, наконец, существуют доктрины, использующие эти методы и гарантирующие их действенность, — это представление не чуждо никому из нас. Но праведный судья теории — исторический опыт — показывает, что понимание как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности носит плюральный, множественный характер. И оценка многих гипотез и концепций должна бы исходить прежде всего из дихотомии "осмысленно — бессмысленно".

Понять можно то, что имеет смысл. И понимание может идти многими, неповторяющимися путями, которые допускают историческое сближение поначалу полярных точек зрения. Этим я не хочу сказать, что все так уж относительно, — отнюдь. Истина существует, и она постижима. Но процесс ее постижения и понимающий субъект — не менее значительный предмет размышлений философа, чем познаваемый объект.

Его существование и значение неоспоримо. Но зачем познание? Еще в античные времена было высказано глубоко верное предположение, что "если бы не смущали подозрения, не имеют ли к нам какого отношения небесные явления или смерть, и если бы не смущало неведение пределов страданий и желаний, то нам даже незачем было бы изучать природу"³. Последующие века и наше время, столь богатое научными достижениями, этой мысли не поколебали.

¹ См.: Журнал Московской патриархии. 1989. № 12. С. 57.

² Я уже не говорю о том, что всегда существует и тот, кто контролирует правильность ответов, — учитель. Это порождает господствующий в подсознании образ Отца и Учителя, образ амбивалентный. Он обращается то в того единственного, кто знает все ответы, то в того главного, кто во всем виноват. Конечно, здесь в основе лежит древнейший архетип, но его обсуждение — тема особая.

³ Диоген Лаэртский: О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 438.

**У знания есть
свое место**

Мы привыкли мыслить в соответствии с классической традицией, в которой все субъективное рассматривалось в лучшем случае как адекватное объективному, а в большинстве случаев — как нечто более

редкое, чем объект, а то и искажающее его.

В свое время Э. Гуссерль утверждал, что одна из главных задач философии — найти и исследовать "отношение между субъективностью познающего и объективностью содержания знания"¹. Это была традиция. Явно или неявно — считалось, что субъект мешают, преграждает. Субъективисты считали эту преграду непреодолимой, а объективисты тщились полностью элиминировать субъекта, найти метод-гарант, устраняющий его опилки и заблуждения. Постепенно сложилось убеждение, что все субъективное плохо, а все объективное хорошо. Зачастую это убеждение самым явным образом противоречило фактам. Субъективные особенности познающего и действующего индивида могут самым репительным образом определить судьбы метода. Так, диалектический метод оказался действенным, когда им пользовались крупные философы. В примерах этого, в цитатах он бывал особенно ясен. Но, как оказалось, применение диалектики еще не сообщает средним умам гениальность ее создателей.

А художественное творчество вообще поконтра на реализации субъективных возможностей. Пушкин лишь раз выезжал за пределы отечества, да и то в обстоятельствах экстремальных. Для Шекспира индивидуально обозримая Вселенная умещалась между Стратфордом и Лондоном, а Рембрандту не понадобилось даже пересезжать из Лейдена в Амстердам, чтобы с такой глубиной отобразить человеческую природу. Видимо, главное все-таки в душе самого творца. То, что Шекспир, Рембрандт, Пушкин видели и переживали (а они видели и пережили многое), существовало не как факт действительности, а как достоинство их необычайного внутреннего мира.

Современная психология нашла немало подтверждений словам Фихте: "Мысль наша не только не независима от нашего стремления или инстинкта и от наших наклонностей, а напротив, в них самих имеет свой корень"². Но это свидетельствует лишь о том, что мысль следует изучать не только в отношении к познаваемому объекту, но и к понимающему субъекту. И такой подход поместит знание на должное место в системе ценностей. Нет и тени сомнения — это исключительно важное место. Но в большинстве современных концепций оно просто диспропорционально велико. Не прав ли мыслитель, утверждающий (о чем мы уже говорили), что "есть великое, любить которое важнее, чем знать". Отсюда никак не следует,

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. СПб., 1909. С. 98.

² Фихте И. Г. О назначении человека. СПб., 1908. С. 218.

что знание заслуживает какого-то пренебрежения. Просто у него есть свое место в жизни. Как и у любви.

С этим "своим местом" в системе проблема смысла связана теснейшим образом. Смысл — это место в структуре.

**Смысл
как направление**

Много лет философами и биологами обсуждаются черты эволюции, делающие ее подозрительно похожей на смысловой процесс. Пишу "подозрительно" потому, что "смысловой процесс" традиционно понимали (и понимают) как реализацию замысла, а отсюда один шаг до вопроса о том, чей же это замысел. Идея о самозарождении смысла в процессе развития казалась биологам еще нелепее, чем мысль о повсеместном самозарождении жизни. Но биология не сможет отказаться от идеи смысла — хотя бы потому, что развитие организма носит отчетливо выраженный направленный характер; это и нашло отражение в понятии энтелихи. Некий схоласт даже предлагал заложить душу черту, чтобы тот объяснил ему сущность этого понятия. С течением времени материалисты вручили энтелихи в дар виталистам. А зря. В словесном футляре находилось нечто исключительно ценное. Это был смысл как нечто образующее, как трассированная в будущее семантическая линия, как неотъемлемый признак направленности движения, обращающий его в процесс, порождающий самоподдерживающиеся системы. Когда говорят, что смысл существования гусеницы и куколки заключается в появлении на свет бабочки, имеют в виду, что смысл есть не только появление нового, но и стадийная конкретизация этой возможности. Смысл — это то, что сужает коридор возможностей, ограничивает их число, одним словом, смысл есть то, что создает переход от настоящего к будущему (или от прошлого к настоящему).

Нет движения вне направления, и движение выше цели.

Цель, противоречащая законам движения и не отвечающая его направлению, — бессмысленна. Не цель придает смысл развитию, а развитие — цели. Не свадьба придает смысл любви, а любовь — свадьбе. Цели бывают осмысленными и соответственно достижимыми, когда они лежат в русле движения от прошлого к будущему.

Некогда критики ломали копыя вокруг принципа Эдуарда Бернштейна: "движение — все, цель — ничто". Идея была сформулирована категорично и потому неверно. Цели играют в деятельности огромную роль. Но не господствуют. Движение — все, цель — нечто. Нечто важное, иногда исключительно важное. Но... не все.

В сущности, цель — это просто образ возможности, ее осмысленное овеществление, веха на трассированном направлении. Иначе говоря, смысл выступает как направление, намеченное в пространстве возможностей. Связано ли это с пониманием причин

движения? Бесспорно. В сущности, причина есть то, что задает направление движения и смену одних этапов другими.

Сулла некогда повелел именовать себя Счастливым — так часто выдалась ему фортуна. Но он лишь интуитивно уловил направление, в котором шел исторический процесс, и недаром некоторые историки именуют его первым римским императором — происхождение стремительная эволюция от республиканского Рима к Римской империи. Счастье, удача исторического деятеля это не более, чем следование в направлении развития. Смысл поступков людей производим, люди находят наиболее эффективные способы деятельности и учат им других. Отраженный смысл, первоначально живой и изменчивый, начинает повторяться и костенеть. Первоначально смысл исторического процесса воплощают те, кто этот смысл постиг, люди яркие и живые, в дальнейшем это исполнители уже воплощающейся в жизнь, обретающей институционализацию идеи. Юлия Цезаря, непредсказуемого, беспутного, гениального, меняет политический робот Август, создатель империи, спокойный, мстительный, умный, все просчитывающий наперед, сторонник "взвешенного подхода", который и с женой наиболее важные разговоры ведет по конспекту.

Цезарь (как и Сулла) терминологически не определял специфику управления, которое он установил. И не случайно: его победы, его управление — в них было так много индивидуального, личного, это были факты его биографии, это была его (и только его) жизнь. Его наследник превращает жизнь в роль, имя — в титул: Цезаря сменяет цезарь. Один из цезарей.

Но процесс существования направлен и необратим, место смысла занимает традиция. Первоначально она выступает как эффективный заменитель смысла, причем заменителем этим пользуются те, кто черпает в прошлом радость и пример. Но прошлое это особое, ображаемое, воссозданное в массовом сознании, имеющее неماهое общего с действительным прошлым, но не тождественное ему. Это прошлое неполное и достроенное в сознании тех, кто не находит идеала в настоящем и в его поисках обращается к тому, что было минувало. И создается впечатление, что история приостанавливает свое движение и пятится назад. Вот тогда звучат слова: "Уж было глупо, значит правда". Это характеристика времени. Все привыкли видеть во власти денег, догм, государства источник угнетения: теперь власть становится еще и источником глупости. Такие эпохи наступали неоднократно, эпохи, ознаменованные внутренним кризисом целеустановок личного и общественного сознания и единственным отсутствием смысла во всем, что происходит. Как четыреста лет назад было сказано в "Гусмане де Альфараче" (ч. 2, кн. 2,

¹ Горький М. Поля. собр. соч. В 30 т. М., 1952. Т. 19. С. 532.

гл.2), “никто не хочет работать, ни я сам, ни ваша милость, ни та синьора; мы хотим, чтобы все делалось само собой”. И знаменитое: “На всем белом свете остался только один человек в здравом уме, но пока не удалось установить — кто. Каждый думает, что это именно он”.

Итак, если раньше люди видели в правительстве силу принуждения, то теперь они видят в нем и силу глупости. Страх перед принуждением сливается с презрением к глупости и порождает ненависть. Эти экзистенциальные категории следует брать в отношении к главной из них — к надежде. Ненависть не бесплодна. Она ориентирована на оппозицию “глупость — разум”. Разум отождествляется с надеждой и становится ориентиром революции. Разум подсказывает радикальные пути выхода из концентрированного абсурда ситуации. Наиболее очевидной кажется необходимость разрушения традиционных, изживших себя социальных конструкций. Их ломают. Происходит революция. Все, решительно все испытывается на прочность, на излом, причем способом настолько же эффективным, насколько примитивным: “Что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть”¹. Даже в строке гимна “весь мир насилия мы разроем” стихийно происходит изменение: “мы разрушим”. Вот что пишет современник и сторонник Октябрьской революции: “...валяй, круши, ничто помешать не может. И крушили, а у жизни есть тайный смысл — и помимо нас, и он нам не сочувствовал, так как он никогда человеку не сочувствует, полагая, что Homo sapiens не по чину берет. А когда нам пригибали спину, мы опять-таки шли на все, и опять зря; опять этот смысл восставал на нас, он не любит резких переходов...”². Вот когда уже возникло это чувство, что высший смысл существует просто помимо нас и не сочувствует нашим планам, даже когда мы действуем решительно и безоглядно, убежденные, что разум превыше всего, и все стихийное должно войти в разумные границы, стать организованным, управляемым... В сущности так рисовались цель и результаты познания законов природы и общества. Большевиков это вдохновляло. “Они хотели все организовать. Анархизм жизни, ее подсознательность, то, что дерево лучше знает, как ему расти, — чужд им”³.

¹ Писарев Д. И. Соч. Т. I. М., 1955. С. 135. Современные комментаторы спешат добавить, что это была лишь метафора. Не метафора это. Написав эти строки в 1861 г., Д. И. Писарев вполне четко высказался в 1862 г. о ликвидации царствующего дома. Это были люди последовательные. Они понимали, что они хотят сделать, и в конце концов сделали.

² Бобров С. Восстание мизантропов. М., 1922. С. 120.

³ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминания. 1918—1923 гг. — Л., 1924. С. 71.

Конечно, чужд. Как дерево может что-то знать: антропоморфизм! Какой может быть в действительности смысл: фидеизм! Мы воспитаны в этой традиции, и не будем поспешно ее осуждать. Нам пока нечего ей противопоставить.

Пока нечего. Надо отчетливо представить себе, что смысл на определенном уровне сложности систем способен к самопорождению, что сознание имеет смысловое строение и является определенной (и необходимой) стадией развития смысла; что существование смысловых систем целиком соответствует теореме Курта Гёделя и в силу этого не может получить целиком разумное объяснение.

*Смысл есть
на самом деле*

Смысл существует в сознании и соответственно в текстах, потому что он есть на самом деле. Он существует в действительности, как вино в винограде. А привычный для нас смысл, выраженный в речевой, концентрированной и упорядоченной форме, способен вновь возвращаться в действительность, становиться ее частью, изменять ее, и заставлять философа задаваться вопросом — есть ли смысл на самом деле, вне намерений и целей, вне человека, его жизни и сознания?

“Возможно, что Бог выбрал начальную конфигурацию Вселенной из соображений, которые мы не можем надеяться понять... Но если он ее запустил столь непонятным образом, то почему сделал так, что она развивается по законам, нам понятным?” Это кардинальный вопрос. Ответ на него, по-видимому, заключается в том, что мы, наша плоть и наш разум, являемся продуктом тех законов, которые порождают понимание. То есть здесь ничего антиномичного нет. Разум и познание составляют часть смысла, который выступает как характеристика образующего, направленного движения Вселенной.

Конечно, упоминание о Боге у Хоукинса может и смутить. Но вот мнение другого современного мыслителя: “Я знаю, что есть какой-то внутренний смысл в существовании Вселенной”, — говорил Д. Сахаров, заметив при этом, что от религии и церкви он далек — “воспитанник другой эпохи и другого мировоззрения”⁴.

На ранних этапах формирования марксистской доктрины смысл не незримо присутствовал в действительности. “Недостаточно, — писал К. Маркс, — чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли” (1, с. 123). Что же соединяет мысль и действительность? Ответ должен быть: *смысл*. То, что в равной степени, но в разное время

⁴ Hawking S.W. A Brief History of Time. From Big Band to Black Holes. N.Y., 1988.

⁵ См.: Искусство кино. — 1989. № 8. С. 169.

порождено процессом развития, не противостоит друг другу. Беда (но не вина) исследователей, превративших “основной вопрос философии” в фетиш, заключается в том, что материя и сознание выступали для них в идеологизированном противостоянии. Сознание изображалось как эпифеномен, как лишенное внутренней силы отражение материи, как ее тень. Между тем и материя, и сознание обладают многими общими чертами и особенностями, главная из которых состоит в том, что они составляют часть направленного движения.

Смысл находит выражение именно в направленном характере движения, и это было замечено еще в глубокой древности. Гермес, бог понимания, как вы помните, имел и качество бога, указующего правильное направление (гермы и были указателями направления). Конечно, то была аналогия: метафора, по меткому замечанию Поля Лафарга, это путь, по которому абстракция проникает в человеческую голову. То, что означало найти правильное направление, стало означать — найти смысл. Одновременно это означало “связать две противоположные точки” — начало и конец пути, результатом чего является смысл (смысл движения не только пространственно: так, и ребенок — это смысл, субстанция отношений между мужжиной и женщиной). Любопытно, что “само понятие *conceptus* (замысел), откуда происходит итальянское *concepto*, понималось в XVII веке как связь между двумя, часто весьма удаленными предметами”. Но это была еще и метафора, выражающая имманентную смыслу особенность: смысл содержит в себе возможности, причем именно те, которые имеют перспективу осуществления. Это относится и к индивидуальным человеческим возможностям.

“Какое странное слово *смысл*, когда оно превращается в смысл жизни. Его невозможно, собственно, объяснить посредством других понятий”¹.

Над входом в лабораторию Фарадея было написано: “А зачем нужен ребенок?” Это был встречный вопрос тем, кто интересовался (а интересовались все), зачем нужно то или иное экспериментальное исследование, в чем его смысл. “В детях все величайшие возможности” — эти слова определяют экзистенциальное качество смысла. Его существование заключается в порождении возможностей. Возможность, деятельность, жизнь — это категории, фиксирующие базисные предпосылки творчества.

Смысл деятельности это, конечно, конфигурактор идеен бессмертия. Творчество приобщает к тем, кто будет жить, традиция — к тем, кого уже нет. Поэтому чувство личного бессмертия произ-

¹ Голенищев-Кутузов И. Барокко, классицизм, романтизм // Вопросы литературы. 1964. № 7. С. 110.

² Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 411.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (юбилейное). Т. 41. С. 22.

ельно зарождается в процессе созидания нового, того, что уходит в будущее, не имеющее конца. Здесь особенно странным образом соединяются понятия части и целого. Ни один элемент мира не равен себе — он часть структуры более высокого порядка и лишь в силу этого способен существовать. А по Л. Гинзбург, “смысл — это и есть структурная связь, включенность явления в структуру высшего и более общего порядка”.

Допустимо, что “включенность в высшие структуры” составляет основное условие направленности движения. Другими словами, в понятии “смысл” фиксировано существование взаимной связи между законами развития. Если каждый закон есть в своей основе связь, то в понятии “смысл” отражена системная взаимосвязанность этих связей. Вот пример. Можно ли утверждать, что у закона сохранения энергии есть свой особый механизм? Видимо, нет, но все процессы с неизменностью происходят так, что энергия не уходит в никуда и не появляется нигде. В словах “с неизбежностью” скрыт смысл процессов, происходящих так, а не иначе. Вопрос: “Зачем они так происходят?”, если он допускает ответ, содержится в себе и смысл антропного принципа.

Может быть, лучше этот вопрос и не задавать? В пользу антропного принципа сказано немало; сейчас это весьма популярное утверждение. Но было бы несправедливо оставить в тени следующие далее мысли Бертрانا Рассела: “Вселенная велика, и, если верить Эддингтону, нигде больше нет существ, равных нам по разуму. Если прикинуть количество вещества в мире и сравнить его с тем количеством, которое составляют тела разумных существ, мы увидим, что последнее образует бесконечно малую величину. Поэтому, даже если совершенно невероятно, чтобы из случайного подбора атомов родился способный к мышлению организм, мы все же можем допустить, что во Вселенной существуют только те организмы, которые мы обнаруживаем. Кроме того, не настолько уж мы замечательные существа, чтобы считать себя причиной этого великого процесса”². Последний довод, казалось бы, противоречит непосредственно предшествующему, ведь существо, сложнее организованных, чем человек, нам обнаружить покамест не удалось. Но стоит ли считать существование человека смыслом существования Вселенной? Не лучше ли избавиться от гордыни?

Изучение смысла — процесс, который может завершиться лишь в том случае, если с лица Земли, а шире — из Вселенной — исчезнет тот, кто изучает. Произойдет ли это? Согласимся с Лемом: “Еще много лет, а может и на протяжении всей истории Галактики, разум будет рассматривать проблему смысла”³.

¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. С. 463.

² Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 173.

³ Лем С. Сумма технологии. М., 1989. С. 403.

Но, видимо, и последующее изучение проблемы будет исходить из того, что смысл, существующий в сознании и воплощенный в деятельности, вторичен. Смысл, существующий как потенциал развития, — первичен. Возможность первична, действительность вторична, ведь развитие есть не что иное, как реализация возможностей. Действительность — всегда лишь часть того, чем она могла быть.

ГОСПОДИН ТЕКСТ

Так человек неизвестный все ближе и ближе поворачивает к вам голову и, наконец, смотрит в глаза. Я смотрю теперь в глаза тексту.

В. М. Алексеев

В этой главе рассматриваются узловые проблемы понимания текстов. Мне хотелось бы, чтобы читатель ознакомился с подходом к проблеме понимания, который обосновали французские философы экзистенциального направления. Имена таких философов, как Сартр и Камю, войдут, конечно, в историю. Не только потому, что они писали смелые и умные книги, и писали блестяще. Нет, не только поэтому. Но еще и потому, что и жизнь их отразила извилистые пути мышления XX века. Ну и что же, что извилистые? Нить Ариадны тоже была извилистой, а Тезей она вывела из Лабиринта.

**Что это значит —
понимать?**

Как справедливо отмечает Р. Р. Москвина, “экзистенциальный” подход “заключает в себе вообще не проблему поиска научной истины, а проблему “понимания” мира. Понять мир для Камю — это значит свести его к человеку, оставить на нем человеческий “печатак”¹. Мысль о том, что мир может быть понят только через посредство неповторимо конкретного индивидуального опыта, имеет сложный генезис. Еще в средневековье сложились легенды о текстах, которые могут быть поняты лишь через посредство личных переживаний и на их основе. Так, существовала якобы книга, которую мог понять лишь тот, кто убил человека и зачал человека. Для любого же иного читателя эта книга превращалась в бессвязный набор иероглифов. Если исключить очевидные преувеличения,

¹ Москвина Р. Р. “Метод абсурда” А. Камю как феномен неклассического философствования // Вопросы философии. — 1974. № 10. С. 142.

то смысл этой притчи сводится к тому, то глубина понимания мира определяется глубиной личных переживаний.

Существует иная точка зрения, согласно которой понимание определяется только как реализация интеллектуальных возможностей индивида. Рассматривая понимание под этим углом зрения, можно выделить ряд важнейших его компонентов. Однако при этом на периферию поля зрения исследователя смещается целостный характер понимания как специфического процесса, регулирующего целенаправленную деятельность и в силу этого обладающего определенной социальной значимостью.

Каждому из нас из неопровержимого личного опыта известно, что понимание существует и как процесс, и как переживаемый индивидом его итог. Но при определении сущности понимания психолог встречается с большими затруднениями. Они, как можно предположить, зависят от того, что понимание — это явление, исключительное по сложности и многообразное по наблюдаемым следствиям. В XIX веке анализ проблемы понимания зачастую отождествляли с толкованием текстов, и отождествление это и поныне имеет место в границах философской герменевтики. На первый взгляд может показаться странным, что изучение понимания текстов получило наименование, восходящее к Гермесу, другу пастухов и бродячих торговцев, покровителю плодородия, богу удачи. Между тем взаимосвязь здесь прямая. Первоначально Гермес выступал как бог, указующий путь, и дорожные указатели — гермы — были вполне отчетливыми фаллическими символами¹. Функции античного божества соединяли в едином мифологическом образе действительно присущие пониманию черты: “понять” означало найти правильное направление, пройти по пути, ведущему к продуктивным результатам.

Естественно, что и освобожденная от мистифицированной формы эта интерпретация понимания не может считаться сколь-нибудь полной и удовлетворительной: в то же время терминологически единого употребления слова “понимание” не существует и поныне. В этой связи заслуживает внимания попытка Ирвинга Дж. Ли выделить семь значений, в которых используется слово “понимание”. Соображения Ли, частично видоизмененные, лежат в основе следующей классификации.

¹ Уже на ранних ступенях мифологического осмысления окружающей действительности “понять” означало активно связать два противоположных начала. Противоположность этих начал, продуктивный характер их воссоединения мифологически воплощались в актах зачатия и рождения. Вариант этого представления о сущности понимания отражен в библейской легенде о Древе познания добра и зла. (Книга Бытия, гл. 3.).

² Lee I. J. Why Go Astray // Language, Meaning and Maturity: Selection from ETC (A Review of General Semantics). 1943—1953, ed. by Hayakawa. N.Y., 1954. P. 42—49.

Понимание 1 — следование заданному или избранному направлению. Так, если индивид X, прочитав расписание железнодорожного движения, смог выбрать нужный ему поезд, то мы имеем основание заключить, что X проявил понимание этого текста — текста расписания. Или другой пример: отдан приказ, и он его исполнил. Тот, кто приказывал, утверждает: “Мой приказ был понят, я сужу об этом по тем действиям, которые предпринял X, получив приказ”.

Понимание 2 — способность прогнозировать. Некто Y высказал свои намерения, а X предположил, какие действия Y за этим высказыванием последуют. Если предположение X оказалось правильно, это означает, что он понял высказывание и намерения Y.

Понимание 3 — способность дать словесный эквивалент. X понимает высказывание Y, если X способен передать его содержание своими словами, а Y — подтвердить: “Именно это я и хотел сказать”. Это отнюдь не означает, что X разделяет мысли Y — просто X понимает их.

Понимание 4 — согласование программ деятельности. X понимает Y, если они в состоянии достичь согласия относительно того, как следует действовать в некоторой конкретной ситуации. Согласие не обязательно должно достигаться вербально, иногда достаточно паралингвистических средств — жеста, мимики.

Понимание 5 заключается в решении проблем. X понимает проблему, если он в состоянии предпринять или описать последовательность действий, которые приведут к ее решению.

Понимание 6 — способность осуществить приемлемую реакцию. Это наиболее распространенное проявление понимания как необходимого элемента общения. В данном случае понимание выражается в соотносимости высказываний о предмете общения. Бывает, например, что наш собеседник резко критикует фильм или книгу, а мы с ним не согласны, но спорить есть о чем, ибо смысл он понял вполне правильно, хотя согласиться с ним не может. Это один из видов “приемлемой реакции”: здесь собеседники достигают некоторого единого уровня постижения сущности обсуждаемого текста — текста фильма или книги. В данном случае о понимании мы судим по высказываниям собеседника, касающимся предмета общения.

Понимание 7 — реализованная способность правильно провести рассуждение, то есть дифференцировать ситуацию от сходных, но различных, действовать адекватно объекту или ситуации. Точнее, это способность прилагать к изменяющейся действительности уже имеющиеся знания о ситуациях или объектах. “Понимание,— го-

ворит В. Гейзенберг, — означает адаптацию нашего концептуально-го мышления к совокупности новых явлений”¹.

Все эти виды употребления слова “понимание” непосредственно относятся к пониманию текстов. Мысль находит речевое выражение в *тексте*, письменном или устном, и любой текст в принципе рассчитан на то, что его поймут. Представляется очевидным, что понимание текстов — не самоцель, в их содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намерений людей. Именно эти действительные отношения существенны для людей, считающих необходимым понять те или иные тексты.

Попытаемся рассмотреть некоторые психолингвистические особенности понимания текстов, связанные с их семантической спецификой.

Д. Палермо, касаясь вопроса о том, каково значение психолингвистики для современной психологии, подчеркивает, что она может послужить стимулом и отправной точкой революционных изменений в психологии вообще². Особое значение он придает работам Н. Хомского. Действительно, психолингвистические исследования вносят принципиально новые элементы в развитие психологической науки, причем в процессе психолингвистического анализа речевой деятельности наиболее отчетливо выявляются сущность и значение понимания.

Язык и машина

Для исследования процесса понимания определенное значение имеют современные параллели между машиной и языком, проводимые по ряду признаков. И машины, и язык поддаются разборке на составные части, причем эти составные детали обладают функциональной спецификой. Подобно машине язык служит для выполнения конкретных целей, которые ставит перед собой человек: по отношению к языку применим параметр эффективности. Как и некоторые машины, язык может существовать в ряде модификаций, специально предназначенных для выполнения конкретных целей. Детали, из которых он состоит, обладают различной надежностью и т.д.

Хотя аналогии между языком и живым организмом и традиционны (или именно в силу этого обстоятельства), в современной литературе они встречаются относительно редко. Аналогии с машиной обладают относительной новизной и большей объясняющей силой. Можно, в частности, предположить, что соотношения “язык — речь” или “язык — речевая деятельность” в некоторых отношениях

аналогичны отношению проекта и его реализации. С этой точки зрения роль машин берут на себя тексты, а язык выступает в роли некоторого универсального проекта, по которому строятся машины различающихся типов.

Объясняющая сила этой аналогии заключается в том, что многообразии конкретных машин существует и функционирует благодаря тому, что основной или универсальный проект размножен, фиксирован в психике тех, кто пользуется языком для выражения мыслей. Для того, чтобы тексты могли выполнять свою функцию, они должны быть поняты теми, кто владеет данным языком. Уже давно указывалось на общность операций построения (продуцирования) текстов и операций их понимания. Одновременно следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что операций понимания в чем-то являются более распространенными и простыми по сравнению с операциями продуцирования текстов. Недаром способность продуцировать тексты издавна придает ее обладателю определенный социальный престиж. Личность, продуцирующая тексты особых семантических и стилистических достоинств, заслуженно почитается уникальной: зачастую ее имя входит в историю. Напротив, способность понимать тексты, по общему мнению, не содержит в себе ничего исключительного, хотя и признается, что она выражена у людей в различной степени, что ее можно развить тренировкой и т.д.

Известно, что для понимания текста требуется не только знание языка, на котором текст составлен, но и определенный набор взаимосвязанных сведений, касающихся содержания текста. Можно обосновать гипотезу, в соответствии с которой структура и семантика текста образуют как бы одну часть сложного механизма, другая часть которого содержится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст. Когда два этих различных компонента вступают во взаимодействие, и происходит процесс восприятия и понимания текста (например, при его чтении или слушании). Таким образом, ни текст сам по себе, ни психолингвистические механизмы, функционирующие в психике индивида, не образуют полностью изолированных друг от друга предметов исследования. До определенного уровня их изоляция друг от друга естественна и более или менее очевидна. Но существует, по-видимому, определенный предел этой разъединенности, переходя который, исследователь, изучающий текст и механизм его понимания раздельно, начинает испытывать трудности, зависящие именно от того, что предметы исследования разделены. Этим, возможно, и объясняется обстоятельство, что хорошо отработанные и эффективные приемы структурально-лингвистического и психологического исследования являются продуктивными лишь при анализе определенных уровней или конкретных уровней языковых и психологических явлений.

¹ Гейзенберг В. Что такое “понимание” в теоретической физике? // Природа. 1971. № 4. С. 77.

² См.: Palermo D. Is a Scientific Revolution Taking Place in Psychology? // Science Studies. 1971. Vol. 1. № 2. P. 135—155.

Хотя и в прошлом в психологии существовали школы и направления, которые придавали исследованию понимания особое значение, ныне обращение к пониманию, его сущности и проявлениям выступает в единстве с исследованием форм и средств общения между людьми, семантики текстов, их историко-психологического значения и т.д.

Письменный текст

Обратим внимание, в частности, на то, сколь серьезную роль играет в современном обществе понимание *письменных текстов*.

Возникновение и развитие письменной речи некогда оказало большое влияние на дифференциацию форм общественного сознания. Особенно важным моментом здесь следует считать стабилизацию отдельных текстов идеологического содержания, а именно таких текстов, которые способны воздействовать на мироощущение людей, их намерения и поступки. Издавна известны такие зафиксированные в письменной форме тексты, изменение которых на протяжении веков почиталось кощунством (канонические религиозные тексты) или являлось особой прерогативой публичной власти (тексты законов). Стабилизация определенных текстов может, и это вполне очевидно, играть в обществе важную регулирующую роль (например, если в тексте закреплены определенные социальные нормы).

Закон именно в силу того, что он общезначим, обладает некоторым особым социально-психологическим качеством. Оно заключается в том, что закон принципиально доступен пониманию тех, кого он касается. Когда формулируется общепризнанный правовой принцип "незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение", неявным образом вводится кардинальное допущение, что закон должен быть доступен пониманию граждан. Ибо знание закона есть знание специфическое, непосредственно воздействующее на поступки людей. Для того, чтобы оно обрело это качество, человек должен не только обладать данным знанием, но и квалифицировать в соответствии с ним свои поступки: воздерживаться от одних и совершать другие. В этом и находит конкретное выражение понимание закона. Но отсюда прямо следует, что сложность законодательства в целом и отдельных законодательных актов — это сложность особого рода. Она отлична от сложности геометрических теорем или физических теорий. Закон потенциально общепонятен, и в этом залог его функционирования в обществе, хотя сложность юридических казусов вошла в поговорку, а анализ тех или иных регулируемых законом ситуаций и коллизий может требовать участия значительного числа специалистов, использования огромной по объему информации, перебора многообразных ва-

риантов понимания, сопоставления различающихся и даже исключających друг друга гипотетических версий и т. д.

Итак, на известном этапе развития экономики и культуры законы получают точную вербальную (словесную) формулировку, которая закрепляется в письменном тексте. Изменять эти тексты и составлять новые могут только определенные органы публичной власти данного государства. Закон должен составляться так, чтобы он был в принципе доступен пониманию тех, кого касается или может коснуться его применение. Когда юрист говорит о "знании закона", он подразумевает понимание закона, которое выражается прежде всего в способности осознанно руководствоваться им в своих действиях. При этом практика применения законов сопряжена с ситуациями, которые требуют углубленного понимания действующего законодательства при непрременном участии квалифицированных специалистов. Несмотря на то, что в процессе понимания законов сказываются индивидуальные психологические различия, в конечном итоге оно должно быть идентично, единообразно.

Анализ понимания письменных текстов есть одновременно анализ их социальной роли и функциональной сущности: это не снимает значения исследования структуры текстов, не противоречит ему, но и никак к нему не сводится. В функциональном аспекте письменный текст — это не только элемент конкретного коммуникативного процесса, но и действенное средство расширения объема памяти.

Письменные тексты и коммуникативно, и мнемонически так важны потому, что они сохраняют неизменную форму речевого выражения мысли — она идентично воспроизводится в повторных чтениях каждого данного текста. Понимание текстов не лишается при этом известной вариабильности, но она все же не столь велика, как в те времена, когда носителем текста и исполнителем его коммуникативной мнемонической функции служил человек. В античную эпоху пользовались довольно высоким престижем и профессия гонца (передающего сообщение на словах), и профессия номенклатора (запоминающего событие и тексты по заданной инструкции). Но идея человека-текста, человека-сообщения действительно эффективной реализации, по-видимому, еще не нашла. И Норберт Винер¹, касавшийся перспектив этой идеи, указывал, что человек-сообщение должен обладать способностью продуцировать тексты, а не просто воспроизводить их содержание. Вне зависимости от того, насколько осуществима подобная идея в будущем, в прошлом она оправдала себя лишь частично. Человек не является оптимальным запоминающим устройством — и не только потому, что объем его памяти ограничен, а введенные в нее сведения вос-

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 103—112.

производятся не полностью. Память нельзя отсечь от понимания: "в запоминающей системе записывается не материал нашего опыта, а смысл этого материала. Люди стараются не столько запомнить, сколько понять". Таким образом, проблема заключается в том, что индивид способен воспроизводить смысл ранее сообщенных ему текстов, а воспроизведение смысла текста нерушимо связано с тем, как он был понят.

О типологии понимания

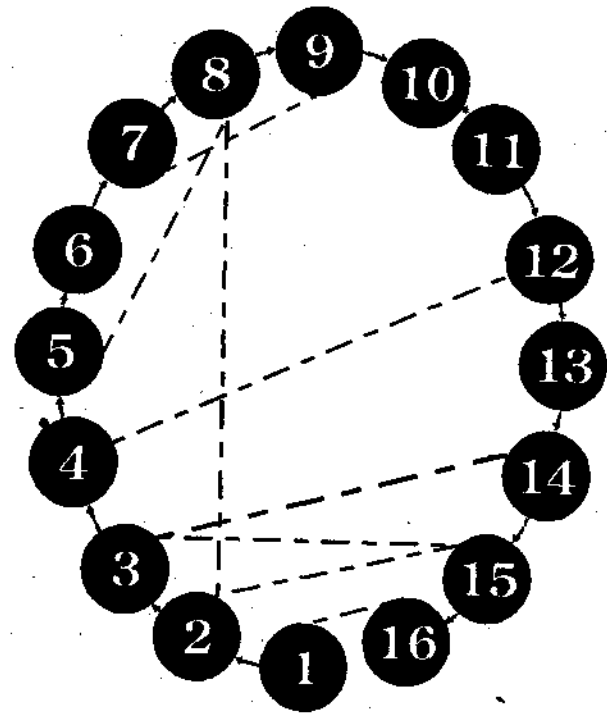
Вообще говоря, для понимания любого текста требуется набор взаимосвязанных сведений относительно его содержания. Равным образом "всякий текст должен рассматриваться как условие мыслительной деятельности читателя...". Основываясь на соображениях, в тезисной форме высказанных С. Л. Рубинштейном, тексты можно подразделить на три типа.

В текстах первого типа не обозначены опорные точки, ограничивающие возможность варьировать их понимание. Сюда относятся и так называемые "дада"-тексты, и Апокалипсис, и тексты, образованные последовательностью знаков неидентифицированных еще языков. Но в принципе в число текстов первого типа могут быть смещены (обычно без достаточных к тому оснований) и канонизированные литературно-художественные тексты. Таковы, например, интерпретации отдельных мест "Слова о полку Игореве" А. Юговым или "Большого заветания" Ф. Вийона Тристаном Тцара.

В текстах второго типа, напротив, все их элементы однозначно представлены именно в том смысловом качестве, в каком они только могут быть поняты читателем, располагающим тезаурусом. Таковы в идеале научные тексты, выполненные с необходимой строгостью. Язык математики в значительной мере отвечает требованиям, предъявленным к текстам второго типа.

Наконец, более емкий — третий тип образуют тексты, которые содержат ряд направляющих (их называют также смысловыми, или семантическими, линиями). Сложное переплетение направляющих имеется едва ли не в любом литературно-художественном тексте и они порождают значительное число вариантов понимания. Это их специфическая особенность, но в этом и их отличие от текстов первого типа, варианты понимания каждого данного текста сопоставимы. Текст управляет его пониманием не столь жестко, как это предусматривает структура текста второго типа, но все же результаты управления прослеживаются с полной очевидностью. Механизм управления этой очевидностью не обладает, и относительно понимания текстов мы можем строить лишь гипотезы, в различной степени поддающиеся экспериментальной проверке.

Эту историю, которая произошла в средневековом Багдаде, мы будем рассматривать как делимый на 16 блоков текст. Эти блоки связаны последовательно, один за другим; соединены они и глубинными связями, которые вы видите на схеме. Они не полностью осознаются, когда мы читаем, но смутное ощущение, что переходы от одного блока к другому различаются по вероятности — такое ощущение всегда есть. На основе сложного переплетения разновременных связей формируется и общий смысл текста — его концепт. В данном случае он прост: из самой сложной ситуации можно найти выход, надо только ее понять.

- 1 Спасаясь от погони, бежал бродяга по улицам Багдада и вдруг заметил, что дверь в какой-то дом приоткрыта.
- 2 Он бросился туда, сбежал по крутым ступенькам в подвал, увидел большие кувшины для муки — хомы, и забрался в один из них.
- 3 Едва он перевел дыхание, как слышал шаги и испуганный голосок:

¹ Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974. С. 414.

² Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 237.

— Муж пришел! Скорее сюда, милый, спрячься в том хоме!

1 Боже мой, кто это еще, кого она там прячет?

Но вот снова раздалися шаги, и хриплый голос произнес:

2 — Смотри, женушка, сколько муки я купил! На всю зиму хватит.

3 — Только не в тот хом, милый, в нем недавно сдохла крыса. Лучше в этот...

4 И на голову бродяги обрушился поток муки.

5 Закрыв рот и нос руками, он принялся ее утапывать — казалось ей не будет конца; и вдруг хом с треском лопнул и развалился.

6 Бродяга предстал перед ошеломленными супругами как белый призрак.

7 Сначала они решили, что это джинн и сильно перепугались.

8 Но муж быстро опомнился.

— Откуда ты взялся? — вскричал он.

9 — Пришел со своим хозяином, — отвечивал бродяга.

10 — Что еще за собака твой хозяин?

11 — А он в том хоме.

12 Муж разбил хом одним ударом, и бродяга, не ожидая, что будет дальше, бросился вверх из подвала.

13 Над Багдадом плыла полная луна. Улица была пуста. Погоня его миновала.

Если речь идет о понимании некой ситуации, в которую индивид как деятельное существо прямо или косвенно включен, то в таком качестве может рассматриваться и ситуация, описанная в том или ином тексте и воссоздаваемая в сознании. Разумеется, не обязательно, чтобы читающий или слушающий текст отождествлял себя с одним из действующих лиц, но определенную позицию относительно порядка и предмета изложения он занимает. Впрочем, для того, чтобы понять ситуацию, в которой индивид непосредственно участвует, он опять-таки с необходимостью воссоздает ее в сознании, хотя и не полностью, но в ее релевантных деталях, взятых в известном отношении друг к другу. Применительно к этим и подобным им случаям можно использовать следующую рабочую гипотезу: понимание есть последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и перемещение мысленного центра ситуации от одного ее элемента к другому. При этом значи-

мость связей между элементами ситуации меняется. Главнейшее звено процесса понимания заключается не только и не столько в установлении связей, сколько главным образом в определении значимости их.

Будем исходить из следующего рабочего определения: субъект может понять и понимает структуру функционирующего целого, если, имея перед собой элементы этой структуры и не имея инструкции по сборке, он способен собрать это целое таким образом, что оно станет функционировать. В этом определении намечаются три параметра, характерных (в единстве) для понимания. Это, во-первых, установление связей; во-вторых, установление значимости связей (то есть выявление релевантности признаков, по которым устанавливается связь); и наконец, в-третьих, это построение целого. Таким образом, понимание здесь рассматривается как взаимодействие с некоторым объектом, в результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. *Понять* — значит *собрать работающую модель*. Следует оговорить, что необходимым условием для понимания может оказаться выявление отдельных элементов ранее не расчлененного целого и этой — аналитической — процедуре уделяется специальное внимание во многих исследованиях.

Применительно к тексту можно сказать, что и он (при некоторых допущениях) может рассматриваться как функционирующее целое. В целом текст есть система, образованная рядом элементов, которые с различной вероятностью следуют друг за другом.

Итак, текст делим. Именно эта его особенность была учтена при разработке методики одного из наших исследований. Некоторый текст подразделяется на относительно законченные в смысловом отношении отрезки. Эти отрезки, вынесенные на карточки и перетасованные, предъявлялись испытуемому. Ему предлагали расположить эти отрезки так, чтобы восстановить исходный текст, содержание которого не было ему известно. Как выяснилось, операции, направленные на то, чтобы реконструировать исходный текст, зачастую приводят к образованию новых текстов, осмысленных, но по содержанию отличающихся от исходного.

Существование различных вариантов понимания одних и тех же текстов является очевидным фактом. Немало усилий тратится исследователями для того, чтобы изложение полученных результатов и методов их достижения было однозначно и достаточно полно. Эти требования в большой мере повлияли на формирование языка науки, отличного от общеразговорного и художественно-литературного — прозаического и поэтического. В противовес собственно научным текстам тексты художественной литературы допускают — в определенных, разумеется, границах — различия их понимания. Можно сказать даже, что поливариантность понимания есть специфическая

особенность текстов художественной литературы. Это зависит не только от содержания текстов, но и от особенностей их конструкции.

Уровни понимания

Процесс понимания текста происходит, как можно предположить, одновременно на нескольких уровнях.

Уровень монтажа предполагает последовательное перемещение от одного относительно законченного элемента текста к другому, расположенному после него: читаемый текст как бы монтируется в сознании испытуемого из последовательно сменяющихся друг друга предложений, абзацев, глав.

Параллельно структура отображаемой в содержании текста ситуации предстает в сознании испытуемого в изменяющемся виде: происходит перецентрировка — перемещение мысленного центра ситуации от одного элемента к другому. Хотя перецентрировка самым непосредственным образом зависит от линейного движения “вдоль” текста, от последовательного монтажа его элементов, она не обязательно представляет собой прямое перемещение мысленного центра ситуации от предшествующего отрезка к последующему. Зачастую перестройка структуры ситуации в сознании допускает скачкообразное перемещение ее центра. Можно, по-видимому, выделить тип текстов, для понимания которых специфически существенное значение имеет резкое смещение центра ситуации назад, в направлении от конца к началу (это относится, в частности, к так называемым “текстам с тайной”, примеры которых можно найти среди произведений детективного жанра).

И, наконец, параллельно с монтажом и перецентрировкой происходит формирование концепта текста — его общего смысла. Ближе всего к истине утверждение, что концепт носит в принципе внетекстовый характер, он формируется в сознании читающего, отнюдь не всегда получая достаточно точное речевое выражение.

Таким образом, понимание текста может быть одновременно и пониманием того, что в тексте непосредственно не дано.

Для регуляции поведения индивида как члена общества и представителя определенной социальной группы чрезвычайно важную роль играет понимание им определенной меры как позитивного среднего, располагающегося между двумя социально негативными крайностями. Чтобы ощутить меру, необходимо представлять себя среди других, свои поступки — в их отношении к поступкам других людей, понять и обозначить формы негативных отклонений от образа мыслей и действий, адекватного социальному оптимуму. Регуляция поведения индивида как члена общества вне всякого сомнения, связана с тем, что он способен к пониманию природных и социальных процессов. Есть, следовательно, все основания полагать, что понимание обладает определенной социальной функцией.

Существуют различные варианты модели человека как деятельного существа. Но человек деятелен в силу того, что он — существо социальное. И в этом качестве он способен не только осознавать мотивы деятельности, ставить определенные цели, достигать их: он способен (и это главное) предвидеть социальный эффект достижения цели. Для индивида принципиально существенно, как могут повлиять результаты деятельности на его социальное окружение, на группу, на общество в целом. Более того, осознание социально вероятных результатов деятельности оказывает существенное регулирующее влияние на поведение индивида.

Смысл деятельности, как полагает А. Н. Леонтьев, заключается в отношении мотива к цели. Но ведь можно понять лишь то, что имеет смысл. По-видимому, для социальной регуляции деятельности именно и необходимо понимание отношения, существующего между спектром возможных целей и вероятными последствиями их достижения.

Реализация возможностей деятельности контролируется сознанием ее эвентуальных результатов, ее последствий для индивида, ее соответствия ожиданиям группы. Реализация возможностей должна быть сбалансирована с ответственностью за их осуществление. Социальная функция понимания именно в том и состоит, чтобы оптимизировать соотношение “реализация — ответственность”. Иначе говоря, понимание может моделироваться как медиальное (посредующее) звено, благодаря которому функционирует реципрокный механизм, стимулирующий или тормозящий деятельность в зависимости от социального эффекта достижения цели. Феноменология реципрокных отношений между ответственностью и реализацией возможностей достаточно демонстративна. Социологам давно известен скрывающий эффект неправильного распределения ответственности в системе управления (одно из типичных проявлений этого эффекта известно под обиходным наименованием “перестраховка”). Напротив, смещение ответственности на расположенные выше уровни управления (так называемые “уровни концентрации”) нередко приводит к эффектам второго порядка: исполнители преуменьшают свою личную ответственность за последствия реализации заданных программ. Однако это явления, которые относятся уже к сфере управления как таковой.

Взаимосвязь этических нормативов и понимания отмечалась давно и неоднократно. Известна максима Паскаля: “Будем же правильно мыслить — это основной принцип морали”. В парадоксальной острой форме взаимосвязь понимания и этики была охарактеризована Леонидом Андреевым, который говорил, что разум — это, возможно, лишь “замаскированная старая ведьма — совесть”. Философское значение этой проблемы весьма велико, и социально-психологические данные оказались существенными для ее решения.

Понимание происходит на различных уровнях, и они частично зависят от предмета понимания. На фотографиях — перелет огромного дирижабля через Атлантический океан и его гибель. На уровне научно-техническом здесь требуется понять, как могли держаться в воздухе и совершать управляемые полеты эти воздушные корабли (они были жесткой конструкции и их наполняли водородом — очень легким, но и легковоспламеняющимся газом). На уровне историческом необходимо знание и понимание многих фактов: какое значение для престижа Германии имели цеппелины (жесткие дирижабли, названные так в память их изобретателя графа Цеппелина), какие они совершали кругосветные и трансатлантические перелеты и как предназначенный для регулярных рейсов цеппелин Эль-Цет 129 “Гинденбург” пересек Атлантику с пассажирами и почтой, 7 мая 1937 причалил в Лэйкхерсте (штат Нью-Джерси), внезапно полыхнул и сгорел дотла у причальной мачты. Причины его гибели точно так и неизвестны.

Но есть у понимания этих фактов и иной уровень, иной аспект. В 1937—1939 годах многим казалось, что сама история готова изменить свое течение (“история остановилась в 1936”, — говорил Артур Кёстлер, ранее других это почувствовавший). Это смутное трагическое ощущение требовало и обрело свое символическое выражение. В середине тридцатых годов кончилась эпоха дирижаблей, они слишком часто гибли. Эль-Цет 129 был последним. Казалось, они что-то говорили эпохе, эти чудовищные водородные костры, гигантские тени “Диксмюда” и “Италии”, уносящиеся в хмурое небо и пропадающие бесследно. Сначала они предсказывали, потом свидетельствовали: конец! Конец эпохе, конец медлительным, блистающим в солнечных лучах воздушным кораблям.

Наступало время пикирующих бомбардировщиков — вторая мировая война.

Таков символический уровень понимания, никоим образом не отменяющий научно-технический и исторический, но опирающийся на них.

Действительно, если понимание по генезису своему, по своей социальной функции есть то, что соотносит реализацию возможной деятельности с осознанием ответственности за ее результаты, в самой сущности понимания должна быть заложена некоторая

первооснова этических нормативов регуляции деятельности. Она и заложена в сущности понимания. Но на уровне его существования эта первооснова зачастую совершенно не сказывается.

Для того, чтобы жить в обществе (а человек не может жить иначе), необходимо понимать других людей и самого себя. Понимание природных и социальных явлений пришло к человеку не сразу, для их понимания требуется достаточно сложный теоретический аппарат. Но вне понимания намерений и поступков других людей

Текст и его особенности

невозможны ни совместный труд, ни какие-либо личные отношения, поэтому отношение человека к другим людям, к предмету и продуктам труда, к обществу обрело речевую форму еще на относительно ранних этапах существования человечества. А речевая форма отношения к людям находит выражение в дискурсах — высказываниях — и их переплетениях — текстах.

Я не стану подражать Фюстель де Куланжу и с французским пафосом восклицать: “тексты, тексты, ничего кроме текстов!” (а он так именно и восклицал), но надо признать, что объекта, равного тексту по значению, в культуре, по-видимому, нет.

Дело в том, что культура собственно из текстов и состоит — сколько бы в свое время ни пытались обратить ее исключительно в деятельность. Это было обычное для того времени представление: что деятельность важнее, чем ее продукт. А ведь это неверно, это все равно, что утверждать, что беременность важнее ребенка.

Но перейдем непосредственно к текстам.

Со временем понятие “текст” стали напрямую связывать с понятием “существование”: заговорили о “тексте жизни”. Вот, к примеру, как воспринимает изменения в своей судьбе молодой человек: “Если прежде все события совершались за стенками моего черепа, на небольшом плацдарме мозга, где разыгрывались авантюры и разговоры, блестяще выигранные судебные процессы, открытия стран и планет, незабываемые услуги человечеству, побитие рекордов и познание основных причин, то теперь события происходили вне меня, по собственной воле, комментарии отпали, может быть, они появлялись потом, а теперь выступал огромный, грубый и неразборчивый текст жизни”¹. Современный исследователь жизни и творчества Андрея Белого пишет: “А. Белый тяготился тем, что слышит только слова “о благе”, “о долге”, “о всеобщем счастье”. “Я хочу подвига, долга, счастья, а не слов “о”, — признается он... Единственно ориентированность художественного текста по координатам “текста жизни” сообщает ему смысл и оправдание”².

¹ Славин Л. Наследник. М., 1962. С. 223.

² Лавров А. В. Мифотворчество аргонатов // Миф — фольклор — литература. — Л., 1978. С. 156.

“Текст жизни” — это не просто метафора. Это выход понятия “текст” за узкие для него феноменологические границы. Дело заключается в том, что культура вообще тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный Богом или Природой мир как Текст, и стремится прочесть сообщение, в нем заключенное”¹. Ясно, что этот текст — текст существования мира. Но если он имеет смысл, то его можно выразить и в знаковой форме; она возвратит нас в мир культуры.

Как феномен культуры текст существует в знаковой форме и имеет значение. Психологически существенно, что текст составляет важнейший компонент общения. В этом качестве текст обладает свойством обращенности (к конкретному лицу, коллективу, большой группе и т.п.) и в этом качестве его понимание является продуктом своего времени. Как объект психолингвистического исследования чаще всего выступает речевой текст, письменный или устный. Для психологии творчества особую роль имеет способность индивида продуцировать тексты, обладающие высокими художественными достоинствами и (или) глубиной смысла. Их называют ТПС (тексты продуктивной семантики) в отличие от ТТС (текстов традиционной семантики), которые выражают содержание обыденного сознания и соответствующих ему текстов общения (быт, производство, торговля). С историко-психологической точки зрения существенно, что текст есть поздний и специализированный продукт сплетения дискурсов, реплик; первичной и не утратившей значения формой существования речи служит диалог. Учение Фрейда придает специфическое значение метафорам, остротам, оговоркам и другим особенностям текста, произвольно выражающим содержание бессознательного. В сфере педагогической психологии текст изучается с точки зрения доступности его содержания, запоминаемости, воспроизведения, что существенно для учебных текстов. Необходимым условием эффективности учения является понятность текста.

Вполне возможно, что убеждение через посредство текста происходит благодаря специфике понимания.

Диалог автор — читатель (слушатель) опосредован спецификой понимания. Текст — это механизм, который управляет процессом понимания.

Убеждающая сила текста непосредственно связана с его адресованным, обращенным к аудитории характером. Под адресованностью текста подразумевается его ориентация на рецепцию содержания определенным кругом лиц. Есть тексты, адресованные непосредственно их автору (например, пометки, сделанные для памяти), есть тексты, самой своей формой ограничивающие доступ к со-

¹ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 10.

держанию (шифрованные) или, напротив, расширяющие сферу смыслового восприятия (скажем, публикации на двух языках одновременно).

С компактностью традиционно связывают ограничения, налагаемые на величину текста объемом памяти человека. Следует, однако, отметить, что вопрос этот сложнее, нежели кажется на первый взгляд. У бесписьменных народов мощным средством трансляции культуры во времени служили эпические произведения, достигавшие иногда феноменально больших размеров. По-видимому, проблема компактности в гораздо большей степени связана со структурными содержательными особенностями текста, чем это ранее было принято полагать. Вполне возможно, например, что на компактность текста влияет поле понимания его содержания. Повествовательная форма организации содержания эпосов обусловила возможность трансляции энциклопедического по характеру знания, и весьма показательно, что вместе с появлением письменности менялись и виды трансляции. Само знание обретает иные формы.

Естественный язык с наибольшей полнотой реализует свои возможности в повествовательной сфере; в мире доказательных суждений возможности устной речи не столь велики. Не случайно теоремы доказывают у доски! Вполне возможно, что письменность была порождена самой спецификой интеллектуальной деятельности, а не только необходимостью соединить участников общения, пространственно удаленных друг от друга.

Последовательность аргументации, логическая связность, все, чему должна учить математика, перемещается в ум учащегося из письменного текста. Многие зависит и от структуры самого понимания. В наших экспериментах значительные по объему тексты, повествующие об исторических событиях, воспроизводились испытуемыми весьма удовлетворительно и в абсолютном большинстве своем они были способны самостоятельно характеризовать смысловую сторону излагаемых событий. В то же время суждения и умозаключения общего характера, не обладающие заметной сложностью, испытуемые воспроизводили с ошибками, а частично забывали совсем. В опытах Д. Сыдыкбековой испытуемые на место выводов, содержащихся в тексте, который они прочли, подставляли свои, и, что очень интересно, сами не замечали этого. Чтение текста — не простое “усвоение”! Понимание обладает внутренней самостоятельностью.

Воспроизводимость текста связана с реализацией речевых возможностей индивидов, а также с выходом человечества в техническую сферу. Прimitивные технические возможности писцов сменились достижениями книгопечатания, а затем и электроники. Примечательным явлением современности следует считать факт бесписьменного существования творчества В. Высоцкого, Б. Окуджавы,

А. Галича, В. Долиной, чьи тексты лишь с течением времени обрели традиционную письменную форму воспроизведения. И более того: вне авторского исполнения их смысловое восприятие отличается всеми ощущаемой неполнотой. Вполне вероятно, что и тексты Маяковского, живи он в эпоху звуко- и видеозаписи, тоже воспринимались бы по-иному (отдельные записи Маяковского и Есенина были сделаны, сохранились и даже при явном техническом несовершенстве воспроизведения оставляют большое впечатление).

Однако специфика воздействия текста на сознание (и подсознание) такова, что субъективно отчетливое ощущение понятности не всегда совпадает с действительной понятностью, и это следует иметь в виду.

Понимание и время

Существенным для понимания текстов служит то обстоятельство, что смысл их актуализируется¹ в конкретной аудитории.

Но и люди различны, и время, в которое вновь происходит процесс понимания, ведь тексты не только ситуационно создаются, они приходят из прошлого, составляя необходимую часть культурного наследия народа. И исторический фактор оказывает на понимание неотчетливое, но серьезное воздействие.

Сравним понимание двух текстов.

Один знаменит, о нем известно многое (скажем только, что строки, которые мы перечитываем, написаны утром 9 мая 1823 года в Кишиневе. Минувло более 170 лет).

О втором тексте известно, что он написан более полувека назад, его долго скрывали, потом он все же мелькнул в печати и исчез.

“Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушку поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!”

¹ Как бы возобновляет свое существование. Вот поэтому “Манас” и живет уже тысячу, если не больше, лет. Все дело в том, что он живет в исполнении.

Первый текст настолько хорошо вам знаком и представляется настолько понятным, что, боюсь, вы просто пробежите его глазами, так как со школьных лет помните наизусть. Но все-таки прочтите. Каждое слово будет для нас далее значимо.

Кажется понятно с детства. Теперь посмотрим, как перевел это на китайский Люй Ин.

Мой дядя самый твердолобый,
Когда заболел очень сильно,
То заставил себя почитать.
И не могут выдумать ничего лучше.
Его образ действий посторонние,
Правду сказать, должны взять да изучить.
Однако! О боже! Как удручит человека
Белым днем и ночью сидеть рядом с больным...

И так далее. "Дословность исключительная", — кратко замечает академик В. М. Алексеев. Дословность-то исключительная, а вот смысл... Впрочем, согласитесь, вы понимаете Пушкина так же. Может быть, первая строка покажется вам слишком "резкой", что ли (кстати, по-китайски это вообще "твердый, как доска"). Но Люй Ин как раз почувствовал тонкость, которая нам не всем дается. Дядя именно твердолобый, чтобы не сказать резче. Первая строка пушкинского текста содержала внятный для всех современников поэта намек. Тогда была популярна (ныне забытая) басня, в которой были такие слова: "Осел был самых честных правил". Но вот далее...

А что "далее"? Казалось бы, все соответствует оригиналу.
На самом деле нет.

Если мой дядя заболел не на шутку,
То лучше он и выдумать не мог...
Последовали бы его примеру
И некоторые другие родственники...

"Когда" здесь употреблено в значении "если".
Вот что должно было получиться у Люй Ина:

И "другие", которым пример умирающего дядюшки должен послужить наукой, — это отнюдь не посторонние. Тут Люй Ин тоже ошибся. Это другие родственники молодого повесы. "Неплохо бы, — помышляет он, — чтобы и они..." Но почему? Он их ненавидит? Нет. Все проще. Он по воле Всевышнего "Наследник всех своих родных..."

И деревня, где скучал Евгений, этот прелестный уголок, в котором за несколько месяцев так круто изменился ход его жизни, изогнулась "линия судьбы", досталась ему по наследству. Он небогат.

И это, видимо, не первое наследство, которое он получает, позволяет ему жить так, как многие подданные российского императора, принадлежавшие к дворянскому сословию. Он помещик.

Как видите, все не так просто. Исторический фактор понимания работал и здесь. Другое время на дворе, другие песни. И речь уже чуть-чуть иная — соотношение "когда" и "если" изменилось. Да и представление о том, что наследство, и не одно, даст возможность безбедно существовать, нам не то, чтобы непонятно, но чуждо. Отношение к собственности стало несколько недоверчивым.

Второй текст — это стихотворение Николая Тихонова, поэта очень сильного (сейчас вы в этом убедитесь), увенчанного в прошлом многими наградами, а ныне (возможно, по этой именно причине) вспоминаемого не часто. Если бы он написал только свои ранние стихи и все — он (а точнее, его призрак, арвак) ходил бы сейчас в великих.

Стихотворение называется "Танец смерти".

Под тихой радости смехом
Жонглер плясал, тряся мешок.
Ревел оркестр, скрипел настил,
В мешок он руку запустил
И вынул голову, и зал
Худого слова не сказал,
Смотрел, забывши все слова,
Как лихо пляшет голова.
Он бросил голову в мешок,
Почти пастушеский рожок
Взял в руку белую опять —
И ну играть, и ну играть.
И зал в забаве роковой
Следил за новой головой
Со сладострастьем малышей,
Со ртом, открытым до ушей,
Как смерть играла головой
Как бы державой мировой!

В деталях здесь ничего непонятного нет, разве что ускользнет от внимания читателя такая тонкость: держава — это еще и символ власти русских монархов, золотой шар. Так что вполне возможно, что речь не любая мировая держава имеется в виду, а вполне определенная. Но намеков здесь, я думаю, не было. Стихотворение надо понимать как целое. Все сочетается — и средневековый образ "танца смерти", и дата написания — "май—июнь 1940", и то, что долго лежали эти стихи в столе, раз напечатали, потом не стали (а переиздавались Тихонов часто). Подумайте о смысле образа. О том, что смерть

¹ См.: Восток — Запад: Сб. ст. М., 1985. С. 256.

косит не всех одновременно — кто-то остается в живых. Вспомните гениальные (другого слова не подобрать) строки Есенина:

...Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы.
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.

Все это неразрывно *со временем*. И с людьми.

Теперь обратимся к другому жанру. Казалось бы, драматурги пишут пояснее своих собратьев — прозаиков и поэтов, ведь их тексты произносят актеры, а значит эти (разбитые на реплики) тексты должны понимать зрители.

Спорить тут не с чем. Но мы же далеки от тех времен, когда впервые ставился, например, “Гамлет”.

Приводимый отрывок из “Гамлета” толкуется по-разному: как характеристика угодничества Полония, как имитация безумия Гамлетом и т.д.

Полоний. Милорд, королева желает поговорить с вами, и немедленно.

Гамлет. Видите ли вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний. И действительно, ни дать ни взять верблюд.

Гамлет. По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний. Правильно: спинка хорьковая.

Гамлет. Или как у кита.

Полоний. Совершенно как у кита.

Гамлет. Ну так я сейчас приду к матушке”.

Но только С. М. Эйзенштейн, великий кинорежиссер, обратил внимание на изменчивость облака и предложил свою версию, которая, на наш взгляд, ближе всех к действительности: “...Между тем последовательность контуров верблюда, ласки и кита — совершенно логически последовательные фазы для облака, меняющего свою форму. Мне кажется, что три последовательных сравнения определяют собой прежде всего течение времени — времени, в которое облако дважды успевает изменить свою форму”.

Ведь ставился “Гамлет” в знаменитом театре “Глобус”, где декорации были более чем скудными, течение времени на сцене — условным. А вот как показать, что Гамлет *не хочет* идти к матери, ему это тяжело, невыносимо (там есть еще реплика “в сторону”, “про себя”: “Они сговорились меня с ума свести”).

Это, мне кажется, можно показать так:

Полоний зовет Гамлета прийти к королеве “немедленно”. Тот смотрит на небо. Спрашивает, на что похоже облако. “На верблюда”. Полоний согласен. Пауза. “На хорька”. Полоний подтверждает. Пауза. “На кита”. Разгладились изогнутые края облака. Полоний, склонившись в поклоне, стоит, не уходит. Нет, придется идти.

Гамлет (в сторону): “Они сговорились меня с ума свести. (Полонию) Ну так я сейчас приду к матушке”.

Эйзенштейновское понимание представляется убедительным. Он попытался мысленно переместиться во времена Шекспира: то же пытаются сделать многие другие шекспироведы — но от своего времени они при этом оторваться не в силах. А оно проникает в их мысли — наше время, наш век. И вот...

Предполагалось, например, что три ведьмы в “Макбете” — это спецразведчицы Эдуарда Исповедника, засланные в Шотландию с заданием спровоцировать английскую интервенцию; в одной работе было написано и о том, что Горацио — агент Фортинбраса. “Чего только не прочтешь, что они только не придумают, эти ученые”, — скажет читатель — и будет не прав. Ведь, вообще говоря, в этом ничего невозможного нет. Описывая силуэтный театр нант, Инна Соломоник отмечает особую композиционную роль двух появляющихся перед каждым эпизодом фигур: “это яки — шпионы Раваны”¹. Причем они играют информационно-предсказующую роль. Ну чем не ведьмы из “Макбета”? Специфика театра таких интерпретаций не воспрещает, проще говоря — можно понимать и так. А вот почему именно *такое* понимание приходит в голову исследователю — об этом стоит задуматься.

Задуматься — и не сразу прийти к ответу. Легко, конечно же, предположить, что это *время*, всемогущее время подсказывает такое, а не иное понимание. В 1937 году, например, по авторитетному свидетельству Лиона Фейхтвангера, “население СССР охватил настоящий психоз вредительства”. А в 1939—1945 годах всеобщей в Европе (да и не только в Европе — в Америке) была вера в германскую “пятую колонну”, в массовый шпионаж и предательство. Влияло это на тех, кто читал в те годы Шекспира и вникал в содержание его трагедий, искал в них смысл? Нет сомнения — влияло, осознанно, неосознанно, но влияло.

Но это не ответ. Дело в том, что в славную елизаветинскую эпоху страх перед заговорами, зарубежными шпионами, оппозицией был велик и нельзя сказать, чтобы необоснован. Какие головы дтели с плеч! Ни много ни мало — голова королевы шотландской Марии. А убийство ее мужа, когда бочки пороха рвутся в королевском замке, а убийцы (на славу выполнившие свое дело) ждут бегущую от них жертву в саду? Грохота хватало. Куда там жалким хлопкам револьверных выстрелов, сразивших в 1934-м ленинградского партийного вождя Кирова и губернатора Луизианы Хью Лонга. Только случай спас британский парламент, который должен был 5 ноября 1605 г. взлететь на воздух — бочки с порохом, заложен-

¹ Соломоник И. Традиционный театр кукол Востока. М., 1983. С. 65.

ные в подвал, обнаружили благодаря анонимке¹. Исторические законы, по которым составляются заговоры, распространяются наветы, разворачивается судебно-следственный террор, едины, хотя и мало еще изучены. Находят, например, “врачей-отравителей”. (Во времена Шекспира такой оклеветанный врач был повешен в Лондоне за то, что он якобы собирался убить королеву Елизавету I. А в Москве в 1953-м готовился процесс врачей, которым приписали намерение убивать членов политбюро правящей партии). И политическая обстановка несомненно влияла на Шекспира и его творчество². Что же, мы должны полностью исключить такого рода мотивы в “Гамлете” и “Макбете”?

Нет, не должны. Я хочу сказать только одно. Не полагайтесь в вопросах понимания Шекспира на его критиков. Не полагайтесь даже на самого Шекспира. Полагайтесь на себя. На историю и свою собственную голову.

Но что Шекспир. Существуют строки, знакомые с детства и все же понятные не до конца. Когда я обсуждал эти соображения с коллегами, которых смею назвать видными учеными, один из них, спокойный и немногословный, тихонько замурлыкал первую песенку Булата Окуджавы и я сразу вспомнил ее слова:

Ему чего-нибудь попроще бы...

Он имел в виду, что читателю проще разбираться в материале, который ему хорошо известен: очевидно, например, что первую строфу “Евгения Онегина” или, например, “Сказку о золотом петушке” он знает лучше, чем “Гамлета”. Это верно. Но неверно, что эти тексты так уж просты. Совсем не просты.

В трудах коллоквиума “Разум и культура” опубликован, в частности, доклад Б. Же из Лилльского университета (где, собственно, коллоквиум и проходил). Он утверждает, что анализ народных и пушкинских сказок “позволяет предположить существование некой богатой и точной логики воображения...”. Это верно. Такая логика — назовем ее стереологией — существует, и она не аналогична логике доказательных суждений. Указывает ли “золотой петух на ордалию, иерогамнию, космогонию”? По этому поводу могут существовать различные мнения. По-моему, это предположение Б. Же перечислительно по сути своей. Между тем “Золотой петушок”

¹ В XX веке иранское правительство пытались подорвать дважды, и во второй раз террористам это удалось.

² См.: Стасов В. “Венецианский купец” Шекспира. — СПб., 1904; Аникст А. Шекспир. М., 1964. С. 150.

³ Же Б. Космогония и воображаемое (разбор четырех сказок А. Пушкина) // Разум и культура. М., 1983. С. 141.

⁴ Там же. С. 137.

очень неординарен по замыслу, а главное — по цели написания именно в этой форме.

Действительно. Как довести свою заветную идею, особо важную мысль до сознания народа? Сообщить ее? Да, но кому? Государю? Поймет ли? Пусть даже и поймет, но ведь он не вечен, его сменит новый. Написать статью, книгу? Издадут ли? А главное — не прочтет ее народ, она займет внимание немногих, хотя бы и влиятельных, и мыслящих, но — немногих людей. Написать роман, повесть? Круг читателей расширится сразу, однако ж долгие ли будут интерес? Изменятся вкусы — все забудется, уйдет в прошлое. Но дети! Народ — категория историческая. И единственно верный способ довести свою идею, свою мысль до народа — это повторять ее заново в каждом последующем поколении. Будут забыты цари и полководцы, романы, речи и блестящие статьи — сказка останется. Останутся дети, они будут читать и задумываться.

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок...

Пушкин, кстати сказать, немало думал над этой формулировкой. Сначала было:

Не беда, что сказка — ложь.

Затем:

Сказка ложь, да нам урок,
А иному — и намек.

Это звучало многозначительно. Цензор Никитенко, впрочем, не пропустил и известных нам “добрых молодцев”. Никаких намеков.

А. А. Ахматова доказала, что одним из важнейших источников “Золотого петушка” была сказка Вашингтона Ирвинга об арабском звездочете. Доказала убедительно. Потом она с удовольствием вспоминала, как О. Мандельштам, человек исключительного ума и таланта, статью о “Золотом петушке” “сам взял у меня на столе, прочел и сказал: “Прямо шахматная партия””.

Эту партию Ахматова выиграла.

Писала она, в частности, и о том, что “бутафория народной сказки служит здесь для маскировки политического смысла”. Да, но какого?

Мы сейчас обсудим этот вопрос. Замечу сразу, что именно А. Ахматовой удалось показать и то, что отдельные мотивы из сказки Ирвинга Пушкин использовать не стал, хотя — попробовал

¹ Ахматова А. А. Соч. Т. 2. М., 1986. С. 207.

² Там же. С. 23.

и получилось хорошо¹. Но почему не стал? Каков концепт “Петушка”?

Содержание “Золотого петушка” вы помните. Мудрец вручает царю золотого петушка, который способен указывать на грозящую опасность. И военно-политическая ситуация резко меняется к лучшему. Безопасность! Но царь оказывается неблагодарным — прекрасную шамаханскую царицу он отдать мудрецу не хочет — хоть и обещал. К чему она премудрому скопцу? Этого царь понять не может, а отдать красавицу не хочет. Петушок клюет царя, и тот умирает.

Вот, собственно, и все.

От сказки Ирвинга это отличается: там волшебные талисманы дают возможность еще и уничтожать противника. Государь в восторге: “Мы, пожалуй, прольем немного крови!” И проливает... Этот мотив Пушкин исключил.

Но ввел другой. У Ирвинга мудрец проваливается сквозь землю, а царь проводит остаток жизни в бесконечных войнах.

А “в пушкинской сказке талисман (золотой петушок) является орудием казни царя-клятвопреступника и убийцей”². Тут следует еще прибавить, что царь тогда в действительном мире существовал один. Русский. Короли, императоры — все это было. Много уже лет спустя в мире стало два царя: русский и болгарский. Но продолжалось это недолго...

Так какова же основная идея, концепт “Петушка”? Ведь есть она, Пушкин специально подчеркивает, что есть “намеки”. На что?

Обратите внимание, что дар мудреца не принес царю ни одного нового солдата, а положение дел резко изменилось. Почему? Ответ покажется вам простым и исчерпывающим: информация. Царь стал загодя получать информацию об угрожающем ему противнике, возникла возможность подготовиться, снять пресловутый фактор неожиданности, от которого с каждым веком, с каждым годом стал все больше зависеть исход военных конфликтов, покушений, словом, то, что способно губить государства, армии и их руководителей.

Хорошо поставленная информационно-разведывательная служба, какой-то магически сложный аппарат, способный доставлять необходимые сведения, носители мудрости, способные обеспечить ре-

¹ См.: Ахматова А. А. Последняя сказка Пушкина // Соч. Т. 2. М., 1986; Ахматова А. А. “Царь увидел пред собой” // Соч. Т. 2. М., 1986.

А. А. Ахматова доказала свою точку зрения достаточно убедительно. Все же, если читатель заинтересуется нашей темой и тем, как она изучается, советую посмотреть “Временники” Пушкинской комиссии, там опубликованы работы К. А. Бойко: об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина и “Древнеегипетские истоки одного из мотивов “Сказки о золотом петушке” (Временники. 1976 и 1979). О критиках А. А. Ахматовой см. ее “Некролог” (Временник. 1964). Библиография обсуждаемой проблемы, разумеется, шире.

² Ахматова А. А. Соч. Т. 2. С. 21.

шение возникающих при этом проблем. Вот три компонента, которые в сочетании могут сохранить государственный организм.

Я пишу это в нарочито политизированной, безликой форме. Пусть-то изложена верно. Об этом сказка. И еще вот о чем. Царь почитать мудреца не может и, по-видимому, вполне искренне. Но ему это и не нужно. Мудрец сам знает, что ему нужно, цари этого ни читать, ни понимать не могут. Их дело — держать свое слово. Иначе результат может быть таким, какой описан в сказке. Золотой петушок может быть и страшен.

Не просто разобраться в том, какой намек “добрым молодцам” содержит сказка о золотом петушке.

Подумайте над ней. Прочтите еще раз.

Ночной дозор

Сагиттальные свойства текста (мы еще вернемся к ним несколько далее) характеризуют ситуации, “когда литература не только вторгается в жизнь, но фактически меняет ее, подчас подсказывая сюжет для нового произведения. Так — это было еще до войны — я (В. Каверин — А. Б.) получил письмо из Орджоникидзе. “Прочтя ваш роман “Два капитана”, — писала мне некая Ирина Н., — я убедилась в том, что вы — тот человек, которого я разыскиваю вот уже восемнадцать лет. В этом меня убеждают не только упомянутые в романе подробности моей жизни, которые могли быть известны только вам, но места и даже даты наших встреч — на Триумфальной площади, у Большого театра...” Я ответил, что никогда не встречался с моей корреспонденткой ни в Триумфальном сквере, ни у Большого театра и что мне остается только навести справки у моих друзей, биолога и популярного летчика, которые соединились в моем воображении, чтобы послужить “двойным прототипом” для моего героя”¹. Это случай, когда “сагитта”, стрела текста, попала в судьбу одного человека, попала, конечно же, нечаянно. В огромном большинстве случаев “мишени”, в которые попадает текст, иные.

¹ Каверин В. Собр. соч. Т. 8. М., 1983. С. 140.

Картина Рембранта «Ночной дозор» написана маслом в 1642 г. и находится ныне в амстердамском Рейксмузее. На ней изображена рота капитана Баннинга Кока и лейтенанта Виллема ван Рейтенбурха.

Посмотрим на картину Рембрандта — ведь она тоже текст культуры! — и послушаем, что рассказывает нам о ней В. Каверин: «...Мы все онемели перед этой картиной, которая вовсе не называлась «Ночным дозором», потому что изображенная на ней сцена происходит днем и солнце участвует в ней могущественно и мягко. В течение долгого времени картина была покрыта слоем копоти и расчищена лишь недавно. Быть может, поэтому она так поразительно не похожа на свои репродукции. Никакой это не дозор, а групповой портрет офицеров военной корпорации Амстердама. Но в этот групповой портрет внесена внезапность, настигнутость — то, что вторгается в жизнь и изменяет ее внезапно и бесповоротно. Неподвижность, при которой каждой натуре уделяется равное внимание, нарушена, сброшена со счетов. Невозможно представить себе, что Рембрандт написал капитана такого-то в белом костюме, а лейтенанта такого-то в черном, чтобы ими любовались, чтобы их узнавали. Падающий слева ослепительный свет врывается не в темноту подворья, из которого выходят стрелки, а в Голландию XVII века с ее терпением, неукротимостью, жестокостью, с ее победой в испанской войне, с ее нищетой и богатством»¹.

Нет, ослепительный свет слева врывается не только в прошлое Голландии, но и в прошлое иной страны, богатой терпением, неукротимостью, жестокостью, прославленной победами... Турист из одного с Каверинным города тоже онемел, увидев эту картину.

У «Ночного дозора» я стоял три минуты
и сигнал загудел, изгоняя туристов.
Я бежал, я споткнулся о чекан Бенвенуто,
растолкал итальянок в голландских батистах.

Что-то мне показалось, что-то мне показалось,
что все это за мною, и мой ордер подписан,
и рука трибунала виска мне касалась
и мой труп увозили в пакгаузы — крысам.

Этот вот капитан — это Феликс Дзержинский,
этот в черном камзоле — это Генрих Ягода.
Я безумный? О, нет, даже не одержимый,
я задержанный с тридцать пятого года.

Кто дитя в криволинии? Это дочка Ежова.
А семит на коленях? Это Блюмкин злосчастный.
Подведите меня к этой стенке, и снова
я увижу ее и кирпичной, и красной.

Заводите везде грузовые моторы,
пусть наганы гремят от Гааги до Рима.
Это вы виноваты, ваши переговоры
словно пули — в десятку, в молоко или мимо.

И когда в Бенилюксе запотевшее пиво
проливается в остром криветочном хламе,
засыпайте в ячменном отпаде глумливо,
ничего, ВЧК наблюдает за вами.

Вас разбудят приклады “Ночного дозора”,
эти дьяволы выйдут однажды из рамы.
Это было вчера, и сегодня, и скоро...
И тогда мы откроем углы пентаграммы.

Стихотворение Рейна только кажется сложным, на деле же оно просто — и глубоко. Немолодой (“задержанный с тридцать пятого года”) турист стоял у “Ночного дозора” Рембрандта до гудочка, которым дирекция сообщает о конце работы музея, и быстро, почти бегом, вышел. Он испытал то безотчетное чувство тревоги, которое вызывала и вызывает эта картина, чувство, которое рассорило Рембрандта с офицерами-заказчиками, чувство, которое и заставило назвать эту картину “Ночным дозором”, когда она потемнела от времени. Вероятно, это чувство испытывал Рембрандт, работая над заказанным ему холстом, и причины тому были глубоко личные — возможно, он предвидел свою судьбу, кто знает? О внутренней жизни творца нам суждено только догадываться. Так или иначе, кисть перенесла это чувство на полотно, полотно стало непонятно тревожить тех, кто на него смотрит. И нет ничего пугающего в изображенных Рембрандтом событиях: люди берутся за оружие и выходят, вот, собственно, и все. Но...

Что-то мне показалось, что-то мне показалось,
что все это за мною...

Как у Мандельштама, увидевшего “Чапаева” и пораженного знаменитыми кадрами “психической атаки” каппелевцев:

Надвигалась картина звучащая
на меня, и на всех, и на вас.

Что тут можно сказать? Это искусство. Оно способно тревожить, и не по-пустому. Я и завел речь о “Ночном дозоре” потому, что

лишу учебное пособие. “Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Эти три предмета, которые необходимы в любой школе и которые вобрало в себя искусство. А искусство по сути своей — это Книга памяти и совести. Нам надо только научиться читать эту книгу”. Эти слова Юрия Михайловича Лотмана точно характеризуют нашу задачу. Будем пытаться ее решить.

В каждом “Ночной дозор” будит свою тревогу. И у автора стихов, что мы прочли, тревога своя. Он объясняет нам, что Всероссийская чрезвычайная комиссия, террор, Феликс Дзержинский, стенка с оббитым пулями кирпичом — все это не минуло, это не поток единичных фактов российской истории, это не прошлое, или, точнее, это не только прошлое, это еще и настоящие души. И оно повсеместно, оно может вернуться, “эти дьяволы выйдут однажды из рамы”. И весь ужас в том, что они не дьяволы, а люди. У них дети, они убивают не за деньги, они убежденные, одержимые, они убивают правых, виноватых, друг друга. Вот Константин Константинович, он же Владимиров, он же Ильин, он же Исаков, он же Лобсан, он же Лама — в черной кожаной куртке чекиста он убийца посла Германской империи в Москве, в красной шапке тибетского монаха он сподвижник Николая Рериха в Синьцзяне. Все это Блюмкин. Вот он в Петрограде, вот в Урумчи, вот в Константинополе, вот на Лубянке. Хлопнул выстрел. Конец.

В стихотворении упоминаются еще “углы пентаграммы”. Пентаграмма знакома всем, это пятиконечная звезда. Красная у нас, белая в США, она имеет происхождение древнее. Именно этот знак, обладающий особой силой, не давал Мефистофелю выйти из кабинета доктора Фауста. Но потом доктор заснул, а мыши помогли Мефистофелю — надгрызли угол звезды, пентаграмма раскрылась, дьявол поблагодарил своих маленьких сподвижниц и вышел... Об этом есть у Гете.

А теперь мы коснемся вопросов не менее важных, определяющих существование культур.

Семантическая адекватность

Семантическая адекватность занимает важное место среди проблем, которые изучают теория понимания и общая семантика. Но особое значение эта проблема имеет для практики преподавания и индивидуальной работы с текстами. С ней постоянно сталкиваются кто переводит с языка на язык; те, кто пытается понять смысл текста; те, кто сопоставляет знаковые системы. На языке практической жизни эта проблема формулируется в виде вопросов, которые каждый человек задавал себе или другим: “Правильно ли я понял?” “Правильно ли я поступил (сделал)?”

Сложность проблемы состоит в том, что во многих случаях ответ на этот вопрос неоднозначен. То есть возможны несколько от-

ветов, и они попадают в “коридор смысла”, в который бессмысленные ответы не попадают. Иначе говоря, проблема семантической адекватности может рассматриваться и на уровне “верно — неверно”, и на уровне “осмысленно — бессмысленно”. Привычной для педагога ситуации с одним-единственным правильным решением нередко в реальной практике восприятия текстов не возникает совсем. Да и критерии, на основании которых ответ попадает в “коридор смысла”, то есть рассматривается как возможный и допустимый, тоже зачастую не являются жесткими.

И все же изучение проблемы семантической адекватности представляется практически в высшей степени необходимым — именно в силу того, что в гуманитарных научных дисциплинах, в том числе педагогически ориентированных, происходит процесс постоянного совершенствования требований к художественному переводу, обсуждение новых вариантов понимания исторических, художественно-литературных, политических, публицистических и других текстов.

Попытаемся рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы.

**Язык,
его существование
и эффективность**

С точки зрения общей теории систем различают базисную функцию и производные от нее. Например, базисной функцией языка является выражение смысла, а коммуникативная и экспрессивная функции, то есть участие языка в общении и самовыражении, — производные.

Но что следует при этом понимать под *языком*?

Е. Д. Поливанов понимал под языком всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира, или так называемыми “внеязыковыми” (то есть понятиями, которые выражаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц или даже только в уме одного лица. Здесь выделяются два кардинальных признака: а) язык есть система ассоциаций, связей между речевым и экстралингвистическим; б) язык существует в уме (в уме многих или одного — это не принципиально, главное — в уме).

Таким образом, Е. Д. Поливанов попытался, и это ему удалось, объединить в одном определении признаки *существования* и *сущности* языка.

Он пришел к выводу: язык есть система, и главный системный признак его состоит не в том, что его элементы связаны друг с другом, а в том, что они связаны с *отраженным в сознании миром*. В этом состоит сущность языка. Соответственно, существование сознания есть необходимое условие существования языка.

Позднейшие исследования показали, что важным условием понимания окружающего мира, других людей и самого себя является

координированная работа правого и левого полушарий коры головного мозга человека. При этом правополушарная модель мира строится на чувственно-конкретном, образном “материале”, а левополушарная — на знаковом, языковом. Существенно не только то, что в левом полушарии коры расположены центры речи — “...левополушарная модель мира включает набор аксиом здравого смысла и тавтологий. Усвоение обычных текстов на естественном языке ведет не только к построению обучающимся грамматики языка, порождающей текст, но и набора таких аксиом, существенно зависящих как от языка (в этом смысле вполне подтверждается идея Сэпира-Уорфа), так и от специальных условий (такой набор “офицерских” аксиом блестяще сформулировал Л. Толстой по отношению к Вронскому)”. Иными словами, смысл и язык на определенном уровне своего существования как бы срастаются и с субстратом мышления, с мозгом, конечно, только в той мере и поскольку он регулирует относительно простые формы человеческого существования. При этом имеется в виду, что человек живет, действуя, а не абстрактно размышляя. Вот для того, чтобы действовать, и надо опираться не семантическую адекватность правил поведения конкретным ситуациям, в которых человек живет и действует, то есть как-то “ведет себя”.

Итак, один из важных критериев семантической адекватности заключается в соответствии между некоторыми правилами, получившими речевое выражение, и эффективностью форм поведения, которое управляется этими правилами.

**Понимание
содержания
и смысла текстов**

Мысль находит речевое выражение в тексте, письменном или устном, и любой текст в принципе рассчитан на то, что его поймут. Поймут современники или потомки. Поймет возможно большее число людей или возможно меньшее (есть тексты, доступные лишь предельно узкому кругу лиц, и от того, кто именно их поймет и как, зависят иногда судьбы армий и государств). Речь идет не только о военной и дипломатической практике. Каждый из нас, не будучи дипломатом или военным, является автором текстов, рассчитанных на понимание поистине “возможно меньшего числа людей”: каждый делал пометки для памяти, а их пишут с единственной целью — через определенный отрезок времени понять, что было записано. Это письменные тексты, адресованные их автору.

Представляется очевидным, что понимание текстов — не самоцель, в их содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намере-

Иванов Вяч. Вс. К проблеме понимания текстов, относящихся к разным речевым жанрам // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тез. М., 1985. С. 301.

ний людей. Именно эти действительные отношения существенны для людей, считающих необходимым прочесть (и соответственно — понять) те или иные тексты. Например, понимая тексты законоположений, читатель узнает, каковы границы прав, отмеренных ему государством, гражданином которого он является. Понимать инструкции по уходу за электроприборами или правила уличного движения — это значит понимать, как сохранить в определенных обстоятельствах жизнь. Можно назвать еще немало текстов, практическая важность которых вполне ясна.

Трудно, однако, обосновать такого рода причинами необходимость понимать произведения художественной литературы. Тем не менее стремление понимать их является исторически непреходящим. Почему это стремление существует — вопрос спорный. Несомненно, впрочем, что литературные тексты содержат значительную по объему информацию относительно многообразных социальных явлений, характерологических особенностей людей, межличностных отношений и личных переживаний. Художественная литература играет чрезвычайно существенную роль в духовной жизни людей как продукт творческой деятельности и предмет творческого восприятия. “Творчество — процесс; восприятие творчества — также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает произведение, внушая читателю представление о том, что читатель вместе с ним вновь проходит весь путь его творчества. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы участвует при создании произведения, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстает перед читателем в произведении, ...черновики, наброски, разные рекомендации произведения остаются за бортом произведения и не воспринимаются читателем”¹.

В трактовке Г. П. Щедровицкого и С. Г. Якобсон понимание выступает как смысловая организация знаковой формы текста: эта форма организации есть не что иное, как восстановление структуры смысла, заложенного в текст процессом мышления². Проще говоря, знаки, из которых построен текст, должны так выстроиться у меня в уме, как выстраивались они в уме автора. И тогда я пойму его мысль, заложенную в текст.

Понимание текста можно рассматривать как процесс образования и функционирования, как говорят специалисты, “смыкающей модели”. Это значит, что текст обретает свое содержание в непосредственном взаимодействии с сознанием читателя; что процесс по-

нимания “смыкает” в единое целое то, что содержится в тексте, и то, что происходит в сознании читающего. В свое время Карл Беккер не без основания утверждал, что документы, свидетельствующие об исторических фактах — газеты, письма, дневники, существуют как листы бумаги, на которые нанесены чернила или типографская краска. Они оживают, когда к ним прикасается историк, иначе говоря, когда их понимают.

Здесь встает проблема кардинальная — проблема существования. Текст, бесспорно, существует и вне его понимания, но латентная форма существования смысла текста молчаливо предполагает существование того, кто этот текст способен прочесть.

Говоря об актуализации смысла текста, наступающей в результате его понимания читателем, Харли Шендс проводит несколько неожиданную аналогию между языковым кодом и его носителем, с одной стороны, и связью, существующей между вирусом и пораженной им клеткой, — с другой. Вирус, как вы, возможно, помните со школьных лет, представляет собой почти “чистый код” в том отношении, что вся его функция заключается в обеспечении собственно дублирования, воспроизведения, размножения. Но, как и язык, вирус требует живого носителя, хотя в принципе способен существовать и вне его. При подходящих условиях молекула вируса может быть кристаллизована и сохранена *in vitro*, “в стекле”, в пробирке, причем в таком состоянии она бессильна, подобно джину из восточного фольклора, запечатанному в бутылку. Когда вирус освобождают от его пассивного состояния и вводят в восприимчивую клетку, он немедленно включается в механизм воспроизводства данной клетки. Вирус становится хозяином своего нового “дома”. Так вот, по мнению Шендса, сходным образом идея или система, запечатленная в лингвистическом коде, может существовать в зафиксированном виде в книге на полке, пока не встретит восприимчивого “хозяина”. Читатель, увлеченный содержанием книги, станет его рассказывать, воспроизводить, и даже может стать прозелитом, пропагандирующим учение, содержащееся в этой книге, и воссоздать его в группе последователей. Так и вирус захватывает все новые и новые группы клеток. Аналогия мрачная. Не обязательно же содержание книги может оказаться таким вредным, каким бывает воздействие вируса. Впрочем, если вспомнить чужих авторов...

Говоря о понимании текста, надо прежде всего иметь в виду, что такая-то часть его содержания уже находится или, по крайней мере, должна находиться в сознании читателя. Это означает, что хотя бы некоторые сведения, используемые автором текста, должны быть предварительно известны читателю. Если они и не полностью зна-

¹ Лихачев Д. С. Текстология. М.; Л., 1961. С. 29.

² См.: Щедровицкий Г. П., Якобсон С. Г. Методологические проблемы понимания // Мышление и общение: Материалы Всесоюз. симп. — Алма-Ата, 1973. С. 30.

³ Shands H. C. War with Words. Structure and Transcendence. Hague—Paris, 1971. 22—23.

комы читателю, то абсолютно чуждыми ему они все же быть не должны: необходима какая-то информационная основа для понимания, известная индивиду, читающему данный текст.

Н. В. Крандиевская-Толстая рассказывает, как зимой московской ночью 1918 года, когда "ориентирами служат лишь одни костры на перекрестках, возле которых постовые проверяют у прохожих документы"¹, В. В. Маяковский, стоя у костра, разложенного у Лубянки, приветствует подошедшего греться А. Н. Толстого экспромтом:

Я слабость к титулам питаю,
И этот граф мне по нутру,
Но всех сиятельств уступаю
Его сиятельству — костру!

— Плохо твое дело, Алексей, — с мрачным юмором говорит Толстому его спутник — Андрей Соболев. — Идем-ка от греха...

Но Толстой не уходит. Он смотрит, не отрываясь, на Маяковского, видимо, любясь им. Он не до конца понимает убийственный смысл экспромта².

Что необходимо для адекватного понимания этого текста?

Прежде всего прочего надо знать язык, на котором он написан. И не просто общеразговорный язык — нужно знать *литературный* язык, имея минимальное представление о специфических различиях стиха и прозы. Существенно знание фактов гражданской истории: 1918 год, отмена сословного деления и титулов и т.д. Непременное знание элементов истории литературы: если имена В. В. Маяковского и А. Н. Толстого читателю ничего не говорят, смысл происшедшего будет для него в значительной степени неясен.

Все это лишь предпосылки адекватного понимания текста. Ключ к пониманию описанной в нем ситуации лежит в четверостишии Маяковского.

Грозный смысл экспромта Маяковского — смысл, который не сразу стал ясен Толстому, — неразрывен с речевой формой выражения: специфика поэтической речи³ позволяет облачить внутреннюю форму слова "сиятельство", восходящую к глаголу "сиять"; при этом слово "сиятельство" не выводится из культурно-исторического ряда "величество, высочество, сиятельство", который сообщает семантике слова оттенки: "особое положение, древность рода, власть". И правда — что древнее костра, что сильнее пламени, что *сиятельнее*? В нем сгорают ветхие хартии, свидетельствующие знатность рода, сословия, титула. И неясная тень здания

бывшего страхового общества на Лубянке высится за людьми, которые стоят у костра.

Сверх сказанного заметим, что хотя цитированный отрывок и принадлежит к жанру документальной прозы, для полного его понимания требуется и знание общего "литературного фона эпохи", которая служит предметом изображения: фоновое значение имеет в данном случае сцена (впрочем тоже автобиографического плана) из поэмы "Хорошо": уличный костер, "Здравствуйте, Александр Блок".

Для адекватного понимания смысла текста в принципе необходимо наличие связного набора сведений — тезауруса. В свою очередь, понимание ранее неизвестного читателю текста способно внести нечто новое в тезаурус, в чем-то его изменить.

Согласно взглядам Ролана Барта, придававшего особое значение коммуникативной функции текстов, смысл текста, в частности и в первую очередь литературных текстов, закодирован пятью способами. Они могут быть использованы одновременно, и вопрос о субординации этих кодов достаточно сложен; во всяком случае, Барт не дает сколько-либо удовлетворительного решения этого вопроса. Неважно, сознательно ли пользуется писатель (то есть кодирующий) этими способами, чаще всего часть из них используется неосознанно, но читающий (декодирующий) должен ими пользоваться.

1. *Код повествовательных действий* характеризует последовательность действий.

2. *Семантический код* объединяет все существенные для понимания текста понятия, которые в нем встречаются.

3. *Код культуры* включает в себя все необходимые сведения о культуре (в широком смысле) данной эпохи, опять-таки необходимые для того, чтобы мысль повествователя могла быть ясно понята читателями.

4. *Герменевтический код* содержит в себе формулировку вопроса, который задается в повествовании, формулировки возможных ответов.

5. *Символический код* создает как бы фон глубинных психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании.

Так, каждому из нас известен код способов отображения. Читая: "Вошел человек в ярком галстуке", мы понимаем, что вошедший был в рубашке и, скорее всего, в пиджаке. Но не это существенно, и это опущено. Способ отражения предполагает подобные сокращения, и он нам знаком. Разумеется, код способов отображения изменчив. "Бритый" персонаж современного романа — это чаще всего лысеющий человек с чисто выбритой головой, в романе, написанном полвека назад, "бритые" — это те, кто брил бороду и усы. Обратите на это внимание, читая "Мастера и Маргариту"!

¹ Воспоминания о А. Н. Толстом. М., 1973. С. 120.

² Там же. С. 121.

³ См. в этой связи: Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.

С кодом способов отображения непосредственно смыкается код культуры. Н. Асеев в поэме “Маяковский начинается” описывает сцену в бильярдной: некий претенциозный завсегда клуба вертится около Маяковского, мешая ему играть, “говорит под руку”, пытается шутить и т.п. В конце концов Маяковский обернулся к нему и взял за цепочку от часов...

Застыл остряк
С открытым ртом:
“Златая цепь
На дубе том”!

Эта острота понятна тем, кто знаком с конкретным “кодом культуры”, — в него входит, например, текстуальное знакомство с “Русланом и Людмилой”. Перевод данного отрывка на французский язык вызвал бы не только языковые трудности: “код культуры” среднего французского читателя иной.

Герменевтический код содержит в себе формулировки содержащихся в повествовании вопросов и возможных ответов на эти вопросы. Они, бесспорно, связаны с миром культуры, которому данное повествование принадлежит, но выходят за его пределы. Вопросы, которыми задается Шекспир в “Макбете”, волнуют и русского, и японского читателя — быть может, не в меньшей степени, чем они волновали посетителей театра “Глобус”.

По ходу развертывания сюжета читатель узнает ответы на вопросы о том, убьет ли Макбет Дункана, двинется ли Бирманский лес на его замок и т. п. Но герменевтический код, которым владеет большинство читателей, позволяет им понять, что в “Макбете” решаются и вопросы иного порядка, например, о том, могут ли ум, сила воли, мужество — качества чрезвычайно привлекательные сами по себе — быть направлены на преодоление этических барьеров. Отвечая на этот вопрос, Шекспир показывает, как непоправимо деформируется личность под влиянием содеянного зла. Если же эти (и подобные им) вопросы полностью прошли мимо сознания читателя, который увидел в “Макбете” лишь историю кровавой борьбы за престол, то смысла трагедии он не понял. Сказанное не означает, что упомянутый нами вопрос — главнейший в “Макбете”. Отнюдь нет. Вполне возможно, что уже с появления трех загадочных ведьм перед нами начинают рисоваться очертания действительно великой проблемы: проблемы *превращения прогноза в проект* — и реализации проекта. Когда эти психологические процессы касаются этических ценностей (а они их чаще всего касаются), становится видно, как отходит от них человек, казалось бы, свободный в выборе решений. По мере того, как человек своим решениям следует, из каждого нового поступка логически вытекает необходимость последующего. И торжествует логика вещей, которая сильнее логики че-

ловческих намерений и, в отличие от нее, не знает никаких этических преград.

Существуют (во множестве) иные интерпретации общего смысла (концепта) “Макбета”, но суть не в том, какую из них изберет (или предложит) читатель, а в том, что он в принципе способен подходить к текстам герменевтически и чувствует, что подобный подход нужен, хотя и не знает его терминологического наименования, и обладает специальными навыками в этой области и общий смысл осознать, скорее, смутно.

Концепт

В этом, впрочем, сказывается фундаментальная особенность произведений художественной литературы вообще — их понимание поливариантно, а концепты обычно не поддаются детально точной

формулировке, более того, она ограничительна по природе своей, когда концепты формулируют, мы всегда ощущаем, что общий смысл эта формулировка все же полностью не передает.

Элементарный герменевтический навык читатель приобретает относительно рано — читая басни. Басни зачастую завершает мораль — в одну-две строчки. Она резюмирует смысл текста — концепт...

Концепт, строго говоря, есть у любого осмысленного текста, и “Войны и мира”, и у басен Крылова.

Но басню не обязательно завершает мораль. Концепт не всегда объявлен, да и объявленный отнюдь не всегда соответствует семантическому существу текста. Чтобы понять смысл этих стихотворений, требуется немалый герменевтический навык.

Иногда его нелегко обнаружить, хотя аллегорическая структура содержания налицо.

Тут многое зависит от сложности. Чрезвычайно сложен, например, концепт крыловской (а не лафонтеновской) “Вороны и лисы”. Только ли о том она, что нельзя доверяться лъстелу? Только ли о том, что не стоит хвастаться? Смысл явно сложнее. (Сто тридцать лет назад В. Водовозов писал, что дети никак не могли согласиться с подобной моральной басней). Ворона умеет каркать, и она это делает — каркает настолько громко, настолько хорошо, насколько на это ворона вообще способна. Она теряет сыр. Но за что она наказана? Не могла же она (да и не собиралась) запеть по соловьиному? Нет, концепт глубже. Ворона наказана за то, что она гордится своим карканьем. В нем ничего плохого — и хорошеет тоже — нет. Она каркает. Такова ее природа. Между тем не стоит гордиться тем, на что способен от природы. Ведь это не твоя сущность, заслуга. Вот за гордыню (а ее следствие — вера лъстелу) ворона и наказана.

А может быть, все дело в том, что сыр... Нет, нет, довольно. Концепт слишком сложен¹.

Итак, объявленный концепт иногда как-то беднее текста, который наводит на более содержательные размышления. Иногда, наоборот, текст, казалось бы, тривиальный, заново освещен концептом.

Есть у К. Чапека новелла о чехе Лойзике, никак не желавшем воевать за Австро-Венгрию. Его призвали, он симулировал аппендицит, его оперировали, но в госпитале нельзя лежать вечно, тем более, что его посещает главный врач штаба, а это безумец. Собственно, все уже об этом догадывается, но чин, погоны, дисциплина... Одним словом, безумец является в госпиталь, все, кроме безнадежно больных, стоят, а он проходит палату за палатой. Ожидание затягивается, наш чех поджал ногу — уперся коленом в койку... И ворвался главный врач, восклицая “Годен!” или “На фронт!”. Вдруг он увидел Лойзика, стоящего на одной ноге. “Одноногий! Его домой, вас (это врачам) — на фронт!” И Лойзик был демобилизован и стал получать пенсию как одноногий инвалид. Он продолжал получать ее и после войны, обманывая уже Чехословацкую республику. И вот он замечает, что одна нога его тоньше другой. Она слабеет. Он ходит с палкой. Атрофия мышц на нервной почве. “Мы ничего не можем поделать”, — говорят врачи. Тогда Лойзик идет каяться, а каяться есть в чем, он уклонялся от воинской повинности и обманул казну на значительную уже сумму. Но его покаяние никто не хочет выслушивать: “Ну и что же, что у вас две ноги, все равно одна сухая...” В конце концов он добивается своего — его начинают таскать по судам за обман государства. Зато нога у него начинает крепнуть, ему лучше... Наверное, оттого, что ему теперь все время приходится ходить по разным канцеляриям: тренировка мышц!

Нет, это не от постоянной ходьбы. Наверное, оттого, что существование ноги признали официально. Велика сила официальной бумаги!

Это остроумно. Но это ли концепт новеллы?

Нет. “Или, пожалуй, нога усыхала у него потому, что владел он ей, собственно, незаконно: дело-то было нечисто, а это всегда за себя мстит”.

Человек, незаконно владеющий собственной ногой. Это блестяще. Его мучает совесть: у него две ноги. Об отчуждении здесь сказано больше (и вернее), чем в толстых книгах. Что же — концепт?

Нет. “Скажу вам, друзья, чистая совесть — вот лучшая охрана здоровья, и если бы люди жили по справедливости, то, может быть, и не умирали бы...” Концепт объявлен. Он ошеломляющ. Ведь физиологических причин, по которым человек должен умирать, стро-

¹ Желаящих еще углубиться в этот концепт отсылаем к книге Л. С. Выготского “Психология искусства” (М., 1997): с. 143—146.

го говоря, нет. Тем не менее люди умирают. Теперь понятно, почему.

Разумеется, такое удастся только Чапеку и равновеликим ему писателям, которых было немного.

Напротив, бездарные писатели приучили читателей к текстам, где мораль светит из каждой строчки, да и критики к этому приучали авторов не только в годы тоталитарной диктатуры, а просто веками.

Осмеянные еще М. Ю. Лермонтовым¹ поиски концепта (осмеянные именно как показатель детской незрелости понимания) из критики не исчезали. Вот что писал о чеховском “Черном монахе” Н. Михайловский: “Но что означает самый рассказ? Каков его смысл? Есть ли это иллюстрация к поговорке: “чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало”, и не следует мешать людям с ума сходить, как говорит доктор Рагин в “Палате № 6”? Пусть, дескать, по крайней мере те больные, которые страдают манией величия, продолжают величаться, — и в этом счастье, ведь они собой довольны и не знают скорбей и уколов жизни... Или это указание на фатальную мелкость, серость, скудность действительности, которую надо брать так, как она есть, и приспособляться к ней, ибо всякая попытка подняться над нею грозит сумасшествием? Есть ли “черный монах” добрый гений, успокаивающий утомленных людей мечтами и грезами о роли “избранников божиих”, благодетелей человечества, или, напротив, злой гений, коварной лестью увлекающий людей в мир болезни, несчастья и горя для окружающих близких и, наконец, смерти? Я не знаю”². И нет сомнения, что это — не риторическая фигура. Он (человек исключительной честности) и вправду не знает. Он огорчен. Он понимает, что это иная литература, не такая, какой должна быть честная русская литература на рубеже XX века: она не учит. Где мораль, концепт, о чем это? Тогда все знали, зачем и о чем “Гамлет” и “Дон Кихот” (о “Дон Жуане” не было достаточно твердого мнения, но, в общем, было ясно, что он не зря проваливался в ад).

Сомнения возникли позже. Интерпретации демонстрировали исключительное богатство вариантов понимания и одновременно столь же исключительные смысловые возможности классических литературных текстов. Не прекращались и попытки аллегорических (по басенной модели) трактовок.

Есть у Тургенева блестящая новелла “Песнь торжествующей любви”. Два друга любят девушку, она избирает одного из них, Фабия, а другой, Муций, — уезжает на Восток. Фабий и Валерия живут тихо и счастливо, вот только детей у них нет, но в этом ли главное? Главное — любить друг друга... Проходит несколько лет

¹ См.: Лермонтов М. Ю. Собр. сочинений. В 4-х т. Л., 1981. Т. 4. С. 275.

² См.: Русское богатство. 1900. № 4. С. 132—133.

и вдруг возвращается Муций, сдержанный, смуглый, с немой слугой-малайцем (немой, да не глухим — ему обрезали язык, чтобы он никому не мог сообщить некую великую тайну, которая стала ему известна). Супруги рады старому другу, он остановился у них, показывает маленькие восточные чудеса, делает им подарки, замечательно играет на скрипке. Играет он и мелодию, это она — “Песнь торжествующей любви”. Она обладает колдовской, мающей силой. Муций играет ее и по ночам. И с закрытыми глазами уходит к нему с супружеского ложа Валерия, уходит не просыпаясь... Муж проснулся, бросился в сад, увидел Муция и ударил его ножом. Валерия просыпается, ничего не помня, но с чувством огромного облегчения. Фабий идет в комнату Муция, он понимает, что убил его... Малаец его не пускает. Фабия удается подглядеть, как колдует малаец, как подчиняется ему безжизненное тело. Наутро они уезжают, Муций едет верхом с полузакрытыми тусклыми глазами.

Все миновало. Валерия как прежде сидит за клавином, она любит играть (уже несколько недель прошло, переживания позабылись, Фабий ничего ей не рассказал). И вот под ее пальцами против ее воли зазвучала “Песнь торжествующей любви”, и она почувствовала в себе трепет пробуждающейся жизни.

“Что это значит? Неужели же...”

На этих словах обрывается рукопись¹.

Так заканчивает новеллу Тургенев, поясняя, что просто перевел старинную итальянскую рукопись... Это, понятно, не более чем прием. Ничего он не переводил. Просто это было написано в соответствующем стиле и безумно увлекательно, ярко, пугающе сильно.

В России (Тургенев жил тогда во Франции, где его вещь оценили сразу крупнейшие мастера) происходили бурные события. Освобождение крестьян, нигилисты, реакционеры, трон шатается. А Тургенев неожиданно печатает “Песнь торжествующей любви”, причем противиться силе впечатления, которое она оставляет, просто очень трудно. Как же это объяснить, ведь она не о том, не про то, что волнует общественность. Ищут объяснения. Находят.

Тургенев в письме к Анненкову от 5 мая 1882 г. писал, что “в России разгадали настоящее значение “Песни торжествующей любви”: Валерия — это Россия; Фабий — правительство; Муций — который хотя и погибает, но все же оплодотворяет Россию, — нигилизм; а немой малаец — русский мужик (тоже немой), который воскрешает нигилизм к жизни! Какова неожиданная аллегория?!”. Сейчас это смешно читать, а ведь вопрос принципиальный. Как же

можно, не “отражая действительность”, так взволновать читателя? Вот отсюда и неожиданная аллегория.

Есть и другое объяснение: Тургенев, автор “Дыма”, “Нови”, “Отцов и детей”, просто не мог не “отражать действительность”. Вот он ее и отразил. В зашифрованном виде. Почему в таком виде? А искусство по своей природе есть способ превращать “прямыки в обняки”¹.

И еще объяснение... Я не буду их перечислять, потому что все они говорят о чем угодно, только не о “Песни торжествующей любви”.

Так о чем же эта “Песнь”?

А о любви.

И все-таки было нечто в этой новелле, что побудило Гумилева написать:

Чума, война или революция —
В пожарах села, луг в крови,
Но только б пела скрипка Муция
Песнь торжествующей любви.

Написано это было в тихом 1912 году. Ни войны, ни революции, ни горящих сел, и “след кровавый” не “стелется по сырой траве”. Да ничего этого нет. Но что-то скрывалось в этой новелле, какое-то “несмотря ни на что”, и ощущалось — смутно, но ощущалось. Чувствуется это и теперь.

Соответственно не следует делать вывод, что, например, “1984” Джорджа Оруэлла — роман о любви и пытках, хотя там вдоволь того и другого. Смысловый центр романа неотвратимо перемещается в сторону генерального его вывода (я не буду его приводить и обсуждать). Скажу лишь, что он связан с самой природой человека.

Как и “Сон Попова”, хотя здесь вроде бы все другое — иное время, иная страна, иные люди. И все же это — не пустое сопоставление.

Перу Алексея Константиновича Толстого, замечательного поэта и драматурга, принадлежит сатирическая поэма “Сон Попова”, которую я вам искренне советую прочесть. Видному чиновнику Попову снится, что он пришел на прием к министру без штанов. Все остальное на месте, штанов нет. Уйти не успел — уже входит министр. Он, как мы сказали бы теперь, демократ:

Мой идеал — полнейшая свобода.
Мне цель — народ, а я слуга народа.
Прошло у нас то время, господа,
Могу сказать — печальное то время —
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя...—

¹ Последнее, кстати, верно. В искусстве косвенное действует сильнее прямого, и это один из главнейших его законов. Всякое искусство условно.

¹ См.: Красный архив. 1929. Т. 1 (XXXII). С. 198.

говорит министр. Узнаете? Не верится, что уже сто с лишним лет прошло. И цель вполне современная:

Имушим, так сказать, и неимушим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь вам понятно, господа?

Одним словом, болтовня. Причем хорошо знакомая — не цитирую. Ничего же не меняется, или, точнее говоря, “чем больше все меняется, тем больше все остается тем же самым”. (Перевод этой пошлости, пожалуй, неуклюж, но суть ее ясна). Вернемся к министру и Попову.

Министр увидел Попова без штанов. Разгневался невероятно. Решил, что Попов таким символическим путем решил изобразить бюджет: все, что выше пояса — расходная часть, а ниже — доходная. Доходы “блистают полным отсутствием”. Да и вне всяких там аллегорий — как он смел прийти без штанов в министерство? И немедля велит отвести его в “весьма красивый дом”,

Своим известный праведным судом.

А зачем, спрашивается? Да все за тем же:

Чтобы его — но скрашиваю речь —
Чтоб мысли там внушить ему иные.
Затем ура! Да здравствует Россия!

Руководитель органов даже и не требует от него “признательных показаний”, и так сразу видно, что — преступник, а немедля ставит классический вопрос: где сообщники?

...всех их назовите
И собственную участь облегчите!

Попов достойно и наивно отвечает:

Ведь панталон-то не надел я сам!
И чем бы вы меня там не пугали,
Другие мне, клянусь, не помогали.

— Ах, вот как! — говорят ему. — Хорошо. Перед вами бумага и перо.

Далее у Толстого следуют знаменитые строки, которые сто с лишним лет повторяют:

Пишите же — не то, даю вам слово,
Чрез полчаса вас изо всех мы сил...
Тут ужас вдруг такой объял Попова,
Что страшную он подлость совершил:
Пошел строчить (как люди в страхе гадки)
Имен невинных многие десятки.

Попов строчил сплеча и без оглядки.
Попали в список лучшие друзья.
Я повторю: как в страхе люди гадки —
Начнут, как Бог, а кончат, как свинья!

Прочитав все, что написал, Попов пришел в ужас и проснулся...

Концепт поэмы А. К. Толстого “Сон Попова” непосредственно в тексте не объявлен. Поэма — не басня. Но концепт у нее, само собой разумеется, есть. Только вот — какой? Лев Толстой говорил: “Смысл его поэмы в том, что самодержавие — кошмарный сон, оно так нелепо, что даже Попов без панталон может показаться ему опасным. Но надо сделать небольшое усилие, чтобы проснуться от этого кошмара, и ничего от него не останется”. Видно, что и стражи, и критики режима равно считали его крайне неустойчивым.

Более того, если вспомнить, как от легкого, в сущности, толчка рухнуло и осыпалось российское самодержавие в феврале 1917 года², видно, что у Льва Толстого были основания характеризовать концепт поэмы именно так, как он его характеризовал.

Кто знает, может и автор поэмы так думал.

Писал, однако, свою поэму Алексей Константинович Толстой в 1873 году. Еще до Александра III. О царевубийствах и революциях рассуждали тогда теоретически. Потом все это произошло. А тогда о деле Дрейфуса и помыслить никто не мог, не то, что о контрразведках, чрезвычайных комиссиях, гестапо и НКВД. Оказалось, что от кошмара очнуться невозможно. Великий русский писатель пишет роман об Иисусе, Пилате, Дьяволе, Мастере и Любви (и здесь дело не обходится без показаний и руководителя контрразведки), роман увлекательный и сложный, но с объявленным концептом. Он незатейлив: “Трусость — самый страшный из пороков”.

Не этот ли концепт доминирует в “Сне Попова”?

Время покажет.

Там ведь и еще ряд любопытных мыслей есть. Они любопытны и сами по себе, и тем, что они, как оказалось, регулярно всплывают на поверхность общественного сознания. Прочитаете и сразу заметите, по крайней мере, еще два вероятных концепта. Я их вам называть не буду.

**Текст
и его
существование**

Рассмотрим вопрос о существовании текстов. Начнем с примера. Но сначала войдем в содержание.

Америка. Наши дни. Пригородный поезд, полупустой вагон, в нем всего пятеро

¹ Сергеевко А. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Наука и жизнь. 1979. № 1. С. 149.

² “Этот переворот явился зрелым плодом, упавшим с дерева”, — говорил в марте 1917 г. А. И. Гучков. (Гучков А. И. Корабль потерял свой курс. М., 1991. С. 32).

пассажиров. Сейчас — на протяжении буквально одной страницы — мы о них кое-что узнаем. Кое-что, а может быть и многое. Итак, выходит контролер.

— Билеты, — произнес контролер.

— Воздух, — сказал Дортмундер.

Контролер остановился в проходе с компостером в руке.

— Что?

— В вагоне нет воздуха, — пояснил ему Дортмундер. — Окна не открываются, и воздуха не хватает.

— Вы правы, — ответил контролер. — Могу я посмотреть ваши билеты?

— Сможем мы получить немного воздуха?

— Об этом надо спрашивать не меня. Железная дорога гарантирует ваш проезд. Воздух она не гарантирует. А мне нужны ваши билеты.

— А мне нужен воздух, — сказал Дортмундер.

— Вы можете сойти на следующей станции, — предложил контролер. — На станции воздуха полно.

Келп, сидящий рядом с Дортмундером, потянул его за рукав.

— Брось. Это ничего не даст.

Дортмундер посмотрел на лицо контролера и понял, что Келп прав.

Он пожал плечами и протянул свой билет. Келп сделал то же самое. Контролер пробил их билеты, потом пробил билет Марча, сидящего напротив Гринвуда и Чифуика. Так как кроме этих пятерых пассажиров в вагоне не было, контролер медленно двинулся по проходу и вышел из вагона, оставив их одних.

— Общение с такими типами удовольствия не доставляет, — заметил Келп.

— Это верно, — сказал Дортмундер, оглядываясь кругом. — Оружие есть?

Келп возмущенно запротестовал.

— Дортмундер! Ведь парень не виноват, что здесь не хватает воздуха!

— О чем ты?... У кого есть оружие?

— У меня, — ответил Гринвуд, доставая из кармана "смит-ивессон", пятизарядный короткоствольный револьвер 32-го калибра, и протянул его рукояткой вперед.

— Спасибо. — Дортмундер взял оружие, перевернул револьвер так, чтобы держать за дуло. — Прости, — сказал он Келпу и, перегнувшись через него, ударил рукояткой по стеклу.

— Эй! — воскликнул Келп.

— Воздух! — Дортмундер отдал револьвер Гринвуду. — Большое спасибо.

Гринвуд казался несколько смущенным.

— К твоим услугам, — ответил он, разглядывая рукоятку в поисках царапин. Царапин не оказалось, и он спрятал оружие в карман.

Воскресенье, десятое сентября. Ярко светило солнце, и в свежий воздух, врывающийся в разбитое окно, влетались острые ароматы позднего лета. Поезд, мирно постукивая, катил со скоростью тридцать километров в час, давая пассажирам возможность насладиться загородным пейзажем¹.

Пусть поезд уходит. Все интересное у них впереди, и очень интересно их *понимать*.

Обратите внимание, сколько многое сказал нам автор (Дональд Уэстлейк), ни слова не сообщив сверх точного описания происходящего.

Эти хорошо одетые молодые люди готовы на многое. Каков этот Дортмундер! Причем, заметьте, другие знают, что от него можно всего ожидать, и никогда не известно, что же именно он сейчас сделает. Но он сделает. Ему душно — он обращается к кондуктору. Тот нахамил — он берет револьвер. Кто его знает, что он будет делать. Может быть, убьет кондуктора. Может быть, выбьет стекло. Остановить его нельзя. Это характер. А Гринвуд? Простят оружие — он даст. Его интересует только, не поцарапали ли рукоятку "смит-ивессона": он его любит. Или Келп. Этот добродушный общительный малый хорошо знает, зачем спрашивают "у кого есть оружие?". Они все друг друга знают. Просто двое вообще ни слова не говорят. Невозмутимы. Дышат свежим воздухом. Наслаждаются ароматами позднего лета.

Это гангстеры.

Это сильные, уверенные в себе люди и — автор это очень тонко показал — абсолютно не уважающие общества.

И это ситуация.

Вся наша жизнь может быть представлена в виде серии сменяющих друг друга, все чаще повторяющихся ситуаций. Потом приходит последняя — ситуация смерти.

Это *скрипт* нашей жизни. А вот содержательная сторона происходящего, его причина — это *фрейм*.

Но сейчас речь идет о тексте.

"Ситуация может быть представлена в виде последовательности элементарных событий, сочетающихся по определенным правилам. Точно так же ситуации, сочетающиеся по определенным правилам, образуют последовательность, называемую сюжетом". Весь роман Уэстлейка и построен в виде серии таких ситуаций.

Скрипт здесь отождествлен с сюжетом, во-первых, по существенно значимому признаку, а, во-вторых, "в данном случае речь идет о возможности автоматизации таких видов создания литера-

¹ Иванов Вяч. Вс. Некоторые вопросы машинного перевода в СССР // Доклады конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. М., 1961. Вып. 10. С. 18.

турных сочинений и фильмов, которые при определенных условиях являются наиболее эффективными и содержат наименьшее количество информации (последние два обстоятельства связаны между собою и сопряжены со степенью распространенности этих видов литературы и искусства...”¹

В данном конкретном случае мы имеем дело с текстом, который принадлежит к числу сюжетных, таких, как “худониты”, “хаудониты” и “вайдониты”. Они нам не слишком знакомы, но еще найдут распространение, их следует знать. Эти термины непосредственно связаны с четвертым — “фриллер” (у нас обычно пишут “триллер”).

Вот слова Альфреда Хичкока, режиссера, с именем которого связано утверждение в кинематографе новой сюжетной структуры, получившей название “триллер”: в классическом детективе “нет напряженности, там имеется лишь нечто вроде интеллектуального расследования. “Whodunit” вызывает любопытство, начисто лишённое эмоций, а переживание есть необходимая составная часть напряженности”².

Хичкок предъявляет классическому детективу серьезный упрек: он обвиняет его в неумении (или, скорее, нежелании) взволновать. В соответствии с американской традицией в качестве синонима термина “тек” (детектив вообще, включая английский классический) Хичкок использует термин “Whodunit”, образованный из выражения “Who’s done it?” (Кто это сделал?). По типу построения сюжета в детективе различаются еще “Howdunit” и “Whydunit”, возникшие из речевых оборотов “How’s he done it?” (Как это он сделал?) и “Why’s he done it?” (Почему он это сделал?). Хичкок имеет в виду все три.

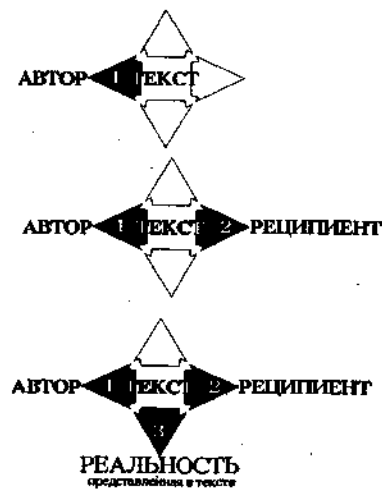
Все сюжетно организованные, да и вообще едва ли не все, тексты образуют смысловые системы.

Смысловые системы имеют ряд конкретных признаков. Прежде всего, это системы соотносимые. Так, существенным признаком осмысленности текста является его соотносимость с некоторыми другими текстами; в простейшем случае эти другие тексты — вопросы. Осмысленный текст содержит ответ на некоторые конкретные вопросы, а бессмысленный — нет. Хотя он может состоять из тех же самых слов и даже фраз, ответов на последовательную серию вопросов в нем нет, он не упорядочен в смысловом отношении. Смысловая упорядоченность — это определенный (и довольно высокий) уровень отражения действительности. Необходимое условие смысловой упорядоченности — это отражение действительных объектов и связей между ними как неравнозначных. В смысловом анализе метафора “цепь событий” обретает терминологическое

значение. Цепь — это смысловая характеристика двух модально-стей взаимосвязанных событий: во-первых, связи между ними неравнопрочны, во-вторых, это связи между значениями этих событий.

То, что действительные явления и связи между ними семантически неравнозначны, имеет принципиальное значение для понимания действительности и продуктивной деятельности. Когда архитектор говорит о “смысловых узлах” сооружения, он имеет в виду существование таких его звеньев, в которых концентрируются, переплетаются важнейшие связи между элементами сооружения как системы. Когда психолог говорит, что “сознание в целом имеет смысловое строение”, он имеет в виду и его “отношение к внешнему миру” и то, что оно “имеет системное строение”. Именно через соотношение с действительностью смысловые системы участвуют в регуляции деятельности. Процессы, происходящие в реальной действительности, действительные события и связи между ними неравнозначны с точки зрения человеческой практики. Но отсюда еще не следует, что их надо рассматривать только под углом зрения “личностных смыслов”. События значимы объективно, сами по себе. Событие тогда становится главным, когда оно способно определяющим образом повлиять на будущее. Обращение к динамике существования систем, их понимание в контексте направленного движения является принципиально важной особенностью глубинного понимания мира.

А глубинное понимание мира включает в себя и понимание реальности, и понимание самого человека, и понимание дел его. И понимание слов его, конечно, тоже.

¹ Там же. С. 19.

² Truffaut F. Le cinema selon Hitchcock. Paris, 1966. P. 53.

Смысл — это такое отражение реальности, которое может стать и становится ее частью — как текст, как деятельность; смысловые системы непосредственно или опосредованно соприкасаются с реальностью, остаются мостом, соединяющим ее с сознанием личности. Тексты — такие мосты.

Текст — это смысловая система, которая существует в пяти отношениях, три из которых — основные.

Первое отношение: коммуникатор — текст.

Например, автор.

Например, Лермонтов.

Поручик Лермонтов в расстегнутом сюртуке, в давно не стиральной красной рубашке. Заломив фуражку с выгоревшим холщовым верхом, он исполнял возложенные на него поручения с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших врывался в неприятельские завалы. В студенческие годы он был влюблен в Вареньку Лопухину (“у Вареньки родинка, Варенька уродинка!”), которая зевала за пальцами, слушая его стихи. От “нее осталось мне только одно имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву”.

И я твержу один, один.

Люблю, люблю одну...

“Никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице его перед дулом пистолета, уже направленного на него”, — вспоминал секундонт.

“Положительного религиозного смысла, может быть, и не имеет его бесстрашие, но оно все-таки кладет на личность его неизгладимую печать подлинности: хорош или дурен, он во всяком случае не казался, а был тем, чем был. Никто не смотрел в глаза смерти так прямо, потому что никто не чувствовал так ясно, что смерти нет”¹. Мне чудится неизмеримо большее: он знал, что смерть есть. И накануне поединка играл с Эмилией Александровной в “кошки — мышки”.

Это автор.

А вот текст:

Ну вот теперь у вас для разговоров будет

Дня на три тема.

И верно в вас к себе участие возбудит

Не Миллер — Эмма.

Экспромт представляет затруднения для понимания, но они легко устранимы, если учесть, что сказано это уже после ссоры с Мартыновым, после вызова. Ми(хаил) Лер(монтов) — Миллер, а М(ихаил) Ма(ртынов) — ЭММа.

Теперь второе отношение: текст—аудитория.

Есть такие тексты, которые жили и будут жить тысячи лет, актуализируясь в сознании слушателей, в сознании аудитории.

Если я правильно понял Алена Бадью, связка *искусство — наука — политика — любовь*, внутренне обусловленная поиском и утверждением истины, все более замещается связкой *культура — техник — управление — сексуальность*, обусловленной существованием прочно обрамляющей ее рекламы, то есть блоками текстов, воздействующих на аудиторию. Реклама воздействует мощно и это связано с тем, что саггитальные свойства рекламного текста образуют сцепку товар — покупатель. Возможно, права О. Тимофеева¹, предполагающая, что по структуре своей рекламные тексты — это наши сны наяву: не подобие снов, а именно коллективные сновидения, свойственные, добавлю, глобальной цивилизации, эпоха которой уже наступила. Вам известно слово «землепользование». Так вот, по аналогии, цивилизацию можно назвать «жизнепользованием». Жизнь, как и то, что ее порождает — два пола — даны человеку природой, и он пользуется жизнью. Точнее, цивилизация — это исторически определенная форма жизнепользования.

Жизнь принадлежит к числу восьми экзистенциальных благ и, в силу этого, обладает огромными мотивационными возможностями. Настолько большими, что они требуют контроля в процессе их реализации.

Поставим вопрос: зачем цивилизация? (в чем ее функция?). Цивилизация есть система самосохранения общества, задающая известные формы удовлетворения человеческих потребностей. Но что это значит? Это значит, что в обществе постоянно действуют силы, способные его разрушить. Эти силы связаны с удовлетворением потребностей людей. И только цивилизованным путем можно смирить эти силы, потому что человек способен удовлетворять свои потребности за счет других.

Тексты, точнее — их воздействие, смиряют; пробуждают и ориентируют желания, именно в этом экзистенциальное значение рекламы. И хотя реклама по-испански *propaganda*, значение пропаганды состоит, возможно, в том, чтобы пробуждать и направлять *сущностные силы* человека в интересах социальных групп и организаций. Пока исторический опыт воздействия пропагандистических текстов многие склонны оценивать негативно. Но будущее покажет, что пока существуют массы, будут существовать пропаганда.

Обратимся к третьему отношению: текст—реальность, в той форме, в какой оно нашло преломление в творчестве Евгения

¹ Мережковский Д. С. Поля. собр. соч. — М., 1901. Т.10. С. 311.

См. Тимофеева О. Испытание бредом. — Искусство кино, 2004, 7.

Рейна, “трагического элегика”, как называл его не так давно Иосиф Бродский.

Реальность берется (в данном случае) в контексте историческом.

С начала века Япония упорно шла вверх. Цусима, Порт-Артур — русские терпят поражение. Новая война. Шанхай, Пекин, Нанкин — Китай близок к краху. Он еще не побежден, но адмирал Ямамото решил выиграть войну ударом по Америке и посчитал это возможным при одном условии — если она начнется внезапно.

И моряки, и авиаторы сомневались в успехе. Но Ямамото остался тверд. Он шел на большой риск и знал это. 7 декабря 1941 года американский флот потерпел величайшее поражение в своей истории. Ямамото добился своего. Американское командование знало — такого флотоводца, как Ямамото, у японцев нет и больше не будет — такие рождаются раз в сто лет. Американской разведке стало известно, что адмирал вылетел на один из островов Тихого океана. Истребительной авиации был дан приказ — “перехватить и уничтожить объект”. Над берегом маленького острова перехватчики настигли и сбили самолет, в котором летел Ямамото, и он упал в лес, ломая деревья. Он и до сих пор лежит там, в чаще, упершись обломками крыльев в мощные стволы пальм, словно пытаясь подняться. А в землю уходит покрытая маленькими иероглифами плита: “Здесь погиб в бою...”.

Саксофонист, японец, типичный самурай

Играет на эстраде “Живи, не умирай”.

А ну, скажи, Цусима, ответь мне, Порт-Артур,

Махни косою, раскосый, из этих партитур.

Там, в Тихом океане, торпедный аппарат.

Неужто нет возврата куда-нибудь назад?

Надень свои петлицы, сними свои очки,

Одной засохшей клумбы мы оба червячки.

Прошло полвека.

Над пушками линкора последний твой парад

Неужто нет возврата куда-нибудь назад?

Что скажет Ямамото в открытый шлемофон?

Чем кончится проклятый, проклятый марафон?

Ты рухнешь над заливом на золотое дно...

Сыграй мне на прощанье — уж так заведено,

Скажи на саксофоне — рай это тоже ад?

Неужто нет возврата куда-нибудь назад?

Это великая проблема. Может быть, проще всего заявить, как это сделал Фукуяма, что история человечества закончилась вообще? И будут уже не нужны ни герои, ни линейные корабли, ни великие империи, а только всеобщая рыночная экономика, мир, в котором все продается и покупается: и вещи, и женщины, и музыка, и человеческая жизнь. В этом ли идеал? “Неужто нет возврата куда-нибудь назад?”

Но почему же назад?

Проблема состоит в том, что тот, кто не находит идеала в будущем, ищет его в прошлом. Это непреложный закон исторической психологии. И каково его значение для нашей с вами реальной жизни — это нам еще предстоит узнать. Это и от нас зависит. От всех.

Существует “пушпульный”, как говорили в 30-е годы, метод понимания текста (от англ. push-pull, что переводят как “тяги-толкай”, но смысл этого выражения шире). Согласно этому методу, действительность сопоставляется с текстом дважды: в первый раз реалии освещаются текстом, мы видим их по-новому; потом мы снова обращаемся к содержательной и смысловой сторонам текста. Вот, например, ряд выдержек из работы филолога В.Турбина “На рубеже молчания”:

“Крупнейшая трагедия современности — в необратимом разрыве функций отца и учителя; масштабов ее мы еще не представляем себе.

...И отсюда трагедия Тараса Бульбы: возжелавши стать учителем своих сыновей, отец ищет единомыслия с ними. И удел его — провал, катастрофа.

Жутковато сходство гоголевского героя с нашим отцом и учителем, оно до деталей, до мелочей простирается. Два сына и один погибает во вражеском плену, а другой — вертопрах, карьерист, да к тому же и по части прекрасных паночек, насколько мы знаем теперь, не промах; к полякам, правда, не перешел, но продолжателем дела отца не стал. Беспощадно грубое отношение к жене, к женщине. Причастность к образованию в духовной семинарии. Громоздкий произнесенный тост за русский народ. И далее — вплоть до характерных элементов портрета: усы, трубка, красочно описываемая всеми биографами. Горемыки эски звали Сталина “Усатый батька”. А люди моего поколения помнят: осенью 1941 года Николай Смирнов-Сокольский выступал с патетическим фельетоном, в котором наш отец и учитель напрямую отождествляется с героем Гоголя (в те поры почтительная фамильярность с ним еще допускалась). “Но трубка трубкой, а главенствует, разумеется, сходство

социально-психологических функций". "Свято место пусто не бывает", — продолжает В. Турбин, переходя к тому, как с "удивительной точностью" подтвердили его "гипотезу-концепцию" (так он определяет свою идею) воспоминания А. Авдеевко, которого раз вызвали в ЦК, дабы критиковать, что в те времена могло кончиться плохо.

"Нас пригласили куда-то: проходите!... Мы... вошли в какую-то узкую дверь, миновали тамбур, прошли коридор и попали в большой, ярко освещенный зал. За столами, друг против друга — каждый за отдельным столом — сидят люди. На возвышении, за светлым дубовым столом никого нет. Слева от возвышения — трибуна. Это зал заседаний Оргбюро ЦК ВКП(б). Но одновременно догадка вдруг вспыхивает: да это же... школа! Узкая дверь — тамбур — коридор; повторена структура стандартной сельской школы, средней общеобразовательной школы. А где тождество структур, там, как правило, есть и тождество функций: в зале-классе как бы к доске вызывают; и попавшиеся, уличенные в пагубных замыслах школьники, пытаются оправдаться, лепечут, бормочут что-то; так пытались что-то пробормотать и бедняга писатель. Зря пытался..."

Заметьте здесь основную формулу: "где тождество структур, там, как правило, есть и тождество функций". Она объясняет, зачем проводить операцию сравнения. Тут любопытно, что и у А. Авдеевко в свое время возникли такие же аналогии, как у В. Турбина.

"Почему он один по-хозяйски расхаживает по залу, а все сидят, затаив дыхание, ни живы, ни мертвы? Почему один чувствует себя свободным, а все сами себя добровольно сковали? Похож на учителя с указкой в виде курительной трубки, а все — на провинившихся школьников-первоклашек".

Далее у Турбина следуют соображения неожиданные и странные, но любопытные. "Бульба — образ автобиографический. Герой Гоголя потерпел катастрофу как учитель и как отец. Тем не менее Гоголь всю жизнь своей стремится его повторить: стать отцом всех неприканных, грешных героев своих, их учителем-духоносцем. В этом видел он свою миссию, отсюда-то и попытка его создать сакральный текст: "Выбранные места из переписки с друзьями". Но если не осуществилось у Гоголя на основе ревности чтимого им христианства, могло ли осуществиться на основе принципиального атеизма? Наш отец и учитель тоже всю жизнь создавал сакральный текст: и "Вопросы ленинизма" — что-то вроде "Выбранных мест...", изучение которых и следование которым уже чисто административно было вменено в обязанность верноподданным — "детям". Все стало прочно, незыблемо, и "Усатый батька" превзошел и Тараса Бульбу, и создателя этого эпического образа. Всех обучил. И, кстати, вовсе не случайность, не какая-то прихоть деспота его труды по вопросам языковедения: появились они потому, что учитель

должен обучать несмышленишей-детей языку, родной речи. Вся страна была превращена на какое-то время в единую классную комнату, и в самых отдаленных колхозах, обобранных и голодных, председатели и парторги-крестьяне, про себя чертыхаясь, обязаны были одолевая премудрости рассуждений о происхождении русского языка из орловско-курского диалекта. Но грянула и моральная катастрофа. Моральная катастрофа Сталина была предсказана ровно за 101 год: Гоголь умер в начале марта 1852 года. Сталин — в начале марта 1953".

Вообще говоря, тут все спорно, и недаром Шкловский говорил, что аналогии в науке методологически ненадежны, ведь если судить "по аналогии" с твердыми телами, вода, охлаждаясь, должна бы сжиматься — а это, как вы знаете, совсем не так.

Но суждения В. Турбина, хоть они и вполне оспоримы, обладают большой эвристической силой: иначе говоря, они побуждают искать у текста, выступающего как система, точки смыслового и содержательного соприкосновения с реальностью.

Мнения о гипотезе В. Турбина различны, но все сходятся на том, что он правильно уловил присущую текстам Гоголя сагиттальную силу.

Что это значит — "сагиттальная сила"? Этот термин происходит от латинского *sagitta* — "стрела" и отражает особое свойство текста находить себе "мишени" в реальности. Очень точно могут быть обозначены мишени в публицистических статьях. Но на самом деле их сагиттальная сила невелика и может быть исчерпана за один день, как это зачастую и бывает с газетными статьями.

Художественная и научная литература — дело другое. В. Турбин нам это убедительно проиллюстрировал. Прав ли он — это уже иной вопрос, его надо обсуждать особо, потому что его решение выходит за рамки понимания содержания и смысла текста и переходит в сферу понимания того, что происходило на самом деле.

А вот что происходит в самом тексте?

Сагиттальные свойства текста связаны с расположением его элементов по стреле времени, с тем, что у него есть начало и конец. Казалось бы, стоит ли терминологически фиксировать столь очевидные вещи. Но дело в том, что наука вообще не чурается очевидного как предмета исследования; ведь если какие факты (и связи между ними) лежат на поверхности, это никак не означает, что по поверхности должно скользить их понимание.

Что, например, может быть более явным и более очевидным, чем сагиттальные свойства текста, известного читателю со школьных лет, — текста гоголевского "Ревизора"? Вы помните, что незадачливый городничий принимает за ревизора некоего Хлестакова, живущего со слугой Осипом в гостинице и порядком задолжавшего за номер. Долги Хлестакова служат городским чиновникам удобным

поводом для того, чтобы “помочь проезжающему” — ему дают взятки; за очень короткий срок он довольно подробно знакомится с положением дел в городе: ему врут, конечно, но ему и жалуются, он узнает всех, кто торгует, отвечает за порядок, лечение, учение... Хлестаков ведет себя с вызывающим легкомыслием, но нет, никто ничего не хочет замечать, он скоропалительно делает предложение дочери городничего, уезжает под пустым предлогом. Из случайно перехваченного письма (впрочем, не столь уж случайно: местный почтмейстер вообще любит почитывать чужую корреспонденцию), одним словом, из письма, вскрытого почтмейстером, явствует, что вся чиновная верхушка во главе с городничим одурачена. Все поражены. Вдруг входит жандарм: “Прибывший по именному повелению ревизор требует вас к себе! Он остановился в гостинице”...

Немая сцена.

Так вот, в постановке Игоря Терентьева немая сцена воистину потрясала. Слова: “Он остановился в гостинице” магически (не подберу другого слова) возвращали зрителя к началу пьесы. Звучала странно знакомая интонация. В голубом мундире жандарма перед городничим, перед чиновниками, перед нами стоял... Осип.

И становилось ясно: Хлестаков на самом деле был ревизором. Он провел и изобличил городничего и его приспешников с вызывающей уверенностью. Беззакония творились у него на глазах и, можно сказать, при его участии (в сущности такие методы применяются и поныне: ФБР изобличает взяточников с помощью подставных взяткодателей. Подобные методы никак нельзя назвать этичными, но это уже другой вопрос).

Вы вправе возразить, что Гоголь подобную интерпретацию в виду не имел. Бесспорно. Его интерпретацию все читатели знают хорошо — но глубоко ли они понимают мысль Гоголя? Ведь “Ревизор” — название не случайное. И даже более эффектные приемы были предложены до Гоголя: например, внезапно заболевшего актера, в орденах, положенных ему по роли, в провинции принимают за генерала, приехавшего из столицы. Но не сюжетные ухищрения — главное. Главное в том, что для нас, зрителей, Хлестаков действительно проводит сжатую, содержательную, блестящую *ревизию* дел и нравов верхушки провинциального городка. Никто и никогда не смог бы так полно рассказать официальному ревизору, авторитетной комиссии суть всего, что происходило в этом маленьком городе. Были бы сотни жалоб, тысячи отрицаний, опросов, опровержений, хитростей — и тянулось бы это годами, каждый из нас знает медлительную тяжесть таких запутанных дел и ситуаций. А нахальный, пустой, обаятельный малый буквально за считанные часы высветил нам все самое главное. В этом смысле (переносном, метафорическом) он и вправду ревизор.

Эту метафору Терентьев овеществил. Он помог нам задуматься над сюжетной функцией образа Хлестакова. Как это было сделано? Путем обращения к последовательности смысловых элементов, составляющих текст. Значение одного из элементов (явление жандрама) было изменено. И разом изменился взгляд зрителя на смысл и структуру пьесы.

Здесь была предпринята дерзкая попытка углубить понимание текста, придав закрепленной в названии метафоре буквальный смысл.

Видите, как непросто дело обстоит с пониманием одного только текста как смысловой системы.

**

*

Читатель, видимо, обратил внимание на то, что мы работаем по преимуществу с текстами, понимание которых относимо к 3-ему, нарративному полю понимания.

Эксперимент показывает, что тексты этого — повествовательного — мира обладают значительно большим трансляционным потенциалом, они лучше запоминаются и поддаются пересказу, нежели гораздо более компактные, последовательные и связные тексты мира доказательных суждений.

Чем это объяснить? Быть может, тем, что понимание повествовательных текстов есть одновременно понимание человеком самого себя. “Большинство людей в основе своего отношения к самим себе — повествователи”¹.

Интереснейшую мысль можно найти у С. Ю. Витте, недаром академик Тарле говорил, что у него “огромный и светлый ум”. Мысль это такая: “Вообще чтобы охарактеризовать человека, то самый лучший способ — это провести его через горнило различных, хотя и воображаемых событий и указать, как по его характеру он в таких случаях поступил бы, то есть написать нечто вроде повести или романа, так как в характере человека есть такие сложные аппараты, что их несколькими словами описать очень трудно”².

В процессе общения мысль выражается в текстах. Понятие “текст” в теории общения употребляется в несколько ином значении, нежели в разговорном языке. Обычно под текстом мы склонны подразумевать тексты письменные, даже печатные. А в теории текстом именуют любое последовательное выражение некоторого содержания, не обязательно письменное. Более того, тексты могут включать в себя не только произносимые или написанные слова. Жесты, мимика, рисунки, условные знаки могут быть органической составной частью текста как выражения мысли. Текст образован со-

¹ Музиль Р. Человек без свойств. М., 1984. Кн.1. С. 729.

² Витте С. Ю. Избр. воспоминания. М., 1991. С. 383.

четанием знаков и представляет собой адресованное, компактное и воспроизводимое выражение некоторого содержания, развернутое по стреле времени (т. е. имеющее начало и конец) и обладающее смыслом, в принципе доступным пониманию; его можно рассматривать в пяти отношениях.

Во-первых, в отношении к действительности, которая в тексте отражена. Таким способом мы судим, например, о том, истинным или ложным является содержание текста, точно ли оно передает факты и т.д.

Во-вторых, в отношении к людям, которым текст адресован и которые должны его понять. Здесь особую роль играет форма выражения мысли.

В-третьих, в отношении к автору текста. Каковы были его мысли и намерения? Как он их выразил? Почему он вступил в общение? Текст позволяет узнать о его авторе многое, а это в свою очередь помогает глубже разобраться в содержании текста.

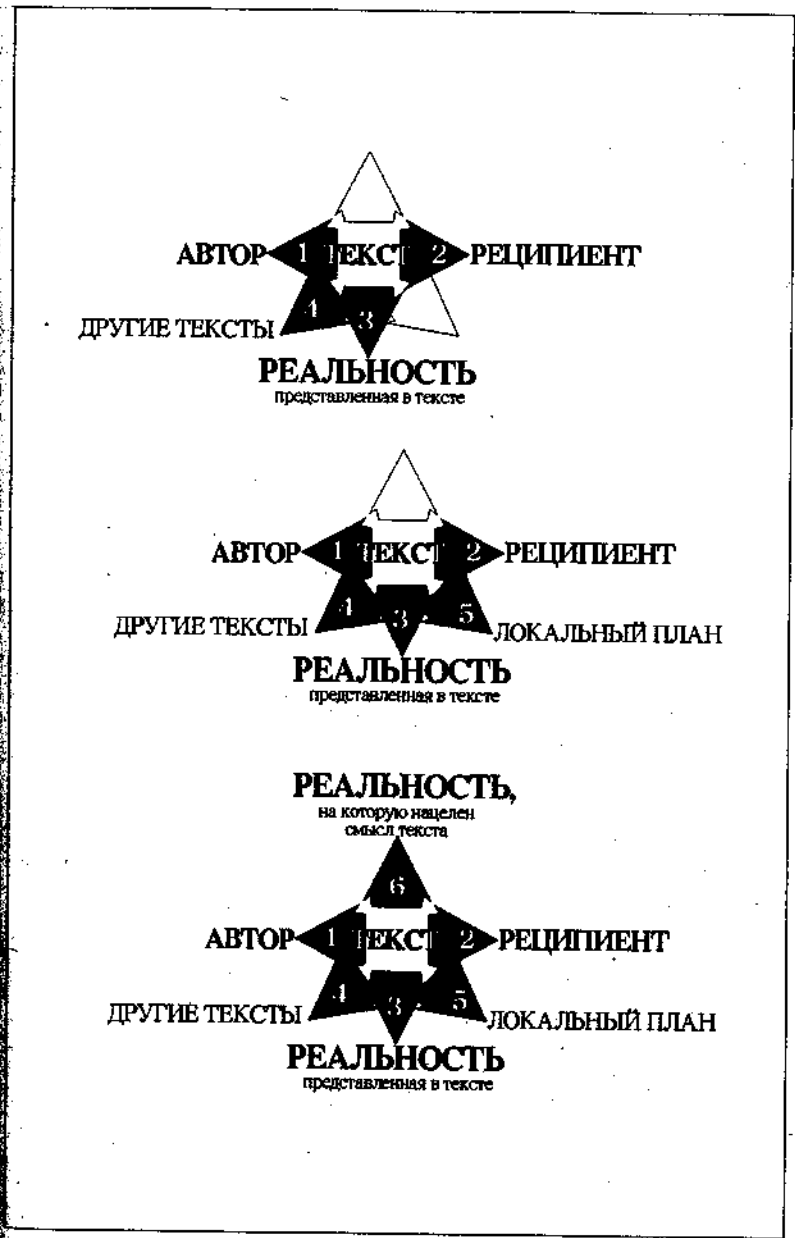
Таковы три основных отношения, существенные для правильного понимания текста.

Для большей полноты анализа учитываются еще два момента. Первый: как данный текст связан с предыдущим и последующим; в какой мере он им соответствует, а в какой — противоречит? Ответ на эти вопросы желателен для правильной оценки текста. Второй: какова конкретная обстановка, в которой был создан и воспринят текст; каков его локальный план? Эти вопросы тоже заслуживают всестороннего внимания.

Смысловое восприятие текста зачастую целиком зависит от локального плана. Локальный план — это определение места, в котором фиксировано выражение смысла. Так, если слова “100 рублей”, написанные на этой странице, и те же слова “100 рублей” на денежной купюре совпадают по лексическому значению, грамматической форме, то по смыслу они весьма различаются. Локальный план, в который вписываются эти слова, совершенно разный. В одном случае это часть текста, в другом случае перед нами сама “сумма”. Значение слов здесь различается по месту фиксации их значения.

Тексты оказывают столь серьезное влияние на мысли и поступки людей благодаря пониманию.

Язык потому и является важнейшим орудием человеческого общения, что он делает доступными пониманию мысли и чувства людей. Нет сомнения в том, что языковая форма выражения чувств и мыслей — не единственная. Это доказывает, в частности, вся история изобразительного искусства. И все-таки язык по праву занимает первое место среди средств человеческого общения. Он обладает высокой надежностью и эффективностью. Ничто не в силах полностью его заменить.

КАРТЫ НА СТОЛ

В глазах Гулливера азарта нагар,
Коньяка и сигар лиловые пути —
В ручки зажав коллекции карт
Сидят перед ним лилипуты.

Николай Тихонов

**Почему
так названа
глава?**

Давид Самойлов говорил, что “поэзия расплывается, как сад в тумане”, стихами “часто камуфлируется отсутствие мыслей, чувств и темперамента. Хочется потребовать, чтобы поэты выложили карты

на стол. Сюжет — это карты на стол. Его нельзя камуфлировать. Он либо интересен, либо нет... Сюжет не только способ организации материала, но и нравственный стержень стиха. Сюжет указывает, как надо или не надо действовать в данных обстоятельствах. Он даёт побуждение к действию.

Он же является способом интенсивного контакта с читателем. Формой уважения к нему. Мне кажется, что в наши времена, когда этот контакт ослабевает, хороша баллада¹”.

Здесь очень верно сказано про сюжет. И очень интересно — про балладу.

Дело в том, что никто еще точно не определил, что это такое. В первом издании “Литературной энциклопедии” о балладе полторы страницы, во втором издании — полстолбца. О ней можно и книгу написать². Не в объеме дело. В общем, раньше это были стихи, исполнявшиеся народными сказителями, певцами, причем припев подхватывали слушатели. Но с течением времени баллада обратилась в стихотворение с сюжетом, который разворачивается стреми-

тельно, напряженно, с содержанием, скорее, мрачным, но способным увлечь читателя. При этом события, о которых идет речь, часто представлены фрагментарно — как ведущие звенья сюжета, легендарного или исторического. Считается (или считалось), что баллада — всегда и прежде всего — нарратив, повествование, рассказ.

Это рассказ драматический, в нем часто представлен диалог. И, наконец, в балладе подспудно или вполне отчетливо выражены темы испытания верности, испытания сил. Тень тревоги падает на балладу и сгущается к ее концу.

Сейчас вы почувствуете силу настоящей баллады.

Королева Британии тяжко больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец...
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
— О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!

— Я клянусь тебе жизнью и тронем моим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ францисканца на панцирь надень,
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах.

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли,
И кадили вдвоем и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покои дворца,
Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.

¹ Самойлов Д. Избранное. Т. 1. М., 1990. С. 514.

² Но лучше просто их читать. Кстати, в хорошем сборнике баллад “Воздушный корабль” (М., 1986) есть и отличное предисловие Вик. Ерофеева — “Мир баллады”.

— Вы из Франции оба, святые отцы? —
Прошептала жена короля.
— Королева, — сказали в ответ чернецы, —
Мы сегодня сошли с корабля!

— Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!
— Кайся, кайся! — сурово ответил монах.
— Кайся, кайся! — ответил другой.

— Я неверной женою была королю.
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!
— Кайся, кайся! — печально ответил монах,
А другой отозвался: — Аминь!

— Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрустала
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы власть напоить короля.

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!...
— Кайся, кайся! — утрово ответил монах,
А другой отозвался: — Аминь!

— Родила я в замужестве двух сыновей.
Старший принц и хорош и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На урода-отца не похож.

А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног...
— Замолчи! — закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

Отшвырнул он распятыя и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шен до пят.

И другому аббату он тихо сказал:
— Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе.

Эту старинную английскую балладу (в великолепном переводе Самуила Маршака) вам предстоит прочесть дважды. Сейчас вы уже поняли ее — как целое. Более того, где-то в глубине сознания начал проступать ее общий смысл, концепт; но баллада не басня, в ней концепт не то, чтобы главное, но остающееся в тени содержания. Содержание в балладе стремительное¹, сильное, мрачное.

Эта баллада называется “Королева Элинор”. Такое название, гордое, звучное, мог бы носить и корабль. Английские моряки, кстати, говорят о корабле “she” — она: редкий случай в языке, где род по отношению к неодушевленным предметам не выражен.

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Итак, британский король женат на дочери или сестре короля Франции. Королева занемогла. Более того, становится ясно, что больна она смертельно. И не просто “дни ее сочтены” — нет, сочтены “дни и ночи”, речь идет о последних сутках ее жизни. Это происходит в эпоху, когда вопрос о загробной жизни волнует людей серьезно. Помните, принц Гамлет, размышляя о том, быть ему или не быть (а ему так тяжело, и надо ли “быть”, когда “так просто сводит все концы удар кинжала”), спрашивает себя: “какие сны в том смертном сне приснятся?” Да, какие сны? А если будет вечно гореть и вечно мучить тебя пламя? Нет, этим рисковать нельзя...

Ада можно избежать. Можно покаяться в грехах перед смертью, исповедаться. Королева хочет это сделать. Но просит, чтобы исповедовали ее не подданные британского короля, не англичане. В чем дело? В том, что французские священники придут и уйдут, вернуться к себе на родину и вместе с ними умрет тайна исповеди?

Да и вообще, как выполнить эту просьбу? Ведь:

...пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец...
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.

Это “и” удивительно. Оно не случайно связывает две совершенно разные, как будто бы мысли — об отдаленности Парижа и о том,

¹ Николай Тихонов даже сказал, что баллада это — “скорость голая”.

что лорд-маршал — одно из самых уважаемых лиц Британии. Двенадцать вельмож!

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
— О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!

Эти двенадцать вельмож показали лорду-маршалу не только знаком высокого уважения. Это конвой. Он скачет к королю и падает на колени. Он молит о пощаде, “если в чем-нибудь согрешил”. И мы сразу же замечаем — короля это особенно не поражает. Король грозен. Не первый придворный склоняет перед ним колени, моля о пощаде. Король знает — здесь все грешны. Не только его вельможи. Возможно, и королева. Готов признать какую-то вину и лорд-маршал, единственный, кому он еще склонен доверять. Но Бог с ним. Он верен, а значит, заслуживает прощенья. Что он мог сделать? Кого-то зря погубил или зря отпустил на волю? Бог с ним. Человека ближе, видимо, нет.

— Я клянусь тебе жизнью и троном моим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим,
И прощенным вернешься домой.
Только...

Вот тут сердце лорда-маршала замирает. Что же потребует от него король, если он, не раздумывая, готов простить ему все?

Только плащ францисканца на панцирь надень,
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах.

Король требует от лорда-маршала не только участия в обмане королевы. Он требует, чтобы они вдвоем обманули Бога, посягнули на то, что безусловно принадлежит только ему — на исповедь, покаяние и душу умирающей. Так можно лишиться и отведенного помазаннику Божию места на небесах. О лорде-маршале тут лучше даже и не говорить. Его склоняют к смертному греху. Но ему не до того. И королю тоже...

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли,
И кадила вдвоем и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покои дворца,
Где больная лежала в бреду.

С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.

Сомнений нет — это францисканцы. Но откуда они так быстро? Хотя Па-де-Кале неширок: от берегов Франции до Дувра меньше двадцати миль...

— Вы из Франции оба, святые отцы? —
Прошептала жена короля.
— Королева, — сказали в ответ чернецы, —
Мы сегодня сошли с корабля.

И вот начинается самое главное — исповедь, то, ради чего король поставил этот страшный спектакль.

— Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!
— Кайся, кайся! — сурово ответил монах.
— Кайся, кайся! — ответил другой.

— Я неверной женою была королю.
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Та пред смертью меня не покинь!
— Кайся, кайся! — печально ответил монах,
А другой отозвался: — Аминь!

Здесь гениален этот эпитет “печально”. Не гнев, не ярость, не отвращение — печаль охватывает сурового короля. И печально ему не оттого, что королева ему изменяла — это он подозревал, ведь недаром он играет роль исповедника, печально потому, что доверять уже некому. Был один человек — он стоит рядом...

А королева продолжает исповедь:

— Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрустала
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы всласть напоить короля.

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!...
— Кайся, кайся! — угромо ответил монах,
А другой отозвался: — Аминь!

С точки зрения земного правосудия королева еще может и не быть признана виновной. Покушение не состоялось, что-то ей помешало. Но Божий суд — дело иное, здесь засчитываются и наме-

рения, и замыслы — все это вина перед Богом. И ее нельзя назвать виной прощительной. Все это настолько чудовищно, что начинает казаться бредовым вымыслом — и я уверен, что эта мысль проносится и в голове короля. Ведь королева лежит в бреду, быть может, все это кошмары больной, умирающей женщины, которая уйдет на тот свет, оставив его в мучительных сомнениях на всю жизнь. Ведь ни подтвердить, ни опровергнуть ее признания просто невозможно...

Нет, возможно.

— Родила я в замужестве двух сыновей.
Старший принц и хорош, и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На урода-отца не похож.

А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног...
— Замолчи! — закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

Игра окончена. Все рухнуло. Она говорит правду.

Отшвырнул он распятыя и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.

И другому аббату он тихо сказал:
— Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе.

Да. Клятвопреступником король не станет. Он поклялся жизнью и трон — а больше ничего у него и не осталось. Таким он и уходит от нас — “опираясь на меч, весь в доспехах от шеи до пят”, раскосый, мрачный, верный своему слову. Как хотите (у вас может быть свое понимание текста), но я сочувствую ему не меньше, чем лорду-маршалу и королеве с прекрасным именем Элинор, десять лет скрывавшим от мира свою любовь.

Что касается концепта баллады, то он очень сложен и, в силу этой сложности, невыразим. Возможно, эта баллада о знании, которое не приносит ни силы, ни радости. Есть и немало других, связанных с темой любви и власти, вариантов понимания. Каждому свое.

Теперь прочтите “Королеву Элинор” еще раз — и, прочитав, обратите внимание, что и процесс, и результат понимания несколько

иной, чем при первом чтении. И еще: вам совершенно ненамеренно запомнились не только отдельные строки, но и строфы баллады.

Это не случайность, а вполне естественное следствие настоящего, глубокого (или внутреннего) понимания.

Оно влияет на личность, на человека понимающего.

В двадцатые годы XX века искусство писать баллады достигло пика. Здесь можно назвать три имени: Гумилев, Тихонов, Брехт.

Берт Брехт приезжал в гости на маленьком “ганомаре” (предок нынешних малолитражных автомобилей), невысокий, в кожаной куртке. Его просили спеть, и он не чинился, пел, просил только банджо (“у меня ни голоса, ни банджо нет”). Пел, что сочинил. Это напоминало азиатскую, акынскую поэзию — ритм был четок, содержание было главным, исполнение выразительным. Ни мелодия, ни голос не доминировали.

Мне так хотелось, чтобы вы приняли баллады Брехта так, как их принимает современный немецкий читатель — равнодушным он не остается. Но такого перевода, который семантически и стилистически полностью адекватен подлиннику (так переведены Киплинг и Фейне), — такого перевода Брехта еще нет. Это в будущем, если перевод из ремесла (как ныне) снова обратится в искусство.

Может быть, и сейчас переводы Брехта вам понравятся.

Баллады его бывали фантастического, страшного, при этом политического содержания.

“По всей вероятности исходной точкой Брехта является баллада. Он опубликовал собрание баллад... Это истории малых, а порой и великих жизней, изложенные в первоизданной, народной форме — легкие, грубые, набожные, циничные. Многие люди впервые показаны в этих стихотворениях, многие чувства впервые высказаны. Не-видимому, нелегко передать музыку этих стихов на чужом языке, но я полагаю, что сущность этих поэм доступна не только одним немцам”. И далее Фейхтвангер говорит: “Я не скрываю своей убежденности в том, что, наряду с Киплингом, Брехт является первым среди создателей баллад — наших современников”¹.

Теперь о Гумилеве. Гумилев о балладах знал все.

Я имею в виду не историю вопроса, не то, как возникла и изменилась эта поэтическая форма. Он знал, как писать баллады, знал настолько точно и хорошо, что мог научить других. Тихонова он любил. И тот многим Гумилеву был обязан. Гумилева расстреляли. Тихонова это потрясло: он на всю жизнь понял, кого надо бояться в этой стране: своих. Гусар, альпинист, путешественник, он участвовал во многих войнах, пуля и бомб боялся куда меньше, чем доносов. Но страх был, и он убил в нем поэта. Впрочем, Тихонов про-

¹ Фейхтвангер Л. Собр. соч. Т.6. Кн.1. М., 1990. С. 702. В этом случае, как и в ряде других, я был вынужден корректировать перевод по подлиннику. Вообще, великая школа перевода, существовавшая в советской империи, погибла.

жил долго. Все главные свои стихи он написал в молодости, когда был смел, беззаботен и мудр. Потом набежали заботы, мудрость сменилась осторожностью, но замечательные, совершенно неистребимые стихи остались. Остались баллады.

Вот знаменитая "Баллада о гвоздях".

Все. Восемнадцать строк.

Издана баллада в 1924 году и переиздавалась бесчисленное число раз, переведена на многие языки.

Стихи эти, как и все настоящие стихи, не простые. Когда я задавал испытываемым традиционный вопрос: о теме содержания этих стихов, то ответы получал любопытнейшие. Например: "Это про японских моряков. Про камикадзе". Тихонову, ясное дело, этот вопрос задавали неоднократно. Он отвечал достаточно невнятно (но

Спокойно трубку докурил до конца.

Спокойно улыбку стер с лица.

"Команда, во фронт! Офицеры — вперед!"

Сухими шагами командир идет.

И снова равняются в полный рост:

"С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат,

Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан".

И старший в ответ: "Есть, капитан!"

А самый дерзкий и молодой

Смотрел на солнце над водой.

"Не все ли равно, — сказал он, — где?

Еще спокойней лежать в воде".

Адмиральским ушам простукал рассвет:

"Приказ исполнен. Спасенных нет".

Гвозди бы делать из этих людей:

Крепче бы не было в мире гвоздей.

правильно): "Про войну" или "Про флот". Потом, полвека уже спустя, написал, что это про постановку минного заграждения в Копорском проливе.

Первоисточник здесь, возможно, иной.

Метацентрическая высота "Давида" — одной из первых в мире подводных лодок — была рассчитана неверно. "Давид" переворачивался. Он погубил свою команду. Потом — конструктора и командира. Но что было делать — война. Гражданская война Юга и Севера в Америке. Южане шлют "Давида" на боевую операцию. Новый командир выстраивает новую команду:

— Помните, ребята, с такого корабля живыми не возвращаются.

— Есть, сэр, — сказал один матрос.

— Под водой даже спокойнее, — добавил другой.

"Давид" ушел в море и исчез, взорвав большой военный корабль северян.

Все это — не более, чем повод. Конечно, содержание — про военных моряков, знавших, что они погибнут, и выполнивших приказ.

Но есть у баллады свой смысл.

Прочитайте ее еще раз. Ведь солнце над водой сияет не только "нашим", но и противнику. И надо ли умирать так, по приказу, когда люди валятся как кегли, а радист стучит по ключу: "Приказ исполнен. Спасенных нет". Это великий вопрос, ведь армии без приказов и смерти не бывает и не может быть, но не этот ли порядок превращает людей в гвозди, в винтики...

В то же время каждый из нас знает, что без винтов и гвоздей все развалится. И это не только к армии относится. Без риска, без точных приказов, без твердых людей ничего не построишь.

А тихий голос истории говорит о том, что те, кто строит дома и дворцы, никогда в них не живут.

Санкт-Петербург в его каменном великолепии Петр I не видел. Город обрел свое величие после смерти своего основателя.

Версаль, резиденцию "Короля-Солнца" — Людовика XIV, достраивали, когда гром его побед отзвучал. Война за испанское наследство была в сущности проиграна. Бурбонов удалось утвердить в Мадриде, но с мечтами о гегемонии Франции в Европе пришлось расстаться. В незавершенном Версале умер глубоко разочарованный король.

Павел I отчаянно спешил достроить Михайловский замок, он съехал в него, когда штукатурка была сырой, где-то стучали плотники, и все ругали истопников: печи работали плохо, тянуло угляком, а зима выдалась истинно петербургская — ветреная, сырая. Императора убили в ночь на второе марта, снег еще не сошел.

Нет, тому, кто строит, там не жить — это закон, и за тысячелетия египетские фараоны его хорошо поняли и твердо усвоили. Восходя на трон, фараон начинал строить дом, в котором жить и не собирался: пирамиду. Это была мистическая гарантия долголетия.

¹ Великий отступник — фараон Эхнатон — начал работать на живых, и взлет искусства стал крутым и высоким. Но любоваться содеянным ему пришлось недолго.

Я отчетливо помню, как в центре Бишкека рушили белые дома, построенные если не на заре, то на разбеге советской власти, в начале 30-х годов — “круглую поликлинику”, почтамт, гостиницу — и из облаков пыли медленно поднимался Белый дом, облицованный мрамором и не лишенный некоторого мрачного величия. “Не работать ему там”, — подумал я тогда про местного вождя Усубалиева. Так и произошло.

А если не суждено жить во дворцах тем, кто их задумал, и тем, кто их строил, то стоит ли быть гвоздем в их стенах?

Вспоминается в этой связи притча о строителях, укладывающих кирпичи. На вопрос: “Что ты делаешь?” один из них ответил: “Кладу кирпичи”, другой — “Зарабатываю деньги”, третий — “Строю город”. Это притча о смысле. И вопрос о том, стоит ли быть твердым, как гвоздь, — вопрос о смысле.

Я отвечаю на него — стоит. Твердость помогает держаться. Недаром англичане говорят о твердых людях:

Что все они гвоздям сродни.
Чем крепче бьют по тем и этим,
Тем крепче держатся они.

Впрочем, лучшая баллада Тихонова — “Песня об отпуском солдате”.

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
“Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь?”

Без тебя винтовкой меньше одной,
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди”.

...Пулемет задышался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят.
Но каждому мертвецу
Сказал он: “Спасибо, брат!”

Рукою, острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

“Слушай, Денисов Иван!
Хоть ты уж не егеря мой,
Но приказ по роте дан,
Можешь итти домой”.

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, дрожал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сутроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа,
Сказал батальонный, коснувшись щек:
“Я, кажется, ранен. Да”.

Конечно, он ранен. Ему померещилось. Померещилось потому, что он верил в силу приказа.

Померещилось потому, что он поверил, что вел солдат в последний бой.

“Последний бой” — подлинный миф XX века. В строке гимна стихийно происходит изменение: вместо “это будет последний” поют “это есть наш последний”, а погибший в 1943 году поэт Кульчицкий (ему прочили великое будущее) писал:

Я романтик. Ни рома, ни мантий — не так.
Я романтик разнаипоследних атак...

О, как хотелось, чтобы они стали последними, эти атаки!
Война всегда кажется последней.

Рассмотрим, однако ж, признаки баллады, взятые в особенно резком их выражении. Это относится, например, к диалогу. Одна баллада Самойлова целиком построена как диалог.

Королевская шутка

— Вставайте, ваше величество!
— К черту! Который час?
— Вставайте, ваше величество.
Дело касается вас.

— Сам пусть дела решает
Старый лентяй сэр Джон!
— Ваш канцлер, ваше величество,
Этим кинжалом сражен!

— Как это? За убийство
Будете наказаны...
— Но вы отреклись от престола
В пользу вашей жены!

Ваш канцлер не понял этого
И был сегодня смещен.
Смещен ударом кинжала.
И я за это прощен.

У нас уже новый канцлер:
Юный герцог сэр Грей...
— Этот юбочник — канцлер?
Эй, стража, ко мне скорей!

Эй, молодцы, за мною!
Бейте бунтовщиков!
— В ваших подвалах, сударь,
Для стражи хватило оков.

А те, на кого не хватило,
Валяются там во рву!..
— Но я, ваш король, сударь,
Покуда еще живу!

— Архиепископ и гвардия,
Народу подав пример,
В полночь уже присягнули
Вашей супруге, сэр!

Исполнить три ваших желанья —
Такой поступил приказ.
А с третьими петухами
Отправить к господу вас!

— Как милостива королева!
Ее поблагодари.
Ведь я бы ее ухлопал,
Не дожидаясь зари.

Вели, чтоб стучались в двери
Таверны "Кум королю".
Будите красотку Мэри,
Которую я люблю.

Скажите, что некий пропойца,
Который был королем,
Просил, чтоб красотка Мэри
Прислуживала за столом.

Катите бочонок токайского,
Хочу умереть хмельной.
А вас за стол приглашаю,
Любезный убийца мой!

Второе мое желанье:
Острой наточите кинжал.
Тот недостоин короны,
Кто ее не удержал.

А третье мое желанье,
Чтобы к началу дня
Вы мадам королеву
Зарезали, а не меня!

Тут принесли токайское.
И долго, себя веселя,
Они хохотали над шуткой
Бывшего короля...

Над шуткою ко
Над шуткою ро
Ля!
А-а!

Комментарий тут вряд ли необходим. Заметьте, тут есть и отдельные проколы: “сэр” юный герцог Грей быть никак не может. “Сэр” можно назвать только по имени (сэр Джордж, например, а не “сэр Байрон”, как напечатали однажды на почтовой марке — не английской, конечно). Но в остальном — дело вкуса (и чувства юмора) читателя. Мрачный юмор баллады гаснет в последней ее строке. Концепт ее объявлен ясно: “Тот недостоин короны, кто ее не удержал”.

Но балладу можно построить и вне диалога. Тогда на последний план выйдет другая ее неотъемлемая составляющая — сюжет:

Окончив с врагом поединок,
Я в море бежал от суда
И звука шотландских волюнок
Не слышал с тех пор никогда.

Набрал я отчаянный и юный,
Веселый и злой экипаж,
Мы брали торговые шхуны
И клипперы на абордаж.

Вестминстер напрасно ругался,
Слепых адмиралов коря,
Меня лишь рифы и галсы,
В портах я бросал якоря.

Недаром воспели баллады
Мой синий толедский клинок,
Я видел раскрытые клады
И женщин прекрасных у ног.

Но недолго разбойничал капер
Кружил он уже наугад,
И в северной гавани запер
Меня королевский фрегат.

Команда моя умирала,
Послав капитану привет,
И я на глазах адмирала
Взорвал свой любимый корвет.

Прощайте, морские походы,
Победы отпетых бродяг,
Прощайте, минуты и годы,
И черный пиратский мой флаг!

Текст стилизован, точности в нем искать не надо. Но сюжет построен точно. От поединка до взорванного в северной гавани корабля — биография пирата выстроена без единой лишней детали.

Диля Брик, возлюбленная Маяковского, написала эту балладу очень давно. Во всяком случае, до войны. Во время войны они стали песенкой школьников.

После войны невероятной популярностью пользовалась “Бригантина” Павла Когана, убитого в 1943-м на фронте, в разведке:

Вьется по ветру
Веселый Роджер...

Jolly Roger — это черный флаг с “адамовой головой” и скрещенными костями. Пиратский флаг.

И совсем уже недавно зазвучала “Пиратская лирическая” Булата Окуджавы, она же — “Когда воротимся мы в Портленд”. Здесь больше романтической иронии, но тема та же, и, видно, расстаться с ней молодежь (да и не только молодежь) никак не хочет.

В ночь перед бурей на мачтах горят святого Эльма свечи,
отогревают наши души за все минувшие года.
Когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки, как овечки,
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, пускай несет нас черный парус,
пусть будет крепок ром ямайский, все остальное ерунда.
Когда воротимся мы в Портленд, ей-богу, я во всем покаюсь,
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

В чем же причина столь устойчивой популярности этой темы? Тут еще следует присовокупить, что пиратской традиции в истории российского мореплавания нет.

В чем же здесь дело? Вы, вероятно, вспомнили и о популярности “Острова сокровищ”, “Владетеля Баллантрэ” Стивенсона.

Одним талантом авторов тут не все объяснимо. Есть интересная гипотеза об архетипической природе этого интереса.

Если признать существование “поздних архетипов”, гипотеза имеет свои основания. Связана она с “палубной теорией” происхождения ряда цивилизаций. Будто бы зарождались они на палубах пиратских кораблей. (А слово “пират” мы будем трактовать в самом широком смысле — мореплаватель, сам себе хозяин, разбоем не брезгует, высаживается на незнакомых берегах, когда приторговывает, когда сражается, когда открывает новые земли. Его жизнь — это жизнь его кораблей). Застывшим формам египетского царства, повторяющимся тысячелетиями, противостоит динамизм “Одиссеи”, и быстрые перемены в жизни моряка, мир постоянного

риска, необходимость находчивости, умения ориентироваться в непредсказуемо меняющейся обстановке влияют на его поведение, формируют его как личность. В книге талантливого философа и историка науки М. К. Петрова¹ вы прочтете о "пиратах Эгейского моря" и их роли в истории Европы больше, чем я смогу рассказать вам на этих страницах; для нас интересен тот факт, что где-то среди многих фигур, смутно виднеющихся в коллективном бессознательном современного человека, есть и мореплаватель. Геопсихологически это — трансформированный образ кочевника.

А теперь иной образ движения. Он уже выходит за рамки жанра баллады. Я бы сказал, это ее порождение. Иосиф Бродский назвал это стихотворение "золотом русской поэзии". Оценка не такая тривиальная, как может показаться. Над золотом не властно время и ценится оно очень дорого. "Заблудившийся трамвай" отлит именно из такого металла. Всего пятнадцать стрóf.

Эти пятнадцать стрóf составляют текст очень сильный, многие из читателей готовы считать его одной из вершин поэзии XX века, и я разделяю их мнение, которое, впрочем, обязательным ни для кого не является. Споры о "Заблудившемся трамвае" продолжаются, и конца им не будет. И споры эти непосредственно связаны с проблемой понимания этих стихов. С тем, что это одно из лучших стихотворений Гумилева, как раз никто уже не спорит, и странно сейчас читать слова считавшегося тонким ценителем Э. Ф. Голлербаха: "Жаль, что в сборник включен неудачный "Заблудившийся трамвай..."².

Сборник, здесь упомянутый, это "Огненный столп", посвященный Анне Николаевне Гумилевой. Он вышел в свет между 16 и 21 августа 1921, и автор его уже не увидел, наверное. Во всяком случае последнюю передачу у Анны Николаевны уже не взяли. Гумилева приговорили к смерти 24 августа, через три недели после ареста.

Но высокое счастье увидеть "Заблудившийся трамвай" опубликованным было дано его автору: сохранилась и правка гранок журнала "Дом искусств" — № 1 за 1921 год.

Ирина Одоевцева вспоминает, что "Заблудившийся трамвай" был создан "на одном дыхании", как сейчас любят выражаться журналисты, — все пятнадцать стрóf за одно утро. Поправок было потом мало: Машенька в то утро называлась Катенькой³ — и в Машеньку превратилась (из любви к Пушкину и в честь "Капитанской дочки") лишь через несколько дней.

Как же относился к "Трамваю" Гумилев?

¹ См.: Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.

² См.: Вестник культуры. 1921. № 10. С. 9.

³ Достоверность воспоминаний Одоевцевой — на уровне воспоминаний Панаевой, то есть не слишком уж велика. Но "Трамвай" вполне заслуживает тех слов, которые здесь о нем сказаны и, скорее всего, это слова Гумилева.

Сам Гумилев очень ценил "Трамвай".

"Не только поднялся вверх по лестнице, — говорил он, — но даже сразу через семь ступенек перемахнул. ... Семь число магическое и мой "Трамвай" магическое стихотворение...

Надеюсь все же, что мне удастся перемахнуть еще через семь ступенек, конечно, не сегодня и не завтра, а через полгода или год — ведь "великое рождается не часто".

Заблудившийся трамвай

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мной летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пылливый взгляд
Нищий старик, — конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
"Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?"

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят: "Зеленая", — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом как вымя,
Голову срезал палач и мне,

¹ Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 273.

Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренной косой
Шел представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я : наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине.
Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и панихиду по мне.

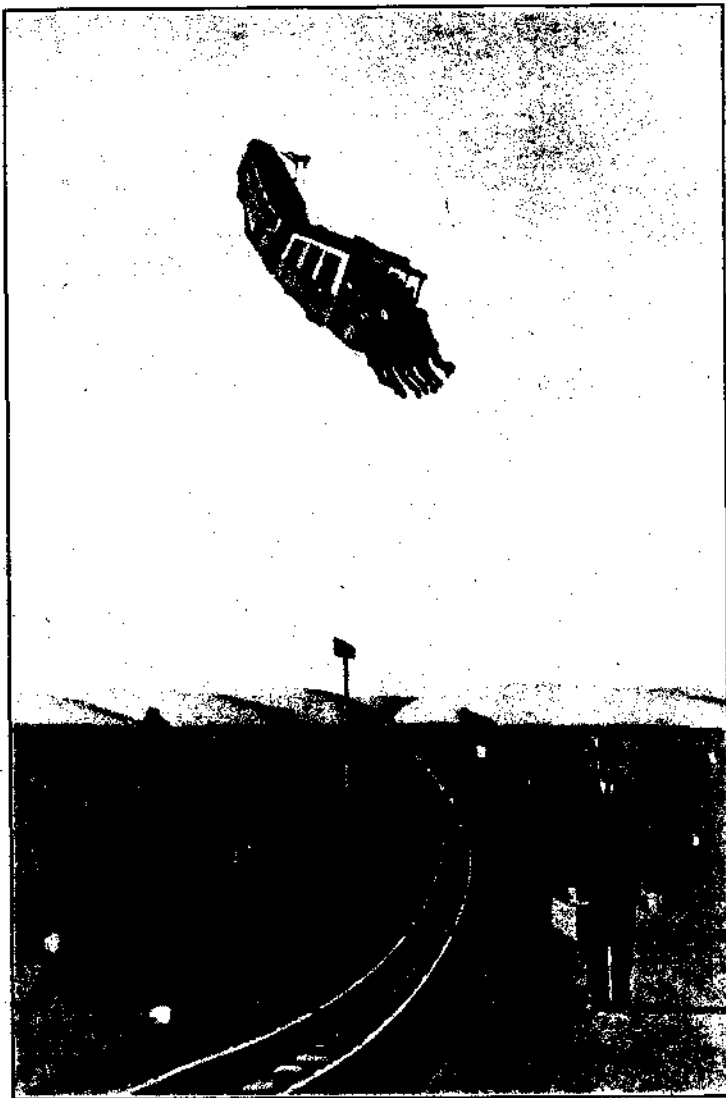
И все ж навеки сердце утрию,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

На иллюстрациях — картины бельгийского художника Кл. А. Беленса “Путешествие в тьму ночи” и польского сюрреалиста Зенона Василевского “Вечер”.

Сегодня уже трудно, невозможно даже представить, каким в начале XX века новшеством был трамвай. Маленький электрический поезд, который позванивая, рассыпая искры из-под дуги, шел по городу, казался символом прогресса. В дальнейшем этот вид транспорта оказался довольно опасным для детей и прохожих (именно поэтому в Киргизии трамваев нет и не было), но символическое значение он сохранил.

У Николая Гумилева он символ вечного возвращения. У Беленса — символ иллюзорности технического прогресса, ведущего в ночь, в тупик. У Василевского он уносится в вечернее небо, символизируя вечный разрыв между теми, кто смог, успел, и теми, кто отстал, остался. Вонстину, недаром слово “успех” происходит от слова “успеть”!

“Заблудившийся трамвай” — это не “Королева Элинор”, раззять его на части нам не удастся, он очень слитный.

Комментарий все же необходим. Максимально сжатый.

Ясно, что “Заблудившийся трамвай” — это образ движения человеческого духа во времени и пространстве, движения, не знающего преград и не приносящего счастья.

Движение в реальном мире, реальном пространстве ограничено и направлено фактами действительности, как ограничен и определен рельсами маршрут трамвая.

Но человеку дан и мир виртуальный, пространство семантическое. В нем можно стать свободным. Свобода есть полет. В Азию, в Африку, в прошлое, в будущее.

“Зеленная” — это образ будущего. Прозрение собственной смерти (не первое у Гумилева).

“Индия Духа”, которая так неточно толкуется современными комментаторами, — из Гейне: “Мы искали физическую Индию и нашли Америку. Теперь мы ищем духовную Индию — что же мы найдем?”. Все, разумеется, зависит от маршрута.

Вагон описывает замкнутую кривую — и возвращается в Петербург.

Здесь поэту или его герою, в данном случае это все равно, открывается (“я никогда не думал...”) высшая ценность жизни: любовь. Он умрет. Любовь останется.

Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и панихиду по мне.

Да, друзья, баллада вещь великая. Это признавал даже Владимир Маяковский, поэт большой и тяжелой судьбы.

Раз в заснеженном Петрограде Маяковский читал стихи. В ДИСКЕ — Доме искусств.

Удивительный был дом. Ольга Форш назвала его “Сумасшедший корабль”.

Этот корабль плыл в будущее. Имел он вид большого здания, которое выходило окнами на Мойку и Невский. Теперь оно перестроено, еще недавно там был кинотеатр «Баррикады», не знаю даже что сейчас. Невский уже был “Проспектом 25 октября”, А Морская — улицей Герцена. И вот в этом доме читали Гумилев, Блок и Белый. Оттуда выселяли Грина. За поведение. Аким Вольтинский размышлял над трудами отцов церкви — читал он их по-гречески. Спорили Лунц и Федин. Шутил Евгений Шварц. Рассказывал Тихонов. Не перечислишь всех, кто сделал большую литературу, кому суждено было прославиться. Тынянов, Каверин, Зощенко...

Маяковский приехал ненадолго — из Москвы. Встретили его недоверчиво, но читал он блестяще — и победил.

¹ Гейне Г. Собр. соч. Т. 6. М., 1983. С. 334.

Потом был чай.

Старый лакей (он остался еще от прежнего владельца) внес поднос, полный стаканов. Торжествующий Маяковский пошел к нему навстречу и, принимая поднос, спросил старика:

— А что, Ефим, у вас так писать не умеют?

На что услышал холодный ответ:

— Я, Владимир Владимирович, предпочитаю акмеистов.

“Тут победа не была одержана”, — записал ехидный Шкловский. Потом он уже дописал: “Маяковский не ответил, а вечером услышал баллады, и баллады ему понравились... И он запомнил баллады для поэмы “Про это”¹.

Не просто запомнил. Он написал простые строки, возможно, бессмертные. Во всяком случае, не стареющие.

Немолод очень лад баллад.
Но если слова болят
И если слова говорят, что болят,
Молодеет и лад баллад.

*Кого так
называют*

“ВЕЧЕРНИЕ ПОСЕТИТЕЛИ”

Смотреть кино — это как будто бы видеть сон

Стэнли Кубрик

Когда-то, в далеком довоенном времени, “Вечерними посетителями” называли тех, кто ходил в кино по вечерам. Одни приходили из дома или прямо с работы, другие ходили в кино с девушками. Кино

— это была мотивировка свидания. Утром и днем посетители в кино были разные — пожилые люди и школьники.

Война все смешала. Трехсменная работа, военные, эвакуированные — все стало по-другому. Именно во время войны во Франции вышел на экраны фильм Марселя Карне “Вечерние посетители” — они приходят в старый замок, и все в нем волшебным образом изменяется, сдвигается. В худшую, впрочем, сторону.

Не прошло и десяти лет с тех пор, как вышли на экран “Вечерние посетители”, как связи мира кино, виртуального мира движущихся и говорящих изображений, с грубым обыденным миром резко изменились.

Жители этого мира в общем не переменились. В нем продолжали существовать кинозрители, различающиеся по возрасту и вкусу. Тонкие ценители, вечером обсуждающие “Американскую ночь” Трюффо (а не ценитель даже не поймет, почему этот фильм так называется, ведь в нем ни ночи, ни Америки просто нет). Увлеченные левые, готовые к спору и драке за “Два гроша надежды”, и брезгливые правые, отлично знающие, почему в “Джизус Крайст, Су-

¹ Шкловский В. Собр. соч. Т. 3, М., 1974. С. 107. Сейчас стихи читают все меньше. Но вкус у Ефима был, и реплика его вошла в историю литературы. Акмеисты читаются.

¹ Вечерние посетители (Les Visiteurs du Soir). Франция, 1942. Режиссер Марсель Карне. Сценарий и диалоги Пьера Лароша и Жака Превера. В ролях: Арлетти, Ален Кюни, Мари Дза, Жюль Берри.

перстар” — экранизации знаменитой рок-оперы — роль Иуды доверена негру. И, наконец, те, кто производят всё, чем торгуют, пугают, восхищаются, те, о ком стараются не писать в газетах и не говорить по радио, те, от кого зависит всё. Мы знаем, как они живут, хорошо знаем. “С утра до вечера — работа. Вечером и ночью — вонь и шум перенаселенных квартир, склоки и ссоры, вой почти уже ненавистных ребятишек, жалкая и грубая жена, скандалы пьяных соседей. Но ночью, во сне к этому человеку приходят три мушкетера, и он уходит с ними из этого мелочного ада, и на ногах у него ботфорты со шпорами, плащ через плечо, а в руках — шпага. Многих покарает шпага в эту ночь, но сны никому не выдадут героя”¹.

Изменились не люди. Изменилась ситуация. Число кинопосещений в мире к началу 60-х годов резко упало. Упало приблизительно в два раза — их было около 5 миллиардов в год, а стало меньше двух с половиной².

Но выражение “вечерние посетители” сохранилось, хотя и в совершенно ином смысле. Так стали называть не только тех, кто вечером приходил в кино смотреть на экран, но и тех, кто приходил в дом смотреть с экрана. Это не только телевизионные дикторы и герои телевизионных сериалов. Это все, кого показывают по телевидению, и слово “посетители” тут больше подходит, чем слово “гости”: ведь иных мы в гости не позвали бы, а на экране смотрим, слушаем. Да и все кино стало смещаться с огромных экранов кинотеатров на экраны телевизоров. Все знают, что в кинозале фильм производит большее впечатление. Фильм в телезаписи — это, скорее, напоминание о том, какой вы хороший фильм видели. Но что подлаешь, стиль жизни меняется.

Потребность в понимании остается.

Название этой главы поэтому условное или, точнее, совмещающее два разных смысла. С одной стороны, это глава — о том, что идет на экране, с другой стороны, — о тех, кто смотрит на экран.

Тема эта очень богатая. В ней много неожиданного. Фильмология, то есть социальная психология кино, таит в себе много открытий, даже когда речь идет о ситуациях вполне тривиальных.

Вот пример. Статистика касс, да и личный опыт и наблюдения каждого читателя, показывают, что в кино чаще ходят вдвоем, троим, в юности — целой компанией. И не случайно. Это объясняется тем, что фильм понимает не один человек — его понимает аудитория, его понимает зал. А он полон людей, которых я не знаю. Почему же я с ними связан? Эта связь — не только в общности реакций. С ними меня связывает проводник — человек, который сидит в соседнем кресле, мой друг или подруга, тот или та, кто

пришел в кино со мной. Его смысловое восприятие фильма — это не мое восприятие, это ясно. Мы знаем друг друга, наши реакции нам если и не понятны, то привычны. “Проводник” соединяет меня с залом. И таких “проводников” много, чуть ли не каждый третий посетитель пришел в кино с кем-то ему близким или, во всяком случае, не чужим. Отсюда и групповые реакции.

Потом человеку случается увидеть фильм дома, по телевизору.

Зачастую впечатление не то, что при первом просмотре (не всегда худшее). Дело здесь не только в том, что вторичный просмотр помогает заметить многое ускользнувшее — телеэкран не всегда этому способствует. Чаще иная реакция, разница в смысловом восприятии возникает потому, что вокруг нет хохочущего или сочувственно вздыхающего зала.

Кто приходит в кино или смотрит вечером телевизор?

Дитер Прокоп цитирует многих исследователей, утверждавших: “Потребитель фильма — прежде всего представитель подавляемой массы, испытывающий потребность в освобождении”. Или: “Он хочет не только забыть в кино свое социальное ничтожество, но и насладиться победой, обещанной ему на экране”. Или: “Он ищет на экране инсценированное и лучшее Потустороннее, как некогда искал его в религии — но теперь оно должно обратиться в Потустороннее”³.

Кто приходит

А кто приходит к этим людям?

Разнообразные Марии (“просто Мария”), Мэйсоны и другие — те, кого на экране кино не увидишь. Это снято для телевидения.

Но потоком идут на маленьком экране и фильмы, снятые для экрана большого: скажем, “Звездные войны” или “Жизнь дается только дважды”⁴. Помню, как впервые мне случилось увидеть их в Берлине именно на телеэкране.

Я нажимал сенсор на пульте дистанционного управления (когда каналов много, это превращается в забавное занятие, switching channels), нажатие — и на экране возникал робот R₂D₂, от него падал луч света, и в нем появлялась и умоляла маленькая фигурка:

— Помоги мне, Олби ван Кануби, ты моя единственная надежда!

Я был очарован. Это было послание, голографическое, оживающее послание.

— Помоги мне, Олби ван Кануби, ты моя единственная надежда!

¹ Prokop D. Soziologie des Film // Soziologische Texte. — Bd. 69. S. 19 и далее.

² Звездные войны (Star Wars). США, 1977. — 121 мин. Режиссер Джордж Лукас. В ролях: Хэррисон Форд, Марк Хэмилл, Кэрри Фишер, Алек Гиннес.

³ Жизнь дается только дважды (You only live twice). Великобритания, 1967. — 116 мин. Режиссер — Льюис Гилберт. В ролях: Шон Коннери, Ахико Вакабаяси, Тэдуро, Тамба, Миз Хама.

¹ Лебедев А. Антонио Грамши о культуре и искусстве. М., 1965. С. 38.

² Этот процесс продолжается. Кинотеатры закрываются один за другим.

Такие слова, конечно, не могли оставить смельчаков равнодушными. Они летят с планеты на планету — вот на одной из них салун “Последний шанс”, и в нем они спорят с монстрами. Один из них рычит:

— Только через мой труп!

— А это идея...

И капитан бьет в ушастое чудовище из бластера. Все цепенеют. Монета бармену:

— Извини, что насорил.

Нажимаю на сенсор.

Кто-то отстреливается, бежит по улице, преследователей много, бегство уже безнадежно, но рядом с бегущим — это Джеймс Бонд! — несется и замирает белая машина. “Быстро!” — приказывает красавица-японка, и Бонд прыгает на сидение рядом. Рекламная перебивка. Японка заманивает Бонда в незнакомый дом, она бежит по длинному коридору, вдруг останавливается, оборачивается, ждет. Бонд мчит к ней, и ее губы трогают незабываемая улыбка, она стоит юная, очаровательная, вся — ожидание и насмешка. Пол под Бондом проваливается, он летит вниз, катится в каком-то туннеле, выскальзывает из него в мягкое кресло.

Он сидит перед японцем с крупными чертами волевого лица. Тот вежливо улыбается:

— Моя мама говорила мне, чтобы я не садился в машины к незнакомым девушкам...

На большом экране все это выглядело по-иному. От размеров окна, в которое мы рассматриваем мир, зависит очень многое.

Иногда это не только развлечение: оно требует от среднего зрителя определенного знания фортекста.

Вы, возможно, видели американский фильм “Скарамуш” (1952 г., римэйк немого кинофильма 1925 г.). Финал его таков. Бродячий актер оказался знатного происхождения и предпочел юную маркизу бедной актрисе, которая его безответно любила. Осенью 1789 г. она следит из окна за их свадебным поездом и кажется покинутой, одинокой. Но ее отводит от окна влюбленный и ревнивый артиллерийский лейтенант с темной прядью на лбу. Этот кадр завершает фильм — и в сознании зрителя происходит мгновенная переоценка того, что он видел. Он вдруг сразу понимает, что до революции — считанные дни, что знатное происхождение, вероятно, погубит счастливых новобрачных через несколько месяцев или лет, одним словом, — еще до того, как лейтенант станет императором. Они движутся к смерти, а маленькая актриса — к славе¹.

¹ Вы уже заметили: вот оно — понимание! Происходит перецентровка, перемещение акцентов, и смысл проясняется. (Вы читали об этом в сухом теоретизированном изложении в главе “Понимание как процесс и проблема”).

Но это, повторяю, становится ясным лишь по завершении фильма. Так срабатывает на понимание фортекст. То, что известно зрителю о Великой Французской революции и Империи, оставлено за кадром, но бросает свет на все содержание фильма.

Или (в другом фильме): счастливые влюбленные ночью на палубе роскошного океанского лайнера. Они разомкнули объятия, расступились — и между ними возникает спасательный круг с надписью “Титаник”.

Таких примеров можно привести множество. Но в массе случаев зритель необходимым фортекстом не обладает.

В фильме “Джизус Крайст, Суперстар” рок-оперу ставят (и снимают) на Ближнем Востоке, артисты воплощаются в новозаветных персонажей, приезжая “на природу” в автобусе студии, Иуда — чернокожий, Мария из Магдалы, некрасивая, обаятельная мексиканочка, до странности напоминает киргизку, Пилат носит солнцезащитные очки, но обо всех вызывающих несоответствия забываешь сразу: действительно, всякое искусство условно. И вот, Иуда не в силах снести тяжести задуманного и содеянного, не в силах смотреть в лица тех, кого в душе уже предал, — и бежит.

Темная фигура Иуды. Песок. И вдруг из-за неестественно близкого горизонта высунулись и закачались непонятные металлические балки... через мгновение это оказались пять пушечных стволов и пять “Центурионов”, пять крейсерских танков, ревущих, брякающих траками на лобовой броне, вывалились из-за песчаного вала и ринулись на Иуду — и на всех, и на нас. Образ чужой силы, закованной в металл, образ оккупации, в данном случае — римской оккупации — был впечатляющим. Но что это были центурионы, танки “Центурион” Mk. IX, никто из моих соседей по маленькому швейцарскому кинотеатру не знал. Блестяще задуманный эффект был этим ослаблен.

Провидение сбылось

Провидец Герберт Джордж Уэллс на рубеже, разделяющем XIX и XX века, — в 1899 г. — писал о человеке, проспавшем 203 года и проснувшемся в мире чудес и жестокостей. Жестокости были тривиальными, за двести лет человечество не придумало ничего нового, а вот в числе чудес оказался аппарат со светлым циферблатом, но без цифр, размером около ярда (будем считать — около 100 см по диагонали), перед аппаратом стоял стул. В этом мире не было ни газет, ни журналов, ни книг, но какие-то “двойные цилиндры” с надписями были, и Проснувшийся догадался вставить в аппарат “двойной цилиндр”. Далее я просто перепису в сокращенном виде то, что

¹ Производство “Юниверсал” (США), 1973. Режиссер — Норман Даксон. По рок-опере Тима Райса, Эндрю Л. Уэббера. В ролях: Тэд Нилли, К. Андерсон, Ивонна Элтимен, Дж. Мостэль, Б. Дэннен.

написано у Уэллса, а вы прочтете и удивитесь, потому что написано это было тогда, когда не то, что телевидения, но и радио не было, да и писал эти строки Уэллс при свете газового рожка — электричество в быту проявляло себя по преимуществу в виде дверных звонков (источником питания служили батарейки).

Итак, Проснувшийся садится перед прибором, в верхней части которого виднелась кнопка — совсем как у электрических звонков. Он нажал ее, послышался треск, и вслед за тем голоса и музыка, а на “циферблате” показали цветные изображения¹. Сообразив, что это такое, он отступил назад и стал смотреть.

“На гладкой поверхности показалась яркая цветная картина с движущимися фигурами. Они не только двигались, но и разговаривали чистыми тонкими голосами. Впечатление получалось совершенно такое, как если бы перевернуть бинокль и смотреть через его большое стекло или же слушать через длинную трубу”.

Вот этот эффект Уэллсу удалось предугадать не вполне. Когда мы смотрим телефильм на экране таких размеров, впечатление, что мы смотрим “уменьшенное” изображение, как-то скрадывается. Зато ему удалось предвидеть кое-что иное. “Какой это странный мир, в который ему только что удалось заглянуть: бесчестный мир, где все ищут наслаждений, деятельный, хитрый, и одновременно — мир жесточайшей экономической борьбы”². Узнали?

И вот что происходит в этом мире — если, конечно, этот мир — наш, сегодняшний.

“А были еще и другие места, где бросали бомбы, целились в мишени, теряли и брали высоты; где происходили наводнения и землетрясения; где воевали, захватывали власть, плелись под похоронные марши или шагали под марши военные. Но здесь, в весенней Франции, вся жизнь человечества на две недели была заключена в перфорированные ленты, которые крутились в проекторах со скоростью 30 метров в минуту; надежду, отчаяние, красоту и смерть развозили в круглых жестяных коробках по кинотеатрам города”. Так Ирвинг Шоу в романе “Вечер в Византии” пишет, как шел самый престижный фестиваль на планете — каннский.

Было это до торжества видеоманитофонной техники. Но вот оно наступило, и предвидение Уэллса реализовалось: все идет “как по писаному”.

“Техник принес шестигугольную жестяную банку с видеопленкой. В таком виде передачи напоминают коробки с консервами: лежат себе до поры до времени, а понадобилось — вот они, открой и потребляй. Это были совершенно особые консервы — они хранили человеческие мысли.

¹ Напомню, что и цветной фотография тогда тоже не было.

² Уэллс Г. Дж. Собр. соч. В 15 т. Т. 2. М., 1964. С. 204.

Тридцать минут, проведенные в павильоне четырьмя людьми, не исчезли бесследно, как другие минуты, а продолжали свою, теперь уже как бы самостоятельную жизнь. И эта жизнь, хотя ей предстояло проявиться только в формах теней в застекленном квадратике экрана — эта жизнь была все-таки настоящая”.

Так в дома людей, в их жизнь вошло телевидение. Вошло и изменило их отношение к миру.

Телевидение

Культура, мы уже про это говорили, это сгущенные, испытавшие преобразование отношения между людьми. И эти отношения стали изменяться.

“Телевидение сегодня получило большее распространение и влияние, чем и книга, и кино, и театр. Оно по-молодому и нахально теснит смежные и несмежные с ним искусства.

Боюсь, что оно скоро вытеснит само себя.

Это нашествие — теленашествие — было беспорядочно и активно. Так наступали широкой лавиной, не давая опомниться, гунны на Рим.

В авангарде этого наступления было кино. Оно проскакало, как скачок перед пожарной командой. Был такой человек в старой России. Он скакал с трубой перед пожарными и предупреждал, чтобы все расходились.

Телевидение залезло в наш дом. Залезло, не спрашивая нашего согласия, не поговорив предварительно с нами. Даже вор приходит, извещая о себе, — мы слышим, как он ломает дверь.

Мы посадили телевизор с собой за стол. Мы надели его на голову. Мы приняли другую веру, водрузив вместо сверженных крестов телеантенны на крышах наших домов.

Я много видел в своей жизни, — продолжал В. Шкловский. — Воевал в первую мировую, в гражданскую, видел Отечественную войну. Но никогда не знал, что так быстро могут быть покорены города и страны — целый мир...

Казалось, что из бутылки вырвался не подчиняющийся нам джин”.

Джин набросился на самое, будто бы, святое, и обещалое — незыблемое: на традицию. Традиция — это заменитель смысла. Но оказалось, что у него есть и другой заменитель: информация. “Традиция, как самая себя репродуцирующая смысловая связь, заступает ныне информацией, — пишет Д. Веллерсхофф. — Все более густая коммуникационная сеть радио, газет, телевидения, а также средств сообщения в ходе неустанно набирающего скорость и расширяющегося обмена новостями, знаниями, товарами, мода-

¹ Из повести Надежды Лихачевой “Телевидению — салют!”.

² Шкловский В. За шестьдесят лет. М., 1985. С. 508—509.

ми, мнениями инсценирует подвижную, головокружительную, непрерывно дрящущую позитивистскую тотальность”¹.

Феномен этой тотальности очень просто и убедительно охарактеризован у Ч. Дзаваттини: “Раз об этом сообщает телевидение, значит, правда!”². Здесь играет роль фетиш “прямого эфира”, непосредственной трансляции. Но к этому дело не сводится: у “тивисэт” есть свой подсознательно существующий авторитет.

Еще в 60-х годах XX в. было замечено, что культурно-историческая роль текста начинает изменяться и возрастать. Визуальный текст начал перевешивать действительность. Изображение на экране стало казаться более существенным свидетельством происходящего в действительности, нежели сама непосредственно воспринимаемая действительность. Тщательно смонтированные документальные фильмы, фильмы, имитирующие действительность (“Самый длинный день”), обратились в переписанные страницы истории.

О художественных фильмах, не претендующих на детальную имитацию исторической действительности, я уж не говорю. В них царствуют традиции живописные.

Представьте себе, как это предлагает поэт, что через несколько сот лет будет поставлен фильм, где

“Пушкин
Поедет во дворец
В серебристом автомобиле
С крепостным шофером Савельичем.
За креслом Петра Великого
Будет стоять
Седой арап Ганнибал —
Негатив постаревшего Пушкина.
Царь в лиловом кафтане
С брызнувшим из рукава
Голландским кружевом
Примет поэта, чтобы дать направление
Образу бунтовщика Пугачева.
Он предложит Пушкину
Виски с содовой,
И тот не откажется,
Несмотря на покашливание
Старого эфиопа.
— Что же ты, мин херц? —
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подергивая левой щекой.

— Вот мое последнее творение,

Государь.—

И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами
“На берегу пустынных волн...”.

Скажет царь,

Пробежав начало:

— Пищешь недурно,

Ведешь себя дурно.

И, снова прицелив в поэта рыжий зрачок,

Добавит: — Ужо тебе!..

Он отпустит Пушкина жестом,

И тот, курчавясь, выскочит из кабинета

И легко пролетит

По паркетам смежного зала,

Чуть кивнувши Дантесу,

Дежурному офицеру.

— Шаркуны, ваше величество,—

Гортанно пронесет эфиоп

Вслед белокурому внуку

И вдруг улыбнется,

Показывая крепкие зубы

Цвета слоновой кости.

А зритель будущего будет смотреть этот фильм (или как там это будет называться)

С тем же отрешенным вниманием,

С каким мы

Рассматриваем евангельские сюжеты

Мастеров Возрождения,

Где за плечами гладковолосых мадонн

В итальянских окнах

Открываются тосканские рощи,

А святой Иосиф

Придерживает стареющей рукой

Вечереющие складки флорентийского плаща¹.

А ведь сейчас в кино о далеком прошлом таких смещений сколько угодно.

Этим я не хочу осудительно высказаться о художественных фильмах как документах *своего времени*. В этом качестве они бесценны.

¹ Д. Самойлов здесь ничего и никого не пародирует, а предполагает, и не без основания. Дело в том, что средства массовой коммуникации (включая кино) обладают сильными мифогенными свойствами. Мифологизируется и настоящее, и прошлое. Образ прошлого, существующий в массовом сознании, во многом вымыслен. Вы должны это помнить и понимать — даже тогда, когда на экране идет умело смонтированная хроника вроде “Монстра” или “России, которую мы потеряли”.

¹ Wellershoff D. Literatur und Veränderung. Köln—Berlin, 1969. S. 57.

² Дзаваттини Ч. Дневники жизни и кино. М., 1982. С. 131.

В свое время в Германии бешеным успехом пользовался фильм Фрица Ланга “Доктор Мабузе — игрок”, экспрессионистский по форме выражения странного, полуфантастического содержания.”... “...И если этот фильм,— писал З. Кракауэр,— и опирается на документ, то этим документом является его время”. То есть здесь сопоставляются два текста: один — текст жизни, он предстает как документ, и другой — художественное произведение.

Фильм этот я недавно видел в видеозаписи. Он произвел впечатление сна.

Это была частная иллюстрация к Шкловскому, который писал: “Телевидение — это сон с открытыми глазами. Это сон, смысл которого мы еще не разгадали.

Сны всегда играли при человечестве роль предсказателя его будущего. Сон казался единственным окном, через которое мы можем заглянуть вперед”².

Однако и в прошлом, и в настоящем фильма есть исключительно важные для анализа понимания черты и особенности.

Эффект Кулешова

Фильмы — это тексты, образованные последовательностью кинокадров. Именно в таких текстах и был обнаружен “эффект Кулешова”. Сущность этого явления заключается в том, что смысловое восприятие кадров зависит от их монтажной взаимосвязи. Чередуя один и тот же кадр — человеческое лицо — с различными другими кадрами (тарелка супа, девушка, гроб), Л. В. Кулешов обнаружил, что выражение лица “читается” по-разному: голод, страсть, горе, причем зритель не осознает, что наблюдает один и тот же кадр. Эксперименты, проводимые в этом направлении, позволили обнаружить, что ведущий фактор понимания фильмов — это “соотношения кусков, их последовательность, сменяемость одного куска другим”³. Но это не осознается зрителем: ему представляется, что основное — это “показ содержания данных кусков”⁴. Первоначальная гипотеза (излагаемая в цитированной работе) сводилась к тому, что исследуемое явление специфично именно и только для языка кино: это предположение не подтвердилось, и в дальнейшем Л. В. Кулешов пришел к выводам иного порядка. “В художественной литературе,— писал он,— монтаж был давным-давно открыт, задолго до появления кинематографа. Вот выдержки из письма Толстого к Страхову в апреле 1876 года: “Во всем, почти во всем, что я читал, мною руководила потребность собирания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, вы-

раженная словами особо, трогает свой смысл, странно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя...” Более гениального определения сущности монтажа (сцеплений), чем сделал это Лев Толстой, нельзя придумать”¹.

Итак, переходы от одной, относительно законченной мысли к другой, переходы, образующие основу сцепления мыслей в связном тексте, не осознаются полностью, не вербализуются (“выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя”). Примечательно, что этот факт до последнего времени не обращал на себя внимание исследователей бессознательного, и объясняется это в значительной мере тем, что понимание текста обычно интерпретируется как осознание (“смысловое восприятие”) его содержания.

Между тем фундаментальная особенность любого текста состоит в том, что он делим. Так, для индивида, обладающего навыком чтения письменных текстов, представляется очевидным, что он делится на фразы, абзацы, главы и т.п. Но выделение этих “кусков” (в терминологии Л. В. Кулешова) является не только реализацией намерений автора текста. Делимость текста объективна. Конечно, чем больше выделяемый отрезок текста, тем более велик и момент произвольности при его выделении. И все же потребность в делении текста, реализуемая его автором, есть лишь субъективное выражение свойства, объективно присущего текстам как таковым. А стык, сцепление, сравнение элементов текста, происходящее в (воспользуемся термином У. Рейтмана) “операторе понимания” читателя — это монтаж. Это появление смысла из сопоставления — то, что А. А. Потебня, И. М. Сеченов, С. М. Эйзенштейн ставили во главу угла, говоря о механизме порождения мысли.

Монтаж — это феномен неразрывный с пониманием и творчеством издревле; просто кино позволило его выделить, определить. “Колесо, а прежде всего лук и после него арка — все это явления монтажа. Умение расчленять и соединять впечатления, отрывки, знания в новое движение — вот основа...”²

Это основа созидания.

“Своду и арке стандартных зданий радуется глаз, ибо в них он предчувствует попытку освобождения от власти законов естества и начало взлета и подъема, которыми людская надежда смело отодвигает конец — в беспредельность,— писал Иво Андрич.

Видите, как далеко ушли от склейки кусочков киноплёнки. Монтажные стыки — мощная сила, порождающая понимание и созидание. Есть и другие аспекты фильма, существенные для понимания.

¹ Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. М., 1977. С. 88.

² Шкловский В. За шестьдесят лет. С. 510.

³ Кулешов Л. Искусство кино: мой опыт. М., 1929. С. 16.

⁴ Там же.

¹ Кулешов Л., Хохлова А. 50 лет в кино. М., 1975. С. 78.

² Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 322.

**Нейролингвистическое
программирование:
фильмы
и понимание**

Нейролингвистическое программирование, о котором сейчас так много пишут и говорят, придает большое значение фильму как способу освоения мира — мира внешнего и мира внутреннего. Ричард Бэндлер¹ говорит по этому поводу:

“Я прагматик; я люблю выяснять, как действительно исключительные люди делают то, что они делают. Один преуспевающий бизнесмен из Орегона с любым проектом, который хотел понять, делал следующее: он начинал с кадра и раздвигал его так, чтобы кадр стал полной панорамой, а он сам оказался внутри. Потом он превращал это в фильм. В любой момент, когда ему было трудно увидеть, как развивается фильм, он немного отступал назад и смотрел на себя. Как только фильм снова начинал двигаться, он снова входил внутрь. Это пример практического понимания, которое неразрывно связано с действительным совершением поступков. Для него понимание чего-то и способность делать это неразличимы.

Понимание — это процесс, жизненно важный для выживания и научения. Если бы вы не были способны каким-то образом извлекать смысл из своего опыта — вас ожидали бы большие неприятности. У каждого из нас имеется около трех фунтов серого вещества, которое мы используем, чтобы пытаться понять мир. Эти три фунта студня могут делать некоторые поистине удивительные вещи, но никоим образом не могут понять что-либо полностью. Когда вы думаете, что понимаете что-то, вы на самом деле определяете то, чего вы не знаете. Карл Поппер хорошо сказал об этом: “Знание — это утонченное определение границ незнания”.

Есть несколько типов понимания, и некоторые из них гораздо более полезны, чем другие.

Один тип понимания позволяет вам оправдывать происходящее: “Все происходит так потому, что... и поэтому мы ничего не можем изменить”... Это впечатляюще звучит, но, по существу, это набор слов, утверждающий: “Ничего нельзя сделать”...

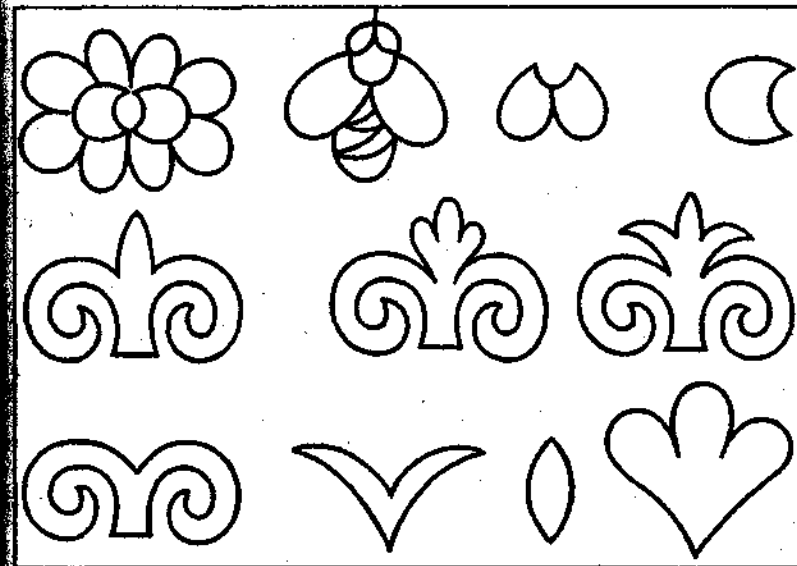
Второй тип понимания просто позволяет вам получить приятное ощущение: “Я это видел раньше: да, я понимаю”. Такой тип понимания тоже не учит вас способности что-либо делать.

Третий тип понимания позволяет вам говорить о вещах, используя весомые концепции, а иногда даже уравнения. Концепции могут быть полезны, но только если они имеют опытную основу и только если они позволяют вам начать делать что-то другое, новое.

Единственный тип понимания, который мне интересен, — это тот, который позволяет вам что-нибудь сделать. Все наши семинары, —

¹ Прошу прощения у читателя за следующую далее длинную выдержку, но она любопытна: я ее сократил и отредактировал довольно слабый перевод.

Монтаж старшее кино и киноаппарата. Вполне возможно, что сочетание знаков — это монтаж, чей смысл может быть скрыт от реципиента. Полвека тому назад М. В. Рындин в книге “Киргизский национальный узор” высказал предположение, что в элементах киргизских орнаментов закодированы, вполне конкретные значения, сочетания которых образуют довольно сложные по смыслу тексты. Отнюдь не все специалисты разделяют эту гипотезу; но полагаю, что у читателя она может вызвать интерес (рисунки и их интерпретация — проф. Э. Дж. Шукурова; пользуюсь случаем выразить ему глубокую благодарность). Вообще говоря, по отношению к исторически закрепившимся сочетаниям знаков действует принцип “бессмыслиц не бывает”, инкапсулированный в них смысл и образует действительную опору их передачи от поколения к поколению, опору, крепящуюся в коллективном бессознательном.

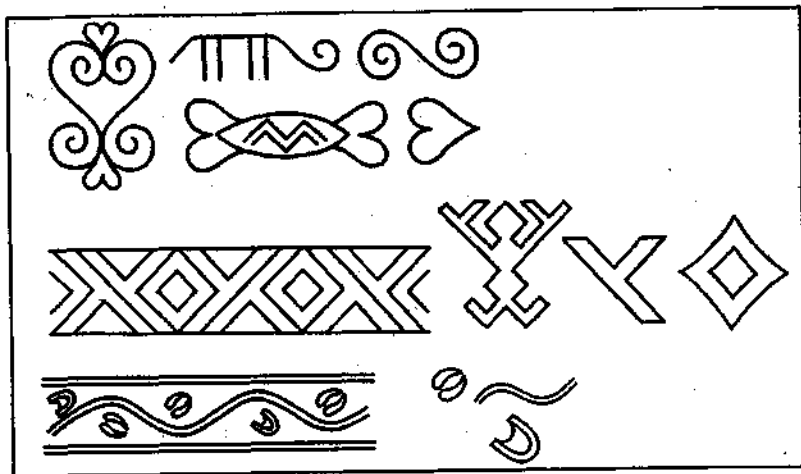

Верхний ряд: Лошадь, которую мучают оводы. Орнаментальное изображение мухи. Детали: крылья мухи; копыто неподкованной лошади.

Средний ряд: Баран (овца), пасущийся на джайлоо (летнее пастбище). То же — на весеннем пастбище. Баран и козел (овца и коза), пасущиеся на джайлоо.

Нижний ряд: Детали: рога барана; рога козла; листок — символ лета; цветок — символ весны.

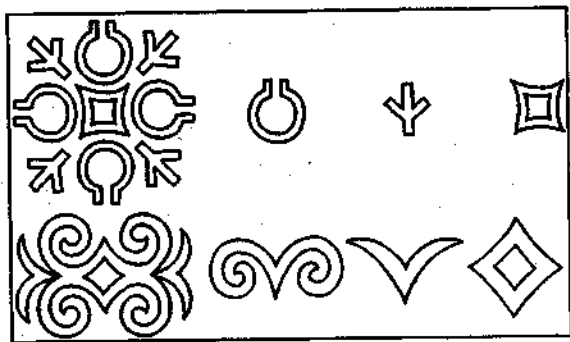

Верхний ряд: Две собаки, дерущиеся за кость. Орнаментальное изображение собаки. Хвост собаки. Орнаментальное изображение кости с мясом. Деталь кости.

Средний ряд: Люди, собирающие юрту. Орнаментальное изображение человека. Деталь — рука человека. Деталь — ячейка решетки основания юрты.

Нижний ряд: Верховой охотник, преследующий горного козла. Детали: след горного козла; след подкованной лошади; извилистая горная тропа.

Верхний ряд: Орнаментальное изображение пословицы: “Человека, закованного в кандалы, посещают только вороны”. Детали: кандалы; след лапы вороны; деталь решетки.

Нижний ряд: Охотник принес к юрте двух архаров и двух кинков. Детали: рога архара; рога кинка; решетка юрты.

продолжает Р. Бэндлер, — обучают конкретным технологиям, которые позволяют что-то делать...

В понимание некоторых людей встроена неопределенность. Я знаю инженера, чье понимание состоит из прямоугольной матрицы изображений, примерно восемь строк по вертикали и восемь колонок по горизонтали. Он начинает думать, что понимает что-либо, когда матрица примерно наполовину заполнена изображениями. Когда она заполнена процентов на девяносто, он знает, что понимает вполне прилично. Однако в его матрице всегда есть пустые ячейки, обозначающие, что его понимание всегда неполно. Это удерживает его от излишней уверенности в чем бы то ни было.

Понимание одной из моих самых способных учениц представляет собой размонтированный фильм о ней самой, *делающей* то, что она понимает. Когда она хочет действительно что-то сделать, это входит в ее фильм. В ее памяти — последовательность фильмов о ней, что-то *делающей* в различных ситуациях, с преодолением препятствий и т.д. ...

И более общая интерпретация проблемы с точки зрения НЛП — нейролингвистического программирования: “События вашей жизни произошли с вами в определенном порядке. Большая часть этой последовательности не была запланирована; это просто происходило и все. Большая часть вашего понимания основана на этой как бы случайной последовательности. Поскольку у вас только одна последовательность, у вас только один набор пониманий, и это ограничивает вас. Если бы те же самые события произошли в другом порядке, ваши понимания были бы совершенно иными и вы бы вели себя иначе.

Вы обладаете целостной историей личного опыта — тем богатством, которое используете, чтобы двигаться в будущее. Если у вас есть лишь один вариант этого богатства — ваши возможности будут очень ограничены.

Прокручивание событий вперед и назад — это лишь два из бесконечного числа способов, которыми вы можете организовать свой опыт. Если вы делите фильм только на четыре части, появляется еще 22 варианта — еще двадцать две последовательности, которые вы могли бы пережить. Если делить на большее количество частей, количество последовательностей еще возрастет. Каждая последовательность породит новый смысл, так же разные последовательности букв создают разные слова, а разные последовательности слов — разные значения. Технологии НЛП — это просто способы менять последовательность переживаний”.

Но почему, собственно, о фильмах говорят специалисты по нейролингвистическому программированию? С полной откровенно-

¹ См.: Бэндлер Р. Используйте свой мозг для изменения. СПб., 1994. С. 101—103, 108.

стью хочу предупредить читателя, что многие положения специалистов по НЛП я не разделяю никак. В сущности, это поп-психология, то есть снижение уровня психологического знания до уровня понимания тех, кто психологами не является¹. Например, над тем, что именно монтаж порождает понимание, Р. Бэндлер как-то не задумывается. Но вот что касается фильмов как моделей понимания в его внешнем, наблюдаемом выражении — здесь эта концепция выдерживает испытание на прочность. Здесь на самом деле речь идет о монтаже, о перестановках, о реализации возможностей транспозиционного анализа. Посудите сами — ведь то, о чем сейчас будет рассказано, легче показать, чем объяснить.

Понять — значит упростить

Командированный в воинскую часть ученый обратил внимание на то, какие длинные очереди солдат выстраиваются после обеда к лоханям для мытья и полоскания котелков. Лоханей стояло четы-

ре — две для полоскания, две — для мытья.

Ученый заметил, что на мытье каждый солдат тратил втрое больше времени, чем на ополаскивание. Все это видели. А ученый понял, что *ополаскивать* можно и в одной лохани, а вот для мытья лучше поставить три. “Тогда очередь станет меньше”, — сказал он старшине, и тот, по привычке слушать офицера (ученый был в форме), отдал соответствующее приказание. Очередь исчезла.

Комментарий Филипа Морза и Дж. Э. Кимбелла — специалистов по исследованию операций: “Во-первых, решение, когда оно уже стало известно, представляется до нелепости простым: всякий мог бы предложить его и кажется странным, что для того, чтобы его найти, потребовались услуги ученого...

Во-вторых, следует заметить, что улучшение положения было достигнуто без использования дополнительного оборудования. Лохани были только переставлены и никакого дополнительного оборудования не потребовалось.

В-третьих, важно отметить, что результаты наблюдения за очередью и предложения по ее устранению были адресованы лицу, которое было в состоянии принять меры и приняло их...

Еще одно интересное замечание, к которому мы вернемся ниже, относится к результату принятых мер. Теоретически замена двух лоханей для мойки и двух для полоскания на три для мойки и одну для полоскания должна повысить пропускную способность на 50%. Однако в результате очередь практически исчезла; иначе говоря, полученная выгода оказалась больше ожидаемой. Очередь имеет свойство, интересное с точки зрения исследования операций: чем

длиннее очередь, тем быстрее она удлиняется. Многие явления и операции имеют то же свойство развиваться в неблагоприятную сторону. Например, автострада может легко пропускать усиленный воскресный поток автомашин до тех пор, пока не произойдет какой-нибудь случайности, которая вызовет кратковременное замедление движения. Как только движение замедлилось, образуется затор”.

Вопросом ликвидации заторов на дорогах мы сейчас с вами заниматься не будем. Я лишь прошу вас обратить внимание на два значительных обстоятельства: 1) и приводимый только что пример с автострадой так же, как и предыдущий, может быть интерпретирован как фильм; 2) перестановка и замена были реализацией понимания как формы эффективного участия мышления в деятельности людей.

Аналогия с фильмом характерна и для воспоминаний, выступающих как воспроизведение понимания прошлого.

Понять — значит воспроизвести

Золтан Фабри, знаменитый венгерский кинорежиссер вспоминает, как летом 1944 года он, молодой парень, купил за 8 пенге 60 филлеров книгу классика кино — Всеволода Пудовкина. И, обратив

внимание, — эти воспоминания, этот рассказ превращается на ваших глазах в фильм с крупными планами, монтажом. Психологи показали, что запоминание осмысленного на несколько порядков прочнее запоминания того, что хаотично и бессмысленно. А почему? А потому, что *осмысленное* воспроизводится как *понятое*. Но: слово Фабри.

“В 1944 году жители Будапешта жили в убежищах днем и ночью, почти всегда в страхе, ожидая конца войны. Измучившиеся люди надеялись, что страна избежит исторической катастрофы, они под страхом смертной казни слушали венгерские известия по московскому и по лондонскому радио. Фронт неудержимо продвигался к границам страны, на улицах изо дня в день встречалось все больше и больше женщин в трауре. Гитлеровцы оккупировали страну. Фашистское безумие возрастало. Нилашты готовились к захвату власти. Военно-санитарные грузовики отдавали запахом крови и пороформа. Город, несмотря на бомбардировки, от которых он страдал уже в течение двух лет, был еще сравнительно неповрежденным, мосты еще стояли. Было лето, жара; при резком солнечном свете измученные лица казались еще бледнее.

В такой жаркий день я увидел в витрине магазина книжку, которая недавно вышла в свет. Невероятно! Я не верил своим глазам. Это была книга Всеволода Пудовкина на венгерском языке. Я купил ее и побежал домой”.

¹ “А что надо делать?” — спросите вы. А надо поднимать уровень понимания — зачем и написана, например, эта книга.

И вот прошло много лет.

“...Мною вдруг овладела странная, волшебная власть ассоциативного механизма памяти. Как, помнится, запах и вкус печенья, замоченного в чае, вызвали у Пруста воспоминания детства — старый дом, водяные лилии, парк, деревенские дома, главную площадь с церковью, окраину города, — так и карандашная надпись цены 8.60 вызвала во мне детали того душного, невыносимо жаркого летнего дня, а вслед за ними и все происшедшее с тех пор. Одновременно появились перед моими глазами витрины, заклеенные бумажными полосами, бесконечный ряд безмолвных людей, подгоняемых солдатами из парка Каройи на Музейный проспект. Я вспомнил уничтоженное воздушной бомбардировкой здание на углу площади Корвина, поврежденный фонтан с округлыми каменными гречанками, израненными осколками, равнодушно взирающими на внешний мир. Я слышал скрип тормозов и грубый окрик немецкого майора, выскочившего из офицерской машины. Я видел старческие дрожащие руки в коричневых пятнах и видел себя молодым, мчавшимся домой, с нетерпением ожидавшим встречи с Пудовкиным, которого я знал тогда только понаслышке”.

Ассоциативный механизм памяти здесь сработал именно потому, что Фабри стал именно кинорежиссером, и книга Пудовкина сыграла смысловую роль в его жизни. Она учила понимать. Прошлое здесь освещено пониманием.

В воспоминаниях мир все же блекнет; он лишен трехмерного, объемного существования и на экране. Но (пусть это иллюзия) все же кажется, что в недалеком будущем мир будет технически производим на том же уровне яркости, на каком он предстает в прозе А. Кабакова: “ЗИМ стоял перед нами, двухцветный, вишнево-кремовый, сверкающий хромом фар и боковых накладок. Все четыре дверцы его были распахнуты, так что можно было видеть ковровые сиденья и дорожки на полу, руль и головку рычага трансмиссии из чуть пожелтевшей пластмассы цвета слоновой кости, приборную панель под дерево, фигурный плафон на потолке. Красный, прижатый к капоту флажок из плексигласа просвечивал, словно звезда на башне. В облицовке радиатора играло солнце, на нее было больно смотреть”. Можно ли воспроизвести мир таким? Это вопрос голографической техники.

Понять реальность

А вот понять то, что происходит в реальной действительности, прочесть ее, как понимают текст, — значит понять содержание. Но смысл? То, что стоит за содержанием и бросает на него свет?

Не означает ли это понять *причины* происходящего? Казалось бы, да. Телевидение показывает нам живых людей. Оно претендует на то, чтобы раскрыть смысл их деятельности, назвать ее цели и пред-

казать результаты. То же можно сказать про средства массовой коммуникации вообще. Про газеты и журналы. Про радиовещание. Разве выборы — не демонстративный тому пример?

Напомню, что перед выборами 1993 года партии “Выбор России” предрекали 40% голосов избирателей, оказалось 15%. На выборах 1995 года эта партия не перешагнула 5%-ный барьер. 19 мая 1996 года с экрана нам улыбаются “вечерние посетители” (я не хочу называть фамилии), говорят об итогах одних выборов, предсказывают результаты других.

Голосуют не те, кто по *ту* сторону экрана, за стеклом небольшого окна в мир, что светится в углу тысяч и тысяч комнат. Голосуют те, кто по *этой* стороне. И они никогда не знают твердо, *за что* проголосовали. Знают только *за кого*. А слушать надо не только их, но и голос истории.

Воля к пониманию

Он не умолкает. Его слышат, но не слушают. Не понимают.

Не случайно фильм А. Ренэ “Ставиский” не удался. Задуман он был интересно. Скажу больше — замысел был глубо-

кий. Замысел был исключительный.

Он был полностью основан на фактах.

В 20 — 30-х годах во Франции разбогател и прославился уроженец Киева Саша С. Ему необыкновенно везло. Вот пример. Он финансировал постановку мюзикла, на премьеру пригласил “весь Париж”, и съехались люди богатые, знаменитые... Машины запрудили улицу и полицейские отогнали их в переулок.

И вдруг полил дождь.

Саша стоял у подъезда, закусив губу.

Они пойдут к машинам.

Они промокнут. А они и так мне завидуют.

Их дамы в вечерних туалетах станут страшнее мокрых куриц.

А они и так завидуют приме этого спектакля — Рите Г.!

Сто пятьдесят новых врагов — это крах.

Крах?

Саша усмехался. Он приказал за сорок минут построить деревянный навес — от подъезда до переулка.

Он покрикивал на рабочих: они слишком громко стучали, забивая гвозди.

Через час навес закончили, кончился и спектакль. Премьера удалась. Восхищенные зрители проследовали к машинам под шум дождя. Саша принимал поздравления. Разъезд завершился, навес рухнул. Саша остался цел и невредим. Такой был человек.

¹ Ставиский (Stavisky). Франция — Италия, 1974. Режиссер А. Ренэ. В ролях: Жан-Поль Бельмондо, Шарль Буайе, Анни Дюпре. Сценарист Х. Семпрун.

К сожалению, дела его постановкой оперетт не-ограничивались... И так, замысел фильма был исключительный (этот эпизод в сценарии, кстати, не вошел). Фактам он соответствовал.

Фильм взялся ставить Ален Ренэ. Сашу С.— Александра Ставиского — согласился сыграть Жан-Поль Бельмондо.

Мир охвачен кризисом. Разоряются предприятия, стреляются финансисты. Ставиский становится все богаче. Он совершает безумно смелые и незаконные финансовые операции.

Слово “безумно” здесь поставлено не для лучшего эффекта, оно употреблено вполне правильно: Александр медленно сходит с ума. Его фантастические проекты и сделки становятся предметом судебных разбирательств... Впрочем, виноват, до разбирательств дело обычно не доходит. Обеспокоенные друзья водят Сашу к психиатрам, те подтверждают свои печальные диагнозы и сообщают их судебным следователям. Суды откладываются. Безумства Александра продолжают — и он становится все богаче. Он уже невменяем, и судить его, в сущности, нельзя.

Но как же так? А просто: сходит с ума весь мир, и то, чем занимается Александр, точь-в-точь укладывается в рамки всеобщего безумия.

А параллельно терпит неудачи Лев Троцкий. Создатель Красной Армии изгнан из красной России и безуспешно объясняет всему миру, что Россией правит безумец, страдающий манией преследования. Троцкого выгоняют из благополучной Европы.

А Саша затевает новое дело...

И с треском проваливается. Подвел размах. Он решил подкупить все французское правительство и прессу.

Чтобы они ему больше не мешали.

Но на всех ему не хватило денег, не хватило ценных бумаг. Даже поддельных.

На вилле в заснеженных Альпах сидит небритый и разом постаревший человек, которого еще месяц назад весь Париж звал “красавец Александр”.

К вилле подъезжают черные автомобили.

Полиция, суд, каторга?

Ну нет. Саша стреляет себе в голову.

И вошедшие смотрят с изумлением на тело, распростертое на полу. Непонятно, кто это, собирались ли они его задержать?

Сценарий на этом заканчивается.

История, однако, продолжалась: когда “красавец Александр” застрелился, дела его выплыли наружу, правительство, пресса, парламент, все, кого он успел купить, оказались в глупом и опасном положении. Все, кого он не успел купить, торжествовали.

Но недолго. Произошел (6 февраля 1934 года) бунт, и к власти чуть не пришли фашисты. Испуг был большой, но все как-то обош-

лось, подзабылось (многие были заинтересованы в том, чтобы забылось совсем), а потом началась война... Впрочем, имя Ставиского в истории осталось.

Вернемся к фильму.

Он не вышел, не получился. От замысла до воплощения лежит путь особенный.

Ведь зрителю замысел не известен.

Он видит его воплощение. Слышит. Понимает.

Понимает, каков был замысел.

Вот этого в данном случае не произошло.

Воплощение оказалось понятным. Но мелким, рассыпанным на эпизоды. От него не было обратного пути к замыслу, он остался где-то вне фильма.

Главнейший вопрос: почему? Ведь Ален Ренэ не только талантливый, но и очень умный, знающий теорию режиссер. О Бельмондо, его обаянии, динамизме можно и не писать — и так все его знают. И снят фильм изысканно. И сценарист знает материал, известный писатель... Чем же объяснить неудачу?

Здесь произошло нечто иное. Заговорила история.

Голос у нее неслышный, но звучит в душе каждого, кто хочет знать правду.

И вот оказалось, что правду слышать тогда не хотели. Никто не хотел, ни постановщик, ни зрители. А история говорила. Пришлось создателям фильма лавировать, а это никогда не ведет к добру.

А в чем правда? В истории о Саше С., “красавце Александре”?

Да нет же. В исторической реальности. Вот она, разверните газету. Бывший президент Кореи арестован¹; премьер Италии сидит в тюрьме, другой премьер (бывший, а сейчас пожизненный сенатор) сидит на скамье подсудимых, а суд слушает его показания о причастности к убийству третьего премьера... генеральный секретарь НАТО брал взятки... А сколько судебных дел не возбуждено даже — вы догадываетесь? При этом экономического кризиса мирового масштаба нет. Происходит нечто иное. И происходило уже тогда, когда снимался “Ставиский”.

Происходит падение.

Вот об этом падении, об оскудении совести слышать никому не хотелось. Потому что это очень большая опасность для цивилизованного мира, не меньшая, чем всеобщее беспутство, дешевый мистицизм, коррупция, перманентные перевороты и локальные войны, погубившие некогда Римскую империю. Тревога, которую вызвала история блистательного мошенника, была связана именно

¹ Затем, посадили на скамью подсудимых еще одного бывшего президента — Кореи, а бывший президент Мексики вообще исчез, куда-то уехал и никто не знает, где он. Обвиняют его в организации политического убийства. Есть ли смысл перечислять далее?

с этим, а кому охота тревожиться попусту, ведь может еще обойдется.

Может и обойдется, не знаю.

Но в любом случае надо внимательно прислушиваться к голосу истории. Она сообщает факты. Эти факты поддаются, как мне кажется, пониманию.

Необходима лишь *воля к пониманию*.

Признанное поэтическое воплощение воли к пониманию мира и людей — это “Божественная комедия” Данте Алигьери. При этом “в дантовской системе мироздания существовал элемент, отсутствующий в картине мира, представляемой современными нам естественными науками, а именно — мораль и справедливость. Даже девятое кристальное небо, или перводвигатель, проникнуто этическим началом”¹.

Много лет во всем мире повторяли слова Ницше о “воле к власти”. Одни ее, эту волю, отрицали, другие восхваляли, третьи властвовали и Ницше не цитировали. Но воля к власти, буде она и существует (что сомнительно), человечество не погубит и не спасет.

Иначе стоит вопрос о воле к пониманию.

Вот она действительно существует, ею с ранних детских лет наделен каждый, и ее сила в состоянии спасти мир, в то время как ее слабость способна его погубить.

Ослабить волю к пониманию можно. Ее можно и подавлять. Ни к чему хорошему это не приводило и не приведет.

Нередко поток образов, создавая смутное ощущение их связности, подавляет тенденцию к речевому выражению смысла. “Приходится констатировать, что у нас мало шансов спасти слово, Логос. Все превращается в напор, в картину, в образ... Это разламывает логоцентрическую концепцию на куски... Но я думаю, что есть в нашей природе какие-то очаги сопротивления, которые заставляют нас говорить с кем-то, кого мы любим, с помощью картинок. В этом случае нужны слова, выражения”².

И не только в этом случае.

“Красота спасет мир”. Классик сказал.

К уму, как вы сами понимаете, это отношения не имеет. Красота и, больше того, — любовь (справьтесь у другого классика) может поразить как молния. Даже как финский нож³. И еще многое она может сделать. Но насчет спасения мира я бы не обольщался. Красота тут не поможет. После испытаний термоядерных бомб над атоллами Тихого океана вставали радуги исключительной красоты. Да и океан, поглотивший не одну тысячу человеческих жизней, бы-

вает прекрасен. Все эти разговоры о спасительной силе красоты даже не столько нелепы, сколько опасны. Ведь красота сама нуждается в защите и спасении. И это надо ясно понимать.

В состоянии спасти мир воля к пониманию.

О вере я уже не говорю. Она необходима. И спорить с этим не приходится. Но сотни лет решают вопрос: надо верить, чтобы понимать, или надо понимать, чтобы верить? Решается этот вопрос так, что невольно в душу закрадываются сомнения: правильно ли он поставлен, точнее — можно ли его ставить и обсуждать? Ведь “о чем невозможно говорить, о том следует молчать”. В этом Людвиг Витгенштейн абсолютно прав⁴. Но отсюда не следует, что нельзя понять то, о чем невозможно говорить.

¹ Голеницев-Кутузов И. Данте. М., 1967. С. 195.

² Яннарос Х. Границы истины (лекция, прочитанная 10.10.91 в Женеве) // Искусство кино. — 1995. № 2. С. 59.

³ Булгаков М. А. Собр. соч. Т.5. М., 1990. С. 137.

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Предложение 7 // Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 73.

УЧИТЬСЯ ПОНИМАТЬ

Самое главное — жить и работать на совесть;
смотреть, слушать, учиться понимать.

Эрнест Хемингуэй

В этой главе предпринята попытка охарактеризовать некоторые принципы, определяющие роль понимания и существенные для образовательного процесса и его результата.

Понимание необходимо

“У вас серьезный недостаток,— говорил Дега Полю Валери,— вы все хотите понять”.

Говорят, что в каждой шутке есть доля истины; доля истины в этой остроте весьма значительна. Как это ни грустно, процесс эффективного обучения и последующего участия в жизни общества покамест зиждется именно на том, чтобы понимать *не все*. Ограничения, налагаемые обществом на глубину понимания, определяются рядом причин. Во-первых, понять можно то, что имеет смысл, а жизнь индивида, как, впрочем, и общества, носит во многих отношениях абсурдный характер; не просто сложный, не просто непонятный, а хаотичный, случайный, даже нелепый. Во-вторых, традиции предполагают исполнение определенных требований. Соблюдение унаследованных правил и норм, но никак не их углубленное постижение. В-третьих, усвоение знаний предполагает ту меру их понимания, которая необходима для их запоминания. Углубляясь в сущность изучаемых проблем, можно и не сдать экзамен или зачет.

И тем не менее понимание смысла и интенция углубить его понимание является важнейшей составляющей частью культуры. Культура включает в себя и определенное, характерное для дан-

ной культуры представление о смысле, и образование как форму приобщения к культуре.

Культура и правила выражения смысла

Выражение смысла составляет непрерывное условие выполнения коммуникативной, экспрессивной и иных функций языка. В своей сущности система языка представляет систему правил, позволяющую употреблять слова в целях выражения смысла. Здесь намечается определенная аналогия с правилами игры. Это связано со способностью сознания действовать на основе принятой системы правил — способностью, общей для языка и культуры.

Культура, смысл, общение образуют триединство, в основе которого лежит понимание. Вполне очевидно, что существованию и развитию общества сопутствует рост специфически человеческой потребности в общении. Именно эта потребность — коммуникативная — возможно, и лежит в основе порождения феноменов культуры. Чем это объяснить? По-видимому, тем, что любой феномен культуры обращен к людям, становится достоянием их сознания, влияет на их мысли и поступки. Этим способом постоянно поддерживается существование культуры. Иначе говоря, культура в своих конкретных проявлениях включается в коммуникативный процесс, ее социальное существование становится фактом коммуникации. Опять-таки, почему? Потому, что культура опосредует отношение человека к природе и обществу.

Человек и культура неразделимы. Каждый человек принадлежит к определенной, исторически данной культуре. Это очевидно. Но не менее очевидно и другое — он ощущает, что культура принадлежит ему, и в известном смысле это действительно так. Фундаментальный уровень культуры образует язык. Носителем языка является человек, который не в состоянии произвольно изменять его грамматику и лексику.

Но в то же время язык принадлежит человеку, который свободно им владеет, и начала духовного творчества коренятся в свободном построении текстов. Построить фразу — значит “вести локомотив мысли по рельсам грамматики”. Пути построения текста многообразнее и шире.

Конечно, понятие “текст” здесь трактуется широко, в соответствии с принципом выразительности Сирла: все, что человек имеет в виду, он в состоянии выразить с помощью знаков. Но выразить нечто — это одновременно означает ориентироваться на понимание сказанного. В сущности — на людей, которые могли бы вас понять. Вытекающий отсюда вывод отчетливо формулирует У. Рейтман: “Следовательно, мы не можем говорить об определенном смысле общения, не учитывая конкретного индивидуума, его оператора

¹ Валери П. Об искусстве. М., 1976. С. 596.

понимания и тех знаний, убеждений и источников информации, которыми он располагает¹.

Таким образом, культура включает в себя не вполне точно сформулированное, даже не вполне осознанное представление о смысле. Коммуникативный аспект ее существования включает понимание смысла.

Казалось бы, именно пониманию и следовало бы учить, но это оказалось затруднительным: в процессе исторического развития культуры образование постепенно обратилось в передачу знания, а не в форму развития мышления.

**Что нужно
для развития
мышления**

“Для развития мышления необходимы техника, программа и воля, — утверждал Ницше. — Умение думать... в наших школах теперь уже не имеют об этом ни малейшего понятия”², — добавлял он. Конечно, говоря “думать”, Ницше имел в виду “понять”, ведь человек думает, когда он хочет понять. Его триада примечательна тем, что волю он ставит рядом с программой развития способности понимать и овладением технологией мышления. Это была такая традиция. Ф. Лассаль называл волю физической силой ума. Умение принимать решения и приводить их в жизнь ценилось очень высоко.

В полевом уставе германской армии вполне ясно говорилось о том, что ошибка в выборе средств не так преступна, как бездействие³. Афоризм Горького “вопросы воля решает, разум только помогает” вполне этой традиции отвечал.

На самом деле вопросы решает воля к пониманию. Она существует у всех. Но развивать ее просто необходимо.

Интеллект и воля развиваются в процессе деятельности. Традиционно внимание педагогов сосредоточивается на таких видах деятельности, как труд, учеба, игра. Но ведь есть и четвертый вид деятельности — забота. Когда готовят обед или, скажем, пришивают пуговицы к куртке ребенка — это не только труд. Это выражение отношения через деятельность: забота. Пауль Тиллих, замечательный теолог XX века, столь интересующий и протестантов, и доминиканцев, в книге “Динамика веры” назвал веру просто “бесконечной заботой”. Забота объединяет и мирскую веру, и веру

мистическую. Не она ли является основой экологического образования, включающего воспитание? Ведь вся деятельность человека в сфере экологии есть выражение его отношения к природе, и в этом смысле — забота. Вообще отношение людей к природе — это превращенная форма их отношения друг к другу. Экологическая педагогика не будет эффективной, пока в отношении людей друг к другу не станет доминировать забота как форма деятельности и основа интеракции, то есть их взаимодействия и взаимопонимания в процессе общения.

В педагогике всегда скрыто обращение одного человека к другому. Если оно искренне, если оно продиктовано заботой о другом человеке, а не формальным исполнением служебного долга — оно всегда будет иметь положительный результат. В общении всегда присутствует самовыражение, и дети это тонко понимают.

Психология ребенка характеризуется своеобразным пониманием мира как целого. У детей и подростков очень отчетливо выражены Soll-wert, образ цели, и это именно целостный образ. Они в большинстве своем хотят простых вещей — уметь понимать, что они читают, говорить на иностранном языке, водить машину, танцевать, метко стрелять, фотографировать, читать карту, хорошо плавать, одним словом, уметь делать все, что дает случай и возможность показать себя образованным, мужественным, изящным, умелым, ловким. Только то, что имеет для юноши или девушки личностный смысл, им по-настоящему понятно.

Понимание всегда в чем-то сродни творчеству, оно индивидуально, ширально, поливариантно. Дело в том, что ум не знал сослагательного наклонения; точнее, в отличие от сил физических духовные силы не знали сослагательного наклонения, лишь к концу XX века компьютерные игры стали изменять ситуацию или, скорее, создавать условия для решительного ее изменения. Мы еще увидим все последствия погружения учащихся в виртуальные миры.

Вечная проблема

“Пересказ глупым человеком того, что говорит умный, никогда не бывает правильным, потому что он бессознательно превращает то, что он слышит, в то, что он может понять”. Последнее утверждение

составляет так называемый принцип Рассела, и он относится в равной мере и к тем, кто читает (а не только слушает), и вообще ко всем людям без различия их умственных способностей: в процессе пересказа все превращают исходный текст в то, что они в нем поняли.

Это относится именно к пересказу, а отнюдь не к дословному воспроизведению, вот почему общепринятым способом проверки эффективности обучения является опрос учащихся: с основанием предполагается, что их рассказ, а точнее пересказ, явится свиде-

¹ Рейтман У. Познание и мышление. М., 1968. С. 113.

Замечу, что информационный фундамент понимания составляет, согласно Ю. А. Шрейдеру, тезаурус (греч. thesauros — сокровище). Это хранимый в памяти набор знаний, которые могут быть активизированы, возвращены в сознание.

² Ницше Ф. Сумерки кумиров. М., 1902. С. 163. (Современный перевод заглавия “Сумерки идолов” несколько менее адекватен).

³ С этим полевым уставом германская армия вышла на поля сражений мировой войны 1914—1918 гг. Прошло много лет, но традиция не исчезла. “История будет более милостива к действующим, чем к тем, кто бездействует”, — полвека спустя говорил генерал Гейнц Гудериан, автор книг “Внимание, танки!” и “Танки, вперед!”.

тельством того, насколько полно и правильно они поняли то, что слышали от учителя или читали в учебнике. К сожалению, этот способ проверки знаний, насчитывающий не менее двух тысяч лет и составляющий важнейшую часть школьной субкультуры Запада и Востока, отнюдь не является оптимальным. Дело в том, что преподаватели (это относится в полной мере и к высшей школе) имеют слабость считать наиболее правильным именно дословный пересказ того, что они сообщали учащимся; естественным следствием этого является заучивание текстов.

Надо сказать, что многие исходные тексты, особенно написанные авторитетными учеными, вообще превосходят по точности формулировок любой пересказ, а что касается стихов, то попытка пересказывать их иначе, чем наизусть, ни к чему хорошему обычно не приводит. Все это, казалось бы, говорит в пользу тех, кто требует буквализма в воспроизведении исходных текстов, но по существу еще более ослабляет метод проверки понимания текстов путем пересказа их содержания — ведь затверженные формулировки никак не свидетельствуют о понимании их смысла, а о понимании смысла стихотворений зачастую не приходится и говорить.

В школьной субкультуре сложился и особый тип общения — вопрос учителя и ответ ученика, причем способ этот заметно стимулирует развитие способности оперировать доказательными суждениями.

Мне не однажды случалось обсуждать с А. Р. Лурия его известную работу об историческом развитии познавательных процессов и, разделяя общепринято высокую ее оценку, я остаюсь при убеждении, что многие методы работы психологов с информантами или испытуемыми эксплицируют специфику определенного способа мышления, а именно — того, которому учат в школе. В одних случаях этот способ эффективен, в других — нет, во всяком случае он не универсален. Т. К. Тульviste убедительно показала, что не возраст и не грамотность, а само обучение в школе порождает умение решать вербально-силлогические задачи, и более того, это умение при определенных условиях исчезает. Главную роль в появлении способности решать такие задачи и рефлексировать над решением как раз играет та специфическая форма общения между учителем и учениками, которая веками складывалась в школе и породила у учащихся особый навык перехода от текста задачи к ответу на соответствующий вопрос учителя. Навык этот присущ школьной субкультуре и является общим для экспериментатора и испытуемых.

С людьми, далекими от специального интереса к доказательным суждениям, дело обстоит иначе — проводимая нами сейчас работа позволяет в предварительном порядке заключить, что испытуемые, способные излагать и анализировать содержание “Анны Карени-

ной” или “Владельца Баллантрэ”, могут испытывать определенные трудности при решении классических вербально-силлогических задач.

Снова о полях понимания

Как вы помните, процесс понимания протекает в трех когнитивных полях.

В поле 1 непосредственно представлены природные и социальные ситуации, в которых мы живем и действуем. Здесь понимание происходит по принципу “что есть, то и доказано”. Миру предметов и личных ощущений здесь придается особое значение. Не случайно юристы так серьезно относятся к свидетельским показаниям. И, бывает, оспаривают их. Действительность в поле 1 дана фрагментарно, многие связи надо еще додумать, достроить в уме, не говоря уже о том, что вера в факты может быть и наивна. Такие замечательные ученые, как Уильям Крукс и Оливер Лодж верили духовидцам, убеждавшим их (с помощью довольно примитивных фокусов), что они могут общаться с душами покойных. Недаром знаменитый фокусник Гудини (Эрих Вайс) говорил, что легче всего показывать фокусы профессорам, а труднее всего — морякам. Море учит всматриваться в окружающую действительность пристально и недоверчиво, подмечать все непривычное, быть всегда начеку. Как говорил мне один капитан дальнего плавания, жизнь всех этому учит, только на суше многое сходит с рук, а вот в море за ошибки расплачиваются сразу. На суше не утонешь — в этом все дело.

В поле 2 разворачивается последовательность доказательных суждений, здесь господствуют отвлеченные, но достаточно прочные логические конструкции. Всех нас учат ориентироваться в поле 2 на уроках математики (типичный пример — доказательство теорем), но в общем всем людям свойственно мыслить логично — правилам логики учит элементарный жизненный опыт.

Понимание в поле 2 происходит по принципу “что доказано, то и есть”. Сила и убедительность логических операций велика... Но все дело в том, что представление об “убедительном” со временем меняется. Франческо Сиззи, флорентийский астроном, так отреагировал на заявление Галилея о том, что он открыл четыре новые планеты на орбите возле Юпитера (на самом деле это были спутники Юпитера, но Галилей этого не знал): “В голове имеется семь отверстий: две ноздри, два уха, два глаза и рот; аналогично и в небесах две благоприятные звезды, две неблагоприятные, два светила и единственный Меркурий, неопределенный и безразличный. Отсюда и из многих других аналогичных явлений природы, таких, как семь металлов и т. п., которые было бы утомительно перечислять, мы заключаем, что число планет с необходимостью должно равняться семи... Кроме того, евреи и другие древние народы, как и современные европейцы, приняли разделение недели на семь дней и на-

звали их по семи планетам, если теперь мы увеличим число планет, вся эта система падет... Более того, эти спутники невидимы невооруженным глазом, и потому не могут оказывать влияние на Землю, и потому были бы бесполезны, и потому не существуют”¹.

Вас это не убедило? Галилея тоже.

Нельзя сказать, что убедительным кажется только непосредственно увиденное или логически доказанное. Понимание событийных последовательностей совершается в поле 3.

Именно в поле 3 происходит понимание текстов об исторических событиях, художественных произведениях. Здесь понимание идет по принципу “что рассказано, то и было”, а в части случаев — “что рассказано, то и есть”. Когда мы читаем Гоголя и Булгакова, для нас несущественно, как оживал портрет ростовщика Петромыхалы, стоял ли владыка теней на крыше Пашкова дома, какие физические законы позволяли Маргарите летать над Москвой верхом на половой щетке. Дело в том, что для понимания в каждом из трех когнитивных полей существенны различные системы противопоставлений: в первом поле — “есть — нет”, во втором — “истинно — неистинно (ложно)”, в третьем — “хорошо — плохо”. В первом особо важное доминирующее место занимают предметы и отношения между ними, во втором господствуют отношения между понятиями, в третьем — отношения между людьми.

Но автономность когнитивных полей относительна, протекающие в них процессы понимания дополняют друг друга, их итог един. И это приводит к результатам неожиданным. Евангелия, например, не содержат никаких доказательств бытия божьего, это просто повествования, но история свидетельствует, что убеждающая сила этих текстов достаточно велика.

Профессор В. В. Болотов еще в начале века отмечал: “Что касается формы, в которую гностики облекали свои воззрения, то она, конечно, теснее примыкает к восточным теософским мифам, чем к греческой философии. Для нас признать гносис как философию кажется странным. Он распространялся не в виде философских трактатов. Скорее, это были опыты поэтического изложения, не философские системы, а религиозные эпопеи. Но всякое время знает свои исключительные формы изложения. В наше время кажутся весьма интересными опыты изложения естественнонаучных истин в сочинениях Жюль Верна”². А вот почему они кажутся интересными? Потому что понимание их втянуто в процессы, происходящие именно в третьем, нарративном поле понимания.

Роль нарратива, повествования, в процессе стимуляции понимания еще не нашла достойной оценки. Это дело будущего.

¹ Цит. по кн.: Holton G. Introduction to Concepts and Theories in Physical Science. Mass., 1952. P. 164—165.

² Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. СПб., 1908. С. 177.

Возможно, что компьютер сыграет здесь решающую роль.

Роль образования

В начале века Г. Дж. Уэллс выдвинул и обосновал предположение о том, что по мере ослабления политической власти и роста экономических факторов в жизни общества будет действовать принцип

“наше образование — вот наше правительство”. Иначе говоря, от знаний, намерений и поступков образованных людей будет зависеть то, что раньше зависело от жестких указаний политических руководителей общества.

Думается, принцип Уэллса может воплотиться в реальность. Но к образованию это предъявит новые требования: новое поколение должно войти в жизнь, подготовленное к ней по-новому.

Педагогика издревле уделяла главное внимание передаче знаний и проверке их закрепления. Считалось (и с основанием), что знания — это то, чего у учащихся нет и без педагога они их не приобретут. Напротив, сущностные силы у них есть и развиваются сами. Действительно, характерный признак сущностных сил — саморазвитие. Способность понимать, запоминать, переживать, настаивать на своем казалась столь естественно присущей детям и юношам, как и их неумная подвижность. Любопытно, что необходимость специально развивать эту, физическую, сторону сущностных сил осознали очень давно, а к попыткам развивать духовные силы личности относились сугубо настороженно — попытки Сократа тренировать интеллект молодых людей завершились для него трагически.

Педагоги столь же традиционны в своем отношении к людям, сколь и военные: в школе немало часов уделяется физкультуре, есть и учебник “Человек”, содержащий сведения о его анатомии и физиологии. А ум, память, воля, чувство ответственности, наблюдательность и многие иные свойства человека, в которых выражается духовная сторона его сущностных сил, остаются вне пределов обучения в школе. Что касается вузов, то ведь и в них развитие духовных сил личности происходит спонтанно. В особо густой тени лежит развитие способности понимать, воспитание культуры мышления.

Главное

Человек живет не тем, что ест, а тем, что он переваривает. Образование — не то, чему человека учили, а то, что он в этом понял. Если ясно сориентировать образовательный процесс на понимание, а не на

запоминание материала, то эффективность образования вырастет, резко и намного.

Для этого необходимо решительное изменение способа учения.

Понимание текстов (учебных и научных, политических и литературных), понимание других людей (в первую очередь — понимание представителей другой культуры), понимание самого себя — вот чему следует учить.

Возможно ли это? Это возможно, но трудности, при этом возникающие, весьма велики. Связаны они с тем, что нет учебных курсов, специально развивающих способность понимать, хотя необходимость в педагогике понимания осознана давно. Кризис образования носит всеобщий характер, просто у нас он принял особенно заметные формы.

Как уже отмечалось, в педагогике всегда скрыто обращение одного человека (Учителя) к другому (Ученику). Учитель — не просто транслятор знаний, он выступает как живое их воплощение. Но придание ему контрольных функций в процессе обучения смещает все акценты: для всех, кто учится, радость познания давно заменилась стрессом контроля. Страх перед экзаменатором (если он строг), презрение к нему (если он мягок) стали главными эмоциональными характеристиками процесса обучения.

Можно ли студентов или школьников “научить уму”? Вопрос этот не столь тривиален, как может показаться. Быть умными научить нельзя, а научить понимать — можно. “Ты равен тому, кого понимаешь”, — говорил Гете. В этом смысле интеллектуальный уровень может быть повышен. Быть может, это основная проблема учения — зафиксировать достигнутый уровень понимания не на уровне памяти, а на уровне мышления.

Рассчитывать в этом плане следует, скорее, на учебный курс, чем на тех, кто его преподает. Необходим и учебник смыслового анализа, работа над которым будет самостоятельным интеллектуальным тренингом для учащихся. Книга эта должна учить пониманию текстов — научных, политических, литературных. Вы прочли не учебник. Это всего лишь пособие. Стимул вашего интеллектуального развития. Но стимул — не гарантия. Это побуждение, не более.

В цивилизованных странах общая (генеральная) семантика и герменевтика достигли более заметного развития, нежели в образовательном пространстве СНГ, хотя везде на образовательный процесс они повлияли еще недостаточно.

Не столько потребности, сколько присущие человеку силы — ум, память, способность вступать в общение и поддерживать его, воля и другие качества, необходимые для полноценного человеческого существования, должны находить стимулы для развития в школе, средней и высшей. Задача школы, забытая многими, состоит в том, чтобы человек был и *образован*, и *просвещен*. А цель просвещения заключается в том, чтобы знания задавали человеку направление его индивидуального развития: то есть геометрия долж-

учить логически мыслить, биология — понимать живую природу, литература — понимать психологию людей в различных исторических обстоятельствах.

Некогда (совсем недавно, в сущности) нас учили, что действительность определяет собой сознание. Но экзистенциальная философия ясно показала, что действительность никогда не будет лучше человека, а он всегда будет ею неудовлетворен. Это чувство может служить причиной личных трагедий и источником личных успехов — вот тут образование может и должно сказать свое слово.

Модификация

“Научиться можно всему, невозможно только научиться мыслить. Невозможно заставить себя взвалить на плечи тяжесть, которую невозможно поднять. И все-таки это — единственный путь”¹. Это, не ли-

ценное патетики, высказывание принадлежит кинорежиссеру, известному именно своими попытками обнаружить и визуально выразить некоторое новое понимание скриптов, предложенных профессиональными авторами повествовательных текстов.

Мысль А. Тарковского, по-видимому, характеризует интроспекцию личности, ощущающей, что научиться новому способу понимания — это значит его изобрести: этот способ возникает не как простое усвоение некоторой последовательности логических приемов, а как продукт напряженного индивидуального преодоления традиций, в том числе и традиций образования. Но особенность этих традиций состоит в том, что преодолеть их можно только осмелившись, как отбросить лестницу можно, только поднявшись по ней.

Необходимость модификации мышления, т.е. разработки нового способа понимания действительности, была в свое время обоснована Римским клубом. Доклады Римского клуба оказали заметное влияние на образ мыслей ученых и политиков различных стран. Произвело немалое впечатление на ученых различного профиля и таланта (но всегда известных) участие в Пагуошском движении, которое, в сущности, было не более чем периодическими совещаниями влиятельных представителей научной общественности.

Существуют такие процессы, влиять на которые можно, лишь изменив сам подход к ним, изменив способы их понимания. Так, например, любые разработки в экологической сфере могут иметь общественный резонанс лишь при изменении самого отношения людей к природе. Равным образом исследования в сфере экономики могут повлиять на общество только через изменение образа мыслей тех, кто непосредственно занимается промышленностью, коммерцией и т.д. И, наконец, на мышление ученых влияет не только открытие новых фактов, сколько распространение нового

¹ Тарковский А. О кинообразе // Искусство кино. 1979. № 3. С. 93.

взгляда на уже известные факты. Именно такой взгляд и может возникнуть в результате углубленного понимания фактов. Необходимо новая парадигма повышения эффективности образовательного процесса.

Модифицировать мышление и его способы можно различными способами: обращаясь к исторической и мемуарной литературе, к исторически сложившимся способам модификации мышления, сохранившимся в коллективном бессознательном, и, наконец, путем разработки экспериментальных способов совершенствования понимания.

Сознание не терпит пустоты: это правильно в том смысле, что существует и обостряется потребность в новом понимании человека и его задач. Когда американские публицисты говорят, что знания стали подменять ум, а экспертиза — мудрость, то здесь описывается ситуация, которая имеет глобальное распространение. Попытка выйти из заколдованного круга может, как мы надеемся, быть осуществлена на основе модификации образовательного процесса.

Понимание оставляет след

Как это правильно утверждал Г. И. Цинцадзе, когда мы говорим о понимании, мы имеем в виду то, что происходит “в уме” или, шире, “в душе” субъекта¹. Но вот что при этом происходит, уловить не так

легко, и недаром Г. Риккерт писал об “интуиции понимания”². Он уловил очень важный признак понимания: понимание как процесс есть нечто ускользающее от рефлексии, непосредственно переживаемое. Но это понимание как процесс. А понимание как результат? Это, конечно же, заметное, не ускользающее. Психологи называют понимание продуктивно-личностным процессом: результатом (продуктом) этого процесса является нечто личностно-новое. Что это значит — личностно-новое? Другие могут это и знать. Но вы этого раньше не знали. Теперь узнали. Поняли.

Понимание и запоминание

Может сложиться впечатление, что роль понимания и значение запоминания противопоставлены в этой главе. Действительно, “человек, который способен запоминать, а не понимать, — не творческий человек. Он будет оперировать штампами”³. В то же время противопоставление запоминания и понимания все-таки условно.

Во-первых, существуют тексты, смысл которых неотделим от точного их воспроизведения. Такова поэзия.

¹ См.: Цинцадзе Г. И. Метод понимания в философии и проблема личности: Дис. на соискание ученой степени доктора философских наук. Тбилиси, 1978.

² Риккерт Г. Философия жизни. М., 1912. С. 161.

³ Буров А. К. Дневники. Письма. М., 1980. С. 119.

Во-вторых, есть тексты, которые именно запоминания и требуют. За примерами недалеко ходить — в процессе преподавания истории и географии без таких текстов обойтись нельзя.

В-третьих, имеются тексты, в которые, так сказать, заложено многообразие вариантов их понимания. Вот художественно-литературные тексты именно таковы. И это вызывает особые трудности в процессе их преподавания, ибо обучение по самой сути своей тяготеет к нормативности, к определению тех конкретных рубежей, которые должен наметить педагог и достичь учащийся.

Но при обучении эти рубежи более всего определяемы в содержании, то есть в том, что непосредственно сказано в тексте сказано; однако содержание и смысл совпадают не полностью и не всегда.

Подлинное понимание текста — это всегда выход за пределы того, что в нем непосредственно сказано, функция светильника в том, что свет выходит за стенки лампы.

Способность выйти из границ непосредственно данного в содержании человеческий интеллект обретает на относительно ранних этапах развития — в детском возрасте. И способность эту можно и должно развивать. Педагогика издавна и с успехом обращается к басне-тексту, в котором выделен и объявлен смысл (концепт). Баснописцы именуют его моралью, и ученики отлично улавливают, как расслоены в басне содержание и смысл: содержание — про зверей, а смысл — про людей. И именно здесь начинается неожиданное, баснописцем не предусмотренное: дети не выражают полного и безоговорочного согласия с моралью басен. Они очень хорошо, очень точно передают их содержание (это факт запоминания) и различаются в передаче и трактовке общего их смысла (это факт понимания).

Сверх того, важнейшим условием понимания является запоминание необходимой для понимания содержания текста информации.

Как-то профессор Байер, американский славист, посмеиваясь, пожаловался мне на своих студентов, которые не слишком хорошо понимают русскую литературу.

— Язык, наверное, плохо знают, — предположил я.

— И в переводе когда читают, тоже неважно разбираются. Хочется, чтобы больше интереса было, а современный студент — прагматик, его...

Тут он перешел на английский, где есть очень точные и простые по определению термины, и объяснил, что для его студентов любопытна “литература факта”, а не художественная “литература вымысла”. Заметив, что я слушаю его с напряжением, профессор снова вернулся к русскому, которым владел великолепно.

— Правда, бывает, что и очень интересуются — хотят преодолеть непонимание.

— Однажды на каникулах,— продолжал он,— мне позвонила аспирантка (я предлагал ей читать Гоголя и Булгакова) и сказала, что у нее есть ко мне вопросы. Я обрадовался и пригласил ее утром в университет. Она стала расспрашивать меня о мистицизме Булгакова. Я сказал, что ничего мистического у него не нахожу. “Что вы, а “Мастер и Маргарита”? вспомните как там исчезают люди из квартиры № 50!”

— Ну, знаете, при Сталине...

— А кто такой Сталин?

Мы посмеялись, но дальнейшее обсуждение привело нас к обособленному выводу, что учить понимать — это учить помещать текст в исторический контекст, и здесь Учитель необходим, как нигде.

Стратегии понимания

Первая из них непосредственно связана с общением. Учение — это общение. Понимание есть фундаментальный феномен общения. Общение само по себе есть уже способ и условие социального развития личности. Поэтому учение есть и просвещение, возникающее как результат взаимодействия того, кто учит, и того, кто учится. Это взаимодействие должно иметь основой взаимное понимание.

Вторая — со сборкой, и о ней сказано уже достаточно много. Приведу лишь любопытный пример — как осознает эту операцию студент.

Говорит врач:

“Однажды я забежал на какую-то лекцию — наверно, только чтобы подписать зачетку — и услышал слова профессора: “Если врач знает, как выглядит глаз больного, как выглядит его кожа, его язык, то ему должно быть понятно, чем человек болен”. Мне это понравилось. Я подумал, что болезнь человека похожа на рассыпанную мозаику: если правильно такую мозаику собрать, узнаешь, что у человека внутри”.

Третья стратегия также упоминалась. Это стратегия достройки по образующей, стратегия, позволяющая выйти на образ.

Любого школьника спроси —
В ответ: “Земля вокруг оси...”
Храню в сознание много лет
Земную ось, которой нет.
Которой нет, хотя она
Немного вбок наклонена?

Это именно образ, и он обладает значительной объясняющей силой.

¹ Крайль Г. Опередить Господа Бога // Иностранная литература. 1988. № 9. С. 199.

² Озеров Л. Аварийный запас. — М., 1990. — С. 5.

“Что такое земная ось? — спросил я как-то в прошлом году свою одиннадцатилетнюю дочь Мишель.

“Это прямая линия, соединяющая Северный полюс с Южным”, — ответила она уверенным тоном. “А что такое Северный и Южный полюсы?” “Это точки, где земная ось выходит на поверхность”. Не правда ли, тут есть удачный повод дать урок логики, пользуясь географическим вопросом. Ведь известно, что нельзя ничего доказать, определяя одно понятие с помощью другого, если это последнее понятие определяется с помощью первого. Установив приоритет представления о земной оси (определяемой как нечто вроде вала) над представлением о полюсах, мы стали говорить о компасе”.

Четвертая, и основная, — это стратегия сравнения. Сравнения настоящего не с прошлым, а с будущим.

Вообще сравнения раскрывают смысл (зачем они и нужны). Направление выявляется, когда мы имеем пеленг. Надо знать точки, относительно которых происходит движение. Более того, направление становится заметным, зримым благодаря сравнению, если оно скрыто от глаз, если оно носит *сущностный* характер, если смысл — это *внутреннее* направление. “Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, то есть чисто изобразительны. Они всегда преследуют задачу дать внутренний образ структуры или тяги”. Это сочетание не случайно.

Что это значит: “внутренний образ структуры или тяги”?

Предмет понимания раскрывается перед субъектом понимания как предмет осмысленный. Он не просто существует: его существование — направленный процесс. В самой структуре предмета эта направленность скрыта. Существование как бы *протягивается* в будущее. Стратегия позволяет сравнивать настоящее не с прошлым, а с будущим.

В “Бегстве мистера Мак-Кинли” Л. Леонова есть примечательный эпизод. Сэма Боулдера — очень старого, очень богатого, очень мудрого — вызывают в сенат. Он прилетает. И вот что он говорит сенаторам: “Когда мне не дремалось, то я глядел оттуда сквозь облачную дымку на все эти плывущие внизу города и башни и думал: так почему же оно так прочно? Их жгут века подряд, взрывают, а они все стоят ... Я спрашивал себя: почему?... из камня и стали? Нет. А потому, господа, что оно сделано из живой человеческой души. Из вздоха нашего, из мечты, из надежды... как будто бы даже из ничего. Вот почему книги живут дольше железа...”

Нам не повезло, господа, — продолжает Сэм Боулдер, — мы родились в чертовски неприятное время, когда человечество линяет.

¹ Ле Лионнэ Ф. Шесть полюсов земного шара // В защиту мира. 1958. № 1. С. 31—32.

² Мандельштам О. Разговор о Данте. М., 1967. С. 20.

Оно меняет свою ветхую шкуру... и ему иначе никак нельзя: ему надо жить и завтра. Его стало на земле слишком много, а мы у себя наверху¹ слишком прожорливы и грешны. И мы слишком часто обращались к дьяволу за консультацией или чтоб он прогрел нам трагически остывающую кровь. В сущности, господа, наша хваленая цивилизация достигла той роковой содомской черты, когда в древности на нее ниспосылался огненный дождь. Снова чистая душа требуется миру... и какие бы телодвижения ни совершали мы, завтра планета будет в другой одежде”.

Это завтра уже наступает.

СВЕТ И ТУМАН

Смотри же днем на столп туманный.
На огненный смотри во тьме!

Валерий Брюсов

Эта глава посвящена пониманию вопросов веры и ее отличию от магии.

Сейчас все больше людей читают литературу религиозную. Правильно ли ее понимают? Это вопрос сложный, ибо верующих немало и взгляды их отнюдь не всегда совпадают. Не следует забывать и о том, что одних интересуют вопросы, скорее, утилитарные, чем религиозные, других — решение вопросов этнического самосознания, третьих привлекает возможность найти духовную опору в общении с другими верующими, а большинство испытывает смутный, но сильный интерес к неизведанному, к тому, что дает самую великую в мире возможность — возможность надеяться.

При этом что только не читают! Лишенные чувства стыда издатели в миллионах экземпляров печатают “Практическую магию” Напюса — книгу, которая еще в начале века была расценена как беззастенчивое издевательство над неискушенным читателем. Опять-таки миллионными тиражами издаются сочинения людей, с смешкой извлекающих деньги из карманов тех, кто имел несчастье заинтересоваться “летающими тарелками”, “приворожавниками”, “тайнами египетских пирамид” и еще бог знает чем.

Но это, разумеется — не религиозная, а магическая (в худшем смысле этого слова) литература и смешивать ее с литературой религиозной никак не следует. Но что интерес человека к религиозной проблематике при этом может быть использован в интересах тех, кто хотел бы нажиться на искренней вере, — об этом тоже забывать не надо. Примеры, которые я мог бы привести, настолько хороши, вызывают столь тяжелое чувство, что в главе, посвященной вере, да и вообще в этой книге, им не место.

Почему эта глава так называется?

¹ Не будем забывать, что он обращается к власти имущим.

В Библии говорится о том, что избранному народу, уходящему из Египта, путь указывал движущийся столб. "Не отлучался столп облачный днем и столп огненный ночью от лица (всего) народа" (Исход, 13). Это образ исключительной силы. Сущность его заключается в следующем. Днем, когда светло, нельзя увидеть, что в этом столбе: он подобен облаку, непрозрачен, а ночью, когда совершенно ничего не видно, он освещает путь. Так и вера в Бога: проникнуть в то, что скрыто облаком, невозможно. Но во тьме только огонь веры освещает путь¹.

**Религия и магия —
не одно и то же**

Начнем мы с магии, а не с религии. Дело в том, что особенное распространение в XX веке получила не вера в Бога, а религиозно-мистические предрассудки, имеющие немало общего с магией, причем здесь надо провести определенную разграничительную линию между религией и магией, как это в свое время делал М. Вебер.

Реликты магического в мировых религиях, конечно, есть, но доминирует в них антимагизм. Коснемся именно магической стороны проблемы, причем так, как она представлена в массовом сознании.

Современному массовому сознанию в бывших социалистических странах в принципе свойственны модифицированные магические аспекты. Объясняется это тем, что массовое сознание второй половины XX в. впитало в себя вульгаризованные представления о "росте могущества человека — повелителя природы", о "науке как высшей силе современности" и т.п. Научное мышление (и в этом его существенное достоинство, а вместе с тем и основной недостаток) способно определить пределы реализации целеустановок, в то время как обыденное сознание не может этого сделать, оно способно различать маловероятное и неосуществимое, но на основе критериев, заданных ограниченным личным опытом, и выход за пределы этих критериев кажется поразительным и странным. Магические аспекты массового сознания связаны с преодолением пределов, устанавливаемых обыденным сознанием. Но и наука также выходит за границы обыденного опыта.

Известно, что магия изучается с различных точек зрения: этнографической, психологической, историко-культурной. Мы попытаемся исследовать магию в экзистенциальном ключе — как феномен человеческого существования, который находит выражение в индивидуальном и массовом сознании.

Латинское *magia* исторически восходит к санскритскому *mañ*, что означало внутреннюю силу, способную воздействовать на мир

¹ В Библии даже прямо сказано, что в облачном столбе (как и в огненном) находился Бог. Но туман и пламя не позволяли Его увидеть.

тем же санскритским *mañ* связан и генезис русского слова "могущество"). Какие бы определения магии мы не встречали в современной научной литературе, все они включают в себя представление о таинственной силе, способной воздействовать на окружающий мир и других людей, о носителях этой силы (магах, колдунах), о последствиях воздействия этой силы — благих или разрушительных.

Естественно, что магия существует в границах определенной культурной традиции: внимание исследователей всегда привлекал объект магической деятельности, подробно описаны и магические действия, в которые иногда вовлекается и широкий круг участников. В экзистенциальном плане особый интерес представляет переживание человеком ситуации, в которой существование магии кажется естественным, а обращение к магу (колдуну) — оправданным.

Корни подобного рода переживаний уходят глубоко в доисторическое прошлое человечества, они таятся как в пралогическом мышлении первобытного человека, так и в условиях человеческого существования, заставляющих напряженно искать пути удовлетворения элементарных потребностей, защищаться от угрожающей действительности, идти по узкой полоске тени, разделяющей свет и тьму и тьму небытия.

И эти условия существования индивида влияют на формирование его сознания уже в историческом прошлом и в современную эпоху. Поощряемое официальными кругами независимых государств освоение норм цивилизованного мира никоим образом не уменьшает скептицизма по отношению к магии. В сущности наука и достижения, политика, бытовая, военная и иная техника — все это стоит выше понимания среднего человека и осознается им лишь как новые формы угрозы его индивидуальному существованию.

Заметим сразу же, что выступая в конкретных этнически определенных формах, магия имеет некоторый единый психологический базис.

Этнографические и религиоведческие классификации магии имеют большое значение ее эмпирических особенностей, среди которых значительное место занимают метонимические или метафорические связи между предметами, вовлекаемыми в сферу магической деятельности: пространственно-временные сближения, действительное или мнимое сходство — все это в глазах участников магического действия приобретает несоразмерно большое значение. Исследуемые черты человеческого сознания, позитивно влияющие на его развитие в детском возрасте, в дальнейшем отступают на задний план, уходят в подсознание, становятся бессознательными, но не исчезают целиком. И в момент, когда та или иная потребность человека резко обостряется, он невольно начинает искать

опору в том, что верно служило ему в далеком прошлом, индивидуальном и общечеловеческом, в том, что кажется примитивным, но зато таким убедительным, в том, что не поддается рациональному анализу, но безошибочно задевает чувство.

**“Лестница
Маслоу”**

Чувства и потребности индивида взаимосвязаны самым непосредственным образом. Иерархия потребностей (“лестница Маслоу”) выстраивается следующим образом: 1) витальные потребности (прямо необходимые для сохранения жизни), 2) потребность в безопасности (то есть в устранении угрозы существованию индивида), 3) потребность в общении (личном и социальном), 4) потребность в признании со стороны близких и общества, 5) потребность в самовыражении. По мере индивидуального развития значение каждой последующей ступени в жизни человека возрастает. Неудовлетворенные потребности пробуждают эмоциональную сферу, причем существуют сложные взаимосвязи между обострением потребностей и отношением человека к окружающему его миру.

Все сказанное имеет прямое отношение к нашей теме. В современном мире “лестница Маслоу” “обломана” на второй ступени: как правильно утверждал Габриэль Марсель, “основная проблема современности — отсутствие безопасности, отсутствие гарантий. Мир пребывает в состоянии радикальной небезопасности...”. Естественно, “радикальная небезопасность”, как это стало нам хорошо известно, распределяется в мире неравномерно, мы существуем в одном из тех регионов, где она сконцентрирована. Обострение потребности в безопасности выражается в чувстве тревоги, не способствующем последовательно рациональному отношению к реальной действительности. Есть все основания полагать, что само формирование человеческого мышления на ранних его этапах также происходило в условиях “радикальной небезопасности”, и это приводило к парадоксально двойственному результату: с одной стороны, условия развития мышления усложнились, с другой — возникало вполне отчетливое осознание возможностей человека, способного преодолеть опасности, которыми грозит ему природная и социальная среда.

**Возможности магии
и
возможности науки**

И в позднейшие времена, когда рационально-теоретическое сознание далеко ушло вперед в своем развитии, оторвавшись от сознания массового, эволюционировавшего куда медленнее, высокая, даже беспредельно высокая, оценка возможностей человека приобрела широкое распространение. Развитие научного знания, мощного, атеистического, недоступного пониманию толпы, поставило его в позицию, поразитель-

но напоминающую характеристику магии у Гегеля: “В колдовстве заключается представление не о Боге, не о нравственном веровании, а о том, что человек является высшей силой, что он один располагает силами природы, повелевая ими”.

Если обратиться к феноменологии отечественного массового сознания, то типическими следует признать те его черты, которые сложились к 1937 г. и были лапидарно сформулированы в тексте, адресованном массовой аудитории в 1938 г.: “Я твердо знаю, что в будущем для человечества не будет ничего невозможного. Человек может сделать все”. Конечно, всемогущество человека здесь проецировано в будущее, но в принципе сомнений оно не вызывает. Более того, в структуре массового сознания существует ячейка, широко расширяющая актуальные принципы возможного. Паролем, образно говоря, отмыкающим эту ячейку, служит слово “секретно”. Утверждается, что наука уже осуществила ту или иную возможность, но это “засекречено”.

Касааясь аналогии между магией и наукой, следует отметить, что мы проводили и такие выдающиеся ученые, как Дж. Фрэнгер и М. Бехтерев.

Согласно Дж. Фрэнгеру, “аналогия между магическим и научным мировоззрением является обоснованной... Как магия, так и наука открывает перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к тайным пружинам, приводящим в действие огромный и сложный механизм природы, перспективы, кажущиеся безграничными. Отсюда та притягательность, которой обе обладали для человеческого ума”¹.

Притягательность науки и магии, отмеченная Дж. Фрэнгером, неоспорна. На определенном (относительно раннем) этапе развития человечества мотивация влечения индивида к научным изысканиям и к магии была в основе своей единой. Однако по мере углубления понимания человеком социума и природы все более отчетливо дифференцировались цели научного анализа и магического воздействия, росло и разрасталось внутреннее различие магии и науки. Но магия сопоставима с наукой. С течением времени знание становится все более надежной силой, более надежной, чем магия, и порождаемой разумом свободно мыслящей личности. Чрезвычайно любопытно, что современные апологеты всемогущества человека, восхваляя науку и знание, странным образом обходят молчанием свободный разум, вне которого ни наука, ни знание существовать не могут. Между тем свобода разума и всемогущество человека — понятия близкие, но отнюдь не совпадающие. Свобода разума есть действительный двигатель развития культуры.

¹ Это выдержка из популярной некогда “Арктании” Григория Гребнева, впервые изданной в 1938 г.

² Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 62.

Феномен наделения

Свобода есть сила, противостоящая тому, что ограничивает или разрушает личность. В свою очередь личность здесь выступает как продукт развития индивидуальных возможностей человека. Они придают ему личное своеобразие, они неповторимы, но не безграничны.

По мере развития интеллекта и общества личность ученого все более явно не совпадает с обликом колдуна, хотя первоначально они и были близки. В. М. Бехтерев писал: "Колдун, представляющий собой тип первобытного ученого, который на заре культуры стремится разгадать тайны природы и заставить все таинственные силы действовать согласно своей воли, пользуется для своего ремесла прежде всего языком. Все равно, будет ли целью устранение несчастья, или наказание похитителя, или отыскание потерянного, дело идет о словесной символизации иного рода, связанной с событием или с участвующим в нем лицом, а здесь играет роль примитивное суждение по аналогии".

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Параллель "маг" — "ученый" связана с представлением о науке не как о способе обретения истины, а как о способе овладения новыми силами. А. Белый в годы, когда сила научного знания не обозначила себя столь резко, как сейчас, утверждал, что наука стремится "быть поистине всемогуществом: инстинктивный профессорский жест — воля к власти". Преувеличение здесь несомненно, но элемент истины в отмеченной В. М. Бехтеревым параллели подтверждается. Производитель знания на самом деле производит необходимую людям силу, внушает им страх и надежду. В этом экзистенциальная функция науки, и тут она близка магии. Но полного совпадения здесь нет: действенность и, соответственно, экзистенция магии иная.

Как справедливо отмечает К. Леви-Строс, действенность магии требует веры в нее, представляющей в трех видах, дополнительных по отношению друг к другу. Прежде всего существует вера колдуна в действенность своих приемов, затем вера больного, которого колдун лечит, или жертвы, им преследуемой, в могущество колдуна и, наконец, доверие общества и его требования, создающие нечто подобное постоянно действующему гравитационному полю, внутри которого складываются взаимоотношения колдуна и тех, кого он околдовывает.

Итак, для того, чтобы мог существовать колдун (маг), необходимы те, кто ему верит. Кроме того, должна быть потребность в устранении несчастий, наказании похитителя, отыскании потерянного и т. п. Она и служит исходной точкой наделения индивида магическими свойствами и одновременно началом формирования образа мышления, в котором доминируют установки, порождающие феномен наделения.

Для человека вообще характерно наделять различные реалии действительности свойствами, которые этим реалиям никак не присущи. Феномен наделения в наиболее очевидной форме наблюдается там, где он конвенционален, условен. Типичный пример — существование козырной масти в большинстве карточных игр. Но и в таких сугубо рациональных по своим правилам играх, как, скажем, шахматы или шашки, присутствует наделение новыми функциями фигур, дошедших до восьмой горизонтали.

На противоположном, далеком от осознанной условности, полюсе сознания находится наделение отдельных индивидов значением и функциями, которые им, в сущности, не свойственны. Так, в современном массовом сознании, не столь далеком по структуре и функциям от первобытного, обретают особый вес конкретные политические лидеры, религиозные деятели, которым приписываются особые свойства и возможности, зачастую просто невероятные. Часто "наделение" проявляется, когда социальные функции отождествляются с личными свойствами индивида, который эти функции исполняет. Для массового сознания стран Востока подобное отождествление привычно, и эта форма феномена наделения представляется неявной до той поры, пока она не обретает вид мистифицированный и уже отчетливо магический. Так, очевидцами культурной революции в КНР неоднократно описывались случаи, когда функционеры молодежного движения пытались прикоснуться "красным сборником избранных цитат" к иностранцам, совершая магическое действие "переноса" силы, которой наделялась эта книга. Предполагалось, что это непосредственно повлияет на инвертирующего, каким представлялся человек, не знакомый с "идеями Председателя".

Именно тогда, в 1968 г. мне протянула знаменитый сборник искренне убежденная девушка. И с опаской, как неразорвавшуюся гранату, я взял в руки книжку в ярком пластиковом переплетке. Неожиданно ощущалось в ней нечто довоенное — и рубчик на пластике повторял знакомый с детства коленкор, и даже портрет невозмутимого человека с большой бородавкой на подбородке был по-довоенному накрыт листком папиросной бумаги. Только автограф Линь Бяо — наглые, точные, небрежные штрихи — был чужим и современным. Странное чувство волнения, словно месмеровский флюид, передалось мне немедленно и утасло не сразу.

Магическое сознание зачастую наделяет супернатуральными качествами и содержательную сторону определенных текстов. Предполагается, что понимание текстов имеет эзотерическую основу, и всегда существует круг тех, кому доступен "подлинный смысл" конкретного текста. Массы склонны с доверием относиться

¹ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921. С. 33.

к "авторитетным толкованиям", придавая им фактически большее значение, нежели самому содержанию доступных читателю текстов. Эта черта массового сознания имеет немалое значение для организации пропагандистских акций.

Граница между возможным и действительным (в социальной сфере вообще зыбкая) в массовом сознании поддается коммуникативному воздействию с очевидной легкостью. Тексты, содержащие весьма маловероятные сведения, зачастую воспринимаются как руководство к интерпретации фактов. При этом возможные связи между фактами безоговорочно принимаются за действительные; утверждения, представленные средствами массовой информации, рассматриваются как единственно возможные. У массы доминирует тенденция воспринимать сообщенные факты как доводы в пользу определенной концепции. Такие концепции рисуются в черных и светлых красках резкими, легко воспринимаемыми штрихами, запоминаются в неизменном виде. Намерениям (благим или одиозным), которые приписываются конкретным лицам, придается большое значение. Реализация этих намерений оценивается отнюдь не по масштабам достигнутых результатов, а в зависимости от сложившегося ранее отношения к действующим лицам.

Меньшинство и большинство

Психология носителя массового сознания содержит силы, порождающие иррациональное отношение к действительности, и эти силы нуждаются в сдерживании и контроле со стороны рационально мыслящего меньшинства. Вопрос о том, как возникает и исторически складывается подобное меньшинство, каковы его социальные функции и возможности, — вопрос особый, и он выходит за рамки нашей темы. Замечу лишь, что к этому меньшинству в равной мере принадлежит и Галилей и Фома Аквинский, Декарт и Паскаль — энциклопедисты, скептические к священному писанию, и Ньютон, который с большим вниманием изучал книгу пророка Даниила.

Традиционный атеизм ориентировался на отождествление магического и религиозного; и на самом деле трудно опровергнуть доводы, приводимые в доказательство сродства, существующего между магией и примитивными религиозными представлениями. Заслуживает, однако, внимания веберовский подход, основанный на оппозиции "религия — магия". Согласно этой концепции, иудаизм передал мировым религиям мощный заряд антиматизма, который выдвинулся на передний план в христианстве и прежде всего — протестантизме. Напротив, многие общественно-религиозные течения Востока включали в себя магические представления. "Преобладание магии вообще является характерным как для даосизма, так и для тантризма. Последний, кроме того, воплощает естественнонаучные тенденции в философском наследии древней

Индии". А находящиеся в стабильной оппозиции к магии мировые религии вносили системообразующее начало в менталитет, и в этом плане они не целиком противостоят рациональным чертам мировоззрения. Употребляя термин "магия", подразумевают и существование магического воздействия. Собственно магия для того и существует, чтобы воздействовать и притом эффективно. Менталитет, в котором доминируют рациональные элементы, признавая, что знание — сила, не считает никакую силу безграничной. Существование законов и причинных связей, равно как и наличие свободы воли у индивида, опирается на признание конкретных и непреодолимых ограничений, образующих как бы берега, в которых протекает существование природных, социальных и психических процессов. Этот подход к действительности лежит в основе западного менталитета и не столь четко выражен в оппозиционных ему типах менталитета, условно обозначаемых как "восточный" и "южный".

В "южном" менталитете ограничения носят выраженный архетипический характер, рационального основания они не имеют и не требуют. Нигерийцы, например, полагали, что колдуньи способны обернуться змеей или антилопой, перемещаться на значительное расстояние за очень короткие отрезки времени, но этими свойствами они не в состоянии произвольно наделять других людей. Наделение всегда связано с ограничением. Соответственно, любые правила это всегда ограничения.

Напротив, в "западном" менталитете можно проследить интердективные элементы, сложившиеся довольно поздно и рационально отражающие исторический опыт.

Существует, например, сфера, которая, по западным понятиям, не подлежит или, точнее, не поддается социальному воздействию. Король или парламент не могут своим решением, как бы ни была велика их сила, "назначить" кого-либо "счастливым" или "умным" — эти качества присущи индивиду внутренне и не поддаются произвольному изменению внешней волей. Восточное мышление не видит ничего алогичного в том, что император повелевает считать своего подданного "счастливым и мудрым князем" — это входило в исторически сложившуюся компетенцию китайского императора, как входило в сферу возможностей французского короля исцеление больных золотухой. Такова сила традиции, существующей в сознании подданных: элемент магии в абсолютной политической власти есть всегда. Но элемент этот подчиненный, вторичный. В то же время для тайного или известного носителя магической силы — колдуна — одним из главных изменений является именно вмешательство во внутренний мир другой лично-

¹ Чаттопадхья Д. Локаята Даршана. М., 1961. С. 386.

сти. Причем происходит это вмешательство в области, пограничной между душой и телом: способность вызвать маниакальное или, наоборот, депрессивное состояние, наслать порчу, изготовить противоротное зелье — все это кажется вполне доступным для колдуна. Но только кажется, хотя огромное большинство недавно столь рационалистических граждан СНГ склонно в это верить.

Нельзя не отметить, что круг событий, на которые целенаправлена деятельность мага, был очерчен Бехтеревым с глубоким пониманием сущности этой деятельности и магического образа мыслей вообще. Ведь наука в абсолютном большинстве случаев не способна решить ни одну из отмеченных им задач. Еще менее способна осуществить их магия, но колдун берется за их выполнение. Мотив личной ответственности за реализацию возможностей, которыми его наделяют, играет здесь важную роль: колдун работает с помощью чрезвычайно мощного орудия — языка. К. Леви-Стросс с основанием придает этому орудию колдовства специфическое значение. Особая вокализация речевых сообщений, их ритм, подлинно экзотическое состояние, в котором находится колдун, обладают fasciniрующим воздействием. Fascинация снижает критическое отношение к содержанию сообщений, окружающие понимают и усваивают их содержание, но не способны дать им сколько-нибудь объективную оценку.

Культурологи, исследующие магию, придают особое значение экзотической фигуре колдуна, и это вполне естественно. Но психологические механизмы, которые объясняют влияние колдуна на участников магического действия, являются общезначимыми, а не экзотическими, и если он сильнее воздействует на соплеменников, нежели на сторонних наблюдателей, то объясняется это общностью культурной традиции.

Еще большее значение имеет общность коллективного бессознательного людей. Как это показал Карл Густав Юнг, магия связана в нашем бессознательном с душой, Анимой. "Все, относящееся к Аниме, нуминозно, то есть безусловно значимо, опасно, табуировано, магично", — говорил он. Это подводит нас к вопросу об отождествлении души и природы в мирозерцании человечества. Уже несколько тысячелетий это не гармоническое, а маскированное, отмеченное господством мужского начала мирозерцание. Мы уже говорили о том, что женщина в нем выступает как носитель признаков триады Мать—Подруга—Погубительница. И природа, как и женщина, — это Мать (источник всего живого, теплого, подвижного), это Подруга (она неотразимо влечет к себе, она испытывает потребность в заботе и защите), это Погубительница (в ней скрыта грозная сила мести за нарушение наложенных ею запретов). Не случайно противостояние мужского и женского начал

занимает столь существенное место в круге задач, которые решает (или пытается решить) колдун.

Вообще магия может быть продуктивно исследована и описана в понятиях радикальной психологии, в частности с учетом представлений о полях понимания.

Любопытно, что именно в третьем поле понимания, где представлены мифы и сказания о носителях магического сознания, маг получает амбивалентную этическую оценку. С одной стороны, его возможности необъяснимо велики, с другой — он оказывается бессилен перед здравомыслием наивного простака. Часто маг характеризуется как трикстер: он то грозный волшебник, то безответственный фокусник. Эта двойственность мифического субъекта магической деятельности отражает двойственное отношение к магии вообще, отношение, которое складывалось исторически. Магия претендует на эффективность, на прямую демонстрацию своих возможностей. Естественно, что она не может полностью выйти за пределы первого поля понимания, где находит живое подтверждение результативность магических процедур. И часть из них действительно производит впечатление. Достаточно вспомнить "устройства, превращающие опасения в явь", как их называет В. Лефевр¹. Некий предмет наделяется магической силой: скажем, заколдованное яйцо страуса не способно выдержать прикосновение рук преступника. И действительно, когда собирают подозреваемых вместе и заставляют их передавать магическое яйцо из рук в руки, оно выскальзывает из дрожащих пальцев того, кто на самом деле виновен, и разбивается. Феномен наделяния сыграл свою роль.

Существует ограниченное число прошедших исторический отбор подобных "устройств", так или иначе использующих опасения и надежды людей. В массе случаев магические процедуры ориентированы на иллюзии зрительного восприятия и недостаточную функциональную эффективность органов чувств человека, хорошо известную профессиональным иллюзионистам. Смысловое восприятие не абсолютно точно. В первом поле понимания действует принцип "что есть, то и доказано". Что испытуемый видел, то считает он, и существует на самом деле. В абсолютном большинстве случаев доверие к показаниям органов чувств оправдано, у "наивного реализма" есть своя эмпирическая основа. Но экспериментальному моделированию поддаются и распространенные в жизни ситуации, в которых люди, увидев маловероятные или явно невероятные вещи, не склонны оценивать их как иллюзии смыслового восприятия. Артефакты они воспринимают и оценивают как факты, а это — залог их эмоционального воздействия. Ясно, что

¹ Лефевр В. Конфликтующие структуры. М., 1973. Глава V так и называется: "Устройства, превращающие опасения в явь". Но я советую вам прочесть эту работу от первой до последней страницы.

при этой исходной посылке даже безупречная логическая связность последующих суждений не приводит к истинным выводам. А от участника магических действий напряженной работы логического мышления и не требуется — эмоции служат сильнейшей опорой убежденности.

Сверх того, даже общепринятые средства убеждения имеют мало общего с логикой. Ведь очевидно, что утверждение не становится истинным оттого что мы повторяем его снова и снова. Оно не приблизится к истине, даже если поставить его на голосование. Заметим, что все влияние политической жизни строится на повторении идентичных утверждений и процедур голосования, хотя извечная вера, что большинство людей в большинстве случаев право, не имеет под собой твердой логической почвы. И в этих условиях следует скорее удивляться тому, что магические аспекты массового сознания не обладают доминирующей силой при решении многих проблем общественной жизни, да и в сфере индивидуального сознания укоренилось обоснованное недоверие к надежности магии, к стабильной эффективности ее средств — но не к ее возможностям.

Современные исследователи отмечают, что ныне существующая магия выступает в незавидной, но популярной роли “обезьяны” авторитетных форм цивилизованного общественного сознания — науки и религии. Им неизменно сопутствует то “нетрадиционная” наука, то “традиционная” религия (эпитеты здесь условны), ориентированные именно на магические аспекты массового сознания. Наивно-реалистическая вера в то, что всякая целенаправленная деятельность продуктивна, по-видимому, никогда не будет исчерпана до дна, а вполне обоснованное представление о том, что непознанное безбрежно велико, будет по-прежнему влиять на массовое сознание. Индивиды, образующие неструктурированную, но движущуюся, действующую массу — толпу — будут, как и прежде, поддаваться влиянию любых синдикативных, то есть сблизжающих людей, факторов. Человек в толпе неосознанно тянется к неизвестным, но подобным ему людям, и fascinирующее влияние зрелищных, личностных и собственно речевых факторов тут особенно велико, хотя и непродолжительно.

Окружающая мага тайна, ожидание возможного эффекта его (зачастую совершенно бессмысленных) заявлений и действий оказывает на массу огромное впечатление. Такой знаток человеческой природы, каким несомненно был Ч. Диккенс, выразил это в формах, присущих викторианскому веку, витиеватых, но отражающих суть дела: “Все, что окружено тайной, хотя бы это было нечто чудовищное или до смешного нелепое, обладает загадочным очарованием и притягательной силой, неотразимо действующими на толпу. Лжепророки, лжесвященники, лжечудотворцы всех видов очень успешно пользовались всегда людским легковерием, и если

они на время брали верх над Истиной и Разумом, то были обязаны своим успехом скорее, таинственности, чем многим другим средствам из арсенала лжи и плутовства”¹.

Человечество, в отличие от цивилизаций, неделимо. В то же время мир подсознания отличается исключительной архетипической сложностью, и когда магическую картину мира, увлекаясь, именуют “стройной” — это неточно: подсознание французские структуралисты недаром именуют “домом колдуньи” и говорят о царящем в этом доме беспорядке. Вполне возможно, впрочем, что коллективное бессознательное структурировано особым, недоступным рациональному мышлению образом (когда Фрейд упрекали за беспорядок на письменном столе, он отвечал, что это исторически сложившийся порядок; так и исторически сложившаяся упорядоченность бессознательного может показаться исследователю беспорядком).

Обращаясь к экзотическому материалу, ученые нередко фиксировали в психике представителей восточных народов черты, как бы противостоящие тому, что Б. Уорф называл SAE, “средним европейским стандартом”. Но этот термин, вполне применимый к миру языка, не выдерживает критики применительно к психическому миру. Он в основе своей иррационален, и стандарты западных цивилизаций покоятся на шатком фундаменте немногих столетий “упорядоченного” исторического развития.

Еще в 1725 г. Джонатан Свифт собирал материал “в доказательство ложности определения homo rationalis, оно должно быть лишь rationis sарax”². Иными словами, он считал человека не “разумным”, а лишь способным быть разумным. Действительность свидетельствует, что “человек разумный” — это не более, чем возможность, и она далеко не всегда осуществляется.

Каждый из нас чувствует, что возможное почти беспредельно, тогда как действительное не может не быть ограничено. Ведь лишь одной из множества возможностей дано воплотиться в действительность, жизнь любого человека, как и история человечества, оставляет за собой гигантский след упущенных возможностей. Действительность — это просто особый случай возможного. Именно в силу этого магия сопутствовала и будет сопутствовать развитию человека и человечества. Рациональный путь решения индивидуальных и социальных проблем не полностью отвечает природе личности. Всегда существует надежда пройти к ожидаемому результату кратчайшим путем, и магия всегда будет использовать эту надежду. Более того, чем менее вероятен этот результат и чем меньше смысла в надежде, с тем большей силой бессознательное

¹ Диккенс Ч. Собр. соч. В 30 т. Т. 8. М., 1958. С. 334—335.

² Письмо Поупу от 29. 09. 1725. (Муравьев В. Джонатан Свифт. М., 1968. С. 291).

будет подталкивать человека к поиску магических возможностей. Этот поиск абсурден, он не приносит ничего кроме разочарований, но исторически он повторяется и будет повторяться вновь.

Мне представляется, что от собственно религиозных проблем мир магии все-таки далек.

Существует ли Бог?

В сущности, здесь не менее семи проблем.

1. Существует ли Господь Бог?

2. Если ответ на этот вопрос неизвестен, то надо ли его искать?

3. В чем разница между знанием и верой?

4. Если он существует, то что собой он представляет и как влияет на наше существование?

5. Если же он не существует, то почему большая часть человечества верит в него?

6. Един ли мир или помимо наличного, данного, того, где мы живем, есть иной?

7. Свидетельствует ли в пользу бытия Бога существование мира, что нас окружает, и существование нас самих?

Это проблемы чрезвычайной сложности.

Что говорят по этому поводу современные философы?

1. Они говорят — это прежде всего — что у каждой религии имеется свой неповторимый и отличительный Субъект. Нам с вами эти субъекты могут показаться в чем-то сходными, не то — для верующих. Они ясно чувствуют, как различны, например, Аллах, Христос, Брахман: одно имя вызывает у них осязаемый трепет, а другое — чувство неприятия.

2. Все верующие думают, что этот религиозный Субъект уникален, выше всей Вселенной. Он сверхъестественный. В космосе нет места, где он как-то конкретно расположен.

3. Этот Субъект является верховным и всемогущим. Он все создал и от него фактически все зависит.

4. Он всюду. Он связывает мое личное “я” со всем миром, со всеми верующими. При этом его не видно, а я как-то чувствую, что он есть. Есть места, где это особенно ощущается. Это святые места или просто храм.

5. Он всегда. То есть ему присуща вечность, полное бессмертие, и он фактически не изменяется. (Наши знания о нем могут изменяться, но это — другое дело).

6. Он справедлив. Мы можем быть не всегда способны его понять, но он справедлив. Он позволяет надеяться. Если бы его не было, не было бы и надежды ни на что лучшее: позади тьма и впереди тьма. А он сияет и обещает.

7. Он невыразим. Никто, будь то хоть самый мудрый человек на земле или самый уважаемый верующими (например римский папа),

не в силах показать нам религиозный Субъект. У него могут быть только символы. Субъект религии — самое таинственное из всего, что существует.

Различий между религиями множество. Об этом уже сказано. Но категориально Субъект всех актуальных религий отвечает этим семи признакам.

Всякая религия выполняет свои функции и в моем личном пространстве (в душе), и в социальном пространстве (в обществе), и в пространстве природном. И вот что любопытно. Религии вполне отчетливо различаются по тому, в чем они видят главную проблему жизни человека. И когда речь заходит о религиях различных народов, то можно отметить исторически сложившиеся различия. В китайских религиях очень большое место занимают отношения между людьми и природой. Индийские религии — буддизм, джайнизм, индуизм — видят главную проблему в страдании человека. А ближневосточные по происхождению религии — иудаизм, христианство, ислам, зороастризм — главную проблему видят в несправедливости.

Философия веры

Религиозная философия принимает существование Бога как факт. И это продуктивная точка зрения.

Что говорит в связи с этим современный мыслитель? Послушаем его.

“Я верую, и вера моя не напрасна. Тот, в кого я верую, знает об этом. Обращение в веру не требует отказа от логики разума, ибо разумом наделил меня Господь, а не Сатана. В далеком прошлом в нем видели сурового отца, доброго пастыря и, наконец, творца, который создал меня, а в виде оплаты за это требует служения ему. Нет — все это в прошлом, все это не для меня. Для широких масс может все это и подходит, но я давно уже оторвался от масс. Так вот: я не питаю никаких надежд, ничего не прошу и тем более не требую, ни на что не рассчитываю — я просто верю. Бог обладает всеведением, на то он и Бог, и он знает обо мне все и при том бесконечно задолго до того, как я явился из небытия. Он знает мои страдания, мои страхи и мое мужество, он знает все не только обо мне — он знает все о себе тоже.

Но я верю в него не потому, что он вездесущ, всемогущ, всеисполнен — нет, не поэтому. И вообще ничему. Я верю в него без причин и без поводов. Ребенок тоже верит, что “трижды три — девять” или что “дважды два — четыре”, ведь что такое умножение объяснить трудно, и он просто заучивает наизусть и — верит. Но моя вера иная, ведь он знает, что “дважды два — четыре”, это всегда подтверждается, а моя вера требует подтверждений. Конечно же, они есть и они не вызывают сомнений, абсолютно никаких. Стоит они в том, что Мир и я имеем место, есть на самом деле, а

могли бы и не быть. И то, что мы есть, — высшее и несомненное доказательство того, что он есть. Потому что мы не можем сделать так, чтобы мы были. А он, по определению, — может¹”.

Жизнь и смерть

Разумеется, важнейшими феноменами, о которых идет речь в любой религиозной философии, являются не существование Бога, а жизнь — смерть.

Смерть! Вот о чем на самом деле идет речь. В ней все дело. Она есть и это страшно.

Один парень, который дрался в 1968 году с полицейскими на площади Ростана (сейчас это солидный парижанин, ему за сорок) рассказывал, что в дни студенческой революции ребята вспоминали слова Эдмона Ростана: “Кто убивает одного — убийца, кто убивает тысячи — полководец, кто убивает всех — Бог”.

Попробуйте возразить.

Ведь он мог бы воспретить смерть — по крайней мере тем, кто еще не хочет умирать (если кому-то неохота и мучительно жить, то пусть уходит). Но тогда было не до теологических дискуссий. Тогда швыряли камни, строили баррикады, тогда на стенах университетских зданий было написано “Смерть дуракам!”, “Единственная настоящая аристократия — аристократия ума и отваги”. Да, тогда было не до теологических дискуссий, хотя философия ощутимо присутствовала в эти странные дни.

О них предпочитают молчать. Пишут, конечно, но мало. А это были времена хоть и недолгие, но исторически очень значительные, и читатель XXI века в этом еще убедится. Я не сравниваю их с возрождением религиозного опыта. Но вера, смутная вера и стремление — были. Это, конечно же, не религиозная вера, для которой бывают характерны мистические переживания.

Уильям Джеймс в весьма примечательном труде “Многообразие религиозного опыта” характеризует мистические переживания так:

- 1) их трудно описать — словно бы “слов не хватает”;
- 2) они носят отчетливо интуитивный характер: человек убежден, что во время подобных переживаний он проникает в глубины, не доступные трезвому рассудку;
- 3) они непродолжительны (“Как? — воскликнул один мистик при обсуждении этой книги, — как это “непродолжительны?” Я однажды находился в таком состоянии час сорок минут!” По-моему, это и значит, что такие переживания непродолжительны).

Все здесь зависит от самих людей.

Ничто делит людей на: 1) умных, 2) сильных и 3) на тех, кто ни умом, ни силой не отличается. Они и составляют большинство.

Большинство людей мистического опыта отнюдь не имело. Но слушать оно умело и даже любило. Оно слушало и религиозные повествования. “Все сущее объяснялось в серии повествований. Из первоначального небытия выводилось верховное божество, т.е. основная динамическая субстанция, на которой будет покоиться общее видение космоса — бесконечного пространства; в центре его находится сам человек. Таково исходное положение для подлинного философского размышления, откуда появятся боги, духи, культурные герои и все остальное”, — говорит Б. Оля. Размышляли, конечно же, не все. Но чаще всего размышляющие не были людьми по натуре действующими. И вообще размышления — это не рассказы, к ним прислушиваются меньше.

Огромное значение в истории мышления принадлежит пророкам. Они соединили размышление и действие, обрели силу воздействия.

И тогда произошло *особое*. “Пророки придали ценность “истории”, сумели преодолеть традиционное представление о цикле... и открыли время, текущее в одном направлении”.

Этот подход позволяет раскрыть причины слабейшей, казалось бы, стороны Ветхого Завета: Бог личен. Он уже не восточное божество, не создатель архетипических жестов, но личность, постоянно вмешивающаяся в историю. И тут страдание разом потеряло традиционную ценность. Но пророки требовали понимать историю как “трозный диалог с Ним”, они требовали “рассматривать любой момент как момент решающий”. Величайшее испытание для верующих! Тут быть неискренним нельзя. И вот, когда вы уверовали, перед вами встает Бог. Бог, который призывает, требует, жалует без какого бы то ни было разумного (то есть общего и предвидимого) оправдания — и для которого все возможно. Совершенно новый религиозный опыт! Абсурд существования отменяется в исторически новом мире, который был полон опасности и информационной новизны. Причем объяснить Бога, его решения нельзя. Да разве можно объяснить муравью, зачем нужен трактор?

Эти аргументы и поныне не потеряли силы.

Но сейчас, тысячелетия спустя, ощущение диалога с Богом исчезло, многое просто ушло в прошлое и среди миллионов посещающих соборы и мечети действительно интеллигентных людей не так много, в большинстве своем они свободомыслящие, а если веруют, то не церковно.

Почему? Роберт Шекли очень точно объясняет, что отталкивает мыслящих людей от церкви, а заодно, понятно, и от религии: “Стиль. Напыщенный, увещевающий, болезненно-слащавый, покровительственный, искусственный, скучный, насыщенный смут-

¹ Брудный А. А. Персонетика. М., 2003.

¹ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 137.

ными образами или громкими лозунгами, пригодный только для чувствительных старых дам или малокровных детишек. Нет, Бога я в церкви не найду, даже если пойду туда. У этого старого джентльмена слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева. Не могу поверить, что он в церкви и, точка. А зачем я пойду туда, где Бога нет?" Как это точно, как это замечательно сказано: "слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева"! Разумеется, Бог лишь предстал в этом облике, доступном для человека... Для человека, но боюсь, — не для людей. Люди — это все-таки не то, что человек. Человек испытывает понятный страх перед неуправляемой массой людей. В церкви эта масса управляема, и это хорошо. Но там, где управляют, есть управители, а это плохо. Им очень нравится говорить от имени Господа, а ведь это честь, которую Он предоставил лишь пророкам и патриархам. Нет, организация — а церковь это организация — огромная общественная сила, но Бог — сила несоизмеримо, космически большая, и я, честно говоря, предпочел бы, чтобы человек обращался к Нему и слушал Его, не прибегая к усилиям посредников, пусть даже достойных всяческого уважения.

¹ Шекли Р. Координаты чудес. СПб., 1993. С. 236.

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Все другие науки более необходимы, чем она, но лучше нет ни одной.

Аристотель

Эта глава посвящена пониманию философских проблем или, точнее, пониманию того, что такое философия и какие проблемы она пытается решать. Почему эта глава так названа, вы узнаете через несколько страниц. А сейчас обратите внимание вот на какое необычное обстоятельство. Минуло уже свыше двухсот лет с тех пор, как Иммануил Кант назвал "скайдалом в философии" то, что философы, эти умные, интересно и глубоко мыслящие люди, на протяжении очень и очень многих лет не могут решить ни один философский вопрос так, чтобы его решение их всех удовлетворило. И за двести последующих лет положение изменилось мало. Ныне философы продолжают обсуждать исключительно глубокие проблемы, противореча друг другу и предлагая все новые их решения. При этом внимание человечества к этим умным, но в чем-то даже и странным людям не исчезает. И вековые призывы снять философские вопросы с повестки дня, заняться чем-либо иным, результата не дают. Что же это за вопросы? О них рассказано в этой главе. И, конечно же, в ней они не решены.

Их еще никто не решил окончательно.

Но решать их будут.

И в этом, естественно, заинтересованы не одни только философы, а все человечество.

Зачем?

Трудно сказать, зачем людям нужна философия. Вещи — лучшие аргументы, и недаром юристы предпочитают вещественные доказательства всем иным: электрические лампочки доказывают необходимость физики, нейлоновые чулки — химии, а золото из гробни-

цы Тутанхамона — археологии, причем доказывают лучше любых умозаключений. Но философия... Что она дает? Философы прошлого утверждали, что она дает многое человеческой душе. Но в XX веке в существовании души многие сомневаются. Да она и невещественна.

Но пусть она существует — что на самом деле приносят размышления философа? Душевный покой? Вряд ли. Молитва способна принести утешение, хорошая книга — увлечь, игра драматических актеров — растрогать. Но философия?

Положение у нее в современном мире особое.

Притча Оллиха

Ганс-Людвиг Оллих, современный немецкий философ, рассказывает в этой связи такую историю. На чемпионате палачей Китайской империи первый финалист обезглавил преступника с предельной скоростью и четкостью движений. Казалось, превзойти его было просто невозможно. Но вот приводят второго осужденного — второй финалист наносит ему удар. Клинок сверкнул, как молния... Голова осталась на месте! Все оцепенели. Казненный усталился на палача, ничего не понимая: ведь он ощутил, как меч рассек его шею.

— А теперь кивни, — сказал тот в мертвой тишине.

“Хотел бы я знать, — заключает Оллих, — о чем думает эта голова, прежде чем кивнет и скатится с плеч: я сравнил бы это с тем, что думает современная философия о самой себе”¹.

Как видите, философии есть о чем подумать.

Об ушедшей в прошлое ситуации в нашем обществе удачно сказал Альбер Камю: там не было слышно вопросов, слышны были “только вечные ответы и разъяснения”².

А ведь поиски смысла начинаются именно с того, что задаются вопросы и ищутся на них ответы.

Но вот на смену стагнации приходит кризис. Что же тогда?

Тогда возникает очень много вопросов, и на них находят очень мало ответов. Возникает так называемый “идеологический вакуум”, и философов критикуют за то, что они не в силах его заполнить. Они пытаются, конечно. Но заполнить его должна духовная жизнь общества, а не одна только философская мысль.

Но нам стоит отвлечься от политического аспекта освещаемой проблемы, чтобы поставить вопрос: “Чем занимается философия?” и признать, что этот вопрос и возможные ответы на него являются существенным компонентом любого серьезного философского течения. Ревель ставил вопрос: “К чему философия?”. Гейнрихс ставил вопрос куда конкретнее: “К чему преподавание философии?”.

Все эти вопросы вмещаются в один, главный вопрос: “Что такое философия?”.

Определение Рассела

Послушаем, что говорит по этому поводу один из бесспорно великих умов XX века — лорд Бертран Рассел (я заранее прошу прощения за длинную выдержку из его фундаментального труда, хотя уверен, что читатель огорчен не будет — Рассел писал замечательно ярко):

“Философия — это слово, которое употреблялось и употребляется во многих значениях, иногда весьма широких, иногда более узких. Я предлагаю употреблять его в предельно широком смысле, который сейчас постараюсь вам разъяснить.

Философия, как я буду понимать это слово, есть нечто занимающее промежуточное место между богословием и наукой. Подобно богословию она заключается в размышлении о предметах, относительно которых точное знание недостижимо; но подобно науке, она обращается, скорее, к человеческому разуму, нежели к авторитету, будь то авторитет традиции или божественного откровения. Всякое точно определенное знание, я утверждаю это, относится к науке; всякая догма в отношении того, что лежит за пределами точно определенного знания, относится к богословию. Но между верой и наукой находится Ничья Земля, которая подвергается атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля — философия. Почти все наиболее интересные для философского ума вопросы таковы, что наука не может дать на них ответа, а уверенные ответы теологов больше не кажутся такими убедительными, как в прошлые века. Разделен ли мир на дух и материю, и если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи или он обладает самостоятельной силой? Имеет ли Вселенная какое-нибудь единство или назначение? Развивается ли она в направлении какой-нибудь цели? Существуют ли в действительности законы природы или мы верим в них только по врожденной склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком насыщенного примесью углерода и воды, беспомощно ползающим по небольшой и незначительной планете? Или он то, чем кажется Гамлету? А может быть, он одновременно и то, и другое? Является ли один образ жизни благородным, а другой низким, или же любой образ жизни одинаково тшетен? Если существует достойный образ жизни, то в чем он заключается и как нам достичь его? Должно ли добро быть вечным для того, чтобы его стоило ценить, или к нему стоит стремиться, даже если Вселенная неумолимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как разум, или же то, что кажется разумом, — это просто изощренная форма безумия? На все эти вопросы нельзя найти ответа в лаборатории. Богословы давали на

¹ Ollig H.-L. Umstrittene Philosophie // Theologie und Philosophie. 1981. Helf. № 2.

² Камю А. Из философской эссеистики // Вопросы литературы. 1980. № 2. С. 186.

них ответы, слишком даже определенные ответы; но сама эта определенность заставляет современный ум относиться к ним подозрительно. Изучение этих вопросов, если не ответ на них, является делом философии.

Зачем же тогда, спросите вы, бесполезная трата времени на эти неразрешимые вопросы? На это можно дать ответ в качестве историка или в качестве человека, испытывающего ужас перед одиночеством в бесконечном космосе.

С тех пор как человек становится способным к свободному мышлению, его действия во множестве важных отношений зависят от его взглядов на природу и человеческую жизнь, на то, что такое добро и что такое зло. Это справедливо как в настоящее время, так и прежде. Чтобы понять эпоху или нацию, мы должны понять их философию, а чтобы понять их философию, мы сами должны быть в какой-то мере философами. Имеется взаимная связь: условия жизни людей определяют их философию и, напротив, их философия во многом определяет условия их жизни.

Существует, однако, и более личный ответ. Наука говорит нам о том, что мы можем знать. Но того, что мы можем знать, — мало, и если мы забываем, сколь многое мы не можем знать, то становимся нечувствительными ко многим важным вещам. С другой стороны, богословие ведет к догматической вере в то, что мы обладаем знанием, тогда как на самом деле мы находимся в неведении, а это порождает какое-то дерзкое высокомерие по отношению к Вселенной. Неуверенность перед лицом живых надежд и страхов мучительна, но ее следует выносить, если мы хотим жить, не опираясь на утешительные волшебные сказки. Нехорошо и забывать о вопросах, которые ставит философия, и уверять себя, что мы нашли неоспоримые ответы на них. Учить тому, как жить при отсутствии уверенности и в то же время не быть парализованным колебаниями и нерешительностью, — это, может быть, является основным, что еще может дать в наше время философия тем, кто занимается ею¹.

Я думаю, это прекрасно. Никто не дал более ясного ответа на вопрос о том, зачем же надо заниматься философией.

Прислушаемся к словам этого мудрого человека. Он говорит, и справедливо говорит, что философия образует переход от веры к науке. Переход этот выражается именно в свободе размышлений над вопросами, на которые вера дает ответ категорический, но недостоверный, а наука, по-видимому, вообще не берется ответить. Здесь, конечно, следует провести четкую разграничительную грань между наукой как таковой и размышлениями ученых: их философские размышления не обязательно носят научный характер. И на-

против, философы часто убеждены, что их мысли носят вполне научный характер — но это не всегда так.

Вот Рассел упоминает вопрос: "Что такое человек?". Конечно, научный ответ на этот вопрос возможен, но ведь наука ставит вопросы по-своему, а философия — по-своему. "Слушайте, да что же такое человек, в конце концов? Ничтожнейший микроорганизм, вцепившийся в несказуемом ужасе смерти в глиняный шарик Земли и летящий с нею в ледяной тьме? Или это — мозг, божественный аппарат для выработки особой таинственной материи — мысли, материи, один микрон которой вмещает в себя всю Вселенную?"¹.

Тут вопрос поставлен философски. Ниже мы перечислим все тринадцать вопросов, что ставит Рассел, но вы должны помнить, что в сжатой формулировке они многое теряют.

**Важнейшие
среди общих
философских
проблем**

1. Разделен ли мир на дух и материю?
  2. Если да, что такое дух и что такое материя?
  3. Подчинен ли дух материи или он обладает самостоятельной силой?
  4. Едина ли Вселенная и имеет ли ее существование какое-то назначение?
  5. Развивается ли мир в каком-то направлении?
  6. Если такое направление есть, то ведет ли оно к какой-то цели?
  7. Являются ли законы природы продуктом нашего стремления анализировать и систематизировать или они просто есть на самом деле?
  8. В чем заключаются существование и сущность человека?
  9. Является ли один жизненный путь достойным и благородным, а другой — низким или и тот, и другой образ жизни равно ничтожны?
  10. Если существует действительно достойный образ жизни, то в чем он заключается и как его достичь?
  11. Существуют ли добро и зло, и есть ли смысл стремиться к добру, если жизнь все равно движется к смерти, а Вселенная — к гибели?
  12. Есть ли разум или то, что мы называем разумом, есть лишь особая форма безумия?
  13. Надо ли быть философом?
- Интересно было бы коснуться последнего вопроса. Вспомните платоновский диалог "Горгий"... Или, чтобы не ходить далеко, диалог государя императора Александра I с генералом П. К. Сухтеленем. Какой-то плохо владеющий собой приближенный императора оскорбляет генерала. Тот жалуется — императору же. "Не стоит волноваться, — утешает его император, —

¹ Russel B. History of Western Philosophy. P. III—IV.

¹ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1947. С. 186—187.

надо отчасти быть и философом". Вскоре у государя совещание о том, какие границы стратегически выгоднее России. Сухтелен проводит линию по реке Торнео. "Полно вам, — говорят император, — это же в Швеции". "Государь, — отвечает Сухтелен, — надо отчасти быть и философом".

Александр имел в виду, что философ должен стоять выше всего, что способно задеть его достоинство и помешать ему мыслить.

Он был прав.

Сухтелен имел в виду, что философ мыслит, оперируя зачастую отвлеченными от действительности, идеальными моделями.

И он был прав.

Наверное, стоит стать философом. Только это нелегко.

Три черты философии

Во-первых, философия — это наука о существовании и сущности. Вопрос о познании сущности материи и сознания, о формах, в которых происходит существование реальности, для философии очень важен. Важен потому, что человека не устраивает происходящее в мире, и он хотел бы его изменить. Реализация этого желания — источник вечных проблем для всего человечества и для любого человека.

Во-вторых, философия — это и способ мышления, образ мыслей философа, причем такой образ мыслей, который прямо сказывается на поведении, поступках, отношении к реальности. Философия поднимает человека над повседневностью, которая его подавляет, а бывает, и уничтожает. И это хорошо чувствовали (и чувствуют) и на Востоке, и на Западе. "Собака лает, караван идет" — все знают эту поговорку. Она учит почувствовать себя причастным к мерному движению, имеющему направление, хотя оно может проходить и через пустыню. Она учит не отвлекаться на бессмысленные пререкания, не отвечать на оскорбления — хотя, как всем известно, собака может и укусить.

"Коль перед бедами ты упадаешь духом,
То где же философия твоя?" —

вопросает шекспировский герой. Это хороший вопрос. Философия — это не только способ мышления, но и определенное отношение к действительности.

А так как это *отвлеченное* отношение к действительности странно сочетается с *неудовлетворенностью* ею, результаты бывают впечатляющие. Просто удивительные бывают результаты.

И, в-третьих, философия — это всегда понимание. Под пониманием разумеют индивидуальную реализацию познавательных способностей человека.

Хосе Ортега-и-Гассет справедливо отмечает, что любую сколько-нибудь полную философскую систему можно подразделить на

две части: одна трактует вопросы, фундаментальные для самого существования мира, а другая — вопрос о том, как к нему относиться и что в нем следует делать.

Для того, чтобы выполнять свою функцию, то есть отвечать на эти вопросы, философия должна быть *пониманием*.

Понимание осуществляется при обязательном участии языка и различается по глубине. Мы не всегда замечаем, что адекватному, в принципе, пониманию терминов и формулировок зачастую не достает должной глубины, контекст как бы скрадывает недостаточность понимания, если мысль развивается непротиворечиво и вводит соответствующий исходным посылкам. И лишь руководствуясь требованиями смыслового анализа, читатель обнаруживает (а иногда — неожиданно для себя), что содержательную сторону текста он понял правильно, а смысловую — неглубоко. Вот пример. Вам, несомненно, известны названия революционных организаций "Земля и воля", "Народная воля". Но знать эти наименования и понимать их — не одно и то же. "Воля" — это слово многозначно, здесь оно употреблено дважды и смысл его различается, притом политически. "Земля и воля" — это земля и свобода, а "Народная воля" — это стремление и решимость народа. Таким образом, народовольцы подчеркивали, что они являются исполнителями воли народа, и не случайно деятельное руководящее ядро организации, в сущности очень небольшой, именовалось исполнительным комитетом; его члены лично выполняли акции, которые, по их убеждению, были осуществлением воли и желаний народа.

Понимание порождает или, точнее, может порождать убеждения. Дело в том, что понимание есть по природе своей направленная связь — связь действительности с человеческой деятельностью, продолженная в его голове.

Психологически существенное отличие убеждения от простого знания субъективного выражается в том, что знание всегда осознается как нечто неполное, у него есть свои границы и содержание, а вот убеждение становится исходной точкой для все расширяющегося круга оценочных суждений.

Философия — это именно тот род понимания, который порождает убеждения. Но не всякие убеждения основательны и верны (хотя верность убеждениям и похвальна). Тут многое зависит от самого подхода к пониманию мира.

Основные подходы к пониманию

Исторически сложились два подхода к пониманию действительности. Один основан на прямом превосходстве: он прост, понятен, опирается на прошлое, жесткое, но впечатляющее, черпает силу в традиции, которая выступает как эффективный заменитель поиска новых мыслей и решений. Другой подход первоначально пред-

ставляется достоянием меньшинства и распространяется лишь со временем; он силен критическим анализом фактов, требует понимания аргументов, выдвижения перспектив, сравнивает настоящее не с прошлым, а с будущим. Первый ориентирован на прямое действие, второй — на оценку реального направления, по которому могут пойти события, и соответствующую ориентацию деятельности. Действовать можно с позиции силы и с позиции смысла. Соответственно и понимать действительность можно по-разному.

Известно, что “деятельность разума всегда будет по существу своему пониманием”. Следует ли отсюда, что результаты процесса понимания, его итоги подлежат оценке исключительно с позиции дихотомии “истинно—ложно”? Мы привыкли, и в этом нет ничего удивительного, именно к этой оценке: “он понимает правильно” или “он понимает неправильно”, а в более резкой форме — “он не в состоянии понять это правильно”. При этом в неявной форме делается допущение, что понимание как бы заключает в себе возможность выбрать правильный вариант — или закрыть на него глаза по причинам личным, социальным и иным. Оппонент не сделал верный выбор? Таков уж менталитет нашего оппонента, и ясно, что диалог с ним невозможен. Что же с ним делать? По-видимому, устраним.

Подобного рода подход имеет глубокие исторические корни, а соответствующий когнитивный стиль, в сущности, редко кому чужд: во всяком случае, он широко распространен. Но покоится он на весьма шатких основаниях. Дело в том, что понимание есть в той или иной мере процесс творческий, а значит, в чем-то индивидуальный; продукт понимания создается, а не просто воспроизводится по правильному эталону, как тому учила традиционная педагогика. И как бы мы не верили в могущество того или иного метода, он все же неразделен с гениальными умами его создателей: когда их нет, слабеет и сила метода. Применение метода еще ничего не гарантирует — нужен адекватно развитый интеллект, иначе говоря — реализованная способность понимать.

Характерной чертой распространенного, хотя, может быть, и отживающего образа мыслей является не только нежелание, но и неспособность вступать в диалог. Напротив, современная философия исходит из того, что понимание как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности носит множественный, плюральный характер. Понять можно то, что имеет смысл. Смысл нельзя постичь весь сразу, без остатка, это достижимо многими людьми и многими неповторимыми путями, которыми люди приходят к результатам, не исключаящим, а, наоборот, предполагающим взаимное понимание, сближение поначалу полярных точек зрения.

Отсюда не вытекает, что нет ничего неправильного, все относительно и все, что люди думают, в конечном счете в чем-то справедливо.

Нет, существуют взгляды полностью и непоправимо ошибочные, но их специфическая особенность именно в том и состоит, что они отвергают смысл, взывая к силе, отмечающей противников. Какой уж тут диалог! В то время, как в драме Иосифа “Шлягеттер” прозвучали печально знаменитые слова: “Когда я слышу слово “культура”, я спускаю предохранитель своего браунинга”, в политической психологии веймарской Германии уже обозначились тенденции, которые стали господствующими при национал-социализме. Видный национал-социалист (а проще — фашист) Эрнст Рем сказал о каком-то теоретическом вопросе: “Его решат ручные пулеметы”. В дальнейшем Луи Селия пояснял, что ум есть не что иное, как специфически сложная попытка уйти от страха (а фашист должен быть бесстрашен). Это никак не означало, что представители данного образа мыслей отказывались от правильных решений. Нет, просто они считали и считают, что такие решения подсказывает не ум, а чистая кровь, таинственная общность, которая делает людей частицами нации; нация есть высший носитель исторической силы. А сила решает все.

Лишь наивный идеалист способен отрицать историческую роль силы и тот факт, что ее конкретные проявления способны оказывать неизгладимое влияние на образ мыслей — как конкретных личностей, так и широких масс. Но даже Наполеон в конце жизни признал, что меч всегда проигрывает мысли. Хотелось бы привлечь внимание к тому обстоятельству, что все, созданное только силой, держалось исторически недолго; огромное и в конечном счете неизгладимое впечатление оставляют могущество мысли, способность ученого или политика смело ориентироваться на то, что представляется маловероятным или просто невозможным. Психологи XX века недаром говорят о “духовном оке”, которым человек видит то, что глаза других не замечают. На Востоке, где родилась эта метафора, введенная в обиход науки о психике, еще в древности сложилось убеждение, что “третий глаз” есть у каждого, только не у всех он открыт. Но открыть его и увидеть смысл можно.

Смысл того, что человек делает, выходит за рамки процесса деятельности и системы ее ближайших целей. Но какова система наших дальних целей? Вот вопрос, который не является только философским (по своей сути это проблематика политическая и экономическая), и одновременно вопрос, обнажающий философскую природу происходящего. Ответ на этот вопрос зависит не только от экономики и политики, но и от наших надежд, наших целей и убеждений. А это феномены внутреннего мира личности. От человека зависит то, что происходит в окружающем его мире. Как повлияют на мир, на общество цели и деятельность людей — покажет будущее. На него не следует закрывать глаза. Его возможный облик надо обсуждать.

Тенденция к диалогичности, открытости, присущая современной философии, составляет важнейшее условие ее развития. Носители догматического образа мыслей с насмешкой отвергают принцип Оливера Уэнделла Холмса: "дух свободы — это дух неуверенности в своей правоте". Что и говорить, звучит непривычно. А если вдуматься — философское значение этого принципа весьма велико. Он помогает снять барьер, препятствующий анализу мыслей и доводов оппонента, стесняющий поисковую активность. Сила философии в том, что она свободна.

Человек хочет убеждать и быть убежденным по велению своего разума и совести. Современная философия с необходимостью включает в себя этический компонент.

Философия и ее предмет

Что бы мы ни говорили о практическом значении философии (а оно у нее есть), в основе своей это наука теоретическая.

Что же это значит?

"Теоретик" — это слово происходит от греческого глагола, означающего "внимательно всматриваться". В античной Греции спорту придавалось большое значение, и теоретики — это были такие любители игр, которые не сводили глаз с участников соревнований и даже лучше их самих могли предвидеть исход игры, дать дельный совет. Теоретик видел дальше практика! Недаром Платон определил философию так: "he epistemeton cleutheron", что можно перевести как "наука спортсменов", но и как "наука свободных людей". Именно свободных.

Так во что же всматриваются эти теоретики, эти философы, то есть эти "любители мудрости"?

Плотин дал философски самое краткое и в то же время самое верное определение: философия — это наука о самом важном и сама философия — это to timotaton, то есть самое важное. Как это понять? Очень просто. Когда мы затрагиваем самые важные для какой-либо науки вопросы, мы незаметно даже для самих себя переходим в сферу философии этой науки. Когда физик исследует фундаментальные проблемы строения материи, существование мира в пространстве и времени, он входит в сферу философских категорий. Когда языковед исследует природу законов и правил языка, он входит в область философии. Недаром классический труд О. Есперсена называется "Философия грамматики".

Но все это не к одной только науке относится. Когда гражданин задумывается о сущности своих прав — он задумывается не только над юридическим, но и над философским вопросом.

Когда люди ставят вопрос: "Куда мы идем?", они задаются не только вопросом о цели экономических и политических реформ. Вопросы: "Кто мы?", "Куда мы идем?" — вопросы философские: это вопросы о сущности, существовании и пути человека, вопросы

о нашем настоящем и будущем. И все они упираются в вопрос: "Зачем?".

Зачем я живу? Этот вопрос пустым не назовешь. Это важный вопрос. Может быть, самый важный. А значит — философский.

Кто занимается философией

Философией занимаются разного рода люди. Ридель делит их (условно, разумеется) на три группы. Во-первых, это философы "по обстоятельствам" — в сущности, каждый мыслящий человек бывает хоть несколько часов в своей жизни философом, задумываясь над своей судьбой, будущим своей родины и всего мира. Во-вторых, это те, кто задумывался над философскими проблемами своей профессии, будь то физика, биология или, скажем, архитектура, — задумывался над ее границами, перспективами, самой сутью. В-третьих, это те, кто получает деньги за то, что философствует, те, для кого философия бывает профессией и реже — призванием.

Чтобы понять, кто такие философы "по обстоятельствам", можно обратиться к книге "Американская философия", изданной в Бостоне в 1956 году.¹ "Цель этой книги состоит в том, — пишут составители, — чтобы попытаться ответить на вопрос: "Что такое американская философия?". Этот ответ может быть найден в размышлениях и взглядах двенадцати американцев, чья жизнь является типичной для средней, умеренно преуспевающей личности, нашедшей для себя решение этого вопроса. Американская философия основана главным образом на успехе".

Кто же они? Это В. И. Ален — подполковник авиации; Дж. Л. Оллот — сенатор; Ф. Е. Виртапфель — майор; Дж. С. Гловер — помощник директора почты; Б. Давкинс — управляющий компании по установке электрооборудования; Дж. Дж. Лах — пастор; Х. Мак-Гоуэн — строитель; Дж. Мак-Кензи — священнослужитель; В. А. Рейлинг — врач; Дж. Стилл — публицист; Е. П. Венгер — владелец магазинов, преуспевающий бизнесмен; Л. Вильямс — потомственный юрист. Здесь под "американской философией" подразумевается, скорее, американский образ мыслей, что тоже составляет часть философии, хотя, может быть, и не самую важную.

Вторую группу достойно представляют, например, Нильс Бор и Альберт Эйнштейн. Среди представителей "философии науки" немало специалистов конкретных отраслей научного исследования.

Что же касается философов по призванию, то действительно великих философов последнего столетия можно перечислить по паль-

¹ The American Philosophy. Boston, 1956. P. 9.

цам. В Великобритании это Бертран Рассел, в Испании — Хосе Ортега-и-Гассет, во Франции — Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, в Германии — Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс, в США — Джон Сантаяна и Джон Дьюи. Особняком стоит гигантская фигура австрийца Людвиг Витгенштейна. Жил и прославился он, правда, за рубежами своей родины, как и русский философ Лев Шестов. Огромный вклад в философию XX века внесли великие ученые: Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Карл-Густав Юнг, Нильс Бор.

Все это классики первого, так сказать, ранга.

Две особенности философии

Эжен Ионеско сказал как-то: "Нечего философствовать, если ты не великий философ".

Это, конечно, ироническое преувеличение, но в нем отражена одна важная особенность философии: она требует уровня, масштаба, она не может быть мелкой. Во множестве наук имеют свое значение и самые мелкие сдвиги, "подвижки", как сейчас выражаются иные государственные деятели. В философии мелким мыслям не место. Они сразу бросаются в глаза.

Занятия этой наукой сравнивают с игрой на скрипке. Она отличается от игры на других инструментах. На гитаре можно играть не очень умело, и никого это не заденет. Но вы, наверное, заметили, что посредственная игра на скрипке просто невыносима, хорошая — выносима, но недолго, и лишь действительно отличное исполнение способно привлечь внимание. Такой уж это инструмент. Так и философия предъявляет к специалистам повышенные требования — такой уж это предмет. Это первая особенность.

Вторая особенность в том, что большие философы не умирают, а как бы продолжают жить и участвовать в решении философских проблем. Гуссерль советует Льву Шестову почитать Керкегора. Встреча с Керкегором (тот давно умер) для Шестова — огромное событие. Его увлекают идеи "вечного возвращения". Он верит, что все в мире может повториться заново, пусть через сотни, тысячи лет. И жизнь повторится по-новому! Сократ не будет отравлен по приговору афинского (вполне демократического) суда, Серен Керкегор воссоединится с бывшей своей невестой Региной Ольсен, что вышла замуж за другого... Заметьте, речь идет о людях, давно-давно ушедших из жизни. Но вот умирает и Лев Шестов — и друг его, тоже видный философ, в трогательном некрологе вдруг возмущается: "Может быть, Регина и не пожелает менять своего мужа на Керкегора".

Такого, конечно, ни в какой иной науке не бывает. Они все считают друг друга живущими.

И я ловлю себя на том, что и щегольски одетый Керкегор, и огромный Ясперс, и внушительный Мамардашвили не кажутся мне ушедшими из жизни, потому что живы их мысли.

Мне хотелось бы, чтобы они продолжали свою жизнь и в нашем сознании.

Но всегда будут силы, желающие умертвить философскую мысль.

Когда умер замечательный философ Хосе Ортега-и-Гассет, правящий тогда в Испании генерал Франко разрешил напечатать некрологи, но прижизненные фото покойного печатать категорически запретил. Только фотографии посмертной маски. Генерал был испанец и знал, как неодолима тень смерти. Тень смерти стереть нельзя. Но философ оказался неподвластен смерти, его мысли остались жить, с ним спорят и поныне. И я с ним спорю в этой книжке, и соглашаюсь.

В сознании читателей живы и другие философы — живы благодаря действительной глубине их мыслей; они предчувствовали, что эта форма бессмертия им доступна, и хотели существования лично-го, индивидуального, как каждый из нас.

Вот это "бессмертие в мысли" привело к тому, что все философы стали как бы современниками друг друга. Развивается философия сообразно. Вот если бы за одним столом оказались бы Ньютон и Габор и последний стал бы объяснять Ньютону, что такое голография, они далеко не сразу поняли бы друг друга. А понял бы Келлер Эйнштейна? Не за один день. Не то философы. Проблемы, которые ставил Сократ, он смог бы обсуждать с Ницше, Витгенштейном и Шестовым — впрочем, решительно расходясь с ними во мнениях. Но они прекрасно поняли бы друг друга. И, думается, если бы Рене Декарт, повоевавший в Германии в 1620-м, каким-то чудом смог бы оказаться за одним столом с поэтом Слуцким, воевавшим в Германии в 1945-м, они смогли бы обсудить одни и те же философские проблемы, более того — Декарт понял бы Слуцкого великолепно, может быть, глубже, чем те, кто триста лет спустя жили со Слуцким рядом. Ведь Декарт писал: "Никогда мои намерения не шли дальше попытки реформировать мое собственное мышление и строить на фундаменте, который принадлежит мне... Мое стремление было целиком направлено к тому, чтобы достичь уверенности, отменяя зыбкую почву и песок, чтобы найти гранит или твердую почву"¹. Он ее нашел! Но то был "Век разума". А Слуцкий писал:

¹ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 245—280.

Я строю на песке, а тот песок
еще недавно мне скалой казался.
Он был скалой, для всех скалой остался,
а для меня распался
и потек.

Я мог бы руки долу опустить.
Я мог бы возмутиться и спросить —
за что и по какому праву...
Но верен я строительной программе.
Прижат к стене, вися на волоске,—
я строю на плывущем под ногами,
на уходящем из-под ног
песке.

Это XX век. Вопрос о фундаменте миропонимания здесь решается в ином, экзистенциальном ключе. Но Декарту это стало бы вполне понятно, разрыв во времени в триста лет не обусловил бы разрыва в понимании, как его обусловил бы разрыв последовательности естественного знания.

Метапрактика

Этот новый, характерный для XX века подход сложился потому, что в этом столетии была остро осознана важнейшая человеческая черта: человек — это то, что он есть, и одновременно то, чего ему не хватает. Человек — это и его ум, и его мужество, и его недостатки, и его любовь, и голод, и его поражения, и его цели¹.

Сейчас возможность глобального конфликта отступила в прошлое. Но сорок лет назад Мартин Хайдеггер предрек: "...Человек на этой земле находится в опасном положении. Почему? Потому лишь, что внезапно разразится третья мировая война, которая приведет к полному уничтожению человечества и разрушению Земли? Нет. Наступающий атомный век грозит нам еще большей опасностью как раз в том случае, если опасность войны будет устранена... Накатывается техническая революция атомного века, которая сможет захватить, околдовать, ослепить и обмануть человека так, что однажды вычисляющее мышление останется единственным действительным и практикуемым способом мышления. Какая же великая опасность надвинется на нас тогда? Равнодушие к размышлению и полная бездумность, которая может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования и изобретательства. А что же тогда? Тогда человек отбросит свою глубочайшую сущность, именно то, что он есть размышляющее существо. Итак, дело в том, чтобы спасти сущность человека".

Жизнь человека не сводима к практике, хотя практика и исключительна по своему значению. Практика — это признавал и Маркс, но его эпигоны об этом всегда забывали — требует понимания, то есть того, что приходит вместе с практикой и после нее, — *метапрактики*.

Перед войной в богатой и обреченной на поражение Франции появились люди, одаренные и отчаянные, пишущие, умеющие пилотировать самолеты под огнем и над водой — Сент-Экзюпери и Мальро. Андре Мальро много думал о судьбе и человеке.

1. Под судьбой здесь подразумевается нечто вполне отчетливое: осознание человеком того, что ему чуждо и что его затягивает — безликая сила безразличных к нему Космоса, Вселенной и Времени, Земли и Смерти. "Судьба,— писал он,— это расщелина между каждым из нас и всееленской жизнью".

2. Но надо жить и надо сметь. Надо оставить след на песке времени. Это цель.

3. Одолеть человеческий удел, черпая внутри себя силы, которые прежде искал вояка. Для этого надо слушать себя.

4. Голос других слышишь ушами, свой собственный голос — прямо нутром.

5. Человек должен стать интеллигентом.

6. Интеллигент — не тот, кто испытывает потребность в книгах, а всякий, чья мысль направляет и выстраивает его жизнь.

Таков образ мыслей, призванный учредить некий личный смысл вместо смысла надличного. Эти шесть тезисов сути философии Мальро не исчерпывают. В конце концов он был не только летчиком, путешественником, партизаном, министром культуры — он был прежде всего писателем, и вот еще семь утверждений этого блестящего метапрактика.

1(7). Метапрактики — те, кто соединяет в себе способность к действию, культуру и ясность ума.

2 (8). Между действующим человеком и условиями его действия всегда существует непримиримое расхождение.

3 (9). Искусство рождается из решимости извлечь формы из мира, в котором человек терпит, и включить их в мир, в котором человек повелевает.

4(10). Воля к творчеству становится высшей ценностью.

5 (11). Искусство есть антисудьба¹.

6 (12). В конце концов надежда людей и есть смысл их жизни.

7 (13). Есть один только я, и я умру.

"Кто знает,— говорил Андре Мальро незадолго до смерти,— может, лет через сто станут считать, что для состоявшейся цивилизации самое главное — наличие вопросов? Не в том суть, чтобы на

¹ И, конечно же, человек — это его совесть. (См. об этом: Шрейдер Ю. А. Лекции по этике. М., 1994.)

¹ Malraux F. Les Vois de Silence. Paris, 1951. P. 637.

все были ответы, а в том, чтобы не перевелись вопросы... Смысл, однако, заключается в том, чтобы искать ответы”.

Их ищут не только философы. Философское значение имеют не только мысли, выраженные словами. Есть свое значение и у того, что вы видите на иллюстрациях в этой книге.

САМОПОЗНАНИЕ

“Чужая душа — потемки”? Нет,
собственная гораздо темней.

И. Бунин

И. Бунин, чьи слова вынесены в эпиграф, не одинок. “Да, человек это тайна”, — говаривал великий грузинский художник Ладо Гуднашвили. И в те же приблизительно дни за тысячи километров от Тбилиси — в пригороде Парижа Николай Бердяев читал и переписывал первые строки своей большой книги: “Тайна личности, ее единственности, никому не понятна до конца. Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир”¹.

Книга называлась “Самопознание”.

Идея самопознания родилась на Востоке. Там же великие философы древности пришли к выводу, что Атман-Брахман, душа индивидуальная, личная, равна душе мировой. Бердяев был с этим согласен: “Человек — микрокосм и заключает в себе все”. Впрочем, в этом вопросе мудрецы Востока и Запада друг другу не противостоят. Прочитав это восьмистишие античных времен, вы непременно обратите внимание на слова Хилона:

Семь мудрецов называю — их родину, имя, реченье.

“Мера важнее всего”, — Клеобул говаривал лидийский.

В Спарте “Познай себя самого”, — проповедовал Хилон.

“Сдерживай гнев”, — увещал Периандр, уроженец Коринфа.

“Лишку ни в чем”, — поговорка была митилецца Питтака.

“Жизни конец наблюдай”, — повторялось Милоном Афинским.

“Худших везде большинство”, — говорилось Биантом Приенским.

“Ни за кого не ручайся”, — Фалеса Милетского слово.

¹ Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С. 11.

² Там же.

Перевод довольно неуклюж, хотя весьма близок к оригиналу. Кое-что я все-таки уточню. Слова Питтака из Митилен дошли до нас в формулировке более известной: "Ничего лишнего". Мысль Милона из Афин заключалась в том, что о жизни судят по ее завершению. Биант же учил сомневаться в той извечной истине, что большинство людей в большинстве случаев право, Фалес Милетский имел в виду, что познать человека очень трудно и можно только предполагать, как поступит другой человек. Только предполагать, но не знать. А слова спартамца Хилона "Gnoti se auton" приобрели поистине мировую славу: "Познай самого себя". Хотя, повторю еще раз, за много сотен лет до Хилона в древней Индии возникла и утвердилась мысль аналогичная и, может быть, более мудрая: "Познай самого себя, и ты познаешь весь мир".

Итак, попытайтесь узнать о себе больше, чем вы сейчас знаете. Возможно ли это?

Есть несколько путей самопознания. И я хочу предложить вам вступить на один из них.

Путь этот извилист. Что ж! Раз уж мы поминали мудрецов Древней Греции, вспомним легенду о Тезее, который смог выбраться из Лабиринта благодаря тому, что Ариадна дала ему путеводную нить. Нить Ариадны извивалась по темному Лабиринту, но в конце концов вывела Тезея на свет.

Так вот. Ответьте на ряд вопросов и задумайтесь над своими ответами. Ответьте сами себе. Это не тест. Баллы ставить никто в завершение не будет. Это работа с самим собой и над собой. Это не я вас спрашиваю, не Макс Фриш (чьи вопросники частично использованы), нет, это вы сами спрашиваете себя. И отвечаете вы тоже себе. Отвечайте письменно, а главное — отвечайте правдиво. Себе лгать не надо. Другим, впрочем, тоже — ни к чему кроме потери самоуважения это не приводит.

И, повторяю еще раз, никаких баллов за ответ выставлено не будет. Это разговор с самим собой, разговор, после которого вы изменитесь. Быть может, не слишком заметно для других. Но для самого себя вы станете чуть-чуть другим. Вы не станете лучше, здесь не об этом речь. Вы станете больше рассчитывать на самого себя в сложных ситуациях. Вы станете больше доверять себе. И помните — недоверие к себе есть причина половины наших неудач!

Итак, как я говорил, все это не испытание себя. Это познание себя. И первый вопрос, который при этом возникает — стоит ли доверять себе? Наверное, да — если вы этого стоите. Смотрите на себя собственными глазами, а не глазами других. Самооценка должна быть трезвой, точной и обнадеживающей.

¹ А доверие к другим — причина другой их половины, как заметил один современный философ. Прав ли он?

Лист № 1

1. Что вы называете родиной: а) дом? б) родное село или местность? в) город? г) родной язык? д) этнос?

2. Что вам особенно дорого на родине: а) природа? б) язык? в) воспоминания о детстве?

3. Предположим, родина воплощается для вас в горных лугах, бурных реках, водопадах; трогает ли вас встреча с такого же рода лугами, горами, реками и водопадами в другой части света? Или она разочаровывает вас?

4. Что на родине вам особенно необходимо?

5. Родину с ее природой и обществом не переменить, это место, где вы родились и выросли. Благодарны ли вы судьбе за это?

6. Есть ли местности, города, обычаи и т. д., которые наводят вас на тайную мысль, что вам больше подошла бы другая родина? И, наоборот, есть ли за рубежом места, где вас охватывает ужас при мысли, что это могла быть ваша родина?

7. Можете ли вы сказать, что самое главное для вас — это народ, к которому вы принадлежите?

8. Возникает ли у вас тоска по родине, если, находясь за границей, вы встречаете соотечественника, или совсем наоборот?

9. Государственный флаг символизирует для вас родину?

10. От чего вы скорее могли бы отказаться: а) от малой родины? б) от отчизны? в) от заграницы?

11. Обдумывали ли вы когда-нибудь вопрос о выезде?

12. Какие блюда вы стремитесь есть, когда испытываете тоску по родине (например, немецкие отпускники на Канарских островах заказывают ежедневно самолетом кислую капусту) и чувствуете ли вы себя при этом уютнее в мире?

13. Почему не существует прав для людей без родины?

14. Сколько родины вам нужно?

15. Если вы живете вместе с человеком, у которых другая родина, чувствуете ли вы свою причастность к родине другого?

16. Что лишает вас родины: а) безработица? б) изгнание по политическим причинам? в) карьера на чужбине? г) то, что вы все чаще думаете по-другому, чем люди, считающие то же место, что и вы, своей родиной и господствующие там? д) злоупотребление военной присягой?

17. Есть ли у вас вторая родина, а если да:

18. Можете вы себе представить третью и четвертую родину или вы в результате снова возвращаетесь к первой?

19. Может ли идеология стать родиной?

20. Воспринимаете ли вы вообще Землю как родину?

21. Можете вы представить себя без родины?

22. Из чего вы заключаете, что звери, например, газели, гиппопотамы, медведи, пингины, тигры, шимпанзе и т. д., вырастающие

в вольерах или заповедниках, не воспринимают зоопарк как родину?

23. Можете ли вы сказать, что свобода для вас — высшая ценность?

Лист №2

1. Вы считаете себя хорошим другом?

2. Сколько у вас сейчас друзей?

3. Чего вы не простите другу: а) того, что он увел у вас девушку? б) что он в вас не уверен? в) что он не переносит вашей критики? г) что он охотно общается с людьми, с которыми вы рассорились?

4. Чего вы больше боитесь: осуждения со стороны друга или осуждения со стороны врагов?

5. Почему?

6. Есть ли у вас враги, которых вы тайне хотели бы сделать своими друзьями?

7. Считаете ли тайне природу вашей подругой?

8. Какую степень откровенности друга вы выносите — в общении, в письменной форме, с глазу на глаз?

9. Друг ли вы самому себе?

10. Дружили ли вы с человеком противоположного пола или это всегда иное чувство?

11. Что вы воспринимаете как предательство: а) когда это делает другой человек? б) когда это делаете Вы?

12. Считаете ли вы продолжительность дружбы (нерушимость) ее мерой?

13. Хотели бы вы обходиться без друзей?

14. Держите ли вы собаку в качестве друга?

15. Бывало ли, что вы вообще не имели друзей, или же вы тогда просто снижали свои требования?

16. Почему?

17. Если кто-то в состоянии помочь вам деньгами или если вы в состоянии помочь кому-то деньгами, видите ли вы в этом угрозу прежней дружбе?

18. Если вы окольным путем узнаете, что злая шутка по вашему адресу пущена вашим другом, прекращаете вы с ним дружбу? И если да:

19. Предположим... вы имеете друга, намного превосходящего вас в интеллектуальном отношении: утешает вас его дружба независимо от этого или вы тайне сомневаетесь в его дружбе, которой вы добились только восхищением, верностью, готовностью помочь и т.д.?

20. Что чаще всего пробуждало Вашу естественную потребность в дружбе: а) лесть? б) встреча с земляком на чужбине? в) сознание, что вражды вы в данном случае не можете себе позво-

лить, например, из-за того, что ваша карьера пострадает? г) Ваше собственное очарование? д) лестное сознание, что человека, который пользуется уважением, вы в обществе сможете назвать по имени, как своего друга? е) идеологическое согласие?

21. Как вы говорите о потерянных друзьях?

22. Если вам во имя дружбы приходится делать то, что противоречит вашей совести, сохраняется после этого дружба?

23. Бывает ли дружба без средства в юморе?

24. Что, по вашему мнению, необходимо, чтобы отношения между двумя людьми можно было считать не просто общностью интересов, а дружбой: а) приятное лицо? б) возможность с глазу на глаз расслабиться, то есть уверенность, что не все будет разболтано? в) совпадение политических взглядов в общем и целом? г) чтобы один другому мог внушить надежду уже самим фактом своего присутствия, уверенностью, что тот позвонит, что тот напишет? д) терпимостью? е) возможность открыто противоречить, но чутко улавливать, какую меру откровенности другой может вынести, и, значит, проявлять терпение? ж) отсутствие вопросов престижа? з) признание за другим права на тайны, то есть не обижаться, если открывается что-то, о чем тот никогда не говорил? и) сродство в чувстве стыда? к) обоюдная радость как первый рефлекс при случайной встрече, даже когда нет времени? л) умение надеяться за другого? м) гарантия, что, услышав сплетню, другой по меньшей мере потребует доказательств, прежде чем согласится с ней? н) общие восторги? о) общие воспоминания — не будь они общими, они лишились бы интереса? п) благодарность? р) не судить другого, понимая, что он не прав? с) отсутствие любого рода скупости? т) не привязывать друг друга к мнениям, которые когда-то привели к единству, то есть ни один не должен отказываться от нового взгляда из уважения к другому? (Несоответствующее зачеркнуть).

25. Какая возможна разница в возрасте?

26. Если многолетняя дружба распадается, например потому, что не складываются отношения с новой спутницей жизни друга, сожалеете ли Вы, что эта дружба вообще существовала?

Лист №3

1. Пробуждается ли у вас чувство юмора, когда вы в одиночестве?

2. Когда вы говорите о ком-нибудь: "У него есть чувство юмора", — вы имеете в виду, что он может вас рассмешить или что вам удается его рассмешить?

3. Известны ли вам животные с чувством юмора?

4. Что вы в состоянии переносить только с юмором? Что дает вам чувство юмора: а) независимость? б) смелость? в) откровенность? г) жизнелюбие?

5. Предположим, вы верите в Бога: известны ли вам признаки того, что он обладает юмором?

6. Что вы ожидаете от своей веры, если вы — верующий?

7. Считаете ли вы, что разум подсказывает человеку атеистическую позицию, а чувство — религиозную?

8. Вы когда-нибудь видели летающую тарелку?

9. Читаете ли вы астрологические странички в прессе? Будят ли они у вас чувство юмора? Надежды? Печали?

10. Если вы кого-нибудь доводите до того, что он теряет чувство юмора (например, потому что вы задели его стыдливостью), и вы потом устанавливаете, что данный человек вообще лишен чувства юмора, заключаете ли вы из этого, что вы обладаете чувством юмора, если теперь смеетесь над ним?

11. В чем различие между остроумием и юмором?

12. Если вы наталкиваетесь на чью-то антипатию, что вам лучше удается: остроумие или юмор?

13. Считаете ли вы юмором: а) если мы смеемся над кем-то третьим? б) если вы смеетесь над самим собой? в) если вы кого-нибудь доводите до того, что он, не стыдясь, может смеяться над самим собой?

14. Если вычесть смех, рожденный за счет кого-то третьего, считаете ли вы, что часто проявляете чувство юмора?

15. По каким признакам вы замечаете, что не пользуетесь больше симпатией в обществе: по тому, что игнорируются ваши серьезные аргументации, познания и т. д., или же по тому, что свойственный вам вид юмора попросту больше не доходит, то есть что вы стали человеком без чувства юмора?

16. Есть ли у вас чувство юмора, когда вы в одиночестве?

17. Что неожиданно вызывает у вас уверенность, что вы могли бы сблизиться с женщиной: выражение ее лица, история ее жизни, ее кредо и т. д. или первый признак сходства вашего юмора, хотя бы и при различии мнений?

18. В чем обнаруживается сходство юмора: а) в однородности интеллекта? б) в том, что два или три человека обладают схожей фантазией? в) в сродстве чувства стыда?

19. Если вы осознаете, что в данный момент действительно лишены юмора, кажется ли вам тогда, что свойственный вам временами юмор — это просто несерьезная манера поведения?

20. Можете вы представить себе брак без юмора?

¹ Предположим, вы уже ответили на этот вопрос. А теперь подумайте над тем, как вы его поняли: все это вы имеете благодаря чувству юмора или, наоборот, чувство юмора возникает у вас благодаря вашей независимости, смелости, жизнелюбию.

21. Что скорее вызывает вашу ревность: то, что osoba, которую вы любите, обнимает, целует и т. д. другого человека или то, что другому удастся обнаружить в вашем партнере юмор, которого вы в нем не знали?

22. Избегают ли революционеры юмора?

23. Когда вы по политическим причинам ненавидите человека или общественную прослойку, можете ли вы относиться к ним с юмором, не теряя при этом ненависти?

24. Существует ли бесклассовый юмор?

25. Бывает ли, что в юморе вы оказываетесь иным, чем вам хотелось бы быть, то есть что вас пугает собственный юмор?

26. Порождает ли разочарование юмор?

27. Предположим, вы обладаете даром рассмешить любого человека и пользуетесь этим даром в любом обществе, так что становитесь в конце концов признанным юмористом, чего вы от этого ожидаете: а) общения? б) что вы ни с кем не испортите отношений? в) что вы кого-то оскорбите, а потом сможете сказать: это был юмор, и если тот не понимает юмора... и т. д.? г) что вы сами не будете скучать? д) что в случае, когда аргументы бессильны, смеющиеся сочтут вас правым?

28. Если вы, живя на чужбине, обнаруживаете, что ваш юмор никем не разделяется, можете вы примириться с тем, что понимание достижимо только серьезностью, или перестаете сами себя узнавать?

30. Меняется ли в старости чувство юмора?

31. Какой Вы, по Вашему мнению, в юморе: а) миролюбивый? б) свободный от честолюбия? в) безбоязненный? г) независимый от морали? д) превосходящий сам себя? е) смелее, чем обычно? ж) свободный от самосострадания? з) откровеннее, чем обычно? и) жизнелюбивее?

Вы отвечаете на эти вопросы исключительно и только самому себе. Это создает основу для действительной самооценки.

А как следует оценивать других? Об этом хорошо сказано в короткой новелле или, скорее, притче Шандора Богданфи.

«Вы, наверное, не знаете Хукича. Но я-то знаю его уже добрых тридцать лет. Еще в детстве мы учились в одном классе, потом, во время оккупации, сидели в одном гестапо. Да и сейчас, в мирное время, мы с ним сталкиваемся постоянно. Он вечно спешит, всегда у него какие-то неотложные дела, которым нет ни конца, ни края.

Вот и сейчас, когда я сижу и попиваю кофе, в вертящейся двери кафе появляется Хукич. Но неужели это действительно он? Сгорбленный, желтый, с испуганным взглядом, с неуверенной походкой.

— Что с тобой, дружище?

— Заболел я,— говорит он и буквально валится на стул против меня.

Я сразу заказываю для него один чай с ромом и два рома без чая.

Между нами и внутри нас возникает тепло. Хукич еще по-прежнему бледен, но глаза у него загораются.

— Так что же с тобой стряслось?

Хукич сперва подозрительно оглядывается вокруг, а потом, как будто поверяя мне страшную тайну, шепчет:

— Мания преследования.

— Это что-то простудное? — спрашиваю я его с участием.

— Да нет же! Я галлюцинирую. Мне кажется, что я окружен врагами, что все против меня.

— И даже я? Разве я против тебя?

— Ни слова! — прервал он меня.— Ты ангел. Да и вообще все ангелы. Но я в своем болезненном воображении представляю себе, что люди злые. Ну болен я, что поделаешь!

— А ты принимай антибиотики. Пенициллин, бициллин...

— Уже принимал.

— И что же?

— Ангина прошла, а это осталось. Я сумасшедший! Или, вернее сказать, с нервным расстройством. Хотя нет, самый настоящий сумасшедший! ...

— Не кричи,— постарался я его успокоить.— На нас уже смотрят с других столиков. Прошу тебя, возьми себя в руки.

Хукич притих.

Мы заказали еще по стаканчику рома. Вижу, руки у него дрожат. Сидит напротив меня с закрытыми глазами и как будто отсутствует.

— Слушай, старина,— заговорил он вдруг, как в бреду.— Сегодняшний день у меня начался тоже с того, что я испугался собственной жены. Я знаю, что моя жена — суший ангел, и все же сегодня утром мне показалось, что она хочет вонзить мне нож в спину. Разве это не страшно? Мы любим друг друга и живем душа в душу, и вдруг... Я убежал из дому и всю дорогу казнил себя за то, что я даже мог подумать такое о своей единственной, любимой женщине. О, я маньяк!

— Успокойся, прошу тебя. Я убежден, что это излечимо. Если ты сам так хорошо осознаешь свою болезнь...

— Да, я все прекрасно понимаю! Но представляешь, когда я пришел сегодня на службу, мой шеф, исключительно благородный человек, встретил меня приветливой улыбкой.

поздоровался со мной, а у меня в ответ опять появилось это ничем не объяснимое ощущение, что он, мой шеф, тоже хочет вонзить мне нож в спину. Я работаю с ним уже десять лет, я могу тебе за него поручиться. Это добрейший человек. Разве это не абсурд — подумать, что он может вонзить мне нож в спину? Уверяю тебя, я тяжело болен.

— Да,— согласился я,— но ты не должен отчаиваться. Сейчас это лечат. Вот облысение — это действительно почти неизлечимо. А это твоя мания — пустяк.

— Пустяк? — заволновался Хукич.— А знаешь ли ты, что случилось потом? Я отправился к своему лучшему другу, чтобы найти утешение. Я кинулся к нему, как верующий к иконе, и почувствовал огромное облегчение. Знаешь, он просто излучает доброту и участие. Ко мне вернулось спокойствие. И вдруг меня охватило...

— Что охватило?

— Да все то же! В одно мгновение, не знаю почему, меня охватило чувство, что этот мой лучший друг хочет вонзить мне нож в спину.

— Это невозможно!

— Знаю, что невозможно, но мне кажется. Что я могу поделать?

Я посмотрел ему в глаза:

— Слушай меня, Хукич! Возьми себя в руки! Одумайся! Ты хочешь во всем до конца разобраться?

— Хочу!

— Эти трое — жена, шеф и друг,— они любят тебя, да?

— Да, любят.

— Эти трое уважают тебя?

— Да, уважают.

— Ведь они хотят тебе только добра, разве не так?

— Так! Они хотят мне только добра.

Я победительно смотрел на Хукича. Психотерапия помогала на глазах. Хукича нельзя было узнать: улыбка преобразила его лицо, глаза светились счастьем, на щеках играл румянец.

Он смеялся. Мы выпили еще рома, поболтали.

Наконец Хукич встал и торжественно объявил:

— Это мое счастье, что я тебя встретил. Что благодаря тебе я освободился от этой мании. Спасибо тебе! А сейчас мне пора. Спасибо, друг! Прощай!

Он долго тряс мою руку, и под конец мы даже расцеловались. Хукич бодро пошел к двери. Я с радостью провожал его взглядом. И вдруг увидел, что у него в спине торчат три ножа".

О смысле этой притчи каждый задумается сам. Бесспорно одно: доверие, любовь, смерть — все это мосты, соединяющие нас с Миром. По двум приходят к нам. По третьему — уходим мы.

Теперь о смерти.

Джимми Коллинз, летчик-испытатель, разбился. И в американских газетах появился заголовок “Я умер”, а под ним — короткая его исповедь. Ей предшествовало уведомление от редакции: “*Это последние строки Джеймса Коллинза, и притом не продиктованные “нашему корреспонденту”, а написанные собственноручно, хотя, в некотором роде, и после смерти*”.

“Я умер.

Как я могу это говорить?

Я не могу сказать вам устным словом: “Я умер”.

Но есть не только устное слово.

Есть еще написанное слово. У него другие измерения в пространстве и во времени. Вот написанным словом я и могу вам сказать: “Я умер”.

Но есть не только устное и написанное слово. Есть еще неосознанное, произнесенное слово смутных раздумий, мечты, страсти. Это слово жизни и смерти.

Это было слово моей жизни и моей смерти. Слово мечты, которое вдохнуло в меня дыхание жизни, а потом погубило меня.

Мечта. И жизнь. И смерть.

У меня была мечта. Была всегда. Я не могу вам сказать, в чем она заключалась. Знаю только, что одним из ее символов было — летать.

Это началось еще в юности. Я не помню, когда это началось.

Когда я стал старше, это овладело мной еще сильнее.

Такая долгая мечта, такое страстное желание не могли не сбыться.

И я взлетел.

Я помнил мечту в дни моей юности, помнил огонь и восторг, и как сияние мечты озарило мой мир и мою сияющую молодость.

Она была моим создателем. Она создала мне жизнь, ибо не хлебом одним живет человек. Так не прожить. Только мечты и видения дают настоящую жизнь.

Но пришли тяжелые дни. Сияние померкло, и проступили земные цвета. Честолюбие, деньги. Любовь и заботы, и горе. Любопытно, как сильна сила слабости в женщинах и их детях,

когда видишь, как твои мечты, невысказанные, глядят их глазами. И старше я стал, и беспокойные дни наступили на земле.

Наконец пришло время, когда питаться стало важнее, чем летать, и деньги стали великой ценностью.

Да, деньги стали великой ценностью, и мне предложили денег, и еще чуть мерцала прежняя, большая мечта.

Самолет был прекрасен. Его серебряные крылья сверкали на солнце. Шум мотора был громкой песней, поднимавшей его высоко, высоко.

А потом...

Вниз.

Вниз мы ринулись, прочь от голубой высоты. Прямо вниз.

Быстрее.

Еще быстрее. В пикирующем полете испытывали мы свою силу.

Страх?

Да, я стал старше. Но страх остался. Страх дерзания и мужества. И смешанный с остатками великой силы моей прежней мечты, даже сейчас.

Вниз.

Вниз.

Рев сверкающей стали, внезапный блеск... да, да вот оно... отрываются крылья... Слишком хрупкие... крылья... мечта... тяжелые дни.

Холодный, но трепетный фюзеляж — последнее, что почувствовало мое теплое, живое тело. Протяжный, громкий рев мотора, страшный, нарастающий, переходящий в оглушительный грохот при встрече с землей, — был моей смертной песней.

И вот я умер”.

Это все. Быть может, вам стоит перечитать это. Тогда вы заметите, что слова “тяжелые дни” или “непокойные дни” повторяются тут трижды..., как и слово “деньги”.

Было от чего заколебаться, потерять мужество.

Этого не произошло.

Джимми делал свое дело. Что ж: свое дело — для каждого, и каждый — для своего дела.

Вопросы, на которые вам предстоит ответить, касаются и смерти, и дела, и денег, и многого из того, что входит в жизнь.

Лист №4

1. Бойтесь ли вы смерти и с какого возраста?
2. Хотели бы вы быть бессмертным?
3. Желали ли вы кому-либо смерти и если да, то кому?

4. Что вас раздражает в похоронах?
5. Хотели бы вы умереть, сознавая, что умираете, или, наоборот, внезапно — от падающего кирпича, инсульта, от взрыва и т. д.?
6. Когда дыхание прекращается и врач это подтверждает, уверены вы, что в этот момент человек ничего не осознает и не видит сны?
7. Можете вы представить себе легкую смерть?
8. Если вы кого-то любите, хотите ли вы умереть первым? Почему?
9. Что вы делаете, чтобы преодолеть страх смерти?
10. Можно ли сказать, что вы не боитесь смерти (потому что вы материалист, потому что вы не материалист), но боитесь умирания?
11. Переживали ли вы момент, когда вам казалось, что вы умираете? О чем вы при этом думали: а) о том, что оставляете? б) о положении в мире? в) о каком-нибудь ландшафте? г) что все было тщетно? д) что без вас никогда не осуществится? е) о беспорядке в ящиках стола?
12. Чего вы больше боитесь: того, что на смертном одре кого-нибудь незаслуженно обругаете, или того, что незаслуженно простите?
13. Когда вы узнаете, что умер кто-либо из знакомых, поражает ли вас, каким само собой разумеющимся кажется то, что другие умирают? И если нет: возникает у вас чувство, что он в чем-то вас превзошел, или вы чувствуете свое превосходство?
14. Если вы при определенных обстоятельствах когда-нибудь желали умереть и этого не произошло, полагаете вы потом, что ошиблись, то есть оцениваете вы по-другому эти обстоятельства?
15. Если вы не боитесь смерти, то почему: вам надоела такая жизнь или вы сейчас как раз ею наслаждаетесь?
16. Если вы кого-нибудь жалели или ненавидели и узнали, что он умер, что происходит с вашей ненавистью или с вашей жалостью к этому человеку?
17. Есть ли у вас друзья среди мертвых?
18. Когда вы видите покойника, возникает ли у вас чувство, будто вы знали этого человека?
19. Целовали ли вы когда-нибудь покойника?
20. Если вы думаете не о смерти вообще, а о собственной смерти, потрясает она вас, то есть вам становится жаль себя, или вы думаете о людях, которых вам жаль после вашей кончины?
21. Хотели бы вы быть похоронены в определенном месте?
22. Какие мучения вы предпочитаете смерти?
23. Если вы верите в царство мертвых, утешает ли вас мысль, что мы все будем видеться вечно, или вы поэтому боитесь смерти?
24. Хотели бы вы знать, что такое умирание?

Лист № 5

1. С кем вы предпочли бы никогда в жизни не встречаться?
2. Кого из тех, кто умер, вы хотели бы снова увидеть?
3. Кого, напротив, нет?
4. Хотели бы вы принадлежать к другой нации (культуре); к какой?
5. До какого возраста вы хотели бы дожить?
6. Если вы вдруг представите себе, что не родились на свет, зовет ли это у вас чувство беспокойства?
7. Любите ли вы кого-нибудь?
8. А из чего вы это заключаете?
9. Чего вам не хватает для счастья?
10. За что вы испытываете благодарность?
11. Кому? Перечислите.
12. Сколько денег вы хотели бы иметь?
13. Считаете ли вы, что всегда будут существовать богатые и бедные и с этим ничего поделать нельзя?

Лист № 6

1. Знаете ли вы конкретно, на что надеетесь?
2. От каких надежд вы отказывались?
3. Можете ли вы действовать без надежды?
4. Можете ли вы любить человека, который возлагает на вас мало надежд?
5. Что придает вам надежду: а) природа? б) искусство? в) наука? г) история человечества?
6. Достаточно ли для вас ваших личных, частных надежд и целей?
7. Предположим, вы делаете различие между вашими собственными надеждами и надеждами, которые возлагают на вас другие (родители, учителя, товарищи, возлюбленные): что вас угнетает больше — когда не осуществляются ваши надежды или их?
8. Что укрепляет вас в ваших личных надеждах: а) одобрение? б) почести? в) удача? г) гороскоп? д) что кто-то в вас влюбился?
9. Осуществляются ли полностью надежды тех, кто совершает революции? Считаете ли вы, что великие надежды смешны? Что только тот, кто лишен надежд, избавляет себя от разочарований?
10. Что определяет ваши повседневные действия, решения, планы, соображения и т. п., если не отчетливая или смутная надежда?
11. Можете ли вы прожить в течение дня или часа действительно без всякой надежды, даже без надежды на то, что все когда-нибудь кончится, по крайней мере для вас?

12. Когда вы видите покойника, какие надежды вам кажутся важными: неосуществленные или осуществленные?

13. Надежда и независимость — это для вас взаимосвязано?

14. Сколько раз надежда (например, в политической области) должна потерпеть крах, чтобы вы отказались от нее?

15. Завидуете ли вы иной раз животным, которые будто бы обходятся без надежд, — например, рыбам в аквариуме?

16. Если личная надежда наконец исполняется, как долго вы потом считаете, что, это осуществление именно того, чего вы и ожидали в течение десятилетий?

17. Сколько часов в день или сколько дней в году вы довольствуетесь малой надеждой: на то, что снова наступит весна, что головные боли пройдут, что нечто никогда не обнаружится, что гости уйдут и т. д.?

18. Может ли ненависть породить надежду?

19. На что вы надеетесь, оценивая положение дел в мире: а) на благоразумие? б) на чудо? в) на то, что все будет по-прежнему?

20. Чего вы ожидаете от путешествий?

21. Зная о чьей-либо неизлечимой болезни, питаете ли вы в таком случае надежды, которые вы сами считаете обманом?

22. Предположим, вы живете большой надеждой ("человек человеку помощник") и имеете друзей, которые не разделяют эту вашу надежду: слабеет ли из-за этого ваша дружба или же ваша надежда?

23. Как вы ведете себя в противоположном случае, то есть когда вы не разделяете большую надежду друга: если его постигает разочарование, чувствуете ли вы себя умнее разочарованного?

24. Для того, чтобы вы действовали в духе определенной надежды, должна ли она быть, по Вашему человеческому разумению, осуществимой?

25. Надеетесь ли вы на загробную жизнь?

Лист № 7

1. Вы ненавидите наличные деньги?

2. Почему?

3. Приходилось вам жить без наличных денег?

4. Если вы встречаете человека в плавках и ничего не знаете об условиях его жизни, по каким признакам вы после короткого разговора (не о деньгах) все же узнаете богатого?

5. Сколько денег вы хотели бы иметь?

6. Предположим, вы нуждаетесь и имеете богатого друга, который хочет вам помочь: он дает вам значительную сумму (например, чтобы вы могли учиться в институте) и время от времени дарит свои костюмы, которые еще в хорошем состоянии. Что вы

принимаете с большей легкостью?

7. Воровали вы когда-нибудь: а) наличные деньги? б) вещи (записную книжку в киоске, цветы в чужом саду, первоиздание, шоколад в кемпинге, валяющиеся кругом шариковые ручки, сувенир в память о мертвом, полотенца в гостинице и т. д.)? в) идею?

8. До тех пор пока у вас нет состояния и вы имеете лишь маленький доход, богатые неохотно говорят с вами о деньгах, зато очень оживленно о вопросах, которые не разрешить деньгами, например, об искусстве. Воспринимаете ли вы это как проявление такта?

9. Что вы думаете о наследстве: а) если у вас есть надежда на него? б) если нет? в) если вы смотрите на младенца и знаете, что он независимо от того, кем станет, получит половину фабрики или виллу, участок, которому не грозит никакая инфляция, дом на Сардинии, пять доходных домов в пригороде?

10. Вкладчик ли вы? И если да:

11. Объясните, каким образом государственный банк определяет, сколько денег вы заработали и сберегли, и в чью пользу ваши сбережения вдруг улетучились?

12. Предположим, вы происходите из простой семьи и неожиданно получили в свое распоряжение большой доход, и деньги, так сказать, не играют для вас роли: чувствуете ли вы, что как личность не изменились? И если да: считают ли так же ваши прежние друзья?

13. Сколько стоит сейчас килограмм масла?

14. Если бы вы могли жить на проценты, считали бы вы себя в таком случае эксплуататором или нет, потому что, хотя вы и можете жить на проценты, вы работаете сами?

15. Бойтесь ли вы бедных?

16. Почему нет?

17. Предположим, вы крупный меценат, то есть вы раздаете людям, которых лично цените, часть значительных процентов, получаемых за работу других людей: верите ли вы в заслуженность общественного уважения, которым вы пользуетесь как меценат, и в собственную объективность?

18. Чего вы не делаете за деньги?

19. Однажды Тимон Афинский, желая испытать своих друзей, выставил на стол только миски с водой; при этом он узнал то, что, собственно, знал и прежде, и дал выход своему разочарованию в людях, которые — подумать только! — всегда приходят лишь ради его богатства, а вовсе не из истинной дружбы. Считаете ли вы справедливыми его проклятия по адресу других? Очевидно, богатый Тимон Афинский, считал, что он может купить дружбу?

20. Хотели бы вы иметь богатую жену?

21. Чем вы объясняете, что вы, богатый человек, охотно демон-

стрируете, если отказываете в чем-то себе, что легко могли бы себе позволить (например, яхту), и что вы почти по-детски радуетесь, если что-то приобрели особенно дешево, прямо-таки за бесценок, или за цену, доступную для любого, и почему вы в то же время так падки на редкие предметы, например, на иконы, сабли, фарфор эпохи Мин, эстампы, произведения умерших мастеров, старые монеты, автографы, молитвенные коврики из Тибета и т. д.?

22. Что вам не нравится в нуворише: а) то, что он обходится без геральдики? б) то, что он говорит о деньгах? в) то, что он не зависит от вас?

23. Чем вы оправдываете собственное богатство: а) божьей волей? б) тем, что обязаны им только лишь собственным способностям доходами, менее ценны? в) достойным поведением? г) убеждением, что вообще только богатые в состоянии наладить хозяйство на благо всем, то есть благодаря духу предпринимательства? д) благотворительностью? е) своим высшим образованием, которым вы обязаны полученному в наследство богатству или благотворительному фонду? ж) аскетическим образом жизни? з) добросовестным выполнением всех нравственных требований, не затрагивающих буржуазную систему прибыли, а также пониманием реальности, чуткостью по отношению к культуре, вкусом и т. д.? и) выплачиванием больших налогов? к) гостеприимством? л) убеждением, что с незапамятных времен всегда были и, значит, будут бедные и богатые, то есть вы не нуждаетесь ни в каком оправдании?

24. Если вы не по собственной воле (как святой Франциск), а ввиду сложившихся обстоятельств снова станете бедным, будете ли вы, познав как равный образ мышления богатых, относиться к ним с прежней терпимостью?

25. Поджигали ли вы когда-нибудь зажигалкой банкноту с портретом великого поэта или великого полководца, чье обращенное в денежный знак достоинство передается из рук в руки, и при виде пепла задавались ли вопросом, куда теперь девалась гарантированная стоимость?

Лист № 8

1. Вы уверены, что вас действительно интересует сохранение рода человеческого, если вас и всех ваших близких или всех, кого вы знаете, не будет на свете?

2. Почему? Можно кратко.

3. Сколько ваших детей не родилось по вашей воле?

4. С кем бы вы предпочли никогда не встретиться?

5. Совершили ли вы несправедливость по отношению к кому-нибудь, кто может и не знать об этом, и ненавидите ли вы из-за этого себя или того человека?

6. Приятна была бы вам абсолютная память?

7. Назовите политика, чья смерть вследствие болезни, аварии и т. п. могла бы вас исполнить надежды? Или вы никогда не считаете незаменным?

8. Кого из тех, кто умер, вы хотели бы снова увидеть?

9. Кого, напротив, нет?

10. Хотели бы вы принадлежать к другой нации (культуре); к какой?

11. До какого возраста вы хотели бы дожить?

12. Будь у вас власть осуществить то, что вам кажется сегодня правильным, поступали бы вы против воли большинства? Да или нет?

13. Почему нет, если это кажется вам правильным?

14. Вам легче ненавидеть коллектив или определенного человека?

15. Ненавидеть вы предпочитаете в одиночку или вместе с другими?

16. Когда вы перестали считать, что становитесь умнее, или вам кажется, что вы, как говорится, набираетесь ума? Отметьте возраст.

17. Вы самокритичны? Это на вас влияет?

18. Если вы вдруг представите себе, что не родились на свет, вызовет ли это у вас чувства беспокойства?

19. Думая о ком-нибудь из умерших, что бы вы хотели: чтобы умерший что-нибудь сказал или же вы сами хотели бы ему что-то сказать?

20. Любите ли вы кого-нибудь?

21. Чего вам не хватает для счастья?

22. За что вы допытываете благодарность?

23. Предпочли бы вы умереть или еще некоторое время существовать в виде здорового животного? Если да, то какого именно?

Лист № 9 (вопросы женщине)

1. Представляет ли еще для вас брак проблему?

2. Когда брак убеждает вас больше как институт: на чужом или на собственном примере?

3. Что вы чаще советовали другим: а) чтобы они разошлись? б) чтобы не расходились?

4. Известны вам примирения, которые не оставили бы шрамов у одной из сторон или у обеих?

5. Какие проблемы разрешает хороший брак?

6. Сколько времени в среднем вы живете вместе с ней или с ним, пока не исчезает честность перед самим собой, то есть когда и про себя не решаетесь больше думать о том, что могло бы напугать партнера?

7. Думая о разрыве, вы ищете вину за собой или за партнером?
8. Изобрели бы вы сами брак?
9. Срослись ли вы с общими в вашем нынешнем браке привычками? И если нет: считаете ли вы, что ваш партнер сросся с этими привычками, из чего вы это заключаете?
10. Когда брак больше не раздражает: а) в повседневности? б) в путешествии? в) наедине с собой? г) в большом обществе? д) с глазу на глаз? е) вечером? ж) утром?
11. Выработывается ли в браке общий вкус (как можно предположить по мебелировке супружеской квартиры), или каждый раз при покупке лампы, ковра, вазы и т. д. вы тихо капитулируете?
12. Если у вас есть дети: чувствуете ли вы себя виноватым перед детьми, когда доходит до разрыва, то есть считаете ли вы, что дети имеют право на несчастливых родителей? И если да, то до какого возраста?
13. Что побудило вас обещать вступить в брак? а) потребность в надежде? б) ребенок? в) общественная уязвимость внебрачных отношений, затруднения в гостиницах, надоедливые сплетни, проявления бестактности, сложности с властями, или соседями и т. п.? г) обычаи? д) облегчение ведения домашнего хозяйства? е) уважение к семейному укладу? ж) знание по опыту, что внебрачная связь в равной степени ведет к привычке, усталости, повседневности и т. д.? з) виды на наследство? и) надежды на чудо? к) мнение, что брак это чистая формальность?
14. Хотели бы вы что-нибудь добавить к гражданской или церковной формуле бракосочетания: а) как жена? б) как муж? (Просьбы привести точную формулировку.)
15. Если вы вступали в брак несколько раз: в чем ваши браки были схожи — в том, как они начинались или как кончались?
16. Если вы узнаете, что после разрыва ваш партнер не перестает вас обвинять, какой вы делаете вывод: что вас больше любили, чем вы тогда полагали, или это просто приносит вам облегчение?
17. Что вы обычно говорите, когда кто-нибудь из ваших друзей снова разводится, и почему молчали об этом раньше?
18. Можете вы быть одинаково откровенным с каждым из супругов, если они сами не откровенны друг с другом?
19. Если ваш нынешний брак можно назвать счастливым, чем вы это объясняете? (Можно кратко.)
20. Если бы у вас был выбор между браком, который можно назвать счастливым, и вдохновением, дарованием, призванием и т. д., которые могли бы поставить под угрозу супружеское счастье, что было бы для вас важнее: а) как для жены? б) как для мужа?
21. Почему?
22. Можете ли вы угадать, как ответит ваш нынешний партнер на эту анкету? И если нет:

23. Хотели бы вы знать его ответы?
24. Хотели бы вы, напротив, чтобы партнер узнал, как вы ответили на эту анкету?
25. Считаете ли вы отсутствие тайн заповедью брака или вы думаете, что как раз тайна, которую супруги скрывают друг от друга, их связывает?

Лист № 10 (вопросы мужчине)

1. Жалеете ли вы женщин?
2. Почему? (Почему нет?)
3. Если руки, глаза и губы женщины выражают возбуждение, желание и т. д. при вашем прикосновении, относите вы это лично на свой счет?
4. Как вы относитесь к мужчинам: а) которые были до Вас? б) которых вам предпочли? в) которые любят ту же женщину, что и Вы?
5. Выбирали ли вы свою спутницу жизни?
6. Если спустя годы вы дружески встречаете свою бывшую спутницу, вы понимаете свою прежнюю привязанность или она вас удивляет? Возникает ли у вас впечатление, что ваша профессиональная работа и ваши политические воззрения ее действительно интересовали, или вам сегодня кажется, что все разговоры на эти темы были излишними.
7. Вызывает ли у вас отвращение неглупая женщина, питающая слабость к своему полу?
8. Уверены ли Вы, что знаете, чем вызвали любовь женщины, и если однажды выясняется, чем вызвана на самом деле ее любовь, — сомневаетесь ли вы в этой любви?
9. Что, по Вашему мнению, свойственно мужчине?
10. Есть ли у вас достаточные доказательства того, что для определенных работ, которые мужчина считает недостойными себя, женщины подходят больше?
11. Что вас чаще всего обольщало: а) материнское начало? б) восхищение вами? в) алкоголь? г) боязнь не быть мужчиной д) красота? е) преждевременная уверенность в том, что вы будете обладать превосходством, хотя бы в роли исполненного любви защитника?
12. Кто изобрел комплекс кастрата?
13. В каком из двух случаев вы с большей симпатией говорите о прежней связи: когда женщину оставили вы или когда оставили вас?
14. Переносите ли вы опыт одной связи на следующую?
15. Если ваш опыт повторяется, думаете ли Вы, что дело в женщинах, то есть считаете ли вы себя вследствие этого знатоком

женщин?

16. Хотели бы вы быть вашей женой?

17. Из чего вы больше узнаете об интимных отношениях между полами: из разговора с другими мужчинами или из разговора с женщинами? Или вы больше узнаете без разговора — по реакции женщин, то есть замечая, к чему женщина привыкла, к чему нет, чего она ожидает от мужчины, чего опасается и т. д.?

18. Как долго вам удается вести интересный разговор с женщиной, не останавливаясь на мыслях, которые вы замалчиваете как не относящиеся к теме?

19. Можете ли вы представить себе мир без женщин?

20. К чему, по Вашему мнению у женщин нет способностей: а) к философии? б) к организационным делам? в) к искусству? г) технике? д) политике?

И считаете ли вы женщину, не разделяющую вашего мужского предрассудка неженственной?

21. Что вас восхищает в женщинах?

22. Хотели бы Вы, чтобы вас содержала женщина: а) на средства из полученного наследства? б) на ее заработок?

23. Почему нет?

24. Верите вы в биологию, то есть думаете ли, что нынешние отношения между мужчиной и женщиной неизменны, или вы считаете, например, результатом тысячелетней истории то, что женщины для своего образа мышления не имеют собственной грамматики, они вынуждены пользоваться языковыми правилами мужчин и потому слабее их?

Лист № 11

1. Можете вы вспомнить, с какого возраста вы отдаете себе отчет, что вам принадлежит или не принадлежит?

2. Кому, по Вашему мнению, принадлежит, например, воздух?

3. Что вы считаете своей собственностью: а) то, что вы купили? б) унаследовали? в) сделали?

4. Если вы сразу же можете заменить тот или иной украденный предмет (шариковую ручку, зонт, наручные часы и т. д.), возмущает ли вас кража как таковая?

5. Почему?

6. Считаете Вы, что деньги сами по себе уже есть собственность, или вы должны что-нибудь себе купить, чтобы чувствовать себя собственником, и чем вы объясняете, что чувствуете себя собственником, особенно тогда, когда думаете, что вам завидуют?

7. Знаете ли Вы, что вам нужно?

8. Предположим, вы купили земельный участок: когда вы почувствуете себя хозяином деревьев на этом участке?

9. Считаете вы собаку собственностью?

10. Любите ли вы ограду?

11. Когда вы останавливаетесь на улице, чтобы подать нищему, почему вы делаете это так торопливо и по возможности незаметно?

12. Как вы представляете себе бедность?

13. Кто научил вас различать собственность расходуемую и собственность умножающуюся — или никто вас этому не учил?

14. Коллекционируете ли вы предметы искусства?

15. Знаете ли вы свободную страну, где богатые составляют не меньшинство?

А теперь очертите контуры *собственной личности*.

— Каким (какой) вы себя видите?

Какого вы роста — высокого, среднего, невысокого?

Цвет глаз? Волос?

Сегодня вы хотели бы стать старше?

Или, наоборот, моложе?

На сколько лет?

Ваши предпочтения

Время года

Месяц

Время дня

Цветы

Цифра

Металл

Растение

Животное

Город

Страна

Досуг (и место отдыха)

Игры

Исторический период

Стиль

Способ передвижения

Ваш талисман

Ваш девиз

Лучший день (дни) вашей жизни

Определите ваши привязанности в мире культуры

Прозаики

Произведения

Поэты

Стихи и поэмы

Драматурги

Пьесы

Лучший спектакль, который вы видели

Кинорежиссеры
 Киноактеры (актрисы)
 Фильмы
 Композиторы
 Исполнители
 Музыкальный инструмент
 Певцы, певицы, ансамбли
 Ученый
 Историческая личность
 Вымышленный персонаж

Подводя итоги:

Любимая работа
 Любимое место работы
 Ваш успех
 Ваши неудачи
 Самая большая радость
 Чему вы удивляетесь
 Ваш характер (в четырех-пяти словах)
 Ваши слабости
 Ваши достоинства
 Недостатки поведения
 Что вас раздражает?
 Что приводит в восторг?
 Чего вы боитесь?
 Ваша надежда?
 Ваша цель?

Запишите ваши ответы прямо на страницах этой книги, и перечитывайте ее иногда. Во-первых, вы заметите то, что раньше не замечали. Во-вторых, вы перестанете соглашаться с тем, чем раньше были согласны. А, в-третьих, ваши ответы на эти вопросы с годами станут иными. Контур вашей личности изменится.

Каждый человек становится со временем другим человеком. И вы сможете узнать — каким.

ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОДУМАТЬ

Плохо упражняемый ум куда пагубнее для здоровья, чем нехватка физических упражнений для тела. Вы же знаете, как дрябнет тело от недостатка физической активности. Но дряхлеет и мозг от недостатка умственной активности, а если природа создала тебя мыслящим существом, последствия этого просто трагические.

Бернард Шоу

Этот раздел содержит небольшие по объему тексты и вопросы относительно их смысла. Это вопросы к вам, и отвечаете вы на них себе. На некоторые из них я могу себе ответить, на некоторые — нет. Вопросы эти простотой не отличаются. Но ответы на них есть. Не однозначные, не элементарные, но есть. Вам предстоит их найти. Советуйтесь с этой книгой. И с собой. Можно и с друзьями, конечно.

1

Вот выдержка из произведения лауреата Нобелевской премии Джона Стейнбека:

“Итак, во что же я верю? Я верю, что вольный, пытливый разум индивида есть величайшая ценность на свете. За что я готов идти в бой? За право разума прокладывать себе дорогу в любом удобном ему направлении, свободно и самостоятельно. Против любых идей, религий и правительств, ограничивающих или разрушающих в человеке личность. Таковы мои убеждения и в этом я весь”¹.

Если он и правда “весь в этом”, то подумайте над тем, как относится к другим людям человек с такими убеждениями? Нет, я не

¹ Стейнбек Дж. Собр. соч. Т. 5. М., 1989. С. 155.

против них. Быть может, и вы придерживаетесь сходных взглядов и радуетесь, что они так точно сформулированы. Не возражаю, но прошу вас задуматься над тем, сводится ли к силе разума ценность человеческой личности? Ответьте себе на этот вопрос.

2

“Возможное почти беспредельно, тогда как действительное строго ограничено, потому что лишь одной из возможностей дано воплотиться в действительность. Действительное — это просто особый случай возможного”.

По-видимому, это вполне логичное рассуждение. Но руководствуетесь ли вы подобным принципом в конкретных жизненных обстоятельствах? Если нет, то почему?

3

“Утверждение не станет истиной лишь оттого, что мы повторяем его снова и снова. Оно не приблизится к истине, даже если поставить его на голосование”.

Если Паркинсон прав (а он прав), то почему же мы так часто повторяем одни и те же утверждения, почему голосование так распространено и считается эффективным методом решения спорных проблем?

4

Вот выдержка из книги Джорджа Оруэлла “1984”, написанной им перед смертью:

“На протяжении всей писаной истории и ранее, возможно с конца каменного века, в мире существуют люди трех уровней: верхнего, среднего и низшего. Подразделялись эти группы по-разному, называли их тоже самым различным образом, их количественное соотношение и отношения между ними — все это менялось, но фундаментальная структура общества оставалась. Даже после гигантских потрясений, казалось бы, уже необратимых, эта структура возвращалась, как возвращается в прежнее положение гироскоп, в какую бы сторону его ни отклонил толчок.

Цели этих трех групп являются совершенно несовместимыми. Цель верхних — сохранить свое место, цель средних — занять место верхних, цель низших (когда у них есть цель, ведь обычно они так придавлены повседневными заботами, что только о них и думают) — ликвидировать все различия и построить общество, в котором равны все”.

¹ Дюррематт Ф. Правосудие // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 25.

² Паркинсон С.Н. Закон Паркинсона. М., 1989. С. 296.

Прав ли Оруэлл? Если начерченная им схема верна, тогда почему так устойчива (как гироскоп, скажем проще — как “ванька-встанька”) эта фундаментальная структура общества? Ведь цели групп, которые ее образуют, противоположны. Если вы задумаетесь над ответом на этот вопрос, обратите внимание на аналогию с “ванькой-встанькой”. Она проводится с эвристической целью. Вспомните, как устроена эта игрушка. Это поможет вам в размышлениях.

5

“Из истории науки мы знаем много примеров, когда только через несколько поколений вновь находилось то, что было в свое время открыто, но не опубликовано выдающейся личностью. Вполне возможно и мыслимо, что многое осталось и совсем не открытым из-за безвременной гибели тех, мысль которых могла бы это достигнуть”, — писал Вернадский.

Здесь затронут вопрос фундаментальный. Что, по-вашему, самое главное: внутренняя логика развития науки или ум ученого?

6

Граф Антуан де Сент-Экзюпери¹, пилот, писатель, мыслитель, написал это в 1939 году, за несколько месяцев до войны. В 1944 году его самолет был сбит немецким истребителем и упал в море.

“Мы хотим свободы. Тот, кто работает киркой, хочет, чтобы в каждом его ударе был смысл. Когда киркой работает каторжник, каждый ее удар только унижает каторжника, но если кирка в руках изыскателя, каждый ее удар возвышает изыскателя. Каторга не там, где работают киркой. Она ужасна не тем, что это тяжелый труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла...”

А теперь подумайте над тем, где вы собираетесь работать — и зачем.

7

Прочитайте одну непридуманную историю. Все это — правда, я даже хотел поместить здесь иллюстрацию: фото самолета счастливого Бонни, и его самого — он улыбается перед вылетом. Но журнал был старый, 1927 года, и найти его мне сейчас довольно сложно.

¹ Сент-Экзюпери А. Планета людей // Избранное. Л., 1977. С. 260. Я намеренно упоминаю титул. Республиканская Франция последовательна, сейчас там убирают титулы и из телефонных справочников. Но из истории ничего убирать нельзя. Пусть факты остаются жить.

Мечта Бонни

У Бонни была мечта. Она светилась в его глазах, глазах изобретателя. Она наполняла надеждой его дни. Она, как видение, вставала перед ним ночами.

За эту мечту мы прозвали его Бонни-Чайка. Он мечтал построить из дерева, металла и ткани самолет, который не уступал бы изяществом сильной, легкокрылой чайке в парящем полете.

Он наблюдал за чайками. Он изучал их, живых и мертвых. Он изучал их изумительный парящий полет. Он убивал их и изучал их безжизненные крылья. Он хотел разгадать их тайну. Он хотел воссоздать ее для человечества.

Бонни завидовал чайкам. Он убивал их сотнями, тысячами и закапывал в поле. Он построил самолет, руководствуясь тем, чему, как он думал, научили его их трупы.

Он построил самолет и взлетел на нем. Инженеры, которые никогда не изучали строение чаек, но изучали полет человека, говорили ему, что он заблуждается. Они указывали ему, что центр тяжести слишком смещен кзади. Но Бонни смотрел на них сияющими верой глазами — он обнял свою мечту и взлетел.

Сначала все шло хорошо. Он пронесся по аэродрому, и хотя рев мотора не совсем точно воспроизводил крики чайки, видом самолет был и, правда, похож на нее. Он поднялся в воздух — точь-в-точь гигантская чайка. Он круто полез вверх, и умные люди покачивали головами и недоумевали — неужели фанатик-невежда опять оказался прав, а они ошиблись.

Их недоумение длилось недолго. Когда Бонни захотел выправить самолет, он камнем пошел к земле, как чайка, когда она падает на воду, увидев рыбу.

Мы бросились к месту катастрофы. Бонни был мертв. Вокруг него валялись обломки не только его собственных крыльев — крыльев чайки! — но и тысячи растерзанных крыльев других чаек. Он свалился прямо в неглубокую могилу, где лежали все чайки, которых он убил.

Написано это товарищем Бонни, тоже летчиком, очень давно. Предвидеть современных дискуссий и вообще осознать мироощущения людей конца века автор никак не мог. Тем серьезнее вопрос, который я ставлю: о чем этот рассказ?

Мы уже говорили о том, что у понимания три уровня: научный (или научно-технический), исторический, символический. Полет и гибель Бонни — исторический факт, особые формы изгиба самолетных крыльев и поныне называются “чайка” и “обратная чайка”, но наиболее глубоким является понимание символическое.

Мое мнение для вас никак не обязательно. Но мне он кажется глубоко символическим произведением. Ничего сильнее на экологическую тему я не читал.

Мне возражают. Говорят, что это рассказ о том, что техника губит человека потому, что делает его бесчеловечным.

Не знаю. Подумайте.

8

Это начало последнего рассказа Н. Эйдельмана — историка и писателя. Его публикации было предпослано следующее обращение к читателю:

“Автор (Н. Эйдельман) много лет изучал “секретные архивы” самодержавия, в том числе царской тайной полиции — Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. В рассказе вымышленные персонажи соединены с реальными, а составляющие его “документы” сохраняют принятую в тогдашнем секретном делопроизводстве форму, передают манеру и способ изложения, характерные для того времени взгляды на вещи.

Документ 1

Петербург. Зимний дворец, что напротив Петропавловской крепости, русскому царю.

1 января 1836 года.

Милостивый государь Николай Павлович!

Знаю, что к царям не так положено обращаться и что, по вашему разумению, я с первой же строки, даже с адреса на конверте, груб и непристойен.

По моему же разумению, я вежлив и деликатен, ибо в мыслях, а случается и в словах, аттестую вас еще много хуже и грубее, однако, вступая с вами в переписку, нахожу, что должен уважать собеседника и изъясняться точно так, как в письме к любому “милостивому государю”.

Буду краток, хотя и уверен, что письмо такого рода вы прочтете с должной внимательностью, какой бы длины оно не было.

Итак, я пишу, чтобы известить вас, что презираю многое и смеюсь над многим вашим (у нас ведь все — ваше и даже я — ваш).

Особенно же смеюсь над четырьмя.

1. Над портретами ваших приближенных, которые похожи на вас и друг на друга не столько округлостями подбородков и очертаниями жировых складок, сколько удивительным выражением всевластия и всеподчинения в одно и

то же время (разумеется, вам известно, что каждый человек с умным и открытым лицом — ваш враг).

2. Над тем, что народ российский должен благодарить правительство за все, что имеет, как благодарят великодушного разбойника, который мог бы отобрать даже исподнее, но раздумал.

В-третьих, особенно весело мне оттого, что в этой рабочей стране, если бы разрешили вы настоящие выборы, то собрали бы никак не меньше девяноста процентов всех голосов, но все же никогда не разрешите вы настоящих выборов, потому что в самом слове “выбор” опасность видите: выбор — это когда можно выбирать между одним, другим, третьим... А ведь сама мысль опасна, коли ни “другого”, ни “третьего” нет и не будет.

Наконец, четвертое: хохочу над вашим представлением о собственном всевластии и самодержавии (“сам держу вся и всех”). Ежели над всем властвуете, то перемените мой образ мысли. Не можете? Ха-ха-ха.

Резюмирую: я оскорбил вас и все ваше. Вы, конечно, потребуете удовлетворения известным вам способом. Но стоит ли? Многих — на одного: нехорошо для рыцаря и дворянина. Да к тому же, в подчинении даже полицейскому большинству есть что-то демократическое, парламентское, пахнущее голосованием и либерализмом. А ведь я взаправду один и, клянусь честью, не связан ни с каким тайным обществом. Все, кроме меня, ваши.

Посему предлагаю добрый древний обычай — поединок. В дуэли много мерзости, но есть одно, может быть, перевешивающее все другое, — право свободного человека решать свои дела самому, без всяких посторонних посредников. В вашей стране имеется неподвластная территория — моя душа. Одно из двух: либо признайте свободу этой территории, ее право на независимость, либо сразитесь за свои права, которых я не признаю. Есть и третий выход: дать общую свободу всем — и вам, и мне, и России (проект прилагается к письму). Так ведь не дадите!

Если вы сразитесь и проиграете, я диктую условия, если одолеете, я готов признать ваши права надо мною, потому что вы их завоевали в честной борьбе, рискуя за это право наравне со мною.

Однако, если вы отправите против меня десяток жандармов, доносчиков или иных кромешников, тогда я решительно от вас отдаляюсь. Адреса своего не оставляю, ибо не хочу, чтобы нам помешали.

К барьеру, государь!

Остаюсь вашим, милостивый государь, непокорнейшим слугой

Александр Сыщиков.

Ваше согласие можете объявить в любом номере "Русского инвалида" или "Северной пчелы", например, следующим способом: "Господина С. ждут по делу чести там-то и тогда-то..." Разумеется, издатели и цензура могут такому объявлению воспрепятствовать, но, может быть, уступят, если вы пустите в ход свои, надеюсь, сохранившиеся связи.

Манифест об улучшении дел в России (проект)

Находя неестественным, чтобы дела миллионов людей решали одно или несколько всевластных лиц, полагаю полезным установить в стране законно-свободное управление, при котором каждый человек наделяется максимальными правами — делать, говорить и думать, что хочет. Права отдельного человека ограничиваются только одним — такими же правами любого другого человека, так что самые смелые речи и действия будут законны, но самые умеренные действия, ограничивающие законную свободу другого, будут незаконны.

Начальным шагом введения в стране законной свободы является созыв собрания умнейших и лучших людей страны, дабы они установили, как и в какие сроки надобно все сделать.

Примечание. Умнейшие и лучшие люди могут быть отобраны по-разному и хотя бы так: сначала предлагаются пять человек, пользующиеся всеобщим уважением, например Алексей Ермолов, Николай Мордвинов, Василий Жуковский, Михаил Сперанский и Александр Пушкин.

Каждый из них назовет еще пять достойнейших, те — еще по пять, пока не наберется 125, 625 или 3125 депутатов. Вот и все.

Александр Сыщиков".

Это — страница из журнала "Знание — сила". Она воспроизведена полностью. Если вам захочется прочесть этот рассказ Н. Эйдельмана — возьмите январский номер журнала за 1988 год.

А сейчас подумайте над следующими вопросами.

Как бы на месте государя императора вы поступили, получив такое письмо? Правда ли в нем написана?

Считаете ли вы, что способ созыва Народного собрания, предложенный А. Сыщиковым, лучше, чем современные выборы в Государственную думу или иной по названию парламент?

Хэмингуэй писал Кашкину в 1935 году:

"Теперь все стараются запугать тебя, заявляя устно или в печати, что если ты не станешь коммунистом или не воспримешь марксистской точки зрения, то у тебя не будет друзей и ты останешься в одиночестве. Очевидно, полагают, что быть одному — это нечто ужасное: или что не иметь друзей страшно. Я предпочитаю иметь одного честного врага, чем большинство тех друзей, которых я знал. Я не могу быть коммунистом, потому что верю только в одно: в свободу. Прежде всего я подумаю о себе и о своей работе. Потом я позабочусь о своей семье. Потом помогу соседу. Но мне дела нет до государства. Оно до сих пор означало для меня лишь несправедливые налоги. Я никогда ничего у него не просил".

Разделяете ли вы эту точку зрения? Да или нет? Если нет, то почему? Здесь, в сущности, речь идет о трех не совпадающих вещах: о политических взглядах, одиночестве и государстве. Почему эти три вещи (или три эти предмета размышлений) оказались взаимно связаны?

Танки

Приморские люди,

Толпясь на песчаной косе,

Сказали:

— Вы слышите?

Море грохочет, как будто бы танки идут по шоссе —

Вот там за деревней, где чистое поле в могилах!

Спросил их:

— А раньше, когда еще не было танков, на что был похож этот шум?

Какие другие сравненья тогда приходили на ум,

Когда еще не было танков и не было даже шоссе?

Но все же, инго сравненья придумать как будто не в силах,

Ответили все:

— Видно, море и раньше всегда грохотало, как танки!

Как будто бы море во веки веков — от начала времен —

Гремело.

Стучало.

Рычало.

Как танковый дивизион.

Когда еще в братских могилах не тлели людские останки.

О танки!

Вы прочли стихотворение Л. Мартынова. О чем оно? Только ли о грохоте морского прибоя? Или о бедности человеческого вооб-

ражения? Или о стремлении людей сравняться с природой и пре-
взойти ее? Или о силе, которая вечно способна угрожать человеку?
Или же о том, что войны — стихийны?

Есть и еще один, возможно, наиболее верный ответ.

11

Андреевский спуск

Есть в Киеве самая крутая улица в Европе. Называется она Андреевский спуск. Тем, кто на ней живет, приходится и подниматься по ней, и спускаться. Так — вверх и вниз — ходил по ней гимназист Миша Булгаков. Он жил на ней — в двухэтажном доме № 13, на втором этаже. Вверх и вниз, крутые подъемы и чуть ли не падения — он, наверное, вспоминал об этой улице всю жизнь.

В Киеве он окончил гимназию, медицинский факультет, сочувствовал белым, а не жовто-блакитным¹. И унесло его ветром гражданской войны на Северный Кавказ, и в Киев он больше не вернулся. И только много лет спустя, приехав в Киев с МХАТом на гастроли, пошел к дому № 13 с женой — третьей уже женой, последней. Подошел, на второй этаж, где жил когда-то, подниматься не стал.

Только вытер глаза.

Да, так занесло его на Северный Кавказ, там он стал писать, выступать (выступал он и в защиту Пушкина — доказывал, что тот народный поэт, а не дворянский). Он опровергал ораторов с упоением, высмеял и разозлил их, и они стали говорить, что у Булгакова происхождение не то (у него отец был профессор), прошлое тоже не то (служил у белых) и непонятно вообще, кто он такой! Булгаков испугался. Потом ему стало стыдно, и он положил себе на всю жизнь говорить только правду. “Трусость — самый большой порок”, — это он повторял неоднократно, и эта мысль главная в его главной книге.

Но покамест молодость была с ним, он становился известным. Приехал в Москву, красивый, светловолосый, с синими глазами. Писал, все лучше. Написал “Белую гвардию” — начал печатать, да журнал перестал выходить. Написал пьесу — и это решило его судьбу. Потому что пьесу поставил МХАТ, успех был велик. Прослышал о пьесе и И. В. Сталин. Пришел, понравилось. Пришел еще раз. Через год — еще раз. Потом еще раз... Много лет шли “Дни Турбиных” во МХАТе. Пятнадцать раз побывал на спектакле Сталин, никто особенно об этом не знал. Раз только сказал Хмелеву,

исполнителю главной роли: “Как вы играете... Мне ваши усики даже снятся” и перевел разговор на другое.

Время было суровое, а Булгаков был резок и блестящ. Печатали его все реже, ругали все чаще, он бросил в печь черновики романа о дьяволе, отчаялся.

И написал *письмо*. Чтобы отправили за границу. За такие письма отправляли не за границу, а на Соловки.

Прошло несколько дней, и раздался звонок: не в дверь, телефонный. И голос, которого Булгаков никогда не слышал и сразу узнал, спросил:

— Что, надоели мы вам?

— Что вы, — отвечал Булгаков, называя собеседника по имени и отчеству, чего тот терпеть не мог.

— Нет, вы нас не любите и неизвестно вообще, что вы любите.

— Я МХАТ люблю, — нашелся Булгаков, не изменяя своему правилу говорить только правду. Собеседника на этот раз он назвал правильно — товарищем и по фамилии.

— Хорошо.

На следующий день Булгакова назначили во МХАТ на режиссерскую ставку.

Он продолжал писать.

Писал пьесы — не понравились. Написал книгу о Мольере — не понравилось. Написал пьесу, которая должна была вернуть ему имя и славу. Поначалу все шло хорошо, и он уже ехал на Кавказ с актерами (действие пьесы происходило в Батуми), сидел в купе, шутил. Но по коридору пробежала проводница, крича: “Телеграмма бухгалтеру! Кто бухгалтер?”

Булгаков побледнел. “Это ищут не бухгалтера, а Булгакова, и это конец”, — сказал он и вышел в коридор. У него был природный дар — чувствовать драматизм ситуации. Телеграмма была о том, что пьесу решили не ставить.

Но для него не это было главное, хотя он огорчился.

Он писал свою главную книгу. Это была “Мастер и Маргарита”. Не очень удачна была его личная жизнь, но та, что приехала с ним в Киев, полюбила его по-настоящему. Она и зовется в его книге Маргаритой.

Осталось несколько фотографий Булгакова. Все — значительные.

В трудные минуты жизни — такое у него было правило — он шел сниматься. Предпоследнее фото — в тот день, когда он узнал о том, чем он болен, и — врач — понял, что приходит конец.

¹ Т. е. “желто-голубым”. Сейчас это цвет государственного флага Украины. И Булгакова там не жалуют.

Главную книгу правил до последнего дня, что-то додиковывывал, изменял.

Хотели послать его на курорт в Италию, там особенно хорошие есть места, думали — поможет, как помогало Горькому.

Но уже плох был Булгаков. И думал не об Италии. О камне.

Когда похоронили Гоголя в Донском монастыре, на могилу поставили камень, на нем выбили слова: “Горьким смею своим посмеюся”. Потом похоронили Гоголя заново в Новодевичьем монастыре (у нас любят таскать литераторов с одного места на другое, более почитаемое). Камень остался без дела, стоял у стены Донского монастыря. Булгаков его увидел, завещал положить на свою могилу.

Знал свое место.

Прочитав этот рассказ, попытайтесь ответить на вопрос: что значат в жизни призвание и удача? Как они сочетаются? Что выше? И — главное: а у вас есть призвание?

12

Карел Чапек, чешский философ и писатель, написал короткий “опыт” (еще говорят “эссе”) о женщинах и тайне:

“К числу типичных и древних анекдотов относятся те, где с различными вариациями говорится, что женщины будто бы не способны сохранить ни одной тайны: расскажи им что-нибудь, заклиная молчать. И завтра же об этом будет знать вся улица. Не знаю. Сколько подлинной правды в этом извечном поклепе: возможно, его придумали доисторические мужья как предлог, чтобы не рассказывать дома своим женам, о чем, сугубо мужском, говорилось на их представительных советах и совещаниях. Ну ладно, пусть будет так: однако тот, кто считает эти почтенные анекдоты выражением древнего человеческого опыта, неизбежно придет к выводу, что в нашем мире мы, мужчины, полны тайн, о которых молчим как могила, в то время как женщины с какой-то удивительной, даже страстной общительностью готовы раскрыть все, что без них осталось бы тайной: короче, женщина и тайна — понятия как бы взаимно исключают. Однако мудрец, который придет к такому умозаключению, роковым образом ошибается, как могут ошибаться одни лишь серьезные мудрецы: дело обстоит, скорее всего, наоборот. У женщин не только особая склонность к таинственности, но и поразительная способность множить и плодить эту таинственность. Я утверждаю, что, не будь на свете женщин, тайн было бы куда меньше. Женщина и тайна — неотделимы друг от друга.

Громогласно и прилюдно разглагольствовать с трибуны или на углу улицы — дело мужское; половина человечества, та, что шепчет, — женщины”.

Девушки соглашаются с Чапек, это я уже выяснил. Но среди читателей этой книги будут и мужчины. Каково их мнение?

13

Это стихи Я. Багрова и они обращены непосредственно и к вам.

Хочешь — бейся,
Хочешь — бойся,
Хочешь — ставь на карту честь.
Будь спокоен.
Беспокойся.
Стань в ряды, в колонну стройся!
Мир таков, каков он есть.
Ты не рад его покрою?
Он пограл твои мечты?
Тайну я тебе открою.
Слушай:
Он такой, как ты.

“Тат твам аси” — “Все что существует, это ты”! — гласит древняя мудрость. Вы с этим согласны?

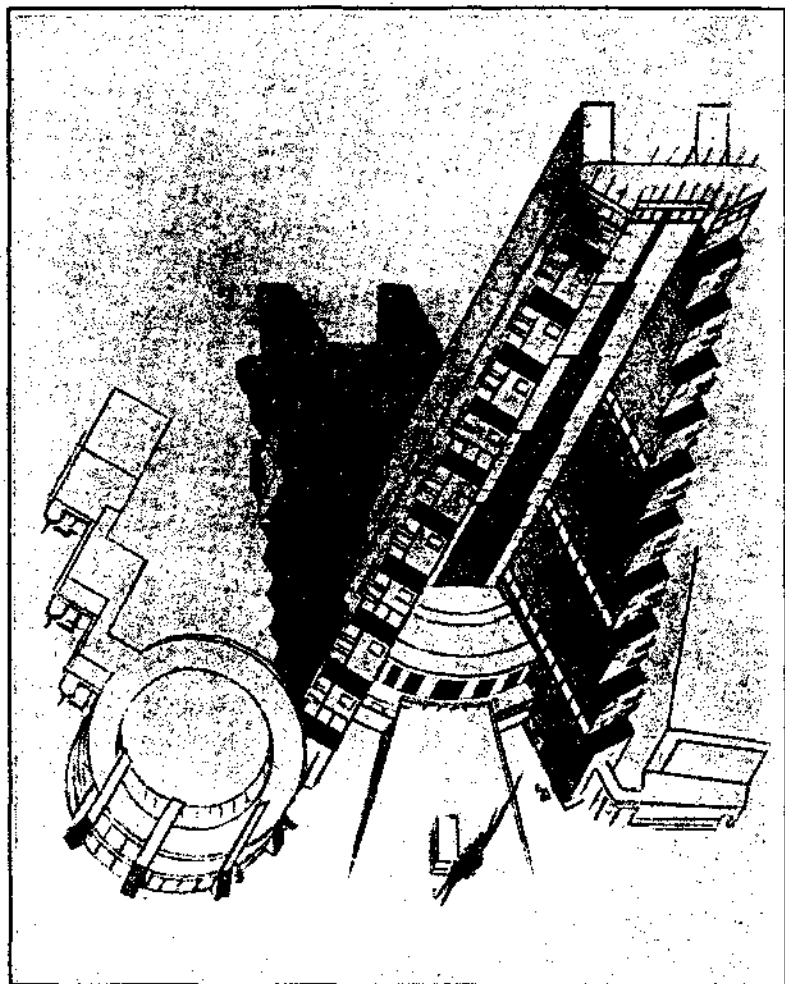
¹ Уланишады. М., 1967. С. 49.

Есть ученые, которые полагают, что наиболее органичным для человека является дом. Жилище. Человек ощущает его необходимость на всем протяжении своего существования. И он способен к пониманию архитектурных замыслов, цель которых зачастую не вполне очевидна. Что же, в самом процессе понимания и его итоге есть нечто от архитектуры,— и это нечто не вполне бывает осознано. Недаром М. Булгакову, с огорчением сокращавшему свою пьесу, “все казалось важным, а кроме того, стоило наметить что-нибудь к изгнанию, как все с трудом построенное здание начинало сыпаться, и мне снилось, что падают карнизы и обваливаются балконы, и были эти сны вещие”. (“Театральный роман”, гл.10). Метафора эта весьма значима.

Но к делу.

Каково, по вашему мнению, назначение этого здания? Оно выглядит средневековым, но пусть его облик не вводит вас в заблуждение — проект его был завершен в 1922 году.

А это здание? Продумав свое предположение о его предназначении, попытайтесь дать оценку замыслу его проекта. Что бы вы разместили в круглом павильоне рядом со ступенчатой башней? Исходя из каких соображений избраны именно ступенчатые очертания?

Вопрос вам уже знаком и понятен — каково назначение этого здания, быть может даже дворца. Пусть этот рисунок не слишком удачен — но известный простор воображению он дает. Как вы считаете, это прозрачная башня из стекла и стали или, напротив, она рассчитана на внутреннее освещение? В чем функция спирали, которая обвивается вокруг башни?

НА ПРОЩАНИЕ

Понимать — моя профессия.

У. Голдинг

Сейчас читают все меньше. И жизнь изменилась, и техника стала иной. Жаль, что я не увижу, как пойдет дело в третьем тысячелетии, — может быть, не увижу, хоть оно и на носу. Но несколько слов о будущем, как я его вижу, сказать стоит.

Чтение не умрет, конечно. Оно станет иным — это важно. Экран будет занимать в жизни все большее место, он станет трехмерным, люди станут писать для экрана или для тех, кто проводит у экрана больше времени, чем за книгой (таких уже большинство). Свои лучшие вещи я написал уже для такого читателя. Но голография еще раз изменит мир, произойдет действительно полное его удвоение.

Как это было?

Сначала — рисунки на стенах пещер.

Затем — схематичные, хорошо узнаваемые, до предела упрощенные — на скалах.

А потом происходит переход к *письму*. В традиции немецкой философии, это называлось скачком... Но на монументах конь, бывает, стоит застыв, поднявшись на дыбы, и таким монументом на пути развития письменности осталась китайская иероглифика. Иные формы письма приближены к звучанию слова, но только приближены, конечно. Буква и фонема — явления, которые ни под каким видом нельзя отождествлять.

Свитки, папирусные свитки.. пергамент.. бумага..., как и наборная печать — китайское изобретение.

Великолепные картины, монументы, книги, тонкие листочки — подписанные. Тысячи архивных дел. Бумага! Казалось все леса

планеты обратятся в водоросли на дне безбрежного бумажного моря, заливающего планету.

Но вот упала и разбилась первая грампластинка, зашелестели ленты — целлулоидные и ферромагнитные. Запищала морзянка, заиграли радиолы. Вошел в жизнь и прочно занял место в углу комнаты телевизор. На него положили плоский ящик: видеомагнитофон.

А дальше?

А дальше пришел и заработал компьютер. Вместе с ним — всемирная паутина и игры. В сущности, возникла не вполне еще осознанная, но грандиозная и даже пугающая перспектива того, что возникнут тексты способные к определенной смысловой автономии.

Сейчас это тексты, которые поддаются цифровой вариации. Цифровые искусства сегодня — это вид искусства, порожденного технической цивилизацией. Но все эти игры, к которым с несколько снобистским презрением относится интеллектуально развитый индивид, погруженный в мир культурных достижений и катастроф своей эпохи, имеют истинно культурную перспективу. Как предвестием лирики Пушкина были стихи, записанные в альбом столичной или даже провинциальной барышни; как предвестием лирики Блока был уличный и цыганский романс; как предшественником современной кинематографии было зрелище едва ли не балаганное — так нынешние цифровые игры станут еще станут вспоминать как детские развлечения на пороге нового мира искусств виртуального пространства. Мы еще не знаем, что они собою будут представлять, но они будут связаны с голографией, телевидением, новыми формами чтения. Динамика существования виртуального мира станет спонтанной. Возможно, дело именно в компактных масштабах, и их освоение поможет техническому решению проблемы. Не знаю.

Но знаю, что это придет. И еще сильнее станет мешать чтению. Ведь все толпится в неизменном промежутке 24 часов — и работа, и в магазин сходить, и прогулка, и газеты, и книги, и телепередачи, и видеозаписи, и компакт-диски, и просто пластинки. А ведь есть еще кино. Есть театр. И ведь это не все. Иногда надо и в гости сходить, и письмо написать, и по телефону поговорить. О спорте я уже не говорю. Сходить на матч — это проблема. А если в бассейн, и регулярно?

Боже мой, а ведь это не только занимает время. Это стоит денег. И требует понимания. И работа, и жизнь, и книги, и люди, и ты сам — про все это надо думать, все это надо понимать. Без этого не проживешь. Отсюда, между прочим, никак не следует, что наука понимать — это наука жить. Нет. Но я хотел бы, чтобы книга, которую вы прочли (если вы прочли, а не заглянули в конец), вам помогла. Не то, чтобы помогла жить — жизнь у каждого своя, а помогла поднять голову.

Выше голову.

Литература

- Абрамян Л. А.* Беседы у дерева (этнографические заметки) // Обычай и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979.
- Аксенов И. А.* "Гамлет" и другие опыты в содействие развитию отечественной шекспирологии. М., 1930.
- Аникст А.* Шекспир. М., 1964.
- Арагон Л.* Надо называть вещи своими именами // Писатели Франции о литературе. М., 1978.
- Атватер И. Я.* Я вас слушаю. М., 1988.
- Ахматова А. А.* Последняя сказка Пушкина // Соч. Т. 2. М., 1986.
- Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Бахтин М.* Время и пространство в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин М. М.* Тетралогия. М., 1998.
- Башляр Г.* Новый рационализм. М., 1987.
- Бердяев Н.* Самопознание. М., 1990.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
- Бобров С.* Восстание мизантропов. М., 1922.
- Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. СПб., 1908.
- Ботвинник М. М.* О кибернетической цели игры. М., 1975.
- Брудный А. А., Сыдыкбекова Д. С.* Общение и деятельность // Эргономика. М., 1976.
- Булгаков М. А.* Собр. соч. Т. 5. М., 1990.
- Буров А. К.* Дневники. Письма. М., 1980.
- Быстров А. П.* Прошлое, настоящее и будущее человека. Л., 1957.
- Бэндлер Р.* Используйте свой мозг для изменения. СПб., 1994.
- Валери П.* Об искусстве. М., 1976.
- Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.
- Виттгенштейн Л.* Логико-философский трактат. // Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
- Витте С. Ю.* Избр. воспоминания. М., 1991.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 1996.
- Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1997.
- Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.

Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1983.
Гейзенберг В. Что такое "понимание" в теоретической физике? // Природа. 1971. № 4.
Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
Гейне Г. Собр. соч. Т. 6. М., 1983.
Герменевтика: история и современность. М., 1985.
Герцен А. Былое и думы. Т. 1. Ч. IV. М., 1931.
Гессе Г. Степной волк // Иностранная литература. 1977. № 4.
Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989.
Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. М., 1984.
Голенищев-Кутузов И. Барокко, классицизм, романтизм // Вопросы литературы. 1964. № 7.
Голенищев-Кутузов И. Данте. М., 1967.
Горький М. Полн. собр. соч. В 30 т. М., 1952. Т. 19.
Гурвич А. Г. Избранные труды. М., 1977.
Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
Гуревич А. Я. Эдда и сага. М., 1979.
Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. СПб., 1909.
Гучков А.И. Корабль потерял свой курс. М., 1991.
Данэм Б. Герои и еретики. М., 1967.
Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
Дельгадо Х. Конструировать человека // Диалоги. М., 1975.
Дзаваттини Ч. Дневники жизни и кино. М., 1982.
Диоген Лаэртский: О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
Дюрренматт Ф. Правосудие // Иностранная литература. 1988. № 6.
Же Б. Космогония и воображаемое (разбор четырех сказок А. Пушкина) // Разум и культура. М., 1983.
Жид А. Подземелья Ватикана. М., 1936.
Жолковский А. К. Об усилении // Структурно-типологические исследования. М., 1962.
Зинченко В. П. Возможна ли поэтическая антропология? М., 1994.
Зоценко М. М. Повесть о разуме. М., 1976.
Иванов Вяч. Вс. К проблеме понимания текстов, относящихся к разным речевым жанрам // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тез. М., 1985.
Иванов Вяч. Вс. Некоторые вопросы машинного перевода в СССР // Доклады конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. М., 1961. Вып. 10.
Иванов-Разумник Р. В.. О смысле жизни. СПб., 1908.
Ильина Н. Дороги и судьбы. М., 1991.
Ионеско Э. Носорог. М., 1991.
Ионин Л. Г. Понимающая социология. М., 1979.
История Византии. Т. 1. М., 1967.

Каверин В. Собр. соч. Т. 8. М., 1983.
Камю А. Из записных книжек // Иностранная литература. 1992. № 2.
Камю А. Из философской эссеистики // Вопросы литературы. 1980. № 2.
Камю А. Творчество и свобода. М., 1990.
Камю А. Четвертое письмо к немецкому другу // Вопросы литературы. 1980. № 2.
Каптагаев Э. О феномене перемен в системе власти или некоторые соображения о кадровой политике // Приложение к "Асаба". 1994. № 23.
Клейст Г. О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь // Избранное. М., 1977.
Кон И. С. В поисках себя. М., 1984.
Кракауэр Э. Психологическая история немецкого кино. М., 1977.
Краль Г. опередить Господа Бога // Иностранная литература. 1988. № 9.
Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
Кулешов Л. Искусство кино: мой опыт. М., 1929.
Кулешов Л., Холлова А. 50 лет в кино. М., 1975.
Лаэров А. В. Мифотворчество аргонатов // Миф фольклор литературы. Л., 1978.
Ле Лионнэ Ф. Шесть полюсов земного шара // В защиту мира. 1958. № 1.
Лебедев А. Антонио Грамши о культуре и искусстве. М., 1965.
Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1985.
Лем С. Собр. соч. Т.5. М., 1994.
Лем С. Сумма технологий. М., 1989.
Лефевр В. Конфликтующие структуры. М., 1973.
Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974.
Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах "пост" // Иностранная литература. 1994. № 1.
Лихачев Д. С. Текстология. М.; Л., 1961.
Лондон Дж. Полн. собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 16.
Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
Любарский Г. Экология техники // Знание сила. 1995. № 4.
Мазелло Р. Падшие ангелы и духи тьмы. Ярославль, 1995.
Мальро А. Зеркало Лимба. М., 1989.
Мандельштам О. Разговор о Данте. М., 1967.
Морз Ф., Кимбелл Д. Методы исследования операций. М., 1956.
Москвина Р. Р. "Метод абсурда" А. Камю как феномен неклассического философствования // Вопросы философии. 1974. № 10.
Музиль Р. Человек без свойств. М., 1984. Кн. 1.
Мэрдок А. Дитя слова. М., 1981.
Ницше Ф. Сумерки кумиров. М., 1902.
Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983.

Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988.
 Озеров Л. Аварийный запас. М., 1990.
 Паркинсон С. Н. Закон Паркинсона. М., 1989.
 Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
 Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.
 Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах. М., 1977.
 Писарев Д. И. Соч. Т. 1. М., 1955.
 Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982.
 Пригожин И. Мы только начинаем понимать природу // Краткий миг торжества. М., 1989.
 Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
 Пушкин А. С. И. Е. Великопольскому (конец марта 1928 г.) // Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1958.
 Пьерон А. Потребности // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. М., 1970.
 Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987.
 Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1958.
 Рейтман У. Познание и мышление. М., 1968.
 Риккерт Г. Философия жизни. М., 1912.
 Ротенберг В. С., Аршаевский В. В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984.
 Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
 Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
 Самойлов Д. Избранное. Т. 1. М., 1990.
 Семiotics. М., 1983.
 Сент-Экзюпери А. Планета людей // Избранное. Л., 1977.
 Славин Л. Наследник. М., 1962.
 Слуцкий Б. Я историю излагаю. М., 1990.
 Соломоник И. Традиционный театр кукол Востока. М., 1983.
 Стасов В. "Венецианский купец" Шекспира. СПб., 1904.
 Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967.
 Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976.
 Стейнбек Дж. Собр. соч. Т. 5. М., 1989.
 Стриблинг Т. Мегафон. М., 1948.
 Стругацкие А. и Б. Улитка на склоне // Волны гасят ветер. Л., 1989.
 Тарковский А. О кинообразе // Искусство кино. 1979. № 3.
 Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1988.
 Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
 Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1947.
 Троицкий Л. Литература и революция. М., 1924.
 Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.
 Тураев Б. История Востока. М., 1920.
 Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1989.
 Упанишады. М., 1967.
 Уэлс Г. Дж. Собр. соч. В 15 т. Т. 2. М., 1964.
 Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Фейхтвангер Л. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. М., 1990.
 Фихте И. Г. О назначении человека. СПб., 1908.
 Форстер Э. М. Избранное. М., 1977.
 Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
 Хайнлайн Р. Нить жизни // Ветер чужого мира. М., 1993.
 Хаксли О. Двери восприятия. Рай и Ад. М., 1994.
 Хаксли О. Контрапункт. М., 1936.
 Цинцадзе Г. И. Метод понимания в философии и проблема личности: Дис. на соискание ученой степени доктора философских наук. Тбилиси, 1978.
 Чапек К. Собрание сочинений. М., 1974.
 Чаргаф Э. Горячка разума // Химия и жизнь. 1978. № 5.
 Чаттопадхья Д. Локаята Даршана. М., 1961.
 Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М.; Л., 1946. Т. 2.
 Шекли Р. Координаты чудес. СПб., 1993.
 Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. Л., 1992.
 Шестов Л. Умозрение и откровение. Париж, 1964.
 Шкловский В. Гамбургский счет. Л., 1928. С. 50.
 Шкловский В. За шестьдесят лет. М., 1985.
 Шкловский В. О теории прозы. М., 1983.
 Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминания. 1918-1923 гг. Л., 1924.
 Шпенглер О. Пруссизм или социализм? // Современный Запад. 1923. № 1.
 Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
 Шрейдер Ю. А. Лекции по этике. М., 1994.
 Штрийтматтер Э. Миниатюры // Иностранная литература. 1982. № 7.
 Шульгин В. В. Дни. М., 1927.
 Эйдельман Н. Пушкин Пушкин // Знание сила. 1978. № 12.
 Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
 Эллиот Т. С. Бесплодная земля. М., 1971.
 Эфроимсон В. Загадки гениальности // Наука и религия. 1987. № 8.
 Юнг К. Г. О современных мифах. М., 1994.
 Юнг К. Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
 Яннарос Х. Границы истины (лекция, прочитанная 10.10.91 в Женеве) // Искусство кино. 1995. № 2.
 Barraclough J. Main Trends in History. N.Y.; L., 1978.
 Caputo J. D. Radical Hermeneutics. Repetition, Deconstruction and the Hermeneutics Project. Bloomington: Indiana University Press. 1987.
 Debray R. Le Scribe: genese du politique. Paris, 1980.
 Ditrich K. Freud und Jung. Beziehungsdynamik und Bruch in ihrer Bedeutung usw. // Psyche, 1988. № 1.
 Edschmid K. Fruhe Manifeste Epochen des Expressionismus. Hamburg, 1957.

Hawkings S.W. A Brief History of Time. From Big Band to Black Holes. N.Y., 1988.

Holton G. Introduction to Concepts and Theories in Physical Science. Mass., 1952.

Huant E. Du Biologique au Social. Paris, 1957.

Koreth E. Grundlagen der Hermeneutik. FreiburgBaselWien. 1969.

Lee I. J. Why Go Astray // Language. Meaning and Maturity: Selection from ETC (A Review of General Semantics). 19431953, ed. by Hayakawa. N.Y., 1954.

Lichtman R. Production of Desire: the integration of psychoanalysis into marxist theory. N.Y., 1982.

Loebsack T. Die letzten Jahre der Menschheit: von Anfang und Ende des *Homo sapiens*. München, 1983.

Lumsden C. Y. Sociobiology, God and Understanding // Zigon, 1989. Vol. 24. № 1.

Malraux F. Les Vois de Silence. Paris, 1951.

Marcel G. Les hommes contre l'humain. Paris, 1951.

Maritain J. Religion et Oevres. Paris, 1975.

Masters Ed. L. Mrs. Seabley // Spoon River Anthology. Chicago, 1915.

Nietzsche F. Werke. Bd. 1. 1899.

Ollig H.-L. Umstrittene Philosophie // Theologie und Philosophie. 1981. Helf № 2.

Palermo D. Is a Scientific Revolution Taking Place in Psychology? // Science Studies. 1971. Vol. 1. № 2.

Prokop D. Soziologie des Film // Soziologische Texte. Bd. 69.

Shands H. C. War with Words. Structure and Transcendence. Hague, Paris, 1971.

Tipler F. J. The Omega point as Eshaton: answer to Pannenberg's questions for scientists // Zigon, 1989. V. 24, № 2.

Truffaut F. Le cinema selon Hitchcock. Paris, 1966.

Wellershoff D. Literatur und Veranderung. KohnBerlin, 1969.

Wiener N. God and Golem. Inc. Gambridge (Massachusetts), 1964.

Введение

ПОНИМАНИЕ, ПОНИМАНИЕ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО 3

ТОЧКА ОМЕГА 3

НАУКА 5

ИНОЕ ПРОСТРАНСТВО 8

ТЕКСТ 10

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ 11

Глава 1

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МИРА 13

МИР 1 13

МИР 2 15

МИР 3 17

ЧТО ТАКОЕ ПОНИМАНИЕ 20

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ПОНИМАТЬ 24

Глава 2

ИСТОЧНИК ПОНИМАНИЯ 25

КУЛЬТУРА 25

МЕТАФОРА 27

СУЩЕСТВОВАНИЕ И СУЩНОСТЬ 30

СОЗНАНИЕ И ПОНИМАНИЕ 31

СОН И СМЕРТЬ 33

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ 35

ЗАКОН ОТСРОЧКИ 37

СНОВА ИОНЕСКО 38

Глава 3

В ГЛУБЬ 41

АРХЕТИПЫ 41

СНОВИДЕНИЯ И МИФЫ 44

ВЛАСТЬ ПРОШЛОГО 53

АРХЕТИП, ТЕКСТЫ И КУЛЬТУРА 58

Глава 4

ТОТ, КТО ПОНИМАЕТ	64
ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА	64
ПРИНЦИП ТОЙНБИ	65
ПОИСКИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ	65
КАК ВОЗНИКАЮТ НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ	66
ИСТОРИЯ И ЛИЧНАЯ СУДЬБА	68
ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ОБЩЕСТВО	68
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД	69
СИНЕРГЕТИКА	71
НИША ДЛЯ ЛИЧНОСТИ	72
НЕПОВТОРИМОЕ И ОБЩЕЕ	73
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ БЛАГА	74
ВЛАСТЬ И ЕЕ ТАЙНА	74
ДИАТРЕМА	76
МОДЕЛЬ ИНДИВИДА	76
ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА — ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКАЯ	79
ЕСЛИ БОГ СУЩЕСТВУЕТ	80
САМОПОРОЖДЕНИЕ	81
ЧТО СУЩЕСТВУЕТ В ПРОШЛОМ — НАСТОЯЩЕМ — БУДУЩЕМ?	82
Глава 5	
ПУТИ ОБЩЕНИЯ	86
СИГНАЛЫ ЛИЧНОЙ И ГРУППОВОЙ ОБРАЩЕННОСТИ	86
КОММУНИКАЦИЯ АКСИАЛЬНАЯ И РЕТИАЛЬНАЯ	88
НАШ ВНУТРЕННИЙ МИР НАСЕЛЕН	89
ТРИ ФУНКЦИИ КОММУНИКАЦИИ	90
НИД И СИЛА СЛОВ	91
ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕНИЯ	92
ФУНКЦИИ ОБЩЕНИЯ	94
ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ	98
ХРОНОТОП	99
ЛИЧНОСТЬ КАК УЧАСТНИК ОБЩЕНИЯ	104
ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ ЛЮДИ	105
ЛОЖЬ	107

Диалог	108
Круг общения	109

Глава 6

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ?	111
АБСУРДНО ИЛИ ОСМЫСЛЕННО?	111
СМЫСЛ И СУБЪЕКТ	112
ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ	114
БОГ И СМЫСЛ	115
СУЩЕСТВОВАНИЕ СМЫСЛА	117
ТЕКСТ И СМЫСЛ	118
СОЗНАНИЕ И СМЫСЛ	119
ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ	120
ЦЕЛЬ И СМЫСЛ	121
ИСТИННОЕ, ЛОЖНОЕ, ОСМЫСЛЕННОЕ	121
У ЗНАНИЯ ЕСТЬ СВОЕ МЕСТО	123
СМЫСЛ КАК НАПРАВЛЕНИЕ	124
СМЫСЛ ЕСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ	127

Глава 7

ГОСПОДИН ТЕКСТ	131
ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ — ПОНИМАТЬ?	131
ЯЗЫК И МАШИНА	134
ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ	136
О ТИПОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ	138
УРОВНИ ПОНИМАНИЯ	142
ТЕКСТ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	146
ПОНИМАНИЕ И ВРЕМЯ	149
НОЧНОЙ ДОЗОР	157
СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ	161
ЯЗЫК, ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ	162
ПОНИМАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И СМЫСЛА ТЕКСТОВ	163
КОНЦЕПТ	169
ТЕКСТ И ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЕ	175

Глава 8	
КАРТЫ НА СТОЛ	190
ПОЧЕМУ ТАК НАЗВАНА ГЛАВА?	190
Глава 9	
“ВЕЧЕРНИЕ ПОСЕТИТЕЛИ”	213
КОГО ТАК НАЗЫВАЮТ	213
КТО ПРИХОДИТ	215
ПРЕДВИДЕНИЕ СБЫЛОСЬ	217
ТЕЛЕВИДЕНИЕ	219
ЭФФЕКТ КУЛЕШОВА	222
НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ: ФИЛЬМЫ И ПОНИМАНИЕ	224
ПОНЯТЬ — ЗНАЧИТ УПРОСТИТЬ	228
ПОНЯТЬ — ЗНАЧИТ ВОСПРОИЗВЕСТИ	229
ПОНЯТЬ РЕАЛЬНОСТЬ	230
ВОЛЯ К ПОНИМАНИЮ	231
Глава 10	
УЧИТЬСЯ ПОНИМАТЬ	236
ПОНИМАНИЕ НЕОБХОДИМО	236
КУЛЬТУРА И ПРАВИЛА ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА	237
ЧТО НУЖНО ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ	238
ВЕЧНАЯ ПРОБЛЕМА	239
СНОВА О ПОЛЯХ ПОНИМАНИЯ	241
РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ	243
ГЛАВНОЕ	243
МОДИФИКАЦИЯ	245
ПОНИМАНИЕ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕД	246
ПОНИМАНИЕ И ЗАПОМИНАНИЕ	246
СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ	248
Глава 11	
СВЕТ И ТУМАН	251
РЕЛИГИЯ И МАГИЯ — НЕ ОДНО И ТО ЖЕ	252

“ЛЕСТНИЦА МАСЛОУ”	254
ВОЗМОЖНОСТИ МАГИИ И ВОЗМОЖНОСТИ НАУКИ	254
ФЕНОМЕН НАДЕЛЕНИЯ	257
МЕНЬШИНСТВО И БОЛЬШИНСТВО	258
СУЩЕСТВУЕТ ЛИ БОГ?	264
ФИЛОСОФИЯ ВЕРЫ	265
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ	266

Глава 12	
НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ	269
ЗАЧЕМ?	269
ПРИТЧА ОЛЛИХА	270
ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАССЕЛА	271
ВАЖНЕЙШИЕ СРЕДИ ОБЩИХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ	273
ТРИ ЧЕРТЫ ФИЛОСОФИИ	274
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ	275
ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ ПРЕДМЕТ	278
КТО ЗАНИМАЕТСЯ ФИЛОСОФИЕЙ	279
ДВЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФИИ	280
МЕТАПРАКТИКА	282

Глава 13	
САМОПОЗНАНИЕ	285

Глава 14	
ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОДУМАТЬ	307

Вместо заключения	
НА ПРОЩАНИЕ	323
Литература	325